ГЛАВНЫЙ СВИДЕТЕЛЬ

РУСЛАН

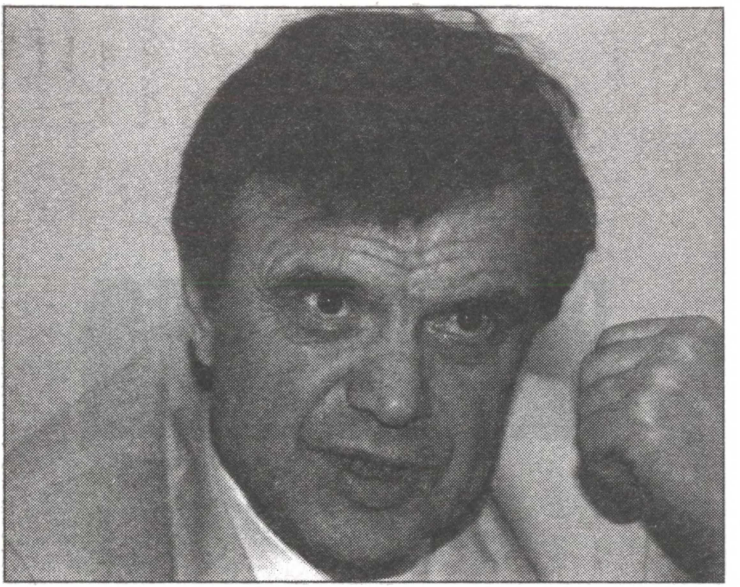
Хасбулатов

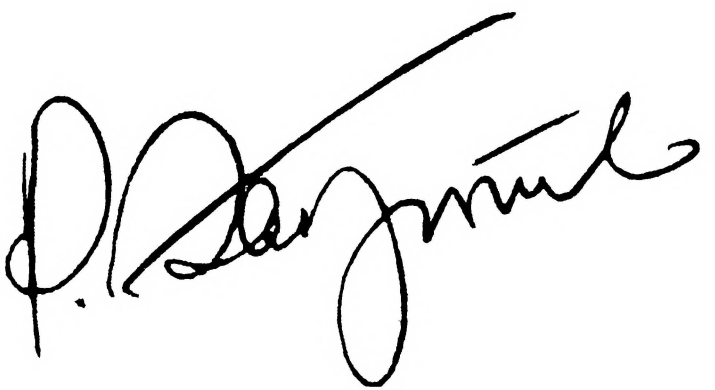
СЕНСАЦИОННЫЕ МЕМУАРЫ

ПРЕСТУПНЫЙ РЕЖИМ

«ЛИБЕРАЛЬНАЯ ТИРАНИЯ» ЕЛЬЦИНА

ГЛАВНЫЙ СВИДЕТЕЛЬ
СЕНСАЦИОННЫЕ МЕМУАРЫ





РУСЛАН
Хасбулатов

ПРЕСТУПНЫЙ РЕЖИМ

«ЛИБЕРАЛЬНАЯ ТИРАНИЯ» ЕЛЬЦИНА

«ЯУЗА-ПРЕСС»
МОСКВА
2011

УДК 94
ББК 63.3
Х 24

Оформление серии *С. Курбатова*

Хасбулатов Р. И.

Х 24 Преступный режим. «Либеральная тирания» Ельцина / Руслан Хасбулатов. — М. : Яуза-пресс, 2011. — 416 с. — (Главный свидетель. Сенсационные мемуары).

ISBN 978-5-9955-0304-0

Эта книга – больше, чем простые мемуары очевидца трагедии 1991–1993 гг. Будучи не рядовым свидетелем, а одним из главных участников событий, не только политиком, но и ученым-экономистом с мировым именем, Р. И. Хасбулатов раскрывает тайные механизмы катастрофы, вынося приговор преступному ельцинскому режиму, выводя на чистую воду его зарубежных кукловодов и разоблачая международный заговор по развалу СССР и России. Ведь вслед за убийством Советского Союза та же участь должна была постигнуть и Российскую Федерацию – и лишь благодаря героическому сопротивлению защитников Верховного Совета, тысячи из которых заплатили за свой подвиг жизнью, удалось спасти страну от окончательного краха. Вся правда о воровской «приватизации» и американских миллиардах Чубайса, о заказчиках ельцинского мятежа против законной власти и преступном сговоре «царя Бориса» с «шакалом в волчьей шкуре» Дудаевым, о расправе карателей над мирными демонстрантами в «Останкино», беспощадном расстреле Белого Дома, массовых убийствах в ночь после разгрома Верховного Совета и подлинных масштабах ельцинского террора! Анализируя причины гибели российской демократии и становления «либеральной тирании», эта сенсационная книга отвечает на главные вопросы истории: почему эпоха великих надежд обернулась всенародным разочарованием и кровавой бойней? Сколько жизней на самом деле погубили «либеральные» палачи в октябре 1993-го? И что, если бы в этой схватке за будущее России победил не Ельцин, а Хасбулатов?

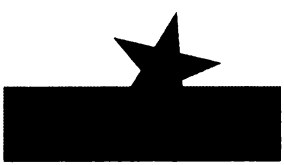
УДК 94
ББК 63.3

ISBN 978-5-9955-0304-0

© Хасбулатов Р. И., 2011
© ООО «Яуза-пресс», 2011

КНИГА 1

РЕФОРМЫ (КОНТРРЕФОРМЫ) – ДЕИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ ИЛИ БОЛЬШОЙ ХАОС



Введение

Политика развращает слабый ум, делает из него жалкую марионетку тех групповых интересов, носителями которых он является. Иногда внешне кажется, такой деятель действует самостоятельно, особенно, когда находился ранее в оппозиции к власти и боролся с ней, сформировав у групп людей определенное мнение о самостоятельности и таким образом приобретая значительный общественный авторитет. Многое в деятельности таких политиков зависит от предшествовавшего опыта, общих знаний, интеллекта, культуры, среды, в которой воспитывался и делал карьеру.

Иногда отсутствие глубоких знаний и культуры компенсируется большим практическим опытом работы в бюрократической системе, где такие люди приобретают навыки выживания: хитрость, коварство, умение интриговать и стравливать людей, наслаждаясь их борьбой на уничтожение. Многие из бывших партийных чиновников высокого ранга, руководившие областями, краями, республиками Российской Федерации, были выдвинуты «наверх» с начала 80-х годов Системой не в силу их способностей, а исключительно с позиций их лояльности Системе и преданности аппарату ЦК КПСС и его вождям. В то время как личности они были серенькими, ничтожными бюрократами, неспособными адаптировать Систему к новым реальностям завершающегося XX столетия.

Таким был и Борис Ельцин, возглавивший Свердловскую область и «приглашенный» Михаилом Горбачевым на пост руководителя отдела ЦК КПСС в 1986 году. В тот период Горбачев устроил «большую чистку» под лозунгом «омоложения», изгоняя из руководства тех людей, которые имели свое мнение — и уже этим представлялись Горбачеву и его «свите» опасными. Вскоре Ельцин был направлен на руководство Московским городским комитетом КПСС — то есть стал полновластным хозяином Москвы, этого важней-

шего стратегического звена в Системе партийной власти в СССР. Москва организационно тогда была разделена почти на 30 районов, во главе каждого формально были районные Советы со своими исполнительными органами, а на деле всем руководили районные комитеты КПСС, возглавляемые первыми секретарями, также «властелинами» на «своих территориях».

Начал Ельцин с того, что самовластно изгонял одних партсекретарей и начальников районных Советов, назначал на их место других (их заместителей или кого-то еще), менял директоров заводов, устраивал шумные заседания, на которых сурово критиковал и жестоко наказывал за «недостатки», в том числе за «снабжение населения товарами и продовольствием». Дело дошло до того, что ряд руководителей покончили жизни самоубийством, другие слегли в больницу с инфарктами. Но, странное дело, ситуация в Москве становилась все хуже и хуже — планы не выполнялись по всем направлениям. И если москвичи, уставшие от долголетнего правления прежних чиновников, вначале встретили Ельцина с энтузиазмом, то вскоре разочаровались в нем, и уже к 1998 году относились с привычным недоверием — уже тогда начались бесконечные очереди за продовольствием, детской одеждой, ширпотребом.

Недовольство Ельциным, не справлявшимся с ситуацией в Москве, возрастало и в Кремле. Его все чаще критиковали за провалы в плановых показателях, за кадровый произвол, недостатки в области снабжения москвичей.

Обладая огромным опытом работы в партийной бюрократии и обостренным чутьем, Ельцин почувствовал серьезную опасность и ... подал в отставку с поста первого секретаря Московского горкома КПСС. Это не было традицией Системы, и люди стали обсуждать этот необычный поступок партбосса. И при этом он обвинил Генерального секретаря ЦК КПСС Михаила Горбачева в том, что он сам «тормозит перестройку», недостаточно последовательно «переводит партию на ленинские принципы коллективного руководства», «не опирается на низовые партячейки» и т.д.

Горбачев собрал пленум ЦК КПСС, на котором рассматривалась просьба Ельцина об отставке. Многие требовали

исключения Ельцина из рядов КПСС, особенно настаивал на этом член политбюро и секретарь ЦК Лигачев, который, кстати, был главным инициатором возвышения Ельцина и перевода его из Свердловска в Москву. «Ты не прав, Борис!» — сказал Лигачев. Очевидцы и участники этого пленума мне рассказывали, что Ельцин представлял жалкое зрелище — видеть огромного мужика на трибуне, и со слезами на глазах умоляющего: «Не исключайте меня из КПСС, у меня ничего нет, кроме родной партии!» — было попросту, по их признанию, невыносимо. Ельцина в КПСС оставили, отставку приняли. Горбачев сказал в конце заседания: «Я тебя в политику не пущу!», но смилостивился и дал Ельцину хорошую должность — первый заместитель председателя Комитета по делам строительства Совета министров СССР — в ранге союзного министра.

И вот этот классический партийный чиновник «средней руки», волей судьбы, случая, сплетения различных обстоятельств, развалил СССР и на его обломках возглавил в качестве президента Российскую Федерацию. Жажда власти, причем власти абсолютной, в нем была велика. Он смертельно боялся ее потерять. Взращенный на партийном деспотизме, этот человек органически не понимал, почему «кто-то» (Парламент, Конституционный суд), может ущемлять его право быть «верховным правителем», царем, самодержцем. Закон? «Закон — это Я» — вот его кредо.

При этом абсолютно никаких нравственных убеждений у него не было. Это хорошо проиллюстрировал в своем последнем интервью по TV бывший премьер Виктор Черномырдин. В частности, он сказал следующее: «Как-то я спросил Ельцина, если бы он стал Генеральным секретарем ЦК КПСС, пошел бы он на слом партии и демонтаж СССР?» — «Никогда!» — твердо ответил якобы Ельцин.

Если он высказал искренне свое мнение, это означает, что Ельцин попросту мстил своим бывшим соратникам по ЦК КПСС. И соответственно, никаких моральных, этических принципов, с позиций интересов общества, интересов государства, у него не было и в помине. Месть и зависть, подлость и коварство — вот что двигало в политике этого человека.

Горбачев «пустил» Ельцина в политику — Горбачев стал заложником своей политики демократизации: приняв новый, безусловно демократический избирательный закон и внеся существенные поправки в Конституцию СССР («брежневскую Конституцию»), он превратил ее в демократическую «горбачевскую Конституцию». Этим, разумеется, и воспользовался Ельцин — он был избран депутатом и в Парламент СССР, и Парламент Российской Федерации.

Кстати, и я был избран народным депутатом Российской Федерации благодаря «горбачевской Конституции». В соответствии с нынешним избирательным законом и реальными порядками, — проголосуй за меня вся Россия — я депутатом бы не стал. Точнее, Система показала бы, что за меня мало кто «проголосовал». И несмотря на все ухищрения Горбачева и его сторонников-коммунистов в российском парламенте, нам удалось буквально «протащить» Ельцина на должность Председателя Верховного Совета Российской Федерации на первом Съезде народных депутатов России в мае 1990 года. А уже 12 июня 1991 года, прежде всего стараниями российского парламента и местных Советов, мы обеспечили избрание Ельцина президентом России. Тогда, по его настоятельной просьбе, я был избран первым заместителем Председателя Парламента — Верховного Совета.

Председателя Совета министров мы тогда избрали очень профессионального управленца высокого класса Ивана Силаева. Думаю (уверен), если бы Ельцин не изгнал бы его с этого поста (сразу после подавления ГКЧП-1) и он бы работал главой правительства и далее, никакого «роспуска» парламента не произошло бы, а страна не оказалась на краю гибели. Вскоре, особенно после «исчезновения» СССР, начались противоречия — Ельцин тяготился необходимостью согласовывать многие стороны жизни общества с Парламентом. Он предпочитал принимать «указы», выходя далеко за пределы своих конституционных полномочий. Он «забыл», что как государственный деятель был буквально сотворен новым демократическим Парламентом России. Неблагодарность, между прочим, это тоже черта слабых и безнравственных людей, циничных политиканов.

Эту книгу можно было бы назвать «История предательства». Причем не в «узком смысле», имея в виду моего бывшего старшего товарища и соратника Бориса Ельцина (которого, кстати, я не раз спасал от неминуемой политической смерти в 1990—1991 гг. в период его противоборства с Горбачевым), который совершил не только предательство в отношении государства и общества, но и личное предательство по отношению ко мне, заговорщически, коварно, самым подлым образом обошелся с Парламентом и бросил меня в тюрьму. Проблема шире — речь идет о предательстве целого класса высших государственных, партийных, административных, военных и иных должностных лиц, которые со второй половины 80-х годов сознательно или бессознательно — трусливо, прямо или косвенно, — совершали предательства в отношении государства и народа, и конечно, многих своих соратников.

Горбачев пришел к власти через мини-переворот в Политбюро и немедленно стал расправляться со своими соратниками — более способными, которые могли иметь, как я выше писал, собственное мнение и не боялись его высказать (например, Романов, глава Ленинградского горкома КПСС). Затем «очистил» ЦК, убрав оттуда более трети всего состава, и заполнил «вакансии» послушными и трусливыми чиновниками от партии и аппарата. Военные генералы и генералы КГБ, вместе с МВД, совершили предательство, всячески затягивая войну в Афганистане, которая легла тяжким бременем на скудный бюджет, оттягивая ресурсы от социальных программ, в то время как положение народа становилось все хуже и хуже. Чекисты совершили предательство трижды: организовав ГКЧП и не арестовав заговорщиков в Беловежской пуще, а затем поддержав преступные действия Ельцина-заговорщика в сентябре–октябре 1993 года. Генеральная прокуратура совершила предательство, отстранив прокурора, Виктора Илюхина, возбудившего уголовное дело в отношении президента Михаила Горбачева, за развал СССР. Если бы это «дело против Горбачева» не было бы отменено, Ельцин не посмел бы совершить предательство и измену, сколотив группу заговорщиков из себя, Кравчука и Шушкевича. И тем более не пошел бы затевать войну с

Высшим Законодателем. И только Конституционный суд России выполнил свой долг.

И все эти организации и институты государства, включая носителей власти — Ельцина, Гайдара, Черномырдина и пр., — стали на путь заговоров, совершили предательство и измену в отношении Российского государства, Парламента и лично Председателя Верховного Совета Российской Федерации, Председателя Парламентской Ассамблеи СНГ. Они проявили изуверскую жестокость в отношении всенародно избранных депутатов, избранных, отметим, на самых демократических выборах в истории России и СССР — со времен их существования (1990 г.).

Это произошло, как мы упоминали, благодаря демократической революции и свободам, которые восторжествовали в результате горбачевских реформ — единственный успех из множества его начинаний. Можно сказать и так: Горбачев дал народу демократию, причем реальную демократию, но — ценой разрушения великой евразийско-русской цивилизации — Империи СССР. Но, тем не менее именно Горбачев дал свободу, права и демократию. А Ельцин — ее отнял, расстреляв основу демократии — всенародно избранный Парламент, а затем разрушил и сам парламентаризм, создав не просто автократический, но полудиктаторский политический режим. И если он не стал «вторым Сталиным» — не потому, что он этого не хотел, а просто в силу личного ничтожества.

Как всякий мелкий, плохо образованный и ничтожный человек, Ельцин шагу не мог сделать без подсказки своих помощников, многочисленных консультантов и советников. Они играли огромную роль в принятии им решений. Я это наблюдал постоянно за несколько лет работы рядом с ним. Самые авантюристические, незаконные решения немедленно облекались в «правовую форму» Шахраем, но первоначально они рождались в головах его ландскнехтов-Бурбулиса, Полторанина и даже верного слуги (Санчо Пансы) Коржакова, деятелей «Демократической России», которые подпитывали президента после «дружеских бесед» с иностранными коллегами, буквально «болеющими» за «новую Россию» и ее счастливое будущее. Огромную роль играли

лжедемократы из межрегиональной депутатской группы (МДГ), лидеры которой первоначально рассматривали Ельцина как «бульдозер», который должен был сместить Горбачева, развалить СССР, а затем...уйти, чтобы они воссели в Кремле.

Но у Ельцина, при отсутствии выраженного интеллекта, была животная хитрость и изворотливость, и неистребимая жажда власти, власти — любой ценой. При этом он был подвержен страхам, переходящим в панику. Именно страх быть отстраненным от власти, умноженный неадекватностью вице-президента, тот якобы «сблизился» с Верховным Советом, бросил его в паническое состояние (усугубленное алкоголизмом). В таком состоянии он и приказал подготовить и осуществить государственный переворот. Не нашлось рядом ни одного авторитетного деятеля, который убедил бы его не совершать это тяжкое преступление. Что с них спросишь? Это все серенькие людишки, так себе, чиновники, прихлебатели. Был, например, один такой, генерал-полковник Дмитрий Волкогонов, бывший начальник Главного политического управления Вооруженных сил СССР. Писал толстые книги о Сталине, армии. Кстати, народный депутат России, который множество раз делал мне комплименты, якобы «восхищался моей виртуозной работой на благо Отечества». Он многое сделал, чтобы подвигнуть Ельцина на расправу с Парламентом. Был обласкан Ельциным, и... продал американцам свой личный архив со множеством секретных документов из Генштаба. Некоторые из них были опубликованы в зарубежной и российской прессе.

С легкой руки ельцинистов и их прихлебателей из СМИ и TV, именно с весны 1993 года в России бурно развивается тотальный антикавказский шовинизм. Газеты, журналы, TV наполняются лозунгами с вопросом: «Ты за русского Ельцина или за чеченца Хасбулатова?» За такую пропаганду во всех цивилизованных странах просто сажают за решетку. А в России эти настроения насаждались «сверху-вниз», от высшей власти — в общество. Ошалевшие от невзгод и «реформ» люди мгновенно их подхватывают, общественная обстановка всего 1993 года зеркально напоминала 1937 год, когда одни молчали, другие улюлюкали, требуя крови Вер-

ховного Совета, которому прочно прикрепили ярлык антиреформатора, «красно-коричневых».

Почему я стал «антиреформатором»? Это ведь я, выступая сразу же после подавления ГКЧП на чрезвычайном заседании Верховного Совета (23 августа 1991 года), заявил о том, что «тот социализм, который строился в СССР под руководством КПСС, дискредитировал себя. И нам надо избрать другую, альтернативную модель общественно-экономического развития с «человеческим лицом». И еще до прихода в правительство «команды Гайдара» Верховный Совет разработал программу по трансформации социализма в «мягкий вариант капитализма», с социально-ориентированной экономикой. Все это было именно так.

Но проблема стояла в иной плоскости. Приехавшие из Вашингтона «специалисты» МВФ и профессора из Гарварда, ставшие консультантами Ельцина-Гайдара, убедили их принять программу так называемого «Вашингтонского консенсуса». Она, в отличие от программы Верховного Совета, исходила из необходимости ускоренной приватизации, крупного сокращения социальных расходов, закрытия множества промышленных предприятий, сокращения аграрного сектора и т.д. С такой «программой» я не согласился и представил Верховному Совету (а затем и Съезду народных депутатов) обстоятельные аргументы, почему России необходимы другие подходы в экономическом реформировании страны. Предложенная мной концепция реформы была принята VII Съездом народных депутатов в декабре 1992 года. Для ее реализации Съезд избрал главой правительства Черномырдина, отправив в отставку Гайдара.

В этом — главная причина того, почему президент США Б. Клинтон и канцлер Германии Г. Коль решили поддержать Ельцина в его преступных намерениях уничтожить российский парламент. Добившись поставленных целей, США и Германия фактически превратили Россию в поле своей колониальной деятельности; началась деиндустриализация России.

С тех пор прошло 18 лет. В 2008—2010 гг. разразился страшный всемирный финансово-экономический кризис. Политика «Вашингтонского консенсуса», которая насаж-

далась США повсюду в мире, как раз и явилась одной из главных причин этого кризиса. А ведь я предупреждал о несостоятельности ее все эти годы — в монографиях, учебниках, многих десятках научных и публицистических статьях. К моим доводам не прислушивались, и даже мои коллеги-экономисты «не замечали» моих работ.

И вот в начале апреля 2011 года открывается очередная сессия руководящих органов МВФ и Всемирного банка в Вашингтоне. На ней выступает с сенсационным заявлением глава МВФ Доминик Стросс-Кан, о том, что *«основополагающие принципы западной экономики оказались нежизнеспособными и даже опасными»*. До кризиса, сказал он, все были уверены, что *«знают, как надо управлять экономическими системами. Существовал «Вашингтонский консенсус», который формировал вполне конкретные правила валютной и налоговой политики. «Консенсус» обещал, что отмена государственного контроля простимулирует экономический рост. Однако низкая инфляция, высокий экономический рост, слишком свободный и неподконтрольный финансовый рынок не гарантируют никаких позитивных эффектов. «Вашингтонский консенсус» с его упрощенными экономическими представлениями и рецептами рухнул во время кризиса мировой экономики и остался позади»*, — заявил Стросс-Кан. В частности, западный мир понял, что *«финансовый сектор нуждается в серьезном хирургическом вмешательстве с точки зрения регулирования»*. Стросс-Кан далее говорил о том, что необходимо *«восстановить государственное регулирование, ограничить риски, возложить на финансовый сектор большую налоговую ответственность, добиваться большей справедливости»*.

Конечно, мне приятно, что спустя 19 лет после расправы надо мной за мою позицию в экономической политике, она признана верной. Но кто ответит за неисчислимые беды, которые принес этот «консенсус» русскому народу? И кто ответит за мою погубленную жизнь, страдания моей семьи и моих близких?

Глава 1

РАЗРУШЕНИЕ БЕЗ СОЗИДАНИЯ

«Ловушка Гайдара»

У известного социолога и экономиста Иозефа Шумпетера есть такой термин — «созидательное разрушение». Он означает формирование новых, передовых форм хозяйства в процессе модернизации и устранения старых, неэффективных, консервирующих отсталость. Правительство Ельцина — Гайдара — Бурбулиса в 1992 году взяло курс на осуществление тотального разрушения всей экономики, «обвинив» ее (то есть саму экономику, в «приверженности к коммунизму»?!). И только Парламент не позволил этим «реформаторам» разрушить основы экономики до основания; при этом о созидании речь вообще не шла. Правда, и последующие правительства на всем протяжении 90-х годов (особенно это относится к разрушительной деятельности Черномырдина) продолжили почти в неизменности эту линию, истощив экономический потенциал и способствуя «вымыванию» многих современных отраслей машиностроения. По-видимому, эти потери уже невосполнимы для российского народного хозяйства страны, как показывают события первого десятилетия XXI века.

Имя Егора Гайдара по нелепому стечению обстоятельств прочно вошло в историю российских преобразовательных процессов, иначе говоря, реформ. Странно при этом, что его многочисленные критики, в том числе из серьезной научно-аналитической среды, не задают самый простой вопрос: что мог сделать человек, даже, предположим, весьма талантливый, многоопытный, в течение всего лишь одного года, когда он находился в должности министра финансов и экономики

(6 месяцев), и в должности и.о. премьера (еще 6 месяцев)? Какого позитивного результата он мог добиться за 1 год? Именно *позитивного*, негативный результат, разрушительный — это делается очень просто. И как, находясь в здравом рассудке, можно утверждать о чуть ли не мифической роли этого человека — «преобразователя страны», и что еще глупее — о деятеле, «спасшем Россию от голода»? — Ну, разве это не идиотизм!?

И никто не спросит: как, каким это образом (технологически) Гайдару удалось спасти 145-миллионное население России от голода? — Надо полагать, он сумел за этот год вырастить несколько урожаев на бескрайних просторах России. И мало вырастить: урожай надо собрать, убрать, сделать из него муку, испечь хлеб, доставить потребителю и т.д. Очевидно также, что Гайдару удалось увеличить поголовье скота, овец, свиней, кур и т.д., превратить все это в продукты питания. Да, кстати, какие «потусторонние силы» использовал при этом Гайдар? — Ясное дело, не колхозы и совхозы, которые он громил! Почему-то об этих «своих неведомых, таинственных силах» Гайдара, которые помогли ему собрать по два-три урожая и за 1 год увеличить вдвоевтрое поголовье скота, мы ничего не слышали и не читали. В такие «чудеса» в современном мире может верить только одно-единственное исключительное общество — это российское общество. И больше никто.

А что касается реального Гайдара, это был совсем не гений, но злодеем он тоже не был. Гайдар достаточно преуспевающий партийный журналист-публицист, получивший хорошее экономическое образование в МГУ. Никем и ничем он никогда не руководил, никакими экономическими исследованиями не занимался. Работал редактором в отделе экономики журнала ЦК КПСС «Коммунист» — это была, конечно, серьезная должность, высокооплачиваемая (синекура). Затем его повысили — перевели, кажется в 1989 году, редактором отдела экономики «Правды» — центрального органа ЦК КПСС. В силу этих самых должностей Гайдар стал консультантом министра финансов Валентина Павлова (позже и премьера), который задался целью выполнить

две задачи, которые, на его, Павлова, взгляд, могли решить серьезные финансово-бюджетные проблемы СССР.

Первая задача: в 4—10 раз повысить цены на потребительские товары и продукты питания (при минимальном повышении заработной платы). Этот «план Павлова» был сорван благодаря развернувшейся Всесоюзной дискуссии по вопросам цен и заработной платы (инициатором ее послужили мои публикации в центральной печати).

Вторая задача: «распылить» сбережения населения на счетах сберегательных касс (то есть Госбанка). Павлов исходил из вульгарной концептуальной идеи, что накопленные крупные сбережения населения (свыше 700 млрд. долл.) «давят» на бюджет, способствуют его неустойчивости. Этот «план Павлова» также был сорван общественными выступлениями, хотя он сумел его частично осуществить (вместе с Геращенко), через «печатание» новых денежных купюр (то есть стимулирование инфляции).

Одним из «советчиков» этих неразумных идей и являлся Гайдар. «План Павлова» в полном объеме и был реализован Гайдаром, который Ельциным преподносился как высшее достижение реформаторской мысли!.. Разумеется, ни к какой серьезной государственной должности он никак не подходил — он просто не знал, что это такое. Думаю, что он на всю жизнь остался несчастным человеком, вынужденным оправдывать все те нелепости, которые совершил по незнанию и неопытности, а не по злому умыслу. Никаким реформатором по духу Гайдар не был: для него что социализм, что капитализм — понятия достаточно абстрактные, главное — что может дать ему лично, его среде, его корпорации служение Власти. Его внедрила в ельцинскую стаю старая добрая московская бюрократия, которая, расставшись по глупости вождей, с политической властью, мгновенно оценила ситуацию и бульдожьей хваткой вцепилась в финансово-экономический сектор в ожидании грядущей приватизации. О своей истинной роли Гайдар вполне мог не знать, скорее не знал, особым умом он не отличался, насколько я заметил в своих наблюдениях.

И никаким «агентом» США, как утверждают, он не был. В этом даже не было надобности — в силу абсолютного не-

знания того, что он должен был делать, возглавив финансово-экономический блок правительства, Гайдар слепо, в буквальном смысле, полагался на своих заокеанских советников. А эти, последние, кстати, тоже представляли далеко не лучший «американский товар» из в целом превосходной «консультационной среды». Так захлопнулась «ловушка Гайдара», которая стала «ловушкой для России». Единственное, что сумел сделать Егор Гайдар (и Геннадий Бурбулис) за один год своего пребывания у власти, а это почти весь 1992 год (11 месяцев), это следующие мероприятия:

Первое — блокирование производственного процесса в масштабах всей страны и прежде всего в промышленности и сельском хозяйстве, отказ от их кредитования (в соответствии с монетарной идеологией в экономической политике);

Второе — либерализация цен на все виды изделий, в том числе на продовольствие и товары народного потребления (при сохранении всей системы отношений государственной собственности);

Третье — «распыление» сбережений населения на счетах сберегательных касс без каких-либо государственных обязательств.

В этом «пункте» нетрудно заметить «заимствование» «новым либералом» Гайдаром главных идей и планов у бывшего министра финансов и премьера бывшего СССР, коммунистического бонзы Валентина Павлова. У меня еще в те времена (1992 год) буквально возникало ощущение, что кто-то «водил» Гайдаром, как артист кукольного театра, — это были старые идеи советского министра-консерватора, специалиста по манипулированию цен и народными сбережениями. Так причудливо сплелись в тугой узел идеи коммунистического министра финансов и монетарной школы профессора Милтона Фридмона, что последний, даже в бреду, не мог предположить такой противоестественный альянс своих разработок с «остаточными» конукциями финансовых теорий докринеров-коммунистов в период их краха.

Эти общие направления политики (имевшие, однако колоссальные гибельные последствия для миллионов людей, для экономики страны) нашли свое конкретное воплощение в следующих мероприятиях:

• Переход всей экономики с 1 января 1992 года на свободные цены, в том числе на продукты питания и потребительские товары. Как заявил Ельцин в своем докладе Съезду, эта мера приведет к конкуренции и в течение *«6 месяцев со времени перехода на свободные цены, рынок наполнится товарами и начнется снижение цен»*. Но какая могла появиться конкуренция с 1 января, когда вся экономика страны сплошь состояла из единого государственного сектора (абсолютная монополия)? — Совершенно бессмысленное утверждение, имеющее, однако концептуальное значение! Но писал текст выступения Ельцина — Гайдар! Похоже, писал публицист, но никак не профессиональный экономист!

• Изменение налоговой системы, в частности установление налога на добавленную стоимость в размере 32%. При введении этого налога я настаивал на снижении его уровня до 20%, но Ельцин просил согласиться, хотя бы на время, с правительственной инициативой, и мы утвердили этот норматив. Однако довольно быстро обнаружились крайне отрицательные последствия такого высокого уровня этого налога. И по моей инициативе Президиум Верховного Совета сократил этот вид налога — до 28%, а в отраслях детского питания — до 20%.

• Установление новых бюджетных приоритетов с целью достижения бездефицитного годового бюджета. Это было основное требование специалистов МВФ, которые в значительном количестве работали советниками (консультантами) у Гайдара. В результате были многократно сокращены государственные расходы на финансирование экономики: промышленность, энергетика, транспорт, сельское хозяйство, гражданское строительство, здравоохранение, образование, наука, содержание домов отдыха, детских садиков и яслей; заморожена заработная плата. Задача бездефицитного бюджета, однако оказалась нерешенной. И более того, в силу свирепствующей инфляции, правительству пришлось перейти на формирование ежеквартального бюджета.

• Началась реализация первого этапа приватизации, которая в основном касалась сферы розничной торговли, но вскоре была перенесена и на промышленность. Приватизация проводилась с чудовищными искажениями Закона, на

основе президентских Указов и Постановлений «министерства приватизации», возглавляемого Чубайсом.

...В апреле 1992 года инфляция фактически стала «галопирующей», она быстро перешла в стадию гиперинфляции (о чем я сообщил на мартовском VI Съезде народных депутатов), хотя правительство почему-то не хотело признать этот очевидный факт. Спад производства приобрел большие обороты, быстро накапливалась задолженность предприятий (неплатежи), в том числе самых современных, продукция которых пользовалась повышенным спросом, поскольку не хватало оборотных средств. Их негде было получить — частная банковская система едва зарождалась, а государственные банки не могли предоставить финансовые средства предприятиям, этому препятствовала политика Гайдара. Стремительно нарастало недовольство населения — недавние оптимистические ожидания от власти сменились крайним раздражением и недовольством. Мощный вал забастовок трудящихся, открытые протесты региональных властей, выступления профсоюзов и т.д. стали прямым результатом деятельности правительства. Конечно, все это не было естественным следствием «реформ», как утверждали тогда эти реформаторы-неудачники и купленная ими столичная пресса.

Это все было результатом крайне непрофессиональной работы, когда мало учитывались реальные экономические факторы, обстановка, и самое главное — не была подведена под «свободные цены» рыночная инфраструктура. А без этого, как известно, невозможны даже малейшие элементы конкуренции. Таким образом, все эти «реформы Гайдара» угрожали снести не только правительство, появилась реальная угроза для целостности Государства.

При этом следует учитывать следующие обстоятельства. Первый этап *приватизации — «малая приватизация»*, был «запущен» еще *до прихода* этого правительства, а именно — с *сентября—октября 1990 года, целым рядом решений Съезда депутатов, нормативными актами Верховного Совета и его Президиума, а также деятельностью правительства Силаева*. Этот процесс получил дополнительные импульсы в результате целой серии президентских указов и прави-

мер, «через 6 месяцев должны были не только дать всходы, зазеленеть, заколоситься, быть скошенными и стать зерном и хлебом новые урожаи; за эти же «6 месяцев», видимо, должны были появиться тучные стада крупного рогатого скота, овец и пр., — мясо которых предназначалось для «наполнения рынка» и т.д. Бездумные слова и бездумная деятельность...

Когда вскоре после прихода к власти Черномырдина, в начале 1993 года, я потребовал у правительства доклад о состоянии продовольственного обеспечения населения, в полученном материале было указано следующее: за прошедший «гайдаровский» год производство зерна в России сократилось на 18% (в том числе в результате провала уборочной кампании) — такого провального спада не было после 1945 года. Снижение производства мяса было просто катастрофическим, составив более 21%. Посевные площади всего лишь за этот «гайдаровский год» сократились на 24%! Поголовье крупного рогатого скота — на 22%, овец — 28%, свиней — 11%. Вот они — самые конкретные результаты деятельности этого первого «реформаторского правительства» во главе с самим президентом Ельциным.

Таким образом, за один год потери Российской Федерации только в сфере сельского хозяйства были сравнимы с его потерями в период Великой Отечественной войны (1941—1942 годов), когда большая часть Европейской России была оккупирована немецкими войсками. Где же здесь реформы? Так Гайдар «спас» народ от «голода». Самые мрачные мои ожидания от деятельности этого правительства стали сбываться с первых же его шагов. Странно, но правительство было страстно увлечено администрированием, игнорируя необходимость создания прочной законодательной базы «под свою» политику. Конкретное проведение в жизнь многочисленных мероприятий в сфере промышленного производства, сельского хозяйства, создания соответствующих финансовых механизмов, налоговой политики, регулирования кредитной деятельности, оказания помощи регионам и т.д. и т.п. Все это требовало большой законопроектной деятельности со стороны правительства, а вместо этого — неряшливость, неподготовленность, неумение решать сложные вопросы

и принимать решения, неспособность выстраивать конструктивные отношения с законодателями. Все это вызывало огромное раздражение, особенно со стороны руководителей регионов — областей и краев, которые в целом тогда возглавлялись очень опытными хозяйственными работниками, имевшими многолетнюю практику руководства крупными народнохозяйственными объектами. Дело порой доходило до абсурда — они неделями не могли ни встретиться, ни переговорить (по связи) с Гайдаром или с его министрами по самым критическим ситуациям в регионах. «Выход» из этой ситуации они нашли «оригинальный» — звонили мне или приходили прямо в приемную Председателя Верховного Совета, зная, что я, конечно, выслушаю их. Затем просят, чтобы их приняли в правительстве. Я звоню Гайдару, или какому-то министру, с которым не может встретиться мой собеседник — руководитель области или края, — и прошу принять такого-то, внимательно его выслушать; и не просто — выслушать — а помочь в решении «его вопроса». Вот такая странная связь с регионами была тогда у федерального правительства.

И, как было отмечено, в деятельности этого нового ельцинского правительства преобладала какая-то необычайная жестокость по отношению к народу. Его представители бравировали понятиями — называли себя «камикадзе», постоянно говорили о том (в интервью с прессой), что без «жертв» не обойтись, поскольку глубокие реформы «невозможны без кровопускания» — все это было слышать очень странно. — Почему нужны эти «жертвы»? — задавал я вопрос и Гайдару, и Бурбулису, и Чубайсу — со своего председательского места на заседаниях Верховного Совета, когда эти должностные лица докладывали очередной вопрос Парламенту. — И ничего вразумительного в ответ мы не слышали, кроме невнятных попыток рассуждать на отвлеченные темы. Это вызывало издевательский хохот, насмешки со стороны опытных парламентариев, сидевших в зале.

...Расхождения между Верховным Советом и правительством становились все рельефнее — в силу прежде всего непрофессионализма правительства, взявшего на вооружение синтез троцкистско-большевистских и либерально-моне-

тарных методов — «прыжками» и «скачками», немедленно создать «рынок», при котором «государство вообще не должно вмешиваться в социально-экономическую жизнь общества». Соответственно, останавливались заводы и фабрики, их рабочие перестали получать заработные платы, люди перестали летать на самолетах, «замерзла» жизнь морских и речных портов. В Самаре я увидел удивительную картину. Мэр, Олег Сысуев, повез меня «кататься» по Волге — кроме нашего катера, на этой великой реке я не заметил ни одного другого судна. «Все замерло — грустно говорит Сысуев, — *никаких перевозок грузов не осуществляется — нет денег. Пассажирские суда также более не курсируют — не до этого...*» Академики сообщают, что не могут вылететь в Москву из Сибири и Дальнего Востока на годовую сессию Академии наук России... нет денег на покупку билетов на авиарейсы.

Именно этот «первый год реформ» прочно привязал страну к продовольственному импорту, объем которого ныне превышает 50%. Открывая широко границы для иностранного импорта продовольствия, Законодатель в 1991 году преследовал две задачи: первая — обеспечить население продуктами питания в необходимых масштабах, не допуская снижения потребления высококачественным продовольствием даже в сложные времена; вторая задача — дать необходимое время правительству для подведения реформаторской базы, в том числе в области сельского хозяйства; для создания всей инфраструктуры, в том числе финансово-кредитной, правительство же дало импульс для использования импорта продовольствия как широкий и надежный канал быстрого обогащения узкого слоя дельцов и мошенников. Вот здесь — ответ на вопрос о том, почему ежегодно расширяются поставки продовольствия в страну и почему снижается вес отечественного продовольствия в структуре потребления населения.

Страну захлестнул вал импортного продовольствия, молочных продуктов, овощей, фруктов и пр. Ну а отечественное аграрное хозяйство, которое было мгновенно лишено доступа к кредитам, займам и т.д., «задохнулось» уже в этот самый 1992 год. И если оно не «сдохло» окончательно — то

в силу того, что мы, в Верховном Совете, шли на самое упорное «сопротивление» такого рода ельцинско-гайдаровским «реформам», внося в них «на ходу» существенные изменения — чтобы это наше отчаянное сельское хозяйство «не протянуло ноги» еще в том же злосчастном «гайдаровском реформаторском» году.

При этом лицензии на ведение операций с импортом иностранного продовольствия и многочисленные контракты стали мощным источником стремительного обогащения всевозможных дельцов и авантюристов. С этого «реформаторского правительства» началась великая эпоха разграбления страны — за границу стало буквально выкачиваться почти все национальное богатство, в то время как стремительно сокращалось производство готовых изделий, особенно продукции машиностроения. Резко ухудшилась структура экспорта. Так, если в 1980—1991 годах в структуре российского экспорта на сырье и полуфабрикаты приходилось 65%, на готовые изделия, включая изделия машиностроения — 35%, — то в последующие годы эти отношения приобрели еще более неблагоприятные размеры. В общем, эта структура еще в советские времена отражала преобладание сырьевого фактора во внешних связях экономики СССР с мировым хозяйством, ее «незрелую» производственно-экономическую и отраслевую структуру (в развитых сопоставимых странах соотношения противоположные). Но лишь за 1 год безраздельного «царствования» в России правительства Ельцина — Бурбулиса — Гайдара, указанное соотношение в российском экспорте стало следующим: вывоз готовых изделий с 35% сократилось до 11%, сырья — возросло до 89%. По расчетным данным некоторых специалистов из Академии внешней торговли Министерства внешних связей, которые были мне представлены, реальные соотношения этих двух товарных групп в российском экспорте были следующими: экспорт готовых изделий — 7%, сырья и полуфабрикатов — 93%. Дело в том, что в статью «экспорт» включались разного рода станки, какие-то тяжелые металлические изделия и оборудование, которое, однако стало закупаться иностранными предприятиями по таким низким

ценам, что оно вывозилось в огромных количествах... для переплавки на металл.

Они, эти «реформы Ельцина — Гайдара», по своему содержанию были классическими *контрреформами* и не содержали созидательного начала в своем разрушении. В них содержались не случайные *органические пороки.*

Идеология ельцинских реформ — чертики, выскочившие из вашингтонского консенсуса

Обреченность намеченных реформ правительством Ельцина мне стала совершенно очевидной вскоре после того, как я ознакомился подробно с основными программными документами, представленными мне Егором Гайдаром после завершения работы Съезда. По мере того как я ознакомился с этими документами, становился ясным искусственный характер задуманных мероприятий, отсутствие какой-либо основы для их проведения (частной собственности, банковской системы, рыночной инфраструктуры, соответствующего законодательства и т.д.). И более того, я ловил себя на мысли, что уже приходилось читать аналогичные тексты или очень близкие к нему по содержанию материалы. Вспомнил: «Это же рекомендации группы американских экономистов, известные как «Вашингтонский консенсус»!». А «познакомился» я с ними, когда один из моих аспирантов из какой-то страны Латинской Америки принес мне на кафедру (заведовал кафедрой Мировой экономики и международных экономических отношений) из своего посольства этот увесистый «документ» незадолго до начала работы I Съезда народных депутатов в мае 1990 года. История возникновения вкратце такова.

Все 80-е годы развивающиеся страны, особенно латиноамериканские, находились в сильнейшем долговом кризисе. МВФ и Вашингтон предпринимали все возможные меры, чтобы вывести континент из кризиса, как регион особых интересов Америки. Был, в частности, утвержден специальный «план Брэйди» (по имени министра финансов США), предполагающий мощную финансовую помощь этим странам, списание большей части долгов, либерализацию торговли и

т.д. Ничто не помогало — страны континентов все глубже вползали в трясину финансового и экономического кризиса. Вот тогда и появился на свет этот самый пресловутый «Вашингтонский консенсус» (в начале 1990 года). Автором программы был профессор Джон Уильямсон из Института мировой экономики Гарвардского университета.

«Вашингтонский консенсус», как программа, был предназначен именно для этой, латиноамериканской группы стран, находившихся в безнадежной долговой зависимости, и главной ее задачей было достижение такой стабилизации, которая обеспечила бы возврат долгов американских банков. Этим странам и было предложено принять Программу — «Вашингтонский консенсус». Она называлась программой структурной перестройки их экономик и включала 10 пунктов. Это следующие:

- приватизацию;
- финансовую дисциплину;
- реориентацию государственных расходов;
- реформу налогообложения;
- финансовую либерализацию;
- торговую либерализацию;
- достижение конкурентоспособности валютных курсов;
- ценовую либерализацию;
- открытие границ для прямых иностранных инвестиций;
- укрепление имущественных прав собственников.

Программа не дала позитивных результатов странам Латинской Америки, их трудности только усугубились в результате попыток применить положения «консенсуса» к экономическим преобразованиям в их странах. Это отмечено в международных организациях, в том числе в Докладах ЮНКТАД. Ни единого шанса на успех она не могла иметь, примененная в России. Это и вызвало мою огромную тревогу за будущее страны. Много раз я говорил об этом Ельцину, Гайдару, Бурбулису, с трибуны Верховного Совета, в своих статьях и выступлениях того времени... Вот ответ на вопрос,

который мне задают до сегодняшнего дня: *«Когда и по какому вопросу у вас начались разногласия с Ельциным? — По вопросам экономической политики,»* — отвечаю.

Вот этот «документ» и привезли в Москву сразу же после подавления Верховным Советом путча (ГКЧП-1) американские «эксперты», возглавляемые Джерри Саксом, весьма посредственным экономистом (я беседовал с ним часа два и могу судить о его знаниях достаточно квалифицированно). Предполагаю даже, что и Ельцина ввели в заблуждение Гайдар, Бурбулис, Чубайс и К°, — дескать, «зачем вводить президента в детали?». Во всяком случае, он был удивлен, когда я рассказал ему всю историю с программой вашингтонский консенсус». Но, видимо, они сумели его успокоить, Ельцин упорно продолжал настаивать на верности «избранного курса» — даже тогда, когда всему миру был очевиден крах «консенсуса» — везде, где пытались его осуществить. Конечно, «программа» являлась мощным инструментом МВФ, ее курировал исполнительный директор МВФ, Мишель Камдессю. Я с ним встречался, впечатления как знающего финансиста-банкира мирового масштаба он на меня не произвел.

А в России в 1992 году дело не дошло до открытых массовых антиправительственных бунтов населения по всем регионам в силу исключительно одного обстоятельства — публичной деятельности Верховного Совета, который, несмотря на яростное сопротивление президентско-правительственной стороны, взял на себя задачу корректировки самых опасных последствий ельцинско-гайдаровской «шоковой терапии». Отметим, кстати, и то, что сам широко распространившийся термин «шоковая терапия» принадлежит польскому премьеру Бальцеровичу, который первоначально принял указанную гарвардскую «Программу» и попытался ее внедрить, но быстро отказался от нее, просчитав гибельные последствия. В результате, «большая приватизация» в Польше началась спустя более 10 лет после того, как эта страна приступила к радикальным реформам (в период второго президентского срока социалиста Александра Квасьневского) в 2000 году. Таким образом, «Вашингтонский

консенсус» не был реализован в полном объеме ни в одной стране мира, кроме России.

Все это умалчивается до сегодняшнего дня, даже в трудах ученых-экономистов, что представляется для меня загадкой. Хотя все это подробно анализировал в своих фундаментальных работах (см.: Мировая экономика. М., 1994; Мировая экономика. Т. 1–2. М., 2001; Мировая экономика и международные экономические отношения. Под ред. Р.И. Хасбулатова. Т. 1–2. М., 2006). Негативные результаты эффекта применения методологии «Вашингтонского консенсуса» для экономики переходных стран, а также развивающихся стран, стали отмечать авторы международных исследований в рамках ООН, начиная уже с нового тысячелетия (Доклады Экономического и Социального Совета ООН, ЮНКТАД, ПРООН). Но как это ни странно, основные положения «Вашингтонского консенсуса» профессора Уильямсона и доныне доминируют в российской экономической политике.

Первоначальный подход

Но вначале наши замыслы были иные, рациональные и прагматичные. Так, в сентябре 1991 года, когда мы в Верховном Совете формировали законопроектную базу, мы обсудили общую концепцию приватизации. Предварительно я встретился с Ельциным, расспросил о его взглядах на этот вопрос. В целом договорились о следующем. Необходимо осуществить поэтапную приватизацию начиная с мелкой торговли.

• На первом этапе — узаконить этот процесс, идущий уже «явочным порядком», подвести под него законодательную основу, расширить его.

• На втором этапе — осуществить более широкую приватизацию во всей внутренней и внешней торговле, одновременно обеспечить таможенное законодательство, предусматривающее регулирование внешнеторговых операций частных компаний; приватизировать сферу пищевой промышленности, упорядочить аграрные отношения на базе четкого формирования законодательства в этой области.

То есть речь шла о своеобразном «разделе» всей экономики на два уровня или два сектора. Так, в частности, было решено оставить в государственной собственности, по крайней мере, на ближайшую перспективу:

Первый сектор:

• тяжелая промышленность, отдельные отрасли машиностроения, включая ВПК;

• недра, добыча руд, нефти, газа и все трубопроводы;

• железные дороги, базовый морской транспортный флот, речной флот, весь гражданский флот.

Эти отрасли и сферы экономики должны были сформировать государственный сектор экономики — это *первый сектор*. Здесь реформы предполагали перевод на фирменные принципы деятельность государственных предприятий. И в целом устойчивость этого сектора предоставила бы возможность безболезненного осуществления всей экономической политики.

— *Второй сектор* народного хозяйства, к приватизации которого следовало приступить немедленно, это следующие отрасли и сферы:

• легкая и пищевая промышленность;

• торговля — внутренняя и внешняя (касающаяся сфер приватизации), отрасли машиностроения, ориентированные на производство товаров для нужд экономики и населения;

• гражданское строительство, вся сфера «экономики строительства», включая лесо- и деревообрабатывающую промышленность;

• производство различных стройматериалов и пр.;

• производство бытовой техники (телевизионной и пр.), и многое другое, не попадающее в перечень «первой группы».

При этом важнейшим направлением приватизации рассматривался механизм *стимулирования создания новых предприятий частного сектора, а не просто перевод предприятий из одного качественного состояния в другое* (то есть превращение государственной собственности в частную — что было делом весьма примитивным).

Нами было намечено завершить законодательную базу для осуществления приватизации до конца 1991 года — к

началу 1992 года. С самого начала 1992 года мы планировали приступить к этой крупномасштабной приватизации (по этапам), по мере готовности к этой сложной «процедуре» отраслей народного хозяйства (инвентаризация, определение объекта, технология осуществления трансформации собственности, технологически подготовленные процедуры, в частности, аукционы и т.п.).

Политика «свободных цен»

Как я упоминал выше, Ельцин в своем докладе на Съезде народных депутатов (конец октября 1991 года), объявив, что его правительство «перейдет с 1 января 1992 года к политике «свободных цен», мгновенно вызвал кризис на потребительском рынке огромной разрушительной силы. Все магазины одномоментно опустели, невозможно было купить даже буханку хлеба, спички, соль, сахар; не говоря уже о мясопродуктах, одежде и пр. Недовольство людей по всей огромной стране Ельциным (им лично) достигло предела. Своеобразный социальный контракт, который был заключен между новым государством и обществом после августа, был взорван Ельциным, доверие к власти стало стремительно падать. Содержание этого «контракта» или «общественного договора», напомню, было следующим: общество доверяет нам проводить **любые реформы,** но при непременном условии, что они не приведут к ухудшению положения народа.

Самым омерзительным в этой ценовой политике было то, что мгновенно превратились в прах **сбережения людей,** находившиеся на счетах Центрального банка, а это — свыше 25 млн. человек, вместе с членами семей — более 70 млн. человек. И все они лишились своих сбережений, которые многие из них откладывали «на черный день» десятилетиями (700 млрд. долл. — накопление за период жизни в условиях социализма). Это была исключительная по своей жестокости мера. Конечно, парламент позже принял целый ряд законодательных актов, направленных на некоторое «смягчение» этого убийственного удара (в том числе специальная

Резолюция VIII Съезда, обязывающая правительство обеспечить выплату сбережений на базе индексации вкладов, с учетом инфляции).

Но в данном случае всех депутатов Съезда поразила эта жестокость по отношению к народу, проиллюстрированная Ельциным, который многократно клялся, что «не допустит ухудшения положения россиян». Да и не было никаких оснований идти на такого рода безумные жертвы — обстановка в экономике, при всей своей сложности, вовсе не была критической — необходимо было жестко, с умением взяться за ее реорганизацию. Все благоприятные предпосылки для этого были, в том числе и субъективного характера: руководители предприятий, специалисты, инженеры, рабочие — все хотели упорядоченной, организованной работы, имея четкий план и перспективу. Ее, эту перспективу, не дали, но зато объявили о «свободных ценах».

Заработные платы превратились в копейки, мгновенно возникла система «первобытного обмена» — вместо денежной оплаты труда директора предприятий выдавали рабочим и инженерам часть произведенной продукции. Взрывным образом стала расти «подпольная экономика» — целые цеха переводились на производство каких-то товаров, пригодных к обмену на продовольствие. К примеру, на оборонных заводах — не выдашь ведь рабочим танк, вместо заработной платы? Вот и стали они производить зажигалки, медные самовары и пр. — своеобразная «конверсия по Гайдару» — как стали называть этот процесс сами работники ВПК.

Таким образом, потребительский рынок (если можно его назвать так) прореагировал мгновенно, уже на следующий день после объявления Ельциным о новой политике ценообразования — за два месяца до вступления в действие этого «нового порядка». Реакцию «рынка» на свой «новый, реформаторский подход» Ельцин мог увидеть лично, если бы он дал задачу своим новым членам правительства пройти по московским магазинам и базарам — там творилось нечто невообразимое — огромные толпы людей чуть ли не штурмом брали прилавки и магазины.

Я об этом ему сообщил через несколько дней, он сделал недовольное лицо. Не обращая внимания на его недоволь-

ство, попросил его дать поручение своим новым министрам пройти по московским магазинам и послушать все то, что говорят люди о его инициативах. Добавил, что пока это безопасно для министров — их еще никто в лицо не знает, пусть воспользуются этим своим «преимуществом» и «пойдут в народ». Ельцин «убрал» свое недовольное лицо и стал более внимательно прислушиваться к тому, что я говорю. Потом спросил:

— Руслан Имранович, вы убеждены, что не следовало «отпускать цены»?

— Борис Николаевич, мы с вами обсуждали эту тему десятки раз, начиная с осени 1990 года. Эта проблема самая простая из всех существующих, здесь должна быть очевидная последовательность: первый этап — денационализация или приватизация; второй этап — создание рыночной инфраструктуры, третий этап — постепенный «отпуск цен». О чем говорить? Важно, чтобы вы сами убедились в неверности изменения последовательности шагов и внесли необходимые изменения. В противном случае будут возникать недоразумения между правительством и Верховным Советом. Зачем это нам»? Ельцин казался озабоченным, потом сказал:

– Сразу после завершения Съезда я созову совещание, в составе «узкого кабинета», в составе Гайдара, Бурбулиса и еще... Давайте поступим так, Руслан Имранович, вы выскажете свои соображения относительно корректив, которые могли бы «уложиться» в тот доклад на Съезде, который я сделал. Время-то у нас еще есть, хотя и немного.

Я выразил согласие. Но... никакого совещания Ельцин не провел. Я несколько раз напоминал ему о нашей договоренности — в ответ он сообщил, что соответствующее задание он дал Гайдару, тот будет докладывать мне о «ходе вопроса». Я понял, что это отговорка и вряд ли что-то правительство будет менять. *Предстояла тяжелая работа — через законодательство Верховного Совета существенно корректировать деятельность нового правительства, минимизируя риски.*

А социальная напряженность в стране нарастала — как следствие объявленных целей нового правительства. *Это*

была уникальная ситуация — правительство еще не заработало, а негативные результаты его плана были настолько масштабными, что они грозили массовыми выступлениями по всей стране.

Концепции приватизации

Президентско-правительственный подход. Какой-либо цельной, проработанной программы приватизации правительство не имело (довлел подход «сплошной приватизации»

Поэтому я считал, что следует ускорить принятие законодательства, которое подвело бы необходимую нормативную базу для трансформации экономики. Поскольку в Верховном Совете имели уже основательно проработанные законопроекты по вопросам приватизации, нам необходимо было иметь согласованный подход в этом сложнейшем вопросе — по сути, центральном вопросе всей экономической реформы. Поэтому я дал задание профильному комитету парламента обеспечить взаимодействие с правительством и выработать до 1 января 1992 года проект закона о приватизации.

В тот период широко обсуждались несколько вариантов приватизации. Один, например, предполагал превращение коллектива предприятий в собственника. Этот вариант успешно применялся в целом ряде развитых стран, даже в Америке. Обобщенный американский опыт коллективного владения был хорошо описан в книге Луиса и Патрисии Келсо. Рукопись этой книги, переведенной на русский язык в 1992 году, мной была передана нашим депутатам — она имела большой успех. Достоинством этой книги являлось описание моделей, их разработка и внедрение — этим в США занимались сами авторы, супруги Луис и Патрисия Келсо. Дело еще и в том, что приблизительно аналогичный подход, имеющий конкретный, адресный характер, был успешно внедрен академиком Святославом Федоровым в деятельности его комплекса «Микрохирургия глаза», имевший международный успех. Соответствующий законопроект

был уже на стадии готовности и мог быть успешно применен на практике.

Другой вариант, имеющий универсальный подход, исходил из введения ключевого момента — *именного приватизационного чека*, который получал каждый гражданин — по мере проведения очередного этапа приватизации. Каждый общенациональный этап приватизации предполагал вручение *каждому* гражданину России нового приватизационного чека на основе оценочной стоимости доли приватизированной государственной собственности.

Приватизационный чек не мог быть объектом купли-продажи, например, в течение 5—10 лет, но мог переходить по наследству, родственникам. В последующем предусматривался механизм его обращения на денежном рынке в качестве ценной бумаги. Таким образом, он выступал в роли, своего рода ценной бумаги, акции — и по мере успешной деятельности предприятия, на счет владельца чека поступала соответствующая часть прибыли...

Если бы эта схема приватизации не была бы загублена, можно представить себе, насколько существенно улучшили бы свое материальное положение миллионы семей только в результате повышения цен на нефть на мировом рынке. Вот какой была цель, которую мы преследовали в Верховном Совете, пытаясь дать этой политике реальный характер народной приватизации. Мы полагали, что нам следует законодательно утвердить ряд вариантов приватизации, когда сами коллективы могли бы сделать свой выбор в этом вопросе — народы страны имели такое право, но ельцинисты его отняли у него, навязав мошеннические игры.

«Приватизация» по Чубайсу — Черномырдину

Такой выбор президентско-правительственная власть не дала народу Российской Федерации — она его ограбила, санкционировав под видом «приватизации» разграбление колоссальной по объему государственной собственности в пользу узкой группы мошенников. Если до уничтожения

Верховного Совета, граждане получили какую-то часть доли, пусть самую мизерную, от проведенного первого этапа приватизации народного хозяйства (ваучеры), то в последующем, когда была проведена «большая приватизация», граждане страны не получили ни копейки. Правительство Ельцина распродало основные предприятия государственного сектора экономики как свою личную. Правящая бюрократия всецело распоряжалась ею по своему хотению, без какого-либо контроля со стороны общества и не руководствуясь никакими законами. Это была откровенно мошенническая операция грандиозных масштабов. По самым скромным подсчетам, оценочная стоимость всей собственности, которая была «передана» в частные руки в 90-е годы, составила порядка 550 млрд долл. Такова цена «прибыли» от расстрела Верховного Совета.

Еще в середине 1992 года мне принесли записи из стенограммы какого-то правительственного совещания. Один из главных «идеологов» официального Кремля заявил о необходимости «слома» всей социалистической экономики. По его словам, она (эта экономика) не может быть преобразована — все те государственные предприятия, которые составляют «социалистическую экономику», должны быть разрушены. Только при этом усилии «исчезнет угроза реставрации социализма» — так рассуждали эти каннибалы, умышленно разрушая экономику, вместо того чтобы модернизировать и преобразовать ее.

Первый этап. Собственно, история приватизации в СССР (и соответственно, в России), началась задолго до ее начала в 1992 году — с момента принятия в 1988 году Верховным Советом СССР Закона «О государственном предприятии (объединении)» в СССР. Этот Закон предоставил государственным предприятиям достаточно широкую экономическую самостоятельность, но одновременно разрушил управленческую пирамиду: Госплан — министерства — предприятия. Директора фактически стали владельцами предприятий. Несколько позже стали в массовом порядке появляться экономические организации, сформированные трудовыми коллективами на правах аренды имущества своих предприятий (в аренду с выкупом и без такового); бы-

стро возрастала численность кооперативов, акционерных обществ и товариществ. Аналитики отмечали, что «коммерциализация госсектора пошла настолько широко, что затронула даже Министерство обороны (СССР. — *Р.Х.*), вплоть до войсковых частей. Все это происходило при отсутствии нормативной базы, системы специального учета и контроля, поэтому реальные масштабы первого этапа приватизации, которую мы называем стихийной, до сих пор неизвестны...» (См.: Федоренко Н.П. Россия на рубеже веков. М., 2004. С. 429.)

Второй этап. На следующем этапе (1990—1991 годы) была начата разработка законодательной (нормативной) базы, регулирующей владение, пользование и распоряжение собственностью, ее переход из одной в другие формы собственности. Основой этого законодательства следует рассматривать Закон Российской Федерации от 3 июля 1991 года № 1531-1 *«О приватизации государственных и муниципальных предприятий в РФ»* (отметим, этот Закон был принят до ГКЧП и задолго до появления в российском правительстве Гайдара, Чубайса и прочих, принятых считать «отцами» российских реформ). До середины 1992 года российским парламентом был принят целый свод законов и постановлений, регламентирующих процессы приватизации и банкротства хозяйствующих субъектов. Одним из основных в этом «пакете» был Закон Российской Федерации от 3 июля 1991 года *«Об именных приватизационных счетах и вкладах в РСФСР»* (и этот Закон был принят без «команды Гайдара», до ГКЧП). Одновременно приватизационное законодательство российского парламента заложило основы *институционального механизма приватизации* — перестроило структуру правительства, создало Фонд Федерального имущества, построило систему арбитражных судов, институты кредитного механизма и другие институты, необходимые для формирования рыночной (конкурентной) среды.

Однако введение в действие этих нормативных актов затруднялось тем, что Ельцин и его «люди» в правительстве Ивана Силаева с начала лета 1991 года буквально «затерроризировали» главу правительства, добиваясь его смещения. Было упущено много времени. И лишь после подписания

президентом указа от 29 декабря 1991 года «*Основные положения программы приватизации государственных и муниципальных предприятий на 1992 год*», началась реализация принятого парламентом ранее Закона (правда, с очень грубыми нарушениями и произвольными толкованиями норм Закона).

Следующий указ президента, появившийся 29 января 1992 года, «*Об ускорении приватизации государственных и муниципальных предприятий*», несмотря также на его обширные недостатки, был важен тем, что он утвердил практический механизм приватизации, в своей основе очерченный июньским Законом (1991 года) Верховным Советом России. Указ был настолько важен, что требовал своего согласования с парламентом — это было достигнуто лишь в июне 1992 года, вместе с принятием *Государственной программы приватизации государственных и муниципальных предприятий на 1992 год.*

Кто-то скажет: «Парламент тормозил работу президента по приватизации...» Да, тормозил. А куда надо было спешить? Разве это было просто: колоссальную государственную, реально общенародную собственность — дающую людям бесплатно лечиться, учиться, отдыхать, дающую работу всем без исключения трудоспособным членам общества, — одним махом, без долгих размышлений передать в чьи-то руки, причем с возможностью риска потерять эту собственность?

С появлением этой программы началась массовая приватизация в стране. Но, очевидно, в президентско-правительственных кругах полагали, что парламентский закон о программе приватизации «слишком сложный» (хотя он был согласован с правительством и подписан президентом), поэтому «темпы приватизации не соответствуют плановым» (по данным ПСИ, было приватизировано только 18,6% от общего числа предприятий). В августе 1992 года (в период каникул Верховного Совета) появляется президентский указ «О *введении системы приватизационных чеков в Российской Федерации*»; этот указ во многим противоречил принятому ранее приватизационному законодательству, в частности положениям программы, был направлен на про-

стое ускорение передачи государственной собственности в частные руки. В частности, указ легализовал «чековую» (ваучерную) приватизацию, которая послужила одним из главных механизмов растаскивания государственной собственности и скупки приватизационных чеков у членов коллективов предприятий за бесценок. Таким образом, этот президентский указ был прямо и непосредственно *коррупционным.*

В то же время государственная программа приватизации предусматривала следующие цели:

• повышение эффективности деятельности предприятий путем их приватизации;

• создание конкурентной среды и содействие демонополизации народного хозяйства;

• привлечение иностранных инвестиций в экономику России;

• социальная защита населения и развитие объектов социальной инфраструктуры за счет средств, поступивших от приватизации;

• содействие процессу стабилизации финансовой ситуации в стране;

• создание условий и организационных структур для расширения масштабов приватизации в 1993—1994 годах.

Указ президента отбросил все цели, кроме последней — вся деятельность правительства оказалась подчиненной задаче «ускорения приватизации». Особенно эта задача стала характерной *после расстрела Парламента в начале октября 1993 года.* В 1993 году число приватизированных предприятий составило 88,6 тыс. (36,1%), а в 1994 году оно возросло до 112,6 тыс. (47%). Прав академик Н.П. Федоренко, когда писал, что *«при такой гонке было трудно достичь перечисленных выше целей (Программы. — Р.Х.), экономические соображения отходят на второй план, первыми задачами становятся политические; в стороне остались вопросы улучшения управления предприятиями и повышения их эффективности. Таким образом, концепция и ход приватизации были трансформированы. Провозглашенные цели оказались формальными, пропагандистскими лозунгами».* (Федоренко Н.П. Россия на рубеже веков, с. 431.) Правящая бюрократия

торопилась, она жадно хватала самые прибыльные, мощные, современные государственные предприятия, недра, богатые нефтью, газом, рудами, нефтеперерабатывающие и химические предприятия, могучие заводы ВПК. Все транжирилось. Стали появляться первые схемы сращивания госаппарата и дельцов, замаячили на горизонте первые олигархические семейства, влияние которых на Кремль стремительно возрастало.

Отношение научно-экспертного сообщества к «реформам»

Страна всегда имела множество талантливых ученых, в том числе в экономической науке. Самые авторитетные ученые-экономисты страны были чрезвычайно озабочены теми действиями, которые проводило правительство в рамках избранной модели экономических преобразований. Например, 6 марта в «Независимой газете» была опубликована большая статья академика Н. Петракова и профессора В. Перламутрова с жесткой критикой самих теоретических основ правительственной политики. Авторы прямо указывали на гибельные для страны ее последствия, и по существу, обратились к парламенту с требованием провести публичные парламентские слушания по складывающейся социально-экономической ситуации в стране.

«Гайдаризм — это реакция на свой собственный марксизм» — так была озаглавлена большая статья академика Георгия Арбатова в той же «Независимой газете» (13.03.1992), он писал: *«Последние месяцы я, как, наверное, многие, живу с ощущением усиливающейся тревоги. Ее внушает прежде всего положение в экономике, курс, проводимый здесь российским правительством, с начала текущего года* — писал этот известный ученый. — *Авторы нынешнего курса, отвечая критикам, часто ссылаются на то, что их программа прошла международную экспертизу, пользуется поддержкой виднейших зарубежных экономистов и, по сути, указывает единственно возможный, даже неизбежный путь, которым уже прошли Мексика, Польша и другие страны.*

И то, и другое, и третье — **неправда»**, — твердо заявляет этот деликатный ученый, много повидавший на своем веку, консультировавший и Хрущева, и Брежнева, и Андропова по вопросам американо-советских отношений.

В доказательство академик приводит некоторые эпизоды дискуссии, которая проходила в конце января 1992 года на заседании американской общественной организации «Комитет по советско-американским отношениям» (действующий с 70-х годов). Основным докладчиком был представитель «Чикагской экономической школы» профессор Джерри Сакс, ставший советником российского президента. Он сообщил, что основными инструментами «Программы для России» являются: формирование сбалансированного бюджета за счет многократного сокращения расходной части, полная либерализация цен, что позволит «освободиться» от «ненужных государственных предприятий», и приватизация. Всемирно известный экономист, профессор Дж. Гелбрэйт, комментируя основные положения доклада Сакса, сказал: *«На Западе слишком хорошо знают, что такой подход неприемлем. И потому никогда не позволят осуществлять его на практике в своих собственных странах»*. Удивительно, но эти же слова я сказал Саксу в ноябре 1992 года, когда по его просьбе я принимал его и имел с ним продолжительную беседу. В той беседе Сакс откровенно признался, что политика правительства Ельцина — Гайдара «не принесла ожидаемый успех». Он просил меня дать правительству еще один «шанс» и на предстоящем в декабре Съезде народных депутатов не отправлять Гайдара в отставку.

В ответ я высказался в том смысле, что в настоящее время и в Западной Европе, и в США экономические дела неважные, депрессия имеет такой характер, что впору говорить о кризисе. «Почему бы вам, профессор, не заняться реформированием экономики в вашей собственной стране?» — Растерянный Сакс говорит: «Руслан Имранович, мне этого никто не позволит!» Руководитель группы консультантов председателя парламента, профессор Анатолий Милюков, не выдержал, расхохотался...

Отрицательную оценку предлагаемых для России Саксом мероприятий дал и профессор Маршал Голдмэн на

указанном форуме, заявив: *«Невозможно сбалансировать бюджет, прибегая лишь к сокращению спроса путем повышения цен, роста налогов, ограничения кредита и т.д., как это делает российское правительство. Результатом будет то, что и предложение, остающееся под контролем коррумпированной бюрократии, тоже будет сокращаться, обостряя все проблемы»*. — Возражая критике, Сакс высказал свой главный тезис: *«Для успеха русских реформ необходима массированная иностранная помощь»*. Но ее не было. Но в таком случае — если нет главного условия для успеха русских реформ, то есть иностранной помощи, зачем пытаться ее приводить, заведомо зная ее провал? Странно все это было. Так оно и произошло — выпуск продукции (предложение) стал стремительно сокращаться, по мере углубления политики правительства.

Таким образом, принятые на вооружение Ельциным — Гайдаром идеи Джеффри Сакса (точнее, «Вашингтонского консенсуса») были, по сути, авантюрой: сам их автор превосходно понимал, что единственное условие, при котором эти подходы могут дать какой-либо позитивный успех — огромная финансовая помощь Запада. Ему был задан прямой вопрос: «Почему он, профессор Сакс, рекомендовал русскому правительству политику, в такой критической мере зависящую от западной помощи?» Ответ Сакса: *«Добьется правительство России на этом пути успеха или нет, это был единственно правильный путь...»*

«Единственно правильный путь» — сколько раз приходилось сталкиваться с этим понятием! Но на этот раз этот «единственный» для России предначертал заезжий гастролер, не имеющий понятия о стране, ее людях, ее бескрайних просторах, о могучем экономическом, научно-техническом, интеллектуальном потенциале. Бесспорно, что страна могла самостоятельно осуществить самые глубокие экономические реформы и обеспечить процветание общества, если бы не эти «ельцинско-гайдаровско-саксовы шоки».

Вот в этот период в парламентские круги, в общество «радикал-демократами» была вброшена нелепая мысль о том, что «Запад «под Гайдара» планирует помощь в размере 24 млрд долл., но якобы суровая критика Хасбулатова эконо-

мической политики правительства может помешать получению этой помощи». Помнится, я высмеял эту «концепцию» с трибуны VI Съезда народных депутатов, но постоянно эта идея снова «вбрасывалась» в общество, сея иллюзии.

Хочу привести завершающие статью мысли академика Арбатова, они тогда были необычайно созвучны моему отношению к правительственной деятельности: *«Мы годами вели бесконечные споры о разных аспектах и разных программах экономической реформы. А приняли без всяких обсуждений вариант, который всерьез никто вообще не рассматривал. И, в общем, от одной системы догм ринулись к другой, противоположной. В этом смысле "гайдаризм" — это реакция, а точнее — сверхреакция на свой собственный недавний догматический марксизм. Как любая крайность, и эта система взглядов разрушительна. Мы уже сегодня оказались на самом краю... Меня поражает безжалостность этой группы экономистов из правительства, даже жестокость, которой они бравируют, а иногда и кокетничают, выдавая ее за решительность, а может быть, пытаясь понравиться МВФ. Они уверяют, что с утра до ночи заняты тяжкой работой, сложными расчетами. Но боюсь, они не удосужились посчитать, как при существующих, а тем более будущих ценах, сможет свести концы с концами подавляющее большинство населения страны, а многие миллионы — просто физически выжить. И что со всеми нами станет как с людьми, как с обществом — не одичаем ли, не опустимся ли до животного состояния в уготованном нам экономическим кабинетом «Прекрасном новом мире» (так называлась одна из первых антиутопий Олдоса Хаксли)?..» Я не верю, что радикально исправляя дела в хозяйстве, мы должны сначала обнищать и опуститься. Я убежден, что есть другие пути...»* (См.: Независимая газета, 13 марта 1992 г.)

О необходимости «другого пути» говорили и многие другие видные ученые и специалисты, руководители регионов, авторитетные представители промышленных кругов, в том числе из Союза предпринимателей, возглавляемого Аркадием Вольским, профсоюзные деятели. Со всех концов страны в Верховный Совет шли делегации-ходоки от многих сотен, тысяч предприятий, которые вкусили первые ядовитые

плоды ельцинско-гайдаровских реформ. Надо было взяться решительным образом за разработку другого варианта экономической реформы.

Самые видные деятели науки, специалисты, представители делового мира изъявили желание принять участие в этой работе, я возглавил работу этой группы. В конце марта в самом общем виде *альтернативная программа экономической реформы была разработана.* Я ее направил президенту Ельцину и правительству. Основные идеи были изложены в форме краткого Доклада на сессии Верховного Совета 2 апреля 1992 года.

Основные положения Доклада
Председателя Верховного Совета
2 апреля 1993 года на Сессии Верховного Совета

Программа корректировки экономического курса Правительства

Над представленной программой работали:

Академики: Л.И. Абалкин, Ю.В. Яременко, А.М. Емельянов, Н.А. Петраков, Л.А. Никонов, Н.П. Шмелев; члены-корреспонденты РАН: П.Г. Бунин, И.Д. Иванов, В.Н. Шенаев, А.А. Кокошин; профессора, доктора экономических наук Г.А. Егиазарян, Б.И. Маевский, Б.З. Мильнер, В.С. Пашковский, Л.С. Чижова, Н.М. Римашевская, О.Л. Рогова, А.А. Хандруев, А.И. Милюков, Ю.И. Кашин, А.Н. Барковский, Ю.В. Пешехонов; кандидат экономических наук Е.А. Бучельников. Были учтены предложения Высшего экономического совета при Президиуме Верховного Совета, профсоюзов, организаций товаропроизводителей и предпринимателей, Центрального банка, коммерческих банков, а также идеи, высказанные в регионах при встречах Председателя Верховного Совета с коллективами работников промышленных и аграрных предприятий, с руководителями Советов и администраций, многочисленными специалистами, включая отечественных и иностранных экспертов... Общее руководство осуществлял Р.И. Хасбулатов.

Отсутствие системного подхода при разработке экономической политики

...Необходимость осуществления серьезной корректировки правительственной политики в области реформ экономики было одним из главных требований VI Съезда народных депутатов. Этого же требует общество, убедившись в неэффективности результатов деятельности правительства в этой области уже за первые месяцы текущего года. Одним из серьезных недостатков реформы является отсутствие ее теоретической, концептуальной базы. Собственно, мы имеем всего лишь два достаточно условных документа. Первый — это выступления президента Ельцина на Съезде народных депутатов, на котором он объявил о переходе на «свободные цены» с 1 января 1992 года; Второй документ Меморандум Российского правительства относительно его обязательств по поводу вступления России в МВФ. Эти обязательства требуют от правительства сократить государственные расходы, добиться бездефицитного бюджета, осуществить политику приватизации и т.д. — речь идет о тех задачах, которые мы ставим перед собой еще с 1990 года — задолго до того, когда было сформировано нынешнее правительство. Этот весьма «скудный» документальный материал не дает возможности сказать что-либо существенное о концепции реформы, за исключением того обстоятельства что, по-видимому, оно чрезмерно ориентируется на рекомендации МВФ. А этого не следует делать, поскольку специалисты МВФ плохо знают страновые особенности и их рекомендации часто дают отрицательный эффект. Об этом наглядно свидетельствует опыт МВФ в странах Латинской Америки, Азии, Восточной Европы.

Почему ошибочна политика правительства?

... Предлагаемая концепция, имеющая целью осуществить самую серьезную корректировку макроэкономической политики государства, имеет высокую степень социальной направленности. С такой точки зрения она в большей мере учитывает опыт западноевропейских стран, в которых сильны кейнсианские традиции — сильное государственное вмешательство и высокая степень защиты государством интересов общества, в особенности наименее обеспеченных слоев общества. Поэтому, осуществляя законотворчество, нам необходимо руководствоваться достаточно цельным представлением того, каковыми должны быть общие результаты нашей законодательной деятельности с точки зрения выстраивания модели

будущего общества. Мы не можем принимать законы — а наши законы имеют огромное значение в силу того, что каждый из них является органическим законом, своего рода кирпичиком того нового здания, которое мы выстраиваем, если у нас нет представления общей картины этого нового здания, которое мы создаем. У меня такое впечатление, что правительство не имеет такого представления, то есть оно не знает и, скорее всего, не думает о том обществе, к которому мы движемся. Но мы, законодатели, не имеем права не знать, что мы создаем, принимая ежедневно важнейшие, фундаментальные законы под это новое, капиталистическое общество. Это новое общество — довольное жесткое общество, и мы должны принимать такие законы, которые «смягчали» бы его жесткие конструкции, обеспечивали бы максимальную защиту рядового гражданина. Но эта задача будет невыполнимой, если мы не обеспечим высокоэффективное функционирование новой экономической системы, основанной на механизмах конкуренции...

Слабость, и даже ущербность правительственной политики заключается в том, что, во-первых, она не обеспечивает создания надежных механизмом конкуренции, поскольку стихийная распродажа государственной собственности не основана на создании рыночных механизмов. А сама по себе частная собственность — даже если мы в один день передадим всю государственную собственность в частные руки — не создает эти конкурентные механизмы.

Во-вторых, правительство не представляет себе, каким должен быть самый первый шаг в деле создания рыночной экономики. Это — даже не приватизация, даже не либерализация цен. Это — сложная, комплексная работа и парламента, и правительства, и местных властей, и финансового сектора — направленная на создание широкой инфраструктуры рынка с его финансово-банковскими, кредитными и прочими инструментариями...

С этого следовало начинать реформы. Но дело сделано — избрана неверная парадигма развития, негативные результаты очевидны и ситуацию необходимо исправлять. Я не уверен в том, что правительство немедленно согласится с нашими предложениями. Но полагаю, что вы, уважаемые депутаты, принимая отныне экономические, финансовые и иные законы, связанные с реформой, сможете ориентироваться с большей полнотой, по сравнению с периодом до представленного Доклада, относительно того, какие коррективы необходимы для успешного осуществления реальных реформ, а не контрреформ...

...По многим направлениям экономической реформы нами приняты десятки законов и иных нормативных актов — из них 98% разработаны в наших комитетах и комиссиях, а не правительством «реформаторов». Странно, не правда ли? — Почему же Правительство не представляет нам свои проекты законов, которые законодательно регулировали бы новые экономические отношения рыночного хозяйства? Оправдана ли их тактика прибегать к «указному праву», не могущему иметь законодательной силы?

...Далее, я хотел бы выразить сомнение по поводу того, являются ли необратимыми социальные перемены. Мне представляется, что такой излишне оптимистический вывод о «необратимости» реформаторского процесса может сыграть очень скверную шутку с нами. Социальные процессы очень часто обратимы, даже самые глубокие, если эти социальные перемены не пользуются общественной поддержкой, если нет соответствующих социальных гарантий в форме широкой ее поддержки населением. Конечно, Россия, Российская Федерация, ее народы выстрадали экономическую реформу, она необходима. Но вопрос: «Какая реформа?» И какова ее социальная цена? Правительство не знает ничего о том, что было обещано парламентом и президентом народу за его поддержку в августе 1991 года. Оно считает себя «свободным» от всяких обязательств перед народом. Мы, парламентарии, такую свободу от народа не имеем.

...Верховный Совет, как и большинство граждан России, весьма обеспокоен сложившимся положением дел в стране — стремительная инфляция, быстрое удорожание цен на все товары и услуги. Ситуация может очень обостриться в течение апреля-мая. На сегодняшний день интенсивно набирает скорость развал промышленности и сельского хозяйства.

Падение производства за первый квартал (январь-март 1992 года), по официальным данным, достигло приблизительно 15—18%, а по выборочным данным независимых исследовательских центров и по экспертным оценкам специалистов в промышленности, этот показатель составил 23—28%. Самое тревожное состоит в том, что с каждым днем ухудшается жизнь людей без каких-либо надежд на ближайшее будущее. К сожалению, это падение не структурного характера, а, по существу, просто происходит обвал производства. Причем специфика нашей промышленности заключается в том, что проводимая политика приводит к остановке производственных мощностей, наиболее передовых с точки зрения технической оснащенности производства. Следовательно, избраны неверные подходы воздействия на производство.

Поэтому аналогия, скажем, с политикой госпожи Тэтчер, когда речь шла о политике реструктуризации производства государственных корпораций, характеризующихся крайней технологической отсталостью и неэффективностью (то есть банкротство «хромых уток»), совершенно неуместна.

Приоритетные направления корректировки правительственного курса

Общие результаты: анализ показывает, что причина таких просчетов в реформе — не противодействие трудящихся, и неких «серьезных политических сил» (как говорится в выступлениях представителей правительства), а в просчетах самого правительства.

В центр реформ были поставлены всего лишь мероприятия в чисто финансово-бюджетной сфере. Практика подтвердила опасения многих экономистов, специалистов управления в промышленности, аналитиков в том, что *сама по себе либерализация цен без предварительного создания основ рыночной инфраструктуры означает простое административное повышение цен на производимую продукцию монополистами. Тем более если речь идет о государственном монополизме.* Мне приходилось неоднократно подчеркивать: *государственный монополизм — это худшая форма монополизма.*

Почему? Потому что государственный монополизм подкрепляется политической властью. Причем страдают от этого монополизма сами государственные предприятия, их трудовые коллективы, директора этих предприятий, которые оказались в сложных условиях. В результате внешне меры правительства выглядят весьма радикально (что вводит в заблуждение мировое экономическое сообщество), но будучи оторванными от реальной экономической жизни, в которой доминирует государственный монополизм, основанный на исключительно одной форме собственности, они не дают ожидаемого эффекта. И естественно, *не могут породить механизмы конкуренции,* адекватные смешанной экономике, при которых устанавливается равновесие на рынке через действие законов спроса и предложения. Смешанную экономику еще предстоит создавать. Но по каким направлениям двигаться нам дальше, на чем сосредоточить наши усилия? Прежде всего, следует сделать все, для того чтобы остановить дальнейшее падение производства, не упуская при этом задач его структурной перестройки. Уместно напомнить, что с 1985 года, с момента прихода к власти Михаила Сергеевича Горбачева, в структуре нашей экономики не произош-

ли серьезные позитивные изменения, наоборот, она значительно ухудшилась; стремительно сокращается доля готовых изделий (машиностроительный сектор), возрастает доля сырья и полуфабрикатов. Уменьшается производство товаров народного потребления и продовольствия. В то время как потребности людей увеличиваются, поскольку это закон повышения потребностей... Если не остановить падение производства, будет резко ухудшаться уровень жизни людей, неизбежны крупные социальные потрясения. Допустить этого, конечно, нельзя...

Экономическое вмешательство государства, создание смешанной экономики

В деле создания смешанной экономики, состоящей из множества видов и форм собственности, особая роль принадлежит государству. И в этом смысле *я — самый решительный сторонник укрепления регулирующей роли государства, его экономического вмешательства, а не сторонник «ухода» государства из экономики, что стало идеологией нашего правительства.* Нигде в мире не наблюдается процесс «ухода» государства из экономики, из сферы регулирования социально-экономических процессов. Посмотрите на опыт Европы, особенно опыт скандинавских стран. Везде высока экономическая *роль государства...*

Правительству в короткие сроки следует не только скорректировать промышленную, структурную и конверсионную политику, но и перевести ее в конкретную программу действий... Необходимо подвести базу под реформы в сельском хозяйстве — мы основательно занимались им, начиная с осени 1990 года, когда был созван Внеочередной Съезд народных депутатов. *Уже в тот период мы приняли целый блок законодательных актов, легализирующих принцип частной собственности в сельском хозяйстве и положивших начало фермерству.* Но этого недостаточно. Я хочу вам сообщить неприятные факты — начиная с этого (1992) года, начался отток фермеров из села — 2,7 тыс. фермеров (за январь — март) уже бросили свои земли. Отток фермеров — исключительно тревожная тенденция. Где же здесь реформы? Основная причина этого — правительство лишило фермеров субсидий, цены на семена, топливо, удобрения возросли многократно. Это нетерпимо. Знает ли об этих фактах Президент?

...Производство функционирует в прежнем социалистическом, квазиплановом режиме, вне рамок и механизмов новой рыночной инфраструктуры, в условиях заблокированных инвестиций. Эти пе-

рекосы — худшее из всего возможного в условиях универсального дефицита. Никаких определенных предложений по трансформации промышленности правительство не сформулировало, помимо готовящихся проектов приватизации. Однако приватизация — это всего лишь одно, хотя и важнейшее, направление общей реформы. К тому же невозможно единовременное проведение приватизации колоссальной по масштабам государственной собственности, если не иметь задачей разрушение всей экономики. Нужны этапы программы. При этом необходимо отказаться от догматических схем монетарного регулирования, когда основные усилия направлены в сферу бюджетного регулирования.

Плохую роль в деятельности правительства играет попытка соединить идеи известного экономиста, представителя чикагской школы Милтона — Фридмена с идеями Рыжкова — Павлова, когда последние пытались многократно повысить цены на товары народного потребления чисто административными методами.

Создать рыночную инфраструктуру, осуществить приватизацию и затем — либерализовать цены

...Общая ситуация в стране была бы более положительной, если бы нами (правительством и парламентом) была бы согласована деятельность по основным направлениям реформы, при этом: во-первых, осуществлена политика приватизации легкой промышленности, торговли и производства аграрной продукции. Во-вторых, на этой основе можно было бы уже создать более или менее полноценный рынок, при развитии финансово-банковских, биржевых и иных инструментариев рынка. В-третьих, после такой приватизации и создания рыночной инфраструктуры следовало бы постепенно либерализировать цены. Эти идеи не являются чем-то новым, они прошли свое практическое воплощение в реформах многих стран и имели ощутимый успех. Многие специалисты, в том числе и в стенах нашего парламента, их высказывали... При этом не следует идеализировать частную собственность. Сама по себе она не создает конкурентную среду. Необходимо разработать такие механизмы регулирования, чтобы на место государственного монополизма мы не поставили частного монополиста.

Нам предстоит разобрать четкую, выверенную систему мер по социальной защите населения — правительство не справилось с этой задачей. Мы не можем допустить дальнейшего роста нищеты, деградации населения, особенно интеллектуальной его части.

В нашей программе выделен ряд узловых проблем. Первая — это проблема цен. Сегодня и специалистам, и основной массе населения ясно, что надо сдержать рост цен, не допустить ускорения инфляции, грозящей перерасти в гиперинфляцию. Но, возможно, она, то есть гиперинфляция, уже стала реальностью. Надо сказать, что правительство пыталось строить определенную программу социальной защиты населения. При этом оно исходило из возможного роста цен в первом квартале нынешнего года в 3,5 раза. Однако реально цены увеличились в первом квартале как минимум в 8—12 раз! Иными словами, гиперинфляция налицо. Такие огромные отклонения в темпах роста цен для нас, в Верховном Совете, не были неожиданностью. Об этом меня предупреждали специалисты, и я об этом неоднократно говорил правительству, в том числе с этого своего председательского кресла. Вы об этом, полагаю, помните. Однако в правительстве довольно легкомысленно отнеслись к этим предупреждениям, и в результате вся та огромная работа, которая проводится нами, Верховным Советом со дня нашего прихода к власти в России с начала 1990 года, поставлена под угрозу срыва.

Мы быстро теряем авторитет у народа, поскольку он полагает, что Верховный Совет обязан контролировать правительство, формировать его, исправлять его ошибки... Нам насчитали 650 наименований товаров, цены на которые выросли от 200 до 1100 раз. Поэтому говорить о рынке, о рыночных подходах, о рыночном характере реформ — просто нелепо... Когда существуют абсолютный монополизм в сфере производства плюс универсальный дефицит, который быстро устранить мы не сможем — нужны разнообразные действия, а не простое повышение цен. Антимонопольный комитет в таких условиях в принципе неадекватен — что он может проконтролировать?.. В один прыжок «американизировать» нашу экономику не удастся. Ясно, что нужны масштабные разноплановые меры.

Очевидно, что в переходный период государство вынуждено будет сохранять механизм регулирования цен. Это абсолютно ясная и очевидная истина, и не считаться с этим нельзя. В частности, может быть введен механизм установления рекомендательных цен по важнейшим видам продукции, который, кстати, существует в тех же Соединенных Штатах, на которые мы часто ссылаемся в тех случаях, когда нам выгодно ссылаться на международный опыт.

Не следует отбрасывать и вариант, когда в ценах на продукцию монопольных отраслей фиксируется предельный норматив рентабельности. Причем основной вопрос (я бы просил обратить внима-

ние экономистов и наших юристов) это первоначальная цена и необходимость ее регулирования.

Вопрос установления первоначальной цены является ключевым. Производственники хорошо это понимают, однако правительство отбросило саму возможность влиять на установление первоначальной цены. А это в условиях отсутствия самих зачатков конкуренции способствует установлению предельно высоких цен на продукцию, в том числе производимую новыми частными предпринимателями. В результате закладывается порочная тенденция в самый начальный этап первоначального накопления капитала и развития российского капитализма....

В рамках предлагаемой Программы, безусловно, есть много того, о чем следует размышлять, взвешивая позитивные и негативные стороны осуществленных действий. Во всяком случае, мы должны исходить из того, что нашей главной целью является не скорость *введения новых цен или других принципов реформы. Главная задача — добиться стабилизации экономики, не допустить ее полного развала. Хотя развал происходит, и мы, наверное, приближаемся к определенной критической точке в этом процессе.*

Бюджетная политика

Собственный опыт убеждает, что политика бездефицитного бюджета, к которому так настойчиво стремилось правительство в условиях, когда она объективно не может быть реализована, наносит огромный урон экономике. Останавливаются предприятия, практически на грани развала находится сельское хозяйство, на границу краха поставлена даже посевная кампания. ... Сам подход бюджетной политики правительства теоретически построен на иллюзиях о бездефицитности бюджета и его спасительной, какой-то мессианской роли. Почему-то не понимается азбучная истина бюджетного планирования — бездефицитный бюджет не может быть обеспечен мгновенно, причем в условиях спада производства и деловой активности.

Налоговая политика

Налоговая политика — она требует существенных изменений, которые нами были приняты по просьбе правительства — мы на первом этапе чрезмерно доверяли правительству, хотя оснований для этого не было. Ведущее направление этой работы — дифференцированное ослабление налогового пресса. «К этому вопросу

мы все подходим уже практически, и, кажется, большинство членов Верховного Совета понимает необходимость таких корректировок. В вопросе о налоговой политике наши взгляды, то есть Верховного Совета, думаю, совпадают с политикой госпожи Тэтчер в большей мере, чем взгляды нашего правительства. Ее правительство начало свою деятельность с того, что освободило от налогового бремени предпринимателей всех сфер собственности — государственных, частных, акционерных и т.д. Необходимо не просто расширить налоговые льготы, а увязать их со структурной политикой. Это важно и с точки зрения задачи превратить руководителей госпредприятий в союзников, а не отталкивать, учитывая, что 86% нашей экономики — это государственный сектор. От того, какие позиции займут 40 тыс. крупных руководителей государственных предприятий и объединений, в определенной мере зависит ход реформы.

Кредитная политика. Прежде всего следует на деле обеспечить независимый статус Центрального банка Российской Федерации; преодолеть негативные тенденции в банковской деятельности, и особенно — увлечение коммерческих банков торгово-посредническими операциями. В самое короткое время надо добиться перехода к селективной кредитной политике, обеспечить преимущество инвестиционным вложениям, особенно там, где у нас наибольшие провалы.

• Безотлагательного решения требует проблема *нормализации расчетов между предприятиями* — здесь проблема колоссальная, она все более осложняется; не хватает сотен млрд рублей. Ее надо решить незамедлительно, либерализируя кредитную деятельность.

• Стратегическое направление реформы — *формирование слоя предпринимателей,* в том числе на основе приватизации. Здесь без кредитования невозможно достигнуть задачи расширения предпринимательского класса. Но этого мало — в стране нет опытных менеджеров и банкиров; надо быстро разработать программы их подготовки, в том числе в Западной Европе, США, Канаде, Японии.

• Особое значение имеет, я уже говорил, *структурная* перестройка народного хозяйства. Необходимо в самые сжатые сроки определить приоритеты в структурной политике, направить на ее реализацию все виды финансовых ресурсов. Это самое главное в нашей политике, исходя из того, что в 1985—1992 годах потребительский *сектор экономики сократился в 4 раза.* Вот и считайте, какая у нас *существует* «социальная опора».

Структурная перестройка экономики включает и процесс конверсии. Неквалифицированный подход к конверсии ведет к технологической и технической деградации оборонных отраслей. Этот процесс идет полным ходом и его следует остановить. Соответственно снижается эффективность вооруженных сил. Причем вооруженных сил не только в плане оборонной политики, но и как элемента внешней политики, а также экспортных возможностей экономики.

...Доклад был воспринят с повышенным интересом не только большинством парламентариев, являющихся устойчивым «центром» и ориентирующихся на своего Председателя, но и многими радикал-демократами. Они, как правило, всегда, при критике правительственной политики, настойчиво повторяли одно и то же: «Да, курс не очень успешный, и возможно, имеет много изъянов. Но другой, альтернативной программы экономической реформы мы не имеем...» И вот я представил парламенту такую альтернативную Программу... Правительство и президент, хотя официально и не хотели признавать ошибочности своей политики, но тем не менее в ряде существенных положений, они учли требования парламентской Программы, в том числе в плане форсирования создания рыночной инфраструктуры. Но мне нужна была и определенная моральная победа — все население страны замирало у домашних TV, когда начинал работу парламент. Поэтому важно было показать, что у нас имеются серьезные предложения, которые могут повлиять на обстановку в стране в позитивном направлении. Эта цель, во всяком случае, была достигнута — общество увидело, что в парламенте не просто «критикуют правительство», а предлагают серьезные меры для улучшения ситуации в стране.

Результат шока

Отклонение прогнозируемых накануне реформы оценок от фактических результатов деятельности правительства состояло в том, что ни одна поставленная им цель не была достигнута.

• Скачок потребительских цен за 1992 год произошел не в 3,5 раза, как было заявлено президентом, а в 26 раз, что привело к невозможности приобретения значительной массой семей товаров даже первой необходимости. Тем не менее население в целом терпимо восприняло многократный рост цен, и крупных массовых забастовок или других социальных конфликтов не произошло. Однако напряжение и негативные ожидания в обществе нарастали.

• Падение производства начало перерастать в коллапс, в паралич экономики. В целом в 1992 году объем промышленного

производства по сравнению с 1991 годом снизился на 19%, товаров народного потребления — на 15%, из них продуктов питания — на 18%, тканей и обуви — на одну треть и так по всем отраслям. Это было падение неструктурного характера, хотя правительство неуклюже стремилось обосновать идею структурного спада: останавливались эффективные производства, сокращался выпуск крайне необходимой продукции. Такое падение производства было вполне закономерным следствием ошибочной промышленной политики, поскольку она не опиралась на рыночную инфраструктуру, создать которую правительство «забыло».

• Другой стратегический просчет правительства — это ориентация на немедленную ликвидацию дефицита бюджета. Уже в первом квартале 1992 года правительство, вопреки предупреждениям со стороны парламента, утверждало о своих возможностях реализовать бездефицитный бюджет. В итоге же получило дефицит федерального бюджета в объеме 5% от ВНП в формально учитываемом варианте. И вдвое больший с учетом скрытого участия Центрального банка в его покрытии, что, естественно, было неизбежным в создавшейся обстановке. Парламент России оценил бюджетную политику правительства отрицательно, корректировка бюджета продолжалась практически до конца 1992 года.

• В стремлении добиться бездефицитного бюджета под мощным давлением правительства, парламент неоправданно взвинтил налоги и недопустимо сократил государственные расходы на развитие жизненно необходимых отраслей, производств и сфер деятельности. В результате развился платежный коллапс, проблему которого, кстати, пришлось решать самим в июле-августе 1992 года парламенту и Центральному банку, которые тогда практически заменили правительство Гайдара, полностью потерявшее управление экономикой. Действительно, в своем пике неплатежи достигали 78% валового внутреннего продукта. Кризис охватил четыре пятых всех промышленных предприятий.

• Следствием этих ошибочных решений явилось катастрофическое падение курса рубля по отношению к доллару и другим мировым валютам. Это привело к многократному обесцениванию национального богатства страны и укреплению криминальных аспектов в политике денационализации, росту нищеты, социальному расслоению.

• Наиболее крупной неудачей оказалось более глубокое, чем прогнозировалось правительством, падение уровня жизни населения. По официальным расчетам, около одной трети населения имели к концу 1992 года доходы ниже прожиточного минимума.

• В итоге в 1992 году совокупные денежные накопления населения относительно среднемесячных потребительских расходов были в 2,3 раза меньше, чем в 1991 году, а сбережения в организованных формах (вклады, акции, облигации и так далее) были меньше примерно в 4 раза. Это при том, что все сбережения населения, составлявшие внушительную сумму примерно 600 млрд долл., были фактически не просто обесценены, а конфискованы «Гайдаром и К°».

• Причинами этих катастрофических последствий являются не «коммунистическое прошлое», не «сопротивление реакционных сил «реформам», как это утверждалось президентскими сторонниками, а грубые просчеты в экономической стратегии, легкомысленное отношение к сложнейшим внутренним проблемам, даже скорее — незнание этих проблем, в частности, в центр реформы была поставлена не серьезная практическая и организационная работа по созданию рыночной среды, перегруппировке производства, а лишь мероприятия в финансовой сфере, к тому же необоснованные, а потому малореальные. Практика подтвердила опасения многих экономистов, что либерализация цен без предварительного создания хотя бы первичной рыночной инфраструктуры приведет к их неуклонному и неограниченному повышению монополистами.

• Порою меры правительства выглядят вроде бы радикальными, но оказывается оторванными от реальной действительности, не учитывающими ее. Например, парламенту был предложен проект закона о банкротстве предприятий в надежде, что он будет провален, а парламент его принял. И что же? С мая 1992 года (со времени принятия) он так и не действует. Изумленное правительство так и не поняло, что же делать с этим законом о банкротстве?

Таким было мое выступление, я конечно, отклонялся от текста, некоторые моменты сокращал, но текст (писаный) я привожу достаточно подробно. Эта программа корректировки реформ, разработанная видными учеными и специалистами страны, не вызвала внимания ельцинистов. Этим самым было нанесено прямое оскорбление академической экономической науке. Разработчики программы, внесшие свой опыт и знания, тяжело переживали такое равнодушие власти к их мнению.

Очевидное отсутствие корректировок в правительственном курсе в сторону прагматизма в сложных условиях вынудило парламент пойти на самостоятельное проведение мер в

области социальной политики. Это прежде всего усиление контроля за социальной политикой и, как ключевое звено, укрепление Пенсионного фонда в статусе независимого от правительства органа, аккумулирующего средства, направляемые на пенсионные цели. Это давало возможность парламенту более или менее постоянно поддерживать уровень пенсионного обеспечения людей.

По инициативе парламента были приняты акты о возможности купли-продажи дачных, приусадебных участков, имеющихся у 73% семей Российской Федерации, о безвозмездной передаче в частную собственность жилья, целый ряд нормативных актов, направленных на повышение минимального уровня заработной платы, пенсий и студенческих стипендий. Эти меры имели задачу конкретного улучшения положения людей. Собственно, все эти меры, предпринятые парламентом со второй половины 1992 года, практически «спасли» правительство от позорного изгнания еще в сентябре — октябре 1992 года, а экономику — от полного развала. Однако общей ситуации в стране действия парламента изменить не могли. К тому же многие позитивные идеи парламента блокировались шумными акциями ультрарадикалов, бездумно поддерживавших обанкротившуюся правительственную политику. Продолжалось налоговое «удушение» регионов и предприятий. К тому же правительство и президент встали на путь введения косвенных налогов. А массированная пропаганда о чудодейственности западной помощи в размере 24 млрд долларов парализовала волю предпринимателей, хозяйственных руководителей, внесла беспокойство в общественное мнение и во многом повлияла на результаты решений VI Съезда народных депутатов. К этому времени (март 1992 года) стало уже предельно ясно, что надо было заменить ни к чему позитивному не способное правительство Гайдара. Но этого не произошло. Поэтому экономическое состояние общества продолжало непрерывно ухудшаться. Все это, конечно, ослабляло позиции исполнительной власти во главе с Ельциным, что сильно меня беспокоило. Не способный к серьезному анализу, не терпящий критики, он уже начинал ненавидеть всякого, кто говорил правду, кто был способен на объективный анализ.

Но я продолжал с ним работать, хотел тесного взаимодействия в работе, исходя из наших общих задач и общей ответственности за судьбы Отечества.

Тэтчер

...Британский посол, посетив меня, пригласил на завтрак в посольстве с госпожой Маргарет Тэтчер, прибывшей с неофициальным визитом в Москву. Ее партия консерваторов проиграла в 1990 году парламентские выборы лейбористам Мэйджора, и она уступила пост главы правительства после почти 12-летнего правления. Согласился. Завтракаем, разговариваем о чем-то, я делаю комплименты относительно ее удачной экономической политики в 80-х годах. Она, в свою очередь, расспрашивает о законодательной деятельности Верховного Совета, восхищается нашей августовской (1991 года) победой. Вдруг открывается дверь, входит посол и... Гайдар. Госпожа Тэтчер с наигранной радостью приглашает гостя присоединиться к нашей «интересной беседе». Разумеется, я поддакиваю с неменьшим радушием, хотя про себя думаю: *«Что это за затея?»*

Тэтчер переводит разговор на «взаимоотношения», говорит: *«Вы, господин спикер, человек очень талантливый и опытный. Господин Гайдар не такой опытный публичный политик, как вы, но он очень хорошо понимает, какие реформы нужны России. И поэтому вам обоим нужно работать дружно».*

Гайдар вступает в разговор, говорит, что напрасно Руслан Имранович критикует его, Гайдара, либерализацию цен: «Госпожа Тэтчер может подтвердить, что такая мера — необходимое звено в начальный этап реформы»... Тэтчер восклицает: «Совершенно верно!»... И начинает по-старчески увлекаться, долго и скучно рассказывает о ситуации, с которой она столкнулась в Англии, когда пришла к власти в 1979 году, какие ей препятствия чинили и как она одержала великую победу и т.д.

Гайдар с жаром продолжает тему. Прошло минут 30 в такой «их» беседе-диалоге. Мне скучно, молчу, изредка вставляя какие-то ничего не значащие реплики, в том числе

одобрительные, когда говорила Тэтчер. Наконец, Тэтчер обращается ко мне с вопросом:

«Как вы думаете, господин спикер, получится у вас совместная работа с господином Гайдаром?»

Я отвечаю: *«Госпожа Тэтчер, могу вам, так же как и всем другим, кто задает мне этот вопрос, ответить самым искренним образом: все зависит от самого господина Гайдара. Если он найдет в себе силы работать совместно с парламентом, мы, несомненно, найдем самые лучшие решения для успеха. Россия — это не Великобритания. У нас — другие условия, поэтому и парламенту, и правительству надо учитывать эти наши конкретные российские условия. Если говорить о нашем правительстве, оно по нашей Конституции, не является избранником народа и несет полную ответственность за свою деятельность не перед народом, а перед президентом и парламентом. Если правительство Гайдара добьется успехов в проведении реформы — оно долго будет управлять страной, если нет — уйдет в отставку. Мы все — и парламент, и правительство, и президент — не коммунистические вожди, мы не должны во что бы то ни стало цепляться за власть... А теперь, если вы позволите, госпожа Тэтчер, господин посол, я вынужден вас покинуть, меня ждут дела...»* — и ушел.

...Через год один «эпизод» в связи с госпожой Тэтчер вызвал повышенный интерес в нашем и британском обществах, во всяком случае, в прессе наблюдался ажиотаж. Давая кому-то интервью, госпожа Тэтчер допустила крайнюю бестактность — она высказалась в том плане, что российский парламент не отражает «новую ситуацию» и ему следует самораспуститься; он оказался не способен принять демократическую конституцию и т.д.

Буквально в эти же дни, когда наша пресса оживленно обсуждала высказывания «великой Маргарет Тэтчер» — низкопоклонства в русском обществе всегда хватало, — у меня была телевизионная беседа с Олегом Попцовым, руководителем российского телецентра. Его, конечно же, интересовали мои «впечатления» относительно «рекомендаций» госпожи Тэтчер.

Я ответил следующим образом: *«Мне неинтересны дилетантские суждения разного рода гастролеров, которые с*

умным видом говорят большие глупости... Что же касается конкретно госпожи Тэтчер, я посоветовал бы ей обратить внимание на то, что у Англии вообще нет конституции — никакой. Но я ведь не пытаюсь им «советовать», как было бы хорошо, если бы Англия приняла конституцию...

Или возьмем другой вопрос — что это за прославленная британская демократия, когда верхняя палата парламента формируется некими наследственными джентльменами-дворянами? Где же здесь демократия? — Непорядок! — Срочно отмените эту «палату», пусть эти джентльмены занимаются охотой на лис в своих поместьях! Или другая британская проблема — десятилетиями идущая война в Северной Ирландии, в Ольстере. Так что у Англии множество своих внутренних проблем, и их политикам следует искать пути их решения, а не соваться дилетантски в дела чужие. Мы лучше всяких «заезжих бабешек» знаем, как надо решать наши проблемы...»

Вся страна была в восторге от словосочетания «заезжая бабешка». Ну а радикал-демократы неистовствовали: *«Как посмел Руслан Имранович так высказаться об уважаемой леди!»*

...Принимал я позже, спустя какое-то время, делегацию палаты общин британского парламента. Один из депутатов, прощаясь, говорит: *«Господин спикер, некоторое время тому назад вы задали нелегкую работу для всего нашего парламента, не говоря уже о госпоже Тэтчер — мы искали точный смысловой перевод понятия «заезжая бабешка». Нам дали чуть ли не десяток толкований, пока мы не поняли истинный смысл. У вас хороший юмор...»*

Балканизация России остановлена: Федеративный договор

...В 1989—1992 годах процессы прямого распада доминировали не только в отношениях между Союзным центром и Союзными республиками. Однако лидировала в стремительном развитии этих процессов Россия — здесь публично, с неимоверным пыло́м разного рода политиканы

обсуждали вопросы о перспективах Уральской, Вологодской, Сибирский, Дальневосточной и иных республик, — которые, на их взгляд, должны были стать «преемниками» РСФСР. Не говоря уже о том, что ее автономии, а их было 21, должны были, по мнению тогдашних аналитиков, — получить «полную независимость». Юрий Афанасьев, Галина Старовойтова, Гавриил Попов и другие «теоретики» той эпохи, чьи взгляды абсолютно доминировали в столичной прессе (дело обстояло приблизительно так, как ныне происходит с идеями кремлевской бюрократии), — рассуждали о том, что на «территории РСФСР должно появиться 30—35 независимых государств». Высказывание Ельцина в адрес автономий... «глотайте суверенитет столько, сколько проглотите...» — не было импровизацией; он находился под сильнейшим влиянием взглядов этих людей. Но я тогда занимал слишком сильные позиции во власти, и никто не мог игнорировать меня, поэтому все то, что я говорил, мгновенно публиковалось...

У меня в тот период была совершенно другая позиция, покоившаяся на четких классических представлениях о том, что такое государство. С самого начала дискуссий относительно «суверенитетов республик» я публично заявил (можно сделать подборку газет и журналов того периода с моими статьями и интервью на эту тему), что «суверенитет республик, входящих в состав России, может быть достаточно обширным, но ограничиваться тем пределом, когда начинается распад государства России... Здесь следует руководствоваться отношениями между целостностью и частями этого целого, то есть между «государством как целым» и «его республиками как частями» этого «единого, целого и неделимого»... «Часть» не может стать равной «целому» — такова логика и диалектика...».

Помнится, возмущенный моей жесткой позицией в этом вопросе, председатель Верховного Совета Башкирии Муртаза Рахимов, человек прямой и честный, на одном из совещаний, которое проводил Михаил Горбачев в Кремле, пожаловался ему на меня. Он тогда сказал примерно следующее: «Михаил Сергеевич, вы разберитесь с Хасбулатовым. Председатель Верховного Совета РСФСР Борис Ельцин

нам, автономиям, дает столько суверенитета, «сколько мы можем проглотить», а его первый заместитель, Хасбулатов, отнимает этот суверенитет у нас он утверждает, что в таком случае следует ждать распада РСФСР, ссылается на Аристотеля, Платона и Гегеля. Но нам, республикам, Гегель ни к чему — нам нужен суверенитет...» ... Горбачев благодушно улыбается, чертит руками круги, говорит, что «поправит Руслана», «не беспокойтесь»...

В общем, дела обстояли очень плохо... Общество, находившееся в окончательном упадке в результате «гайдаровских» реформ, даже не замечало, что дело идет к стремительному распаду Российской Федерации. Сепаратистская активность Татарии и особенно Чечни, ее главаря, отставного генерала Дудаева, преподносилась столичной печатью как «героическая борьба с остатками империи». Такие газеты, как «Известия», «Московский комсомолец», «Московские новости», «Комсомольская правда», десятки других столичных изданий были переполнены восторженными описаниями каждого жеста, мимики, слов... Дудаева — этого «последнего доблестного солдата Империи», ведущего «неравный бой с Хасбулатовым, цепляющимся за ...прогнившую Российскую Империю...» Таковы были слова и мысли публикаторов этих газет, ныне «забывших» эту свою позицию и полагающих, что История тоже предаст ее забвению. Наивные люди! История ничего не забывает. Уйдут в небытие доминирующие ныне в политической жизни страны ельцинисты, и все станет предметом беспристрастного анализа со стороны теперешних наших ребятишек — студентов, которые сами разберутся в правде 90-х годов.

Несмотря на все баталии вокруг экономической реформы, мы в Верховном Совете не могли не заниматься еще более сложной проблемой, какой представляла собой задача сохранения единства страны. Еще на II Съезде народных депутатов, осенью 1990 года, я делал Доклад относительно Союзного и Федеративного договора. Тогда мои слова оказались вещими. В частности, мною было сказано, что если мы не сумеем в ближайшее время подготовить и заключить Союзный договор, страну ждут большие беды. После распада СССР процессы дезинтеграции перекинулись на

Россию — автономные республики требовали чуть ли не полной самостоятельности, области и края провозглашали себя «республиками», шантаж регионов центра приобретал всеобщий характер.

Слабое до беспомощности, крайне неэффективное и не авторитетное федеральное правительство само являлось источником роста сепаратизма и регионализма республик, областей и краев. И можно со всей ответственностью заявить: **если бы центр политического процесса в 1991—1993 годах плавно не переместился бы из Кремля в Парламентский дворец — не было бы сегодня единой России.** И скорее всего, реализовалась бы идея некоего конгломерата полуколониальных государственных образований (30—35 субъектов) на территории России, как прогнозировали в своих тогдашних публикациях и зарубежных выступлениях лидеры радикал-демократов. Только такое расчленение России, полагали они, может «окончательно» решить вопрос о «русской империи». Забегая вперед, скажем, этими концептуальными идеями руководствовались они, когда открыто поддержали мятежный режим генерала Дудаева. Они хихикали в прессе, когда грозненские мятежные власти приняли смехотворное решение о «лишении депутатского мандата Р.И. Хасбулатова»...

Правительство и президент, столкнувшись с неодолимыми для них препятствиями, вообще отказались от задачи разработать и подписать более или менее приемлемый Федеративный договор. Страна неумолимо двигалась в направлении распада. Зарубежные печатные органы 1992 года были переполнены статьями, авторы которых с тревогой писали о неминуемом хаосе в России, который наступит в результате феодализации Российской Федерации. Вот в такой обстановке я лично взялся за разработку Федеративного договора, который скрепил бы все субъекты России в едином конституционном акте, в котором были бы четко определены права, полномочия и взаимоотношения на трех уровнях: республики, области и края, автономные области.

Не буду описывать все проблемы и трудности, которые приходилось преодолевать. Сообщу лишь, что приходилось приглашать к себе лично чуть не всех руководителей регио-

совершенно уверенным в полном успехе всего этого предприятия.

Другой фактор успеха — это правильная тактика в отношении Кремля. Если бы «подключил» людей Ельцина — это был бы неминуемый провал. Ельцин поручил бы это «дело», например, Сергею Шахраю, тот неумолимо начал бы конфликтовать с лидерами провинций, последние, в свою очередь, раздраженные таким отношением, просто покинули бы Москву. Поэтому я строго запретил Ярову никого из Кремля не приглашать, проекты наших рабочих документов никому не показывать. Эта тактика дала блестящий успех...

Это событие оказало ошеломительное воздействие на Кремль... Я еще подводил «промежуточные» итоги, выступая перед участниками этого Исторического Совещания (а в соседнем помещении, там же на 2-м этаже Белого дома, накрывались столы для торжественного ужина), как мне позвонил Ельцин.

Ельцин: Руслан Имранович, я слышал, что вы успешно завершили работу с Федеративным договором, подписали документ. Это — очень хорошо. Но, может быть, я тоже поставлю свою подпись — я ведь президент страны. А тут такое дело, как будто меня и нет... Как вы смотрите на мое предложение? Люди еще не разъехались?

Я: Борис Николаевич, это хорошая идея. Будем считать, что я подписал с руководителями субъектов своего рода «предварительный Договор». От имени Российской Федерации подписи мы можем поставить вдвоем. Я не только не возражаю, но и приветствую ваше решение. Но учтите только одно — никакой ревизии документа, иначе — все «взорвется».

Ельцин: Я понимаю, уверен, что в тексте все то, что следует отразить, я знаю, что вы все контролировали лично.

Я: Хорошо, Борис Николаевич, дайте нужные указания к торжественному акту.

Ельцин: В таком случае, я даю задание, чтобы завтра, 31 марта, в Большом Кремлевском дворце приготовили все необходимое для этого торжественного события.

Я: Согласен, я выделю для оказания помощи Юрия Ярова, пусть с ним свяжутся организаторы. Попросите также пригласить Председателя Конституционного суда Валерия Зорькина, а может быть — и весь состав Суда.

Ельцин: Хорошо, это будет правильно.

Я: Борис Николаевич, надо, чтобы был хороший ужин.

Ельцин *(довольный)*: Конечно, а как же без ужина. Я скажу, чтобы все было на высшем уровне...

Я вернулся в зал — все заметили мой уход, ждут. Я сообщил, что звонил Ельцин, передает нам всем свою искреннюю благодарность и поздравления. Он на радостях приглашает всех в Кремлевский дворец для торжественного акта подписания и дает ужин. Кто-то спросил: а не будет ли попытки «пересмотра» положения Договора? Я успокоил, заверив, что об этом и речи не может идти. Все были необычайно довольны. Их, региональных лидеров, не меньше нас, конечно, беспокоила неопределенность с позицией Кремля вокруг Федеративного договора. И завершение с таким согласованным результатом, конечно, рассматривалось ими как выдающийся успех в нашем общем деле по сохранению единства страны. Ведь они по большому счету были искренними патриотами России.

Вечером 31 марта в Большом Кремлевском дворце мы подписали Федеративный договор уже с участием Ельцина... Помню слова Валерия Зорькина уже на торжественном ужине:

— Руслан Имранович, кроме вас, никто в стране не сумел бы разработать этот Документ и привести субъекты к его подписанию. Вы сами представляете значение того дела, которое вы только что сделали? ... Конечно, я понимал.

...Затем мы инкорпорировали этот Договор на очередном Съезде народных депутатов в Конституцию страны, и он приобрел конституционный характер. Так была буквально спасена Российская Федерация от грядущего распада, к которому она приближалась. В том числе благодаря ельцинско-гайдаровской деятельности в 1992 году.

Падение Гайдара

Скорый уход Гайдара стал вполне прогнозируемым уже через два-три месяца после начала его деятельности как главы экономического блока в правительстве Ельцина. Принципиально неверным было первое решение, которое объявил Ельцин — либерализация цен, которая предшествовала приватизации. Ситуацию еще можно было значительно поправить, если бы Гайдар понял бы ее ошибочность и вместе с парламентом согласовал бы целый ряд законодательных актов с целью корректировки избранного ошибочного курса. Но он упрямствовал. Его не смог убедить даже такой признанный авторитет, как академик Николай Петраков, который получил широкое мировое признание еще с 1990 года, когда он предложил Горбачеву основательно проработанную программу радикальной экономической реформы. Академики Георгий Арбатов, Станислав Шаталин, Николай Шмелев, Олег Богомолов, Виктор Мартынов, Леонид Абалкин, член-корреспондент Павел Бунич, Владимир Шенаев и др. — все эти ученые, превосходно знающие механизмы рыночной экономики, изучившие практику трансформации множества стран, предупреждали и в публичных выступлениях, и через аналитические записки и доклады, направляемые в Правительство и Верховный Совет, о необходимости внесения существенных корректировок в объявленный план экономической реформы. При этом они предлагали свою помощь, в том числе коллективы своих научных институтов, даже известные ученые из западных стран, с которыми я встречался, выражали беспокойство в связи с непродуманностью президентско-правительственных действий.

Все было тщетно. Примерно с лета—осени 1992 года стали поступать отрицательные оценки деятельности Гайдара в целом ряде аналитических докладов международных организаций, в частности, такие оценки содержались в Докладе Экономического и социального совета ООН и ЮНКТАД. В первом докладе утверждалось, что «первый этап реформы в России, терпит неудачу... в силу чрезмерного ударения на «ценовые механизмы» и попытки достигнуть бюджетный

баланс «любой ценой». В докладе далее говорилось о том, что в условиях *«кардинальной экономической реформы правительства должны мобилизовать в качестве союзников... все группы общественных сил, которые усматривают в проведении реформы прямую выгоду для себя...»*. Но разве не об этом же говорили наши депутаты? Правительство не только игнорировало все эти «общественные силы», но даже пыталось проводить реформы ... без парламента, через «указное» право! Какие успехи можно было ожидать от самоуверенных дилетантов!

Авторы второго доклада (ЮНКТАД) были еще более адресными — они прямо обвиняли российское правительство в *«игнорировании интересов большинства населения», попытках создать «искусственно класс собственников», наделяя их государственными предприятиями... на сомнительной с точки зрения закона основе...»*

Я распорядился, чтобы материалы этих докладов были вручены нашим депутатам... Они произвели на них ошеломляющее впечатление, критика правительства в парламенте стала еще более жесткой, ироничной. Правительство потеряло авторитет, его уже просто не уважали.

Всю деятельность по корректировке правительственных действий пришлось осуществлять исключительно парламенту, в том числе через законодательные акты. И мы во многом «смягчили» непродуманную политику правительства... В апреле 1992 года Ельцин передал полномочия главы правительства Гайдару, вскоре он же «убрал» из правительства и Бурбулиса, который, видимо, чрезмерно влиял на Гайдара и далеко не в лучшем направлении. Но никаких существенных изменений в правительственной политике не последовало. Экономика все глубже входила в состояние коллапса, недовольство охватывало все большее число людей. Нам, парламентариям, приходилось выполнять множество не свойственных нам задач, восполняя тот вакуум исполнительной власти, который был для всех очевиден. И это хорошо стали представлять региональные лидеры — главы администраций и руководители местных представительных органов — советов. Они с нетерпением ждали очередного

Съезда народных депутатов, чтобы отправить в отставку все это правительство.

Отправить в отставку правительство мог и Верховный Совет, и причины для этого возникали неоднократно. Например, когда вопреки утвержденным принципам приватизации, правительство представило чубайсовскую «ваучерную приватизацию», немедленно получившей наименование «мошеннической» (в силу безадресности приватизационных чеков — ваучеров). Другой случай, связанный также с законом о приватизации — он был изменен до неузнаваемости, уже после того, как был полностью утвержден парламентом. Это было неслыханным прецедентом в истории парламентаризма, насколько я знаю. Естественно, что многие из этих членов правительства в парламенте воспринимались как случайные, безответственные люди, не имеющие никаких обязательств перед обществом. И поэтому смело экспериментирующие...

Но отправить в отставку это правительство парламент не мог, поскольку я выступал против такого решения. Хотя парламентарии были недовольны такой моей позицией, но большинство меня поддерживало в этом. Я сумел убедить депутатов в том, что дело не только в правительстве, а гораздо сложнее — в отношениях между парламентом и президентом — а их, эти отношения, я не хотел портить. При личных встречах я убеждал Ельцина в необходимости смены главы правительства — найти сильного, авторитетного лидера, но президент был упрям, хотя соглашался, что многие члены правительства «недотягивают» до нужного уровня: нет опыта, знаний, умения строить правильные отношения с парламентом и т.д. Поэтому и парламентарии, и региональные лидеры, и общественность — все терпеливо ждали очередного, VII Съезда народных депутатов в полной уверенности, что правительство во главе с и.о. его главы Гайдаром будет смещено на этом съезде. Так оно и произошло.

VII Съезд народных депутатов России, как всегда, открылся в Большом Кремлевском зале, в декабре. Я выступил с большим докладом, охарактеризовал общую обстановку в стране, сделал анализ деятельности правительства, показал причины неудачи экономической реформы. Вы-

ступил с докладом, разумеется, и Егор Гайдар, попытался полемизировать со мной, оспаривая некоторые положения моего доклада. Но они были неубедительны. Дискуссия по вопросам правительственной деятельности была суровой, высоко профессиональной, но справедливой. Практически все выступающие показывали превосходное знание условий страны, они прибегали к сравнениям из практики разных стран, вскрывали не только ошибочные решения, но и откровенные глупости в деятельности правительства. Ряды сторонников правительства Гайдара из группы радикальных демократов, были незначительными.

Доклад председателя парламента на VII Съезде народных депутатов Российской Федерации

Уважаемые граждане Российской Федерации! Уважаемый Президент Российской Федерации! Уважаемые народные депутаты, гости Съезда!

Седьмой Съезд народных депутатов собрался в исключительно ответственный период жизни нашего Отечества. От наших решений во многом зависит цена, которую придется заплатить обществу на пути преобразований.

Президент в своем докладе представил общие подходы к некоторым из решений этой проблемы. Думается, что они станут предметом самого внимательного обсуждения на нашем Съезде.

Съезд должен сказать свое решающее слово о ситуации в стране, дать объективную оценку ходу экономической реформы. Для народных депутатов Российской Федерации и Президента, избранных народом и подотчетных ему, объективность оценки — естественная потребность, предпосылка выработки эффективных мер по выходу из кризиса и конкретных действий, ухудшения экономической и социальной обстановки.

Верховный Совет, многократно обращаясь к оценке общественно-экономической ситуации, характеризует ее как крайне сложную, притом ухудшающуюся, взрывоопасную, кризисную. Проблема номер один — это спад производства, грозящий его остановкой. По итогам 1992 года ожидается как минимум 20-процентное сокращение производства. Если предположить, что падение производства продолжится и в следующем году (а именно об этом свидетельствует и прогноз Правительства), то суммарное сокращение выпуска

продукции за три года, 1991—1993, превысит 50%. После такого падения впору будет говорить о воссоздании экономики, причем от нуля, а не о реформировании ее на рыночный лад. Объём капитальных вложений за девять месяцев снизился на 48% по сравнению с соответствующим периодом прошлого года. А ведь и 1991 год был отнюдь не благополучным с точки зрения инвестиций. Произошел полный крах инвестиционной политики. В бюджетном послании говорилось, что для выполнения инвестиционной программы в соответствующих ценах необходимо затратить 850—900 млрд рублей. Профинансировано же за десять месяцев 169,4 млрд рублей.

Драматизм ситуации состоит в том, что объективных причин для такого падения производства, по оценке ведущих институтов и специалистов страны, у нас нет.

Жилищное строительство, например, сократилось в три раза — это уровень 1951 года. Следовательно, преобладают все-таки факторы субъективного порядка, суть которых заключается в неадекватном отношении к реальностям экономической жизни. Другая острая проблема — это абсолютное ухудшение качества жизни, обнищание людей. О катастрофическом снижении уровня потребления говорит такой показатель: розничный товарооборот в физическом измерении за 10 месяцев текущего года снизился на 39% по сравнению с соответствующим периодом прошлого года; резко ухудшилась его структура.

В гонке за ценами доходы населения безнадежно отстали. На каждые 100% роста цен по сравнению с декабрем прошлого года денежные доходы в среднем повысились на 40—50%, в то время как Правительство еще в январе обещало 70-процентный уровень компенсации. Это откровенно конфискационный вариант экономической политики. Конечно, наши совместные действия в этой политике трудно назвать иначе, как безнравственными по отношению к накоплениям населения. Денежные средства, которые кто-то копил, может быть, всю жизнь, обесценили буквально в считаные месяцы. И здесь нужны не просто обещания возвратить долги, а конкретные решения и конкретные сроки: когда и в каких формах они будут возвращены.

А сегодня же большинство семей не могут позволить себе не только покупку ставших давно привычными товарами (холодильников, телевизоров и прочего), но и просто качественно питаться.

Обстановка складывается так, что абсолютное большинство населения не выдерживает такого катастрофического снижения уровня жизни, а многие люди живут в невыносимых условиях. Мы не можем дальше испытывать их терпение.

Происходит резкое социальное расслоение людей. По данным Института социально-экономических проблем народонаселения, произошла, по существу, поляризация общества: 10% считают себя достаточно благополучными, 50% отождествляют себя с обездоленными, 30 % — с ущемленными и оставшиеся 10% — находящимися на краю физического выживания. На фоне горстки обеспеченных абсолютное большинство семей полностью лишились накоплений, живут в долг, зачастую растрачивая ранее накопленное имущество. Демографы с тревогой отмечают вхождение страны в «полосу естественной убыли населения, уменьшение потенциала здоровья нового поколения россиян, снижение уровня интеллекта».

...Углубленный анализ показывает, что процесс разрушения финансово-кредитной системы не остановлен. Инвестиционная деятельность прекращается. Плата за кредит превысила 100%. Курс доллара на валютном рынке составил около 450 руб. Уровень инфляции в декабре текущего года прогнозируется Центральным банком Российской Федерации в расчете на год в размере 2200%. В октябре 1992 года по сравнению с декабрем 1991 года оптовые цены возросли в 32 раза, потребительские цены на товары и услуги — более чем в 16 раз. Все это трудно характеризовать иначе, как полный крах экономической политики. Вывод достаточно однозначный, хотя, откровенно говоря, делать такой вывод очень и очень нелегко.

Реальная стоимость рубля по отношению к доллару занижена в 10—15 раз. Пример: отбойный молоток у нас стоит 15 долларов — это больше, чем 10 кубометров леса. *(Аплодисменты.)*

А — экскаватор 5 тыс. долларов. Скажите, в какой стране можно купить эти изделия и материалы за столь ничтожные цены? Почему рубль искусственно обесценен — это особая тема, и в ней надо основательно разобраться. На мой взгляд, суть ее в том, что большое количество ошибочных решений в сфере ценообразования, приватизации, инвестиционной политики, регулирования кредитно-денежных отношений, породили в буквальном смысле слова кумулятивный эффект огромной разрушительной силы, справиться с которой ни Президент, ни Правительство, ни Верховный Совет — даже если наделили их диктаторскими полномочиями — объективно не в состоянии. Правительство, в силу неэффективной, неразумной деятельности, создало хаос. *(Аплодисменты.)*

Народное хозяйство все более теряет управляемость, процесс приобретает черты распада, при этом речь идет об экономике, остающейся по преимуществу государственной, но государством не направляемой, не управляемой. Хотя и здесь, надо отметить ради

справедливости, в последний период — уже при приближении нашего Съезда, скорее всего и чуть раньше, — Правительство сделало некоторые верные выводы, стараясь наладить сотрудничество и с госпредприятиями, и с частными предпринимателями. Тем не менее не созданы даже какие-то основы рыночной сферы с его конкурентными механизмами. Госмонополизм переходит в акционерные формы, сужая возможности и без того узкие в удовлетворении растущего потребительского спроса. Ценообразование еще более деформированно, чем при любой командной экономике.

Из месяца в месяц усиливаются тенденция к спекулятивно-мафиозному движению товаров, отвлечение средств в подпольный оборот в ущерб развитию производства. Идет процесс глобального перераспределения национального дохода в пользу мафиозно-государственно-предпринимательского капитала, формируются теневые капиталисты-монополисты. Практически легализован механизм отмывания на классической — спекулятивно-посреднической основе. *(Аплодисменты.)* Потеряны всяческие стимулы к производительному труду. Издержки предприятий растут гигантским образом, неконкурентными вдруг оказываются наиболее технологически оснащенные предприятия, на этом фоне стремительно растут процессы люмпенизации общества, в том числе интеллигенции.

Все это подтверждает справедливость довольно-таки жестких оценок и основных идей, изложенных в наших материалах о дальнейшем развитии экономической реформы в России, которые были представлены депутатам, участникам еще шестого Съезда.

Концепции реформы

В чем основа главных споров вокруг различного рода программ и их осуществления? Здесь, конечно, вопрос фундаментальный, связанный с разными концепциями реформ. Речь прежде всего идет о модели того демократического общества, приверженцами которого, как представляется, выступает абсолютное большинство Съезда. Проблема эта, повторяю, действительно фундаментальная, и очень хорошо, что хотя бы в последнее время СМИ более или менее объективно стали освещать эту важнейшую проблему. Хочу лишь повторить кратко то, о чем мы уже говорили неоднократно на протяжении всего этого года.

Наши принципиальные отличия основаны практически на трех постулатах: роли государства, соотношении разных форм собственности, характере ориентации на решение социальных вопросов с точки зрения понятия социальной справедливости.

Все эти три постулата, как показывает всемирный опыт, реализуются при выборе модели рыночной экономики в более или менее выраженных двух направлениях при всей их национальной специфике.

Первое направление — это так называемая *неоклассическая либеральная модель.* Она, как вы знаете (многие во всяком случае знают), покоится на полном отрицании государственной собственности и, соответственно, абсолютизации частной, что предполагает резкое сокращение социальной функции государства. Наиболее яркий пример такой модели — это экономическая политика США после рузвельтовского периода. Причем независимо от того, какая партия выдвигает и добивается победы своего президента. Но этому есть свое объяснение, которое не имеет отношение к российской деятельности.

Другое направление — это социально-ориентированная модель рыночной экономики. Она покоится на свободном сосуществовании разных форм собственности, сильной социальной функции государства, индикативном планировании и прогнозировании. Это направление характерно в основном для европейских и в особенности для Скандинавских стран, Израиля, Канады. Эту же парадигму развития, похоже, выбирают Китай, Южная Корея, быстро развивающиеся страны Латинской Америки, Арабского Востока. Все эти страны имеют достаточно развитую смешанную экономику. (То, что понималось нашими теоретиками как многоукладная экономика эпохи НЭПА.)

Собственно, тенденция к смешанной экономике становится общемировой, и было бы наивно пытаться игнорировать это и стараться «американизировать» нашу экономику. Как показывает исторический опыт, каждая форма собственности имеет свою нишу и удовлетворяет соответствующие потребности общества. Следовательно, стратегией дальнейших действий должно стать движение к современным формам социально-ориентированного рыночного хозяйства, базирующегося на смешанной экономике, за такое развитие и углубление реформ сегодня выступают основные политические движения, деловые круги, население страны. При этом особо важную роль играет *мелкая собственность.*

Все это я говорю не случайно. Дело в том (и теперь это очевидно), что лидеры нашего Правительства строят свою практическую политику, основываясь именно на первой модели, и на рыночных параметрах неолиберальной политики, отрицающей глобальную роль государства. Отсюда и тенденция к приватизации всего и вся, попытки резко ограничить регулирующую роль государства, уход

государства из сферы науки, образования, медицины, культуры, социальной защиты населения. Я в данном случае не пытаюсь давать оценку, хорошо это или плохо, а лишь хотел бы, чтобы вы аналогичным образом проанализировали законодательную деятельность Верховного Совета и решения съезда народных депутатов страны. В рамках какого рыночного направления развивался законодательный процесс весь этот период? Ответ однозначный — в рамках социально-ориентированного рынка, — *в то время как правительственная политика покоится на парадигме совершенно иной модели — отрицания этой его роли. Вот здесь главное противоречие всей экономической политики государства. (Аплодисменты.)*

Конечно, надо прямо сказать: Верховный Совет и Съезд встали на путь второго направления отнюдь не в силу каких-то теоретических предпочтений, а скорее эмпирически, с учетом реалий и под влиянием своих избирателей, хорошо представляя конкретную жизнь рядовых сограждан. Поэтому практически каждый законопроект, предлагаемый Верховным Советом и Правительством, подвергался коррекции именно с позиции социальной его ориентации. Но в то же время, повторяю, Правительство во многом свободно от контроля парламента и, будучи приверженцем как раз противоположных вопросов для Съезда — осуществить четкий выбор между моделями рыночного хозяйства. *(Аплодисменты.)*

Хочу напомнить, что в проект новой Конституции введена статья «Социальное государство», многие положения нового проекта Конституции содержат понятие «смешанная экономика». Поэтому и выбор Съездом модели рынка должен быть непосредственно связан с составом Правительства и его главой. *(Аплодисменты)*

Отсюда следующий вывод: навязываемый обществу тезис о якобы «борьбе за реформы и против них» — это примитивная пропаганда. На деле подлинным реформатором выступал Законодатель, в то время как правительство все еще не разобралось в методологии реформ, осуществляющихся с 1990 года в России. (Аплодисменты.)

Уверен, что здесь нет противников реформ, но реформы должны иметь внутреннюю логику, свои этапы, они должны быть логичными, с точно обозначенными целями на каждом этапе. И на каждом этапе должен быть небольшой, но успех. В этом смысле Верховный Совет по своей инициативе сделал ряд важных шагов: повышены минимальная пенсия, заработная плата, бесплатно передано в собственность гражданам жилье, превращены в собственность с правом купли-продажи дачные, садовые участки. Кстати, это затронуло более 110 миллионов наших сограждан. *(Аплодисменты.)*

Схема первоочередных мер, которые надо решить при осуществлении экономической реформы, поддерживается сейчас многими государственными и политическими лидерами, партиями, движениями. На сегодняшний день имеются десятки программ выхода страны из кризиса. Только тех программ, которые поступили в парламент, насчитывается около ста. Но следует отметить, что примерно пять-семь из этих программ, которые поступили в парламент (так же как и программу корректировки, представленной российскими учеными в марте-апреле), заслуживают действительно серьезного внимания. Их следовало бы учитывать Правительству.

Вместе с тем уже заметна общественная усталость от обилия разного рода «программ». Люди правомерно задают вопрос: сколько же можно говорить о «программах»? Когда же начнется дело? Способно ли нынешнее руководство — и Президент, и Верховный Совет, и Правительство — все мы, выработать единую, эффективную программу успешного проведения реформ?

Думаю, что Съезд должен рассмотреть эту проблему. Настало время не только рассматривать какую-то отдельную программу, представленную Правительством или какой-либо организацией, но, может быть, и объединить усилия творческих сил: специалистов, практиков, которые успешно работают над этой проблемой. Возможно, следовало бы создать своего рода «круглый стол» с участием десятков специалистов, которые постоянно работали бы над программами выхода страны из кризиса, помогали бы формировать законы, указы и так далее.

Конечно, речь идет не о какой-то эклектической работе. Должна быть серьезная, творческая проработка самых острых проблем развития экономики. Для этого важно определить механизмы работы «круглого стола» и на основе здравого смысла, а в определенной мере и консенсуса, который необходим, просто настоятельно необходим, выработать четкий план действий, который бы получил одобрение и в Правительстве, и в парламенте, и в народе, и на Съезде.

Принять необходимые решения

Состоявшиеся, в том числе и в Верховном Совете, обсуждения разных программ выхода страны из кризиса дают основание определить следующие направления практических действий.

Первое. В качестве отправного пункта надо избрать не только и не столько макростабилизацию, а улучшение условий труда и жизни людей, развитие потребительского сектора как стержневое направ-

ление углубления реформы — это и будет способствовать достижению макроэкономической стабильности. Только в этом случае можно рассчитывать на расширение «социальной базы реформы, о чем говорил Президент в своем докладе.

Второе. Основательно разобраться и определить в экономической системе соотношение разных форм собственности, хотя бы на ближайшие пять лет — принципы смешанной экономики, ее основания. Это создаст какие-то контуры смешанной экономики. Центральным элементом здесь, конечно же, является четкая фиксация того, что будет оставаться в государственном секторе экономики, что перейдет в частный сектор, корпоративный и т.д. Здесь как раз и применим опыт множества стран, которые никак антирыночными не назовешь. Не назовешь же антирыночной Западную Европу!

Использовать возможности государственного сектора, максимально стимулируя его рыночные, конкурентные черты, последовательно трансформировать отношения собственности с учетом и национально-государственной, и территориальной специфики, и требований социальной ориентации проводимых реформ.

Третье. Не допустить дальнейшего падения производства, создать очаги роста в каждом из регионов, организовать селективную подготовку потенциала для будущих структурных сдвигов.

Четвертое. Стимулировать реформы снизу, от регионов, что неоднократно подчеркивалось нами на протяжении всего текущего года. Мне кажется, мы теперь начинаем видеть понимание этого исключительно важного момента и со стороны Правительства.

Пятое. Обеспечить реальную приоритетность развития аграрного сектора экономики путем сосредоточения ресурсов, регулирования политики цен. Именно регулирования, поскольку ни одна развитая страна не уходит от регулирования политики цен в сельском хозяйстве — это уже знает чуть ли не каждый пастух. *(Аплодисменты.)* Напомню — 32% консолидированного бюджета Европейского сообщества уходят на регулирование сельскохозяйственного производства. Преобразование экономических отношений на селе, поддержка как адекватных форм кооперации, так и фермерства, развитие здесь банковских операций через Аграрный банк и земельные банки, их отделения.

Шестое. Формировать развитие мелкого предпринимательства, используя способности этого сектора быстро реагировать на потребительский спрос.

Седьмое. Взвешенность, ответственность, сотрудничество парламента, Президента и Правительства.

Восьмое. Приоритет отечественных интересов, в том числе отечественного предпринимательства, подведение законодательной базы как под политику «открытых дверей», так и под политику протекционизма в отношении отечественных фирм. Здесь необходима основательная ревизия внешнеэкономической деятельности, которая на сегодняшний день осуществляется, мягко говоря, в ущерб государственно-национальным интересам.

Девятое. Подготовка кадров для рыночной экономики. Это — исключительно важная сфера деятельности Правительства и региональных органов власти.

Десятое. Финансы, кредиты, деньги — основные рычаги осуществления всей названной системы мер. Благодаря им мы могли бы достичь реального оздоровления финансово-кредитной системы.

Ясно одно: здесь нужна гибкость, и, как следует из доклада Президента, он готов обеспечить такую гибкость и ответственность Правительства. Но мы должны иметь Правительство, способное остановить спад производства и обнищание народных масс, реализовать планы и программу реального выхода из кризиса, исполнить данные народу многочисленные обещания, наладить конструктивное взаимодействие представительной и исполнительной власти на всех уровнях.

Надо, наконец, и четко определиться со сроками выполнения наших обещаний. Мы, может быть, и не помним названные сроки, но люди-то хорошо помнят и очень часто нам напоминают! *(Аплодисменты.)*

Характер ситуации, уважаемые депутаты и члены правительства, буквально обрекает нас на единство в наших действиях, и это единство должно стать лейтмотивом не только работы нашего Съезда, но и послесъездовской деятельности. Мы уже прекрасно поняли цену разлагающих конфронтации и противоречий не только на верхних уровнях власти и управления, но и на уровне областей, краев и так далее.

О законодательном обеспечении реформы

Эффективность деятельности Верховного Совета по законодательному обеспечению реформы зависит от общей политической и социально-экономической ситуации в стране, динамики результатов экономических реформ. Мы не можем считать себя хорошо работающим парламентом, Съездом, если рядом мы видим бедствие и унижение наших людей.

Соответственно, мы и должны смотреть на себя не с тех позиций, с каких нам хотелось бы, а с тех, с каких на нас смотрят наши сограждане. Не может объективно быть такой ситуация, чтобы результаты во всех наших областях были ничтожны, и в то же время Верховный Совет расценивал бы свою деятельность очень высоко. Поэтому ясно, что граждане связывают и наш Съезд, и деятельность Верховного Совета и Правительства с конкретной экономической и социальной жизнью, своей личной и общественной безопасностью.

Верховный Совет ясно видит свою долю ответственности и в глубоком спаде производства, и в росте безработицы, и в угасании научно-технического потенциала, люмпенизации значительных слоев населения.

Не оправдались в общем-то призрачные надежды на привлечение крупного западного капитала, которому в расчетах некоторых реформаторов предназначалась своего рода роль «локомотива реформ». Спустя год после очевидных провалов, кажется, наступает отрезвление: здесь уже и признание собственных ошибок, необходимость опоры на собственные силы. Но тогда надо говорить и о конкретных планах и программах, о том, в чем конкретно заключается сущность концепции опоры на собственные силы. Какие движущие силы нам надо действительно привести в реальную динамику? Как их использовать? Как наилучшим образом содействовать им?

Но здесь же мы сталкиваемся и с одной очень негативной, прямо скажем, некрасивой особенностью: стремлением переложить последствия заблуждений и ошибок на так называемых противников реформы. Особенно активно этот «поиск» ведется порою на верхних этажах власти.

Говорю об этом тоже не случайно, поскольку это обстоятельство накладывает сильный отпечаток на сегодняшнюю деятельность Верховного Совета. К сожалению, уважаемый Съезд, так складывается, что почти любой вопрос, который решается в Верховном Совете, получает четкую идеологическую окраску, когда начисто отвергаются здравый смысл и реальная жизнь людей, а на передний план выдвигается вопрос: ты за кого — за красных или за белых? Это сильно усложняет законодательный процесс Верховного Совета с Правительством, а то, что создано, постоянно срывается. Например, закон о Правительстве. Был срок, который определил шестой Съезд, — три месяца. К сожалению, этот вопрос до сих пор не решен, и сегодня — завтра нам надо будет опять собраться для решения этого вопроса — то есть вопроса принятия закона о правительстве.

Другой пример. Сроки представления правительственной программы реформ трижды переносились, и мы сумели обсудить эту программу только 26 ноября, уже накануне Съезда. В связи со срывом Правительством сроков предоставления бюджета на 1993 год он так же и не обсужден на Верховном Совете. В общем, правительственная дисциплина довольна слабая.

Тем не менее можно утверждать, что законодательная база экономической реформы имеется. Это — вопросы собственности, отношений на селе, легализация, точнее, конституирование всех форм предпринимательской деятельности; вопросы приватизации государственных и муниципальных предприятий, создания кредитно-финансовой, налоговой системы. Все, что нужно для полноценной деятельности Правительства, — мы создали. Часто — по своей инициативе.

Что следовало бы особенно отметить с позиции законодательного процесса?

Первое. Можно сказать, что в Российской Федерации в целом создан эффективный правовой механизм для регулирования экономических отношений рыночного типа, хотя этот процесс пока не завершен. Он требует времени, и с учетом накопленного практического опыта в него, конечно же, необходимо вносить очень серьезные коррективы. У нас как бы сложилось два типа законодательства. Первый — это законодательство Съезда, Верховного Совета, то есть конституционное законодательство. Второй — это указы Президента Российской Федерации, издаваемые им в соответствии с пунктом 3 постановления пятого Съезда народных депутатов РСФСР «О правовом обеспечении экономической реформы». Согласно этому постановлению Президент Российской Федерации получил право издавать указы по важнейшим вопросам экономической реформы. Это — «указное» законодательство. Однако нельзя создавать между ними противоречия.

Начиная с 1 ноября 1991 года Президент представил около 70 таких проектов своих указов. Почти все проекты указов прошли обсуждение в комиссиях и комитетах парламента, в специально образованной рабочей группе из народных депутатов, рассматривались Верховным Советом и по его поручению или в перерывах — его Президиумом. Тем самым и Президент России и Правительство имеют нормативную базу для успешной деятельности... Никаких препятствий для успешной деятельности Правительства не существует.

Нам надо умом и сердцем понять, что число антиреформаторов — людей, выступающих против рыночных отношений, — среди

нас в буквальном смысле ничтожно мало. Нам надо понять, что распри среди нас порождают отнюдь не самые добросовестные люди, а лишь те, кто использует их в своих откровенно корыстных целях, цинично и умело подбрасывая зерна раздора и провокации в депутатский корпус. Нельзя позволять превращать депутата и гражданина в марионетку межусобных страстей.

Позицию депутатов, их действия, если они проявляются в полном соответствии с законом, с общепринятой моралью, — надо уважать и признавать. Это один из важнейших признаков демократического общества и общедемократического сознания. В самом обществе идет процесс единения общества. Оно отнюдь не расколото, как любят утверждать противники единения. Это лучшее доказательство того, что подавляющая часть общества — за реформы и не приемлет лозунги новых идеологов, «охотников за ведьмами».

Следовательно, создаются самые серьезные предпосылки для гражданского согласия и национального примирения. И ясно, если мы этого не поймем, то окажемся отторгнутыми не только от власти, но и от самого нарождающегося нового гражданского общества. И прежде всего окажутся отторгнутыми крайние, радикальные группы, стремящиеся во что бы то ни стало форсированно «гнать» людей то ли в квазирынок, то ли в антирынок.

Верховный Совет при всех трудностях основное внимание, конечно же, сосредоточивал на разработке и осуществлении экономической реформы. Только между шестым и седьмым съездами принято 76 законов. Представьте себе, за недолгий период одних только фундаментальных рыночных законов принято 76 единиц!

В повестке дня проходящей в настоящее время очередной пятой сессии Верховного Совета — около 60 новых законопроектов. Мы уже обеспечили фактически полное обновление всего предшествовавшего экономического законодательства в плане «настройки» на рыночные отношения. При этом ни один принятый нами закон не вызывает неприятие со стороны Правительства. Поэтому я задаю вопрос: на чем покоится антипарламентская кампания в прессе? Верховный Совет, конечно же, стремится придать законотворческой работе целостный характер. Не все удается, давайте прямо скажем: сказывается общая политическая нестабильность в стране, и особенно отсутствие четко выраженной экономической политики...

Были ли сбои в этой работе? Да, были, естественно, как и в каждой большой, напряженной работе. Я думаю, что вы это хорошо знаете. Вообще-то хотелось бы отметить, что аппарату исполнительной власти, и прежде всего государственно-правовому

управлению, следовало бы обратить внимание на недостаточную юридическую проработку документов, представляемых на подпись Президенту, а также Правительству Российской Федерации. Они нередко даже не согласуются друг с другом. Поэтому трудно на местах разобраться в хаотичном скоплении противоречащих друг другу нормативных актов в виде законов, указов, постановлений, распоряжении, инструкции и т.д.

Крайне сложно реально обозреть довольно многочисленные и подчас поспешно принимаемые президентско-правительственные акты. Несколько слов надо сказать и в защиту Президента в следующем аспекте: у многих создается впечатление, что не выполняются только законы, но беда наша, дорогие коллеги, в том, что в равной степени не выполняются и указы Президента. Знаете ли вы об этом? Сегодня правит бал чудовищно растущее чиновничество как на федеральном уровне, так и в регионах. От этой болезни не свободны и представительные органы власти.

Второе — это предстоящая законодательная деятельность парламента. Говоря о будущем законодательстве, хотел бы выделить крайнюю необходимость народнохозяйственного прогнозирования, включая общие прогнозно-плановые показатели на макро- и микроуровнях. Современный опыт развитых стран необычайно эффективно использует долгосрочные, среднесрочные и краткосрочные прогнозирования и планы: программы макроэкономического, отраслевого и регионального уровней индикативного характера. Здесь тоже необходима законодательная база. Пока что эта важнейшая сфера деятельности вообще не рассматривается Правительством.

Все еще не решены вопросы определения условий иностранных инвестиций. Нуждается в самых серьезных доработках закон по приватизации, разграничивающий полномочия Федерации, ее субъектов и органов власти муниципального уровня. Однако предложений от Правительства законодатель не имеет.

...Акцент в этой работе необходимо сделать на выработке механизма реализации положений Конституции, базирующихся на Федеративном договоре. Это как раз и означает расширение финансово-экономической самостоятельности субъектов Федерации — республик, областей, краев. Это означает развитие местного самоуправления — советов, и укрепление их бюджетных прав, упорядочение налогового законодательства. Надо учесть опыт федеративных государств мира, которые отличает четкость налоговой системы, покоящейся на трех уровнях: первый — федеральные налоги; второй — республиканские, налоги областного, краевого

уровня; третий — местные или муниципальные налоги. Если бы мы упорядочили эту систему, то, безусловно, наладились бы отношения между Федерацией и ее субъектами, а также субъектами и местными советами.

Третье — это действенность наших законов, их эффективность. Конечно, это наиболее слабое звено и оно связано с рядом причин.

Прежде всего, это касается качества законов. Мы понимаем, что качество законов, принимаемых Верховным Советом, оставляет желать много лучшего. Здесь Президент, несомненно, прав. Но дело в том, что мы как Законодатель не можем сдерживать ход реформы, шлифуя до бесконечности текст закона. Другая сторона вопроса — мы не получаем от правительства предложений по их совершенствованию. При всей самокритичности, откровенно говоря, законы парламента все-таки более профессионально подготовлены, чем многие указы Президента или постановления Правительства. *(Аплодисменты.)*...

Мы сами выбрали свой путь — путь кардинального отхода от прежней директивной экономики. Поэтому законопроектная работа не должна отставать от этого процесса. В этих условиях, естественно, ряд принятых законов — это и результат компромиссов, и результат определенной поспешности в стремлении радикального перехода к новым общественно-экономическим отношениям, которые необходимо законодательно регулировать. Но дело в том, что произрастают эти иные отношения. Законы должны каким-то образом опережать эти новые, развивающиеся отношения.

Укрепление государственной власти

Уважаемые народные депутаты, уважаемый Президент! Мне, да и многим из вас, уже приходилось неоднократно говорить о необходимости отходить от практики «чрезвычайщины». *(Аплодисменты.)* Все преобразования — и экономические, и политически и социальные — должны осуществляться на основе законов, уважения к действующей Конституции, права. Конечно, нет сомнений в том, что необходим более или менее длительный период стабилизации. Но вряд ли будет правильным даже в этот период допускать отход от Конституции и законов. Да, дело управления государством — сложное дело. Демократия — это очень дорогое и сложное дело. И действовать в рамках демократии — очень трудно, чем в директивной, партийной и прочей авторитарных системах. Но надо учиться этому. *(Аплодисменты.)*

Сложность, драматизм политических и экономических трансформаций состоят в том, что их приходится осуществлять на фоне развития глобальных процессов. Я имею в виду создание принципиально нового общества, новой системы ценностей, которая сохранила бы все лучшее, накопленное тысячелетней историей народов России, и нашу историческую ответственность за создание новой российской государственности с использованием лучших мирных образцов, приемлемых для нашего общества. И одновременно учитывая динамичные процессы, происходящие в мировом сообществе.

Сегодня многое тревожит в нашем доме: к тяготам экономических преобразований добавились межнациональные конфликты, вспыхнувшие пожаром войны на Северном Кавказе, разгул преступности и коррупции, угроза развала России (как представляется, преодоленным Федеративным договором), болезненные последствия распада СССР, тяжелые удары по материальному положению большинства сограждан, психологические нагрузки, связанные с нелегкими размышлениями о дне завтрашнем. К этим проблемам должно быть особое внимание Съезда.

В такие переломные моменты особенно важны дееспособность и сила государственной власти, которая призвана регулировать и направлять процесс развития общества, поддерживать строгое исполнение законов, порядок и стабильность, целостность и безопасность, обеспечить единение основных политических сил. Это станет возможным, если у государственной власти найдется достаточно политической воли, если она будет твердо знать, чего она хочет и на какие силы должна опереться. Нужен открытый и честный диалог с нашим народом.

Государственная власть в России в настоящее время, к сожалению, не может характеризоваться как сильная и эффективная. Парламент заинтересован в том, чтобы было четкое разделение властей, и собственно — действовала бы система сдержек и противовесов. В наших общих интересах, чтобы исполнительная власть была сильной, эффективной и результативной. Именно этим объясняется высокая требовательность к этой власти и забота о ее статусе со стороны Верховного Совета и Съезда народных депутатов.

Общество в равной мере заинтересовано в авторитете и профессионализме законодательной и исполнительной власти. Никто не должен думать, что кто-то ратует за свержение какой-то из ветвей власти, за нарушение баланса властей. Мы искренне заинтересованы в сохранении этого баланса, в укреплении (повторяю: именно в укреплении) каждой из ветвей власти.

Верховный Совет часто упрекают в том, что он занимается вопросами исполнительной власти. Должен откровенно сказать бывает такое, бывает... Например, возьмем проблему поставок товаров на Север в начале 1992 года. Складывалась в буквальном смысле драматическая ситуация: огромные территории оказывались под угрозой голода, отсутствия одежды и других товаров. Наши, в том числе вашего покорного слуги, непрерывные обращения в Правительство не давали ровным счетом никаких результатов. Верховный Совет вынужден был вмешаться. Депутаты Мальков, Савченко, Чеботаревский и многие другие приложили просто неимоверные усилия для решения этой проблемы, не давая покоя ни Председателю Верховного Совета, ни его заместителям, ни главе правительства, и дело было несколько поправлено.

Но, откровенно говоря, мы стараемся, чтобы такое отвлечение от законотворческой деятельности не стало правилом. Сила государственной власти может быть обеспечена только в том случае, если она, эта власть, действительно пользуется поддержкой основных социальных сил, тонко чувствует положение и нужды людей, опирается на опыт и здравый смысл народа. В условиях отсутствия реальной многопартийности именно Съезд народных депутатов, Верховный Совет, представительные органы власти — Советы, наиболее полно отражают всю гамму народных чаяний, тревог, забот и в то же время выступают их надежным гарантом от автократического перерождения государственной власти.

Важно, чтобы эти противоречия, однако не выходили за рамки определенных правил — правовых, нравственных, человеческих, культурных. Упор должен быть не на хлесткие оценки и выражения, наклеивание оскорбительных ярлыков, выдвижение необоснованных обвинений, а на аргументы. Предметом общей нашей заботы должно быть повышение рейтинга парламента, рейтинга Президента, Правительства в соответствии с той ролью, которую они призваны играть в эволюции нашего общества...

Эффективная государственная власть, возрождение Российской Федерации невозможны без опоры на субъекты Федерации, без четкого распределения полномочий по всей властной вертикали. Мы должны прямо сказать, что за прошедший год парламент и особенно Правительство сделали недостаточно для того, чтобы заниматься этими вопросами. Но надо отметить: в последнее время все-таки и эта проблема стала очевидной, и здесь, надеюсь, мы — совместными усилиями, поправим это положение.

...Надо сказать правду: здесь у нас довольно узкий коридор возможных действий между опасностью унитаризма и распадом

Федерации. Это надо иметь в виду всем. При этом важно учесть печальный опыт бывшего Союза. Нужны компромиссы? Да, нужны. Компромиссы, но не беспринципность. Нужна гибкость, но не беспредельное соглашательство. Критерий здесь один: единая страна, единый народ, процветающее общество, сильное государство, пользующееся уважением.

Уверен, что Съезд даст ответ на вызов времени.

Шанс, который предоставила нам История, должен быть нами вместе использован. Благодарю за внимание. *(Аплодисменты.)*

Дискуссии, политические склоки, маневры

На Съезде выступил с большим, развернутым докладом и.о. премьера Егор Гайдар (в марте 1992 года Ельцин передал ему полномочия главы правительства). Он сделал серьезный анализ осуществленных правительством мероприятий, обрисовал общую картину в экономике и социальной жизни; достаточно самокритично высказался о деятельности правительства, признав целый ряд допущенных ошибок. И это, надо отметить, в последние осенне-зимние месяцы года (после паники лета в связи с кризисом неплатежей) Гайдар как премьер становился более адекватным. Он, несомненно, стал понимать всю сложность обрушившихся на страну экономических и социальных проблем, стал чаще советоваться со мной, другими нашими специалистами-депутатами.

Но был слишком упрям, да и, видимо, какие-то серьезные обязательства были по линии МВФ. Поэтому, к большому сожалению, никаких серьезных корректив в докладе не предложил. (А это оказалось очень важным с точки зрения развернувшейся борьбы за пост премьер-министра.)

Началось обсуждение экономического положения страны и деятельности правительства. Выступления депутатов были высокопрофессиональными, суровыми, но — объективными. Практически все выступающие показывали превосходное знание условий страны, они прибегали к сравнениям из практики разных стран, вскрывали не только ошибочные решения, но и откровенные глупости в деятельности

правительства. Ряды сторонников правительства Гайдара из группы радикальных демократов были очень незначительными, их защита правительства носила эмоционально-идеологический аспект и была явно слабая. Могла быть сильнее.

Было очевидным, что не стоит даже пытаться отстаивать Гайдара на посту главы правительства. Но Ельцин упрямо хотел «выбить» это решение из Съезда. Он попросил меня поддержать его в этом намерении. Я сказал, что это бессмысленная затея: *Невозможно убедить народных депутатов согласиться на то, чтобы Гайдар снова возглавил правительство.*

Ельцин: *Я Вас прошу, Руслан Имранович, Гайдару нужен еще 1 год. Пожалуйста, поддержите!*

Я: *Борис Николаевич, они (депутаты съезда) жаждут минуты, когда им представится возможность проголосовать против Гайдара. Невозможно их переубедить — на них «давят» их избиратели, готовые стереть в порошок правительство.*

Ельцин: *Руслан Имранович, я знаю, вы можете убедить депутатов, они с вами считаются, прошу Вас — давайте оставим Гайдара еще на некоторое время — всего на 1 год. Он многое понял. Я попрошу его, чтобы он больше времени уделял работе с Верховным Советом...*

Очутился я в сложнейшей ситуации — с зимы—весны текущего года я жестко критиковал правительство, правда, не лично членов правительства, а концептуальную базу проводимых реформ, их решения, теорию и идеологию реформ. В анализе ситуации в стране, которая была представлена в моем Докладе Съезду, содержался предельно критический анализ правительства Гайдара. Каким образом я могу вдруг изменить свою позицию? Как это воспримут депутаты? А миллионы людей, которые прильнув к телеэкранам, следят за каждыми моим словом?.. В общем, тяжелейшее положение. Крайне неприятно.

Но, с другой стороны, очень не хотелось отказывать Ельцину, я всегда уважительно относился к его просьбам, несмотря на постоянные с его стороны недружественные акции в мой адрес. Очень плохое у меня было настроение. Начал размышлять, пытаясь найти какие-то позитивные

стороны в сохранении Гайдара в роли главы правительства. Их тоже было немало. Например, я заметил, что к концу года, примерно с октября-ноября, Гайдар в своих выступлениях более грамотно в экономическом плане анализирует ситуацию, позитивно реагирует на замечания, чаще стал советоваться с главами комитетов и комиссий парламента по поводу экономического и правового законодательства. В общем, кое-чему научился. Конечно, было бы куда лучше, если бы эта его «наука» далась бы ему не ценой разорения страны, если бы он пришел в правительство, зная, что такое реформы и как их проводить. Но, что поделаешь — нам пришлось иметь дело с этой конкретной ситуацией.

Встретились еще раз с Ельциным вечером, после окончания заседания Съезда, он снова заговорил о Гайдаре. Я сказал, что попытаюсь поддержать его, но не уверен в успехе.

— Моя возможная поддержка Гайдара покоится исключительно на том, чтобы поддержать вас, Борис Николаевич, — сказал я президенту.

— Спасибо, Руслан Имранович, мне очень хотелось, чтобы вы меня поняли, даже если не удастся отстоять Гайдара, — сказал президент. Он был доволен.

Чтобы показать свои намерения парламентариям и прессе, я пригласил Гайдара к себе. Его где-то нашли, встретились в каком-то людном месте, разговорились. За нами наблюдают сотни глаз — депутаты, журналисты. Всем любопытно, видимо, о чем это Председатель говорит с человеком, который, по сути, уже в отставке. Затем я, дружески полуобняв Гайдара, направляюсь с ним в мой кремлевский кабинет. Там мы обедаем — все это разносится по залам Кремля, доходит до депутатов. Многие, прежде всего региональные лидеры, спешат ко мне с вопросами и расспросами:

— Руслан Имранович, почему вы решили поддержать Гайдара?

Отвечаю:

— Он за прошедший год «поумнел». Критика идет ему на пользу. Придет другой — начнет «ломать дрова». Мы с вами опять будем «учить» и так до бесконечности. Пока от экономики страны не останутся «рожки да ножки». Давайте дадим ему еще один год...

Надо сказать, на многих это подействовало, и они, так же как и я, голосовали за Гайдара. Но далеко не всех я убедил в правильности своей позиции. Собственно, я знал, что Гайдара «протащить» в премьеры будет невозможно. Но я хотел, чтобы Ельцин убедился в том, что я честно хотел помочь ему в новом утверждении Гайдара. И я это делал искренне, полагая, что если вдруг произойдет немыслимое и Гайдара утвердят премьером — он наверняка в дальнейшем будет советоваться с парламентом в большей мере, чем делал это раньше. Во всяком случае, мои рассуждения были такими. Возможно, я таким образом оправдывал свою оппортунистическую позицию. Возможно. Но настроение было гадкое — внутренне не мог примириться с тем, что приходилось делать. Все время вспоминал недавнее прошлое — почему так маниакально настойчиво, бездарно и упрямо этот человек (Гайдар) проводил свои очевидно порочные «реформы», причем ни за что не отвечая, ни перед кем не будучи ответственным? Последним «сигналом» для него был доклад профессора Д. Росса.

Профессор Дж. Росс предсказывает гибельные результаты экономических реформ Ельцина

В декабре 1992 года, незадолго до начала VII Съезда народных депутатов, известный английский экономист, профессор Дж. Росс направил в адрес Верховного Совета свой обстоятельный доклад «Почему «невидимая рука» Российского Правительства указывает не в ту сторону?». Привожу некоторые выдержки из его доклада. *«За пределами России становится совершенно ясным, что экономическую политику нынешнего правительства ждет банкротство. Это так не только по причинам теоретического или технического характера — хотя данная политика не может достичь успеха и с этих точек зрения. Наиболее фундаментальная проблема состоит в том, что российское правительство не имеет стройной и последовательной концепции экономической системы, которую оно стремится создать, — даже если пред-*

положить, что такая последовательная стратегия была принята, то проводимая политика принесет результаты, противоположные намечаемым... Полная ошибочность и бессвязность нынешней политики являются очевидными. Я надеюсь, что дискуссия по этим проблемам приведет к более детальному рассмотрению вопросов экономической политики и к изменению взгляда на эту проблему в отношениях между Западом и Востоком... Попытка внедрить полную либерализацию цен в монополизированную экономику неизбежно ведет не просто к инфляции, а к краху внутреннего рынка, блокирует экономический рост. Такая политика является гибельной. Доминирующим рынком для России должен быть внутренний национальный рынок — и в особенности развитие потребления. Разрушение потребления ведет к волнениям населения и опустошительному сельскохозяйственному кризису. В такой обстановке тотальная приватизация лишь усугубляет положение, поскольку она не предполагает расширения внутреннего рынка и потребления, а всего лишь некую задачу «создания собственников» (по Ельцину). Высокая норма процента и гиперинфляция не ведут к улучшению положения мелких производителей. Низкая заработная плата и авторитарные политические решения в России и в целом в бывшем СССР, несут угрозу дестабилизации Западной Европы... Необходима политика, противоположная политике нынешнего правительства. В качестве двигателя экономического развития должен рассматриваться внутренний рынок и в особенности — массовое потребление... Экономическая основа для консолидации демократии в России лежит в обеспечении внутреннего рынка. Демократическая Россия со стабильной национальной экономикой, а не с экспортной ориентацией за счет низкой заработной платы, может быть мощным, но не угрожающим партнером для демократии Западной Европы...».

Доклад профессора Росса был обстоятельный, он затрагивал многие вопросы экономической политики разных стран в сравнительном аспекте — США, ЕС, Японии, СССР, убедительно показывал ограниченность правительственной политики в области цен и приватизации, доказывал необходимость создания рыночных институтов с целью ускорен-

ного развития потребительского сектора, основанного на собственном, национальном производстве (а не за счет импорта). Я попросил Юрия Воронина распорядиться, чтобы этот доклад был размножен и представлен членам Верховного Совета. Ознакомившись с ним, многие депутаты выразили желание, чтобы его автор выступил перед ними. Профессор Дж. Росс с удовольствием прочитал лекцию, ответил на многочисленные вопросы в завязавшейся дискуссии.

Но наивный Дж. Росс! Он надеялся на то, что его доклад вызовет дискуссии, с участием членов правительства и его сторонников! Но в том и заключалась наша общенациональная беда, что и президент, и его правительство — принципиально избегали любых дискуссий и обсуждений «своей политики»: любой, кто становился на путь такого «обсуждения» — будь то парламентарий или маститый ученый-экономист, — он немедленно шельмовался столичной «демократической прессой» или каким-нибудь мелким правительственным чиновником, чьи «ценные мысли» пространно излагали эти самые «демократические» издания. «Идеологическое обеспечение» бездарных реформ было поставлено на гораздо более высокий и эффективный уровень, чем это обстояло в условиях недавнего цензурного прошлого.

Избрание Черномырдина главой правительства

«Немыслимое» не произошло — несмотря на неоднократное голосование, и даже демонстрацию того, как я голосую за Гайдара, — его «прокатили». Премьером стал Виктор Черномырдин — человек весьма посредственных способностей, плохо образованный, бывший политработник, как и Ельцин, член ЦК КПСС и бывший газовый министр СССР, не умеющий грамотно (по-русски) излагать свои мысли.

Ельцин специально предложил состав кандидатов в премьеры из лиц, заведомо слабых — очевидно, полагая, что в этом случае возможность избрания Гайдара повысится. Или другое — он просто не желал иметь главой правительства сильную личность. Скорее в этом больше правды.

Ельцин страшно обозлился тем, что не избрали Гайдара. Даже предпринял какие-то силовые шаги наподобие горбачевского шантажа народных депутатов, чем возмутил Съезд основательно. Пришлось вызывать министров-силовиков для «объяснений»... Уму непостижимо, что происходит с этими «национальными лидерами», как только они получают большую власть! У них мгновенно вырастают зубы дракона, которыми готовы пожирать всех. Любое несогласие с их мнением вызывает у них яростное негодование! ...Странные люди они, эти бывшие партбоссы. Нельзя давать им власть — никакую власть им нельзя давать — их следует держать под неусыпным, жестким парламентским контролем... Иметь кнут... Самого искреннего друга своего они предают, не задумываясь, превращают его в противника, а затем — убивают, наслаждаясь... Пытались меня запугать, имитировать покушение на мою дочь, Селиму, при входе в медицинский институт, где она училась на 2-м курсе...

Избрание Черномырдина, как этого хотел Ельцин, не уберегло нас от его «гнева» — он попытался буквально сорвать работу Съезда, сделал ряд угрожающих заявлений о том, что «применит силу» и т.д. Стало известно о каких-то «непонятных маневрах» войсковых подразделений. Все это уже буквально взбесило (но никак не напугало) депутатов, которые всего лишь полтора года назад разгромили один путч. Но какой ценой? Поэтому было принято решение заслушать выступления министров обороны и внутренних дел, а также секретаря национальной безопасности. Они заявили о своей верности «Закону» и «Конституции».

Тогда я приписал мотивы столь отчаянной борьбы Ельцина его чрезмерному упрямству, но, видимо, это его «упрямство» было продиктовано и более серьезным фактором. Это в какой-то степени стало проясняться уже вскоре после прихода к руководству правительства Черномырдина. Он поначалу старался взаимодействовать с Верховным Советом, мы часто встречались с ним. Он советовался по кадрам, просил дать ему на «укрепление» моих заместителей Ярова и Шумейко (оба стали заместителями главы правительства, как и депутат Заверюха), полагал (и правильно), что я знаю ситуацию в стране лучше, чем он, в том числе и в пла-

не способных руководителей. Я рекомендовал также Юрия Шафраника в качестве министра топливной промышленности и др. Политику предшествующего правительства Черномырдин назвал образно — «как Мамай проехал!». Мы стали согласовывать программу законодательной деятельности, депутаты постоянно работали совместно с министрами, министры — с депутатами, быстро исчезло былое взаимное недоверие. Обстановка между правительством и Законодателем явно разрядилась. Казалось бы, президент должен быть доволен. На встречах с Ельциным я высказывался в том плане, что мы постараемся впредь не доводить ситуацию до того нездорового уровня, который был ранее свойствен в наших взаимоотношениях с правительством. Ельцин говорил, что разделяет эту точку зрения, выражал свое удовлетворение.

И вдруг — все вернулось на «круги своя». Из Кремля последовал грозный окрик премьеру, вокруг Черномырдина стали сгущаться тучи — в печати стали появляться какие-то материалы о его «сомнительных операциях» в Газпроме. Черномырдин круто развернулся в своих «симпатиях» к Верховному Совету — он стал дистанцироваться. Изменились и подходы к приватизации. Чубайс с удвоенной скоростью проводил «свою» приватизацию, не считаясь не только с законодательством (которое, кстати, при этом фальсифицировали), но даже не подчиняясь премьеру и нарушая президентское «указное право». Как по мановению волшебной палочки, критика в адрес Черномырдина в московской прессе прекратилась...

Видимо, все это тоже было не просто следствием «ельцинского упрямства», а скорее вытекало из его «секретного контракта». Но, повторяю, не «внешние силы» следует считать виновными в истощении страны в 90-х. Она, эта известная и «неизвестная сторона», не принуждала Кремль к этому «контракту»; виновным следует считать Кремль и его «хозяина»... Но вернемся в Кремль, где работал VII Съезд народных депутатов. Большое впечатление на депутатов Съезда, да и в целом на общественное мнение страны, произвело выступление Председателя Конституционного суда Валерия Дмитриевича Зорькина.

Выступление председателя Конституционного суда В.Д. Зорькина

«Уважаемый Президент, уважаемый Председатель, уважаемый Президиум, уважаемые народные депутаты Российской Федерации! Год назад вы впервые в нашей стране избрали Конституционный суд.

Мы старались действовать так, чтобы оправдать ваше доверие. Как это получилось, судить не нам. Но вы, законодатели, в законе о Конституционном суде написали, что ежегодно он обращается с посланиями к Верховному Совету. Подробное послание мы, как и положено, подготовим и в декабре представим.

Пользуясь тем, что сегодня вы все здесь собрались, и рассчитывая на вашу любезность и терпение, мы решили обратиться к вам в связи с важнейшими аспектами, которые характеризуют конституционную законность.

Мы не будем вмешиваться в искусство политики, в полномочия законодательной и исполнительной власти. Что касается нас, то вместе с вами мы переживаем трудное время. И трудным его заставляет назвать то, что фактически мы переживаем глубочайший кризис конституционной законности. Часто спрашивают: где Конституционный суд? Конституционный суд здесь — в Москве, здесь — в России. Не все, к сожалению, зависит от Конституционного суда, и понятно, что выше себя мы не прыгнем. Что нас беспокоит?

Первое. Основная угроза конституционному строю в том, что чрезвычайно слаба власть. Власть на Руси тем более всегда ассоциировалась с правовой силой, с правдой. Но когда власть «валялась на тротуаре», тогда и наступали те моменты, о которых справедливо предупреждали и Президент, и Председатель Верховного Совета. И признак этой слабости Конституционный суд видит как раз в начавшейся и усиливающейся сейчас конфронтации двух властей.

...Конечно, хорошо, что введен принцип разделения властей. И сила власти не в том, что она сосредоточена в одном «тереме» и у одного лица. Сила ее в том, что весь механизм

государственной власти действует согласно Конституции. И повторяю: мы не вправе оценивать искусство вашей **политики**, как законодательной и исполнительной власти, но мы вправе предостеречь, что идет нарушение Конституции со стороны той и другой власти со стороны различных ее представителей. Посмотрите предсъездовские публикации. И сегодня утром, на подходе к залу заседаний Съезда народных депутатов, я вдруг услышал, как один из представителей власти, некогда призывавший в союзном парламенте к правовому государству, говорит о том, что «Съезд никчемный, что Съезд надо распустить».

Это не первый призыв. Призывы раздавались и раньше. И возникает вопрос: есть ли вообще в России власть, способная обеспечить соблюдение Конституции? В любом мало-мальски цивилизованном государстве, которое претендует на звание правового, такое должностное лицо после того, как сделало это заявление, больше уже не работало бы, потому что это заявление ведь сделал *(аплодисменты)*... не просто профессор, а должностное лицо. Почему мы терпим, что власть оскорбляют, поносят, втаптывают в грязь? Кто? Поверьте мне: я поднялся на трибуну не для того, чтобы говорить «обкатанные» лозунги. И если я не назову фамилию, то только потому, что действую в соответствии с законом о Конституционном суде... Если вы подадите соответствующее заявление в Конституционный суд... Но мы подберем материалы для послания Верховному Совету, назовем вещи своими именами, конкретно. Уверяю вас, мы не будем таить то, что знаем.

Второе. Должен действовать принцип уравновешивания властей, то есть разделения властей. К сожалению, конфронтация захватывает и вас, народные депутаты. Эмоции вообще никогда к добру не приводили. Должен возобладать разум, потому что, пока вы спорите, утрачивается эффективность власти, может подняться бунт, о котором говорил президент. Он никогда не возникнет просто так, сколько бы к нему ни призывали, если нет для него почвы. А если есть почва и власть вовремя не предотвращает взрыв, то рано или поздно он произойдет под улюлюканье и вопли некомпетентных политиков.

Я говорю это не просто так, с позиций того, что Конституционный суд предъявляет претензии к уважаемому Съезду народных депутатов Российской Федерации. Нет, мы говорим о том, что вы — Законодатели — избрали нас, наделили нас полномочиями, и на нас — Конституционном суде страны — тоже лежит ответственность за судьбы Отечества. Спрашивайте с нас, и мы тоже готовы взаимодействовать с вами. Взаимодействие властей — это первейшая потребность для гармоничных действий Власти и вообще для преодоления кризисной ситуации в обществе. Если этого не произойдет сейчас, то завтра будет поздно. На всех уровнях должно быть понимание этой ситуации и ответственности.

Третье. С этим связана следующая важнейшая «больная» проблема, которая, на взгляд Конституционного суда, сейчас подстерегла нас и представляет собой громаднейшую угрозу Российской Федерации. Я имею в виду проблему единства России... У нас есть Конституция, но соблюдаются ли сегодня Конституция и Федеративный договор? Уверяю вас, что не соблюдаются. Я допускаю, что политики могут вести разговор об асимметричной федерации, о наделении «кого-то» и «чего-то» полномочиями... Какие-то «части» могут эти полномочия фиксировать для себя — но, наверное, все это должно происходить точно в соответствии с Конституцией.

Четвертое. Уважаемые народные депутаты! Вы ставите Конституционный суд в безвыходное положение. Говорят: он не должен вмешиваться в политику. Хорошо. Не будем вмешиваться. Но если не вмешиваться в тот развал России, который происходит или грозит произойти вслед за развалом Союза, не станем ли мы худшими политиканами?

Что я имею в виду? Или меняйте Конституцию — и мы, судьи Конституционного суда будем защищать новую Конституцию, или добивайтесь выполнения настоящей Конституции... Каков же выход, уважаемые депутаты? Выход мы видим в одном: соблюдайте Конституцию. Возникает вопрос: что вообще служит основанием для притязаний на «сверхполномочия»? Недостаток полномочий? Загляните в Конституцию: там, по-моему, предлагается полномочий за исполнительной властью более чем достаточно. Это напоминает тот синдром, который был на союзном уровне, когда

одна из властей исполнительная — требовала полномочий все больше, и больше, и больше, а реальной власти у нее становилось все меньше, меньше, и меньше. *(Аплодисменты.)*

Для чего нужны все эти «полномочия»? Чтобы сделать народ счастливым? Но, уважаемые депутаты, мешает ли этому нынешняя Конституция? Заметьте, кстати, что ее усиленно все время стараются «пинать ногами». Говорят — старая, «брежневская», она, эта Конституция — и такая-то и сякая-то. Для Конституционного суда нет «брежневской» или «иной» другой Конституции. Для Конституционного суда есть действующая Конституция Российской Федерации. И мы обязаны ее поддерживать. И вы, уважаемые законодатели, уважаемые члены правительства — вы все ее должны поддерживать и свои действия основывать на Конституции России. Если вы не сможете заставить общество выполнять действующую Конституцию — вам никогда не «нужна будет новая Конституция». *(Аплодисменты.)*

Пятое. Уважаемые народные депутаты, вы знаете, что пролилась кровь ныне и в России. И возникает вопрос: власть огромной России, которая должна заботиться о правах граждан, должна ли беспокоиться об этом? Должна! Я понимаю, что там могут быть трудности, но у Конституционного суда возникает вопрос: неужели месяца с лишним, полутора или двух недостаточно было для того, чтобы наказать виновных? Я подчеркиваю — виновных. Ведь мы имеем дело с конфликтом. А конституционный способ урегулирования конфликтов известен во всем мире. Изолируйте зачинщиков, провокаторов, осуществите обмен заложников и садитесь за стол переговоров. Что мешает этому?.. Или у России не хватает сил для этого? Молчание создает опасность для завтрашнего дня. И у меня возникает вопрос: Чечня, Татарстан... Что, далее везде? Говорят, мы повторим опыт СССР. Уверяю вас, что не повторим! Повтора не будет — будут пропасть и развал. *(Аплодисменты.)*

Шестое. Сильная, эффективная, но правовая власть — вот единственный путь для спасения сегодняшней России. И он должен вести к единственной и главной цели, по отношению к которой все остальное должно быть средством.

Это— права россиян, их защищенность, социальная защищенность.

Здесь много говорилось об экономике, и вы, наверное, еще будете говорить о ней. Наверное, это не задача Конституционного суда обсуждать экономическую политику. Но задача и обязанность Конституционного суда — напомнить, что третью, важнейшую угрозу конституционному строю Российской Федерации представляет собой не просто незащищенность, а катастрофическое состояние в области прав граждан, прежде всего экономических прав. Мы превратились в нищих, и надо здесь расставить приоритеты. Скажите народу: «Вот они, «коррупционеры».

...Посмотрите, что происходит. Началась приватизация. Хорошее дело. Здесь говорилось, и, наверное, правильно, что никто сейчас уже не против реформы. Важно, так сказать, избрать приоритеты. Но в этих приоритетах какая первейшая цель? Обнищание во что бы то ни стало и, следовательно, крушение конституционного строя, потому что нищий народ никогда не является источником правового государства. Нищета всегда плодила демагогию и диктатуру — это же вам прекрасно известно. Но, с другой стороны, защитники правового государства — те же граждане, силовые структуры и так далее. Что с ними происходит? Там тоже происходит коррозия. Присмотритесь, уважаемые народные депутаты: у нас полно жалоб не только от рядовых граждан, которым Правительство много обещало даже по целевым чекам... Толпы граждан подстерегают членов Конституционного суда, тысячи писем. Но если идет такое понижение жизненного уровня защитников общества, они же не будут защищать ни вас, ни народ — они пойдут к спекулянтам, будут их обслуживать! Они будут обслуживать коммерческие структуры... Вы посмотрите на состояние, в котором находятся силовые структуры государства. Это же признак болезни. Кто ее будет лечить?

Можно было бы обозначить по порядку все проблемы. Поверьте, что я взошел на эту трибуну не для того, чтобы укорять вас. Я просто хотел вам напомнить, что в ваших руках судьба Российского государства. Я думаю, что время обвинений закончилось, потому что следующего тура уже

не будет для этого. Создайте «круглый стол», обеспечьте национальное согласие. И не только здесь. Но ведь вы порой выступаете не в качестве народных депутатов. Посмотрите, здесь — виднейшие лидеры политических фракций. О чем вы говорите за стенами парламента? Ведь порой не о национальном согласии, а о том, чтобы стереть друг друга в порошок и навязать «абсолютную» истину. Но разве это соответствует конституционному строю? Если вам вообще что-то мешает, придите в Конституционный суд, и мы поможем провести этот «круглый стол». Ведь сейчас вы сидите не просто в худой лодке — мы тонем. Подумайте сначала о береге, на который выйдете, а потом будете расставлять приоритеты: кому сидеть по правую, а кому — по левую сторону. Задумайтесь над этим, уважаемые народные депутаты, и помогите Конституционному суду! Не лишайте Конституционный суд последнего прибежища!

Седьмое. Вы в своем Законе (О Конституционном суде) записали нелицеприятную формулу для должностных лиц. В случае крайней необходимости у нас не будет другого выхода, как обратиться вообще к этому орудию и поставить вопрос о конституционной ответственности должностных лиц. Нам не хотелось бы это использовать. Но если развал будет продолжаться, у нас не будет другой возможности. Спасите Россию, Россия в ваших руках! *(Бурные, продолжительные аплодисменты.)»*

Это было замечательное выступление! Исключительно богатое по конкретному содержанию, страстно призывающее «власть предержащих» не забывать о своей ответственности перед Народом и Законом. Такие предостережения даже таких чрезвычайно авторитетных деятелей, каким, несомненно, был в российском обществе в то время Валерий Дмитриевич Зорькин, вместо ожидаемого позитивного восприятия, пугали кремлевского повелителя и его камарилью. Зорькин в одночасье стал «неугодным», полторанинские СМИ стали травить его, выискивали какие-то поводы для «зубоскальства».

Такими стали кремлевские нравы, пришедшие вместе с «новой командой» — намного более низкие и подлые, по

сравнению с теми, которые воцарились здесь в постсталинский период. А сравнивать их с эпохой Горбачева, включая даже «мораль» путчистов 1991 года — это отличало их как небо от земли: жестокость в борьбе с политическими противниками, «забивание» до смерти, никакой пощады, никаких морально-нравственных обязательств, полная «свобода» от данного слова, коварство и подлость — вот что воцарилось здесь...

VII Съезд депутатов о новой Конституции

Еще при обсуждении повестки дня многие народные депутаты настаивали на необходимости принятия новой российской Конституции и требовали включить этот вопрос для рассмотрения на Съезде. Настаивали на том, чтобы с докладом на эту тему выступил Председатель Конституционной комиссии президент Ельцин. Напомню читателю, что проект новой Конституции был представлен еще на V Съезде и по докладу Ельцина он был принят «за основу». Но Ельцин упрямо не соглашался сделать такой доклад. Тогда я попросил выступить ответственного секретаря Конституционной комиссии, Олега Румянцева, с таким докладом — депутаты были разочарованы, но что делать?

Доклад ответственного секретаря Конституционной комиссии Румянцева О.Г.

Уважаемые народные депутаты Российской Федерации, уважаемый Председатель Верховного Совета, уважаемый Президент Российской Федерации, уважаемый Конституционный суд!

Сегодня мы выступаем с определенным отчетом о работе, проделанной Конституционной комиссией с июня 1990 года. Вместе с тем мы хотим не только представить отчет о работе Конституционной комиссии, но и свои соображения о дальнейшем ходе конституционной реформы в Российской Федерации и будем просить Съезд принять постановление

о порядке принятия новой Конституции. Его проект вчера был роздан в первоначальном виде и сегодня после перерыва раздается в доработанном виде с поправками Президента, Председателя Верховного Совета, Комиссии по соблюдению регламентов.

22 июня 1990 года была создана Конституционная комиссия. Она приступила к работе в августе того же года и в сентябре уже представила первый вариант проекта Конституции. Тогда он был воспринят неоднозначно, вызвал жаркие споры в обществе. Дважды — 12 октября и 12 ноября 1990 года — Конституционная комиссия принимала его за рабочую основу, а также приняла решение об опубликовании проекта. Он был опубликован трижды в ряде изданий: в «Аргументах и фактах», «Советской России», «Российской газете». Общий тираж публикаций проекта превысил 60 млн экземпляров. Это позволяет нам быть уверенными в том, что каждый российский гражданин, каждый гражданин стран СНГ знаком с проектом новой российской Конституции. Но дело не только в том, что проект был опубликован большим тиражом, а в том, что нормативный материал, предложенный Конституционной комиссией, был широко использован в ряде основополагающих законов, принятых Верховным Советом. Это закон о Президенте, о Конституционном суде, Концепция судебной реформы, Федеративный договор, Декларация прав и свобод человека и гражданина, целые разделы действующей Конституции, которые были изменены в соответствии с проектом новой Конституции.

Таким образом, мы считаем, что концепция конституционной реформы представляет собой двуединый процесс. С одной стороны, последовательно идут поправки действующей Конституции и, с другой стороны, последовательно продвигается вперед проект новой Конституции. Эта концепция конституционной реформы была одобрена шестым Съездом 18 апреля сего года. Но не просто концепция.

В ноябре 1991 года Президент Борис Николаевич Ельцин представил пятому Съезду проект новой Конституции. Тогда Съезд принял проект к сведению. В апреле этого года Председатель Верховного Совета Хасбулатов представил

шестому Съезду доработанный уже проект, и Съезд одобрил основные положения.

Почему Съезд сделал это? Потому что текст стал уже не только детищем Конституционной комиссии, но и был обсужден в Верховном Совете на заседаниях палат, комитетов и непосредственно на совместных заседаниях палат Верховного Совета. Таким образом, текст Конституционной комиссии и Верховного Совета получил одобрение шестого Съезда в апреле этого года.

Постановление шестого Съезда мы считаем в основном выполненным...

Конституционная комиссия, вот уже два года работающий орган Съезда (вы знаете, что у Съезда нет другого такого постоянно действующего органа, может быть, за исключением только Комиссии по соблюдению регламентов) — это своего рода мини-съезд. Вам известно, что в нее вошли представители всех республик в составе Российской Федерации, краев, областей, автономий. В ее составе — ставшие народными депутатами видные юристы. В ее составе, например, Председатель Совета министров Татарстана, Президент Кабардино-Балкарии, Генеральный прокурор России Степанков, Президент России Ельцин, Председатель Верховного Совета Хасбулатов, то есть состав комиссии, избранной на первом Съезде, сегодня представляет собой тот самый «круглый стол», о необходимости которого говорили на этом Съезде руководители Российской Федерации. И ежемесячно собираясь на заседание этого «круглого стола», Конституционная комиссия уже два года работает над проектом новой Конституции.

Лично я глубоко убежден, что наш проект, наш общий с вами проект, является сегодня продуктом высокой степени политического и юридического согласия. Работа комиссии включает в себя не только работу над новым проектом Конституции, но и труднейшую работу по обеспечению федерализма в новой России...

Теперь я хотел бы изложить наши соображения, как будет проходить работа над этим проектом новой российской Конституции в дальнейшем.

В последнее время появились очень тревожные сигналы о том, что нужна временная Конституция, нужен проект Конституции переходного периода. С этим нельзя согласиться. Временную, переходную Конституцию может иметь переходное государство, временное государство. И поскольку все мы сегодня имеем одну-единственную платформу, с которой мы с вами согласны (платформа эта государственное единство Российской Федерации, возобновление, возрождение государственного могущества Российской Федерации), мы должны на этом Съезде не просто заслушать отчет Конституционной комиссии, но и принять решение, как быть с проектом Конституции дальше.

Торопиться надо. Есть уже новые Конституции в ряде республик. Нет стабильности конституционного строя, что выражается в борьбе ветвей власти. Есть борьба политических сил, предлагается и учредительное собрание, предлагается конституционная ассамблея. Чего только не предлагается! Положить конец всем этим спорам может решение Съезда о том, как обеспечить стабильность конституционного строя. Мне думается, что следующий, 1993 год с полным основанием может стать годом принятия новой российской Конституции.

Механизм обеспечения конституционного строя, предлагаемый Конституционной комиссией, достаточно прост внешне, но он нуждается в поддержке всего Съезда...

... Мы предлагаем до 1 марта 1993 года провести широкое согласование основ конституционного строя с республиками, краями, областями, автономиями в составе Российской Федерации, получить их предложения в отношении основ конституционного строя, затем провести «круглый стол», на котором политические силы, партии, движения достигли бы согласия в отношении нового конституционного строя, и тогда подготовить и вынести на референдум основы конституционного строя, основные принципы новой Конституции в связи с решением сегодняшнего Съезда. По срокам этот референдум может быть и в марте, и в апреле, и в июне. Есть предложение Президента Российской Федерации, чтобы референдум состоялся в марте. Но в любом случае, если Съезд примет такое решение — о всенародном голосовании,

мы вынесем утверждение основ нового конституционного строя, незыблемых основ, на референдум. Это наше общее дело — дело всего государства, всего общества. Это будет прямое указание восьмому Съезду, который должен собраться только для принятия новой Конституции. Если референдум состоится 12 июня, то восьмой Съезд мог бы собраться в сентябре следующего года, чтобы, опираясь на основы конституционного строя, утвержденные на референдуме, принять новую Конституцию. Если Съезд примет новую Конституцию, то Верховный Совет после этого приступит к подготовке нового избирательного кодекса и других актов, которые вытекают из принятия новой Конституции. Таким образом, наша с вами задача сегодня — обеспечить следующий этап прохождения проекта новой Конституции: рассмотреть проект постановления Съезда (я думаю, что либо Конституционная комиссия, либо комиссия под руководством Ярова Юрия Федоровича, которая работает над поправками к действующей Конституции, могли бы доработать проект такого постановления, учтя предложения народных депутатов Российской Федерации, предложения Съезда), принять такое постановление и начать согласование с субъектами Федерации, с политическими силами — как достигнуть согласия вокруг основ конституционного строя, выносимых на референдум. Вот вкратце отчет Конституционной комиссии и представление проекта постановления, который вам роздан. Я хотел бы, чтобы заместитель председателя Конституционной комиссии Руслан Имранович Хасбулатов сказал несколько слов в дополнение к моему докладу, затем мы готовы ответить на вопросы. Спасибо.

... Мое выступление было кратким. Я напомнил, что сразу же после избрания Бориса Николаевича Ельцина Председателем Верховного Совета России в этом самом Кремлевском дворце, в мае 1991 года, он в своем первом выступлении перед Съездом заявил, что «основная задача Съезда — это принятие новой Российской Конституции», согласился возглавить работу Конституционной комиссии, настаивал на утверждении подготовленного проекта Конституции, которую предыдущий VI Съезд утвердил в качестве «основы», разумеется, при полном согласии Ельцина.

Но что-то «новое» происходит в последний период повсюду: в прессе, да и в разговорах представителей президентско-правительственной власти, различных «демократических» кругах, все настойчивее говорят о якобы «непредставительном характере» утвержденного проекта новой Конституции. Но если президент усматривает необходимость изменений — что ему мешает их предложить, тем более когда он лично возглавляет Конституционную комиссию? Ответственный секретарь комиссии, депутат Румянцев уже упоминал о неких проектах «демократических сил» — необходимости созыва некоего «учредительного собрания» для принятия новой Конституции, но не стоит забывать историческую судьбу этого «учредительного собрания» или еще об одной идее — «конституционной ассамблее» и т.д. Что все это «такое», я не знаю, теряюсь в догадках, но задаю конкретный вопрос: почему и кому надо пытаться «обходить» Закон и действующую Конституцию, что это может дать обществу? Разве не об этом говорил с этой трибуны Председатель Конституционного суда Валерий Дмитриевич Зорькин? Зачем и кому нужны искусственные раздоры между Законодателем и Президентом? Я призываю всех, причастных к работе над новой Конституцией, завершить начатое дело, это не очень сложно, у нас имеются реальные возможности прийти к согласию по всем вопросам. Съезд это доказывал неоднократно...

Съезд потребовал от Верховного Совета и Конституционной комиссии завершить работу над проектом новой Конституции, с тем, чтобы в марте 1993 года можно было ее утвердить на очередном Съезде народных депутатов. Предполагалось, что для этого соберется внеочередной Съезд народных депутатов. Он, кстати, собрался — но по «другой теме».

Черномырдин: продолжатель курса Ельцина — Гайдара, а еще точнее, идей «Вашингтонского консенсуса»

Я выше заметил, что Черномырдин начал свою работу с оценки деятельности предыдущего правительства словами: «Как Мамай прошел», надо сказать, в первый период,

в течение двух-трех месяцев, он пытался наладить сотрудничество с парламентом, его пыл угас немедленно после грозного оклика из Кремля. Он послушно, равнодушно, без эмоций громил экономику, или то, что осталось от предыдущего погромщика. Одновременно в Россию слетелись разного рода международные авантюристы, прихватывая наиболее «жирные куски» от могучей некогда национальной экономики. Привожу ниже описание этого удивительного, скорее уникального, процесса, как он осуществлялся. Естественно, источник — это иностранная пресса, наша отечественная «свободная» пресса не способна на такой анализ и обобщения.

Разведчик ЦРУ скупал Россию. Американские миллиарды Чубайса. Прокуратура США обвиняет российских реформаторов в мошенничестве и воровстве *(статья А. Московского)*

...В эти дни в американском штате Массачусетс идет судебный процесс над двумя сотрудниками *Гарвардского* университета. Андрей Шлейфер и Джонатан Хэй обвиняются в махинациях и финансовых злоупотреблениях. Окружной прокурор требует возместить нанесенный стране ущерб — 136 миллионов долларов. Труднопроизносимой для американского языка фамилии Чубайс в исковых материалах нет. И тем не менее тень этого достопочтенного человека незримо витает в зале суда. Ведь Шлейфер и Хэй — соратники «комиссара приватизации». Итак, 136 миллионов долларов — ущерб для американского бюджета. Ущерб, который понесла Россия, учету просто не поддается...

«Когда в ноябре 94-го я стал Председателем Госкомимущества (ГКИ), меня поразило несколько вещей. В учреждении работали и имели пропуска 32 сотрудника американских фирм — и русские и американцы, которые имели доступ в святая святых — компьютерный центр ГКИ. То есть они заранее получали информацию (какой конкурс готовится, какие условия будут выставлены), что давало им огромные преимущества и делало победу предопределенной. Причем один из этих американцев, Джонатан Хэй официально, секретными письмами, как докладывала мне контрразведка, являлся кадровым разведчиком ЦРУ. Лубянка просила удалить Хэя из Гос-

комимущества, но когда я попытался его убрать, то столкнулся с жесточайшим сопротивлением Чубайса...

Это интервью Владимир Полеванов — уже бывший вице-премьер правительства, сменивший когда-то Чубайса на посту приватизатора всея Руси, — дал мне много лет назад. Ни Полеванов, ни я и представить себе тогда не могли истинной подоплеки странной дружбы российского министра с американскими шпионами.

Оборонка по дешевке

... В декабре 92-го Конгресс США принимает закон о поддержке либеральных российских реформ. Средства на поддержку должны поступать из бюджета. Государственным заказчиком назначено Агентство помощи развивающимся странам. Однако агентство заключает договор со знаменитым Гарвардским университетом, и отныне уже сотрудники Гарварда полностью распоряжаются «спонсорскими» миллионами. Но средства, выделенные на поддержку реформ, по назначению не попали.

Как установила прокуратура Массачусетса, направленные в Москву американские советники А. Шлейфер и Дж. Хэй, воспользовавшись неразберихой и дружбой с российскими чинами, пустили эти средства на собственные нужды.

Полеванов говорит: «Подняв документы, я с ужасом обнаружил, что целый ряд крупнейших предприятий ВПК был скуплен иностранцами за бесценок. То есть заводы и КБ, выпускавшие сверхсекретную продукцию, вышли из-под нашего контроля. Тот же Джонатан Хэй с помощью Чубайса купил 30% акций Московского электронного завода и действовавшего с ним в кооперации НИИ «Графит» — единственного в стране разработчика графитового покрытия для самолетов-невидимок типа «Стелс». После чего Хэй заблокировал заказ военно-космических сил на производство высоких технологий».

По обычному в таких ситуациях сценарию (а воровские схемы во всем мире похожи друг на друга) структуры эти возглавляли жены наших героев. Супруга Шлейфера, Нэнси Циммерман руководила компанией Farralan Fixed Income Associates и сумела заработать сотни миллионов долларов. Жена Хэя, Элизабет Герберт, руководила фирмой «Pallada Asset Management», тоже принесшей американским жучкам немалый доход. Что показательно, никому не ведомая фирма «Паллада» первой получила на российском фондовом рынке лицензию.

Россию «сливали» министры

Этой лицензией семью Хэев, по слухам, облагодетельствовал Дмитрий Васильев. В первые годы приватизации он работал заместителем Чубайса в Госкомимуществе. В 94-м перешел в Федеральную комиссию по ценным бумагам (ФКЦБ), которую вскоре и возглавил. В американской печати уже появлялись сведения, что «Паллада» регулярно переводила деньги на счет Васильева в американском «Риггс-банке». Сам Васильев фактов этих не опровергал. Когда Главное управление федерального казначейства и налоговая полиция попытались провести проверку ФКЦБ, они столкнулись с мощнейшим сопротивлением Васильева. Председатель ФКЦБ попросту запретил проверяющим знакомиться с документами, а когда они все же проникли в здание, там разом погас свет. Лишь после вмешательства Счетной палаты Васильеву пришлось оставить должность. Аудиторы установили, что десятки миллионов долларов, выделенных ФКЦБ на развитие рынка и проведение правовой реформы, бесследно исчезли.

Не менее странной оказалась и ситуация с подконтрольным Васильеву Федеральным общественным фондом по защите прав вкладчиков. Несмотря на то что в фонд были перечислены десятки миллионов долларов, до обманутых вкладчиков дошло лишь... 17 тысяч. Почему? Потому, наверное, что, как говорят, по личному указанию Васильева 50 из этого фонда было инвестировано в уже знакомую нам компанию «Паллада» — в домашнюю копилку семейства Хэев. (В дальнейшем эти деньги вкупе с другими заработанными в России миллионами американские советники Чубайса прокрутили на рынке ГКО... Кстати, не они ли спровоцировали дефолт 1998 года?)

Не могу не сказать и еще об одном министре-доброхоте, при помощи которого Хэй и Шлейфер сколачивали свои капиталы, — Максиме Бойко. В начале 90-х он работал главным экономическим советником Чубайса. Летом 97-го стал вице-премьером и министром Госимущества, но уже через три месяца вынужден был подать в отставку. Как и Васильев, Бойко принимал самое активное участие в судьбе американских советников. Именно он, в соавторстве со Шлейфером, разрабатывал план российской приватизации, параллельно помогая «гарвардским ученым» покупать активы. Министр Бойко имел вид на жительство в США (так называемый «гринкард»), а его отец и вовсе постоянно жил в Америке, читая лекции в закрытом учебном заведении ЦРУ. ...

Стоит ли удивляться, что правда об американо-российских аферах долгие годы не всплывала наружу? И хотя журналисты и конгрессмены время от времени интересовались, как помогают российским реформам американские миллионы, все скандалы гасились на корню. (Гасятся и ныне. А Чубайс благополучно, при поддержке властей, разгромил энергетический фундамент России — РАО ЕЭС).

Этим летом федеральный суд признал большинство обвинений против гарвардских мошенников... Напомним, Д. Хэй, экономический советник президента России, был разведчиком ЦРУ. В американской печати уже всплывали данные, что ситуацию с заокеанскими советниками лично контролировал тогдашний директор ЦРУ Джордж Теннет.

Прокуратура требует от Шлейфера и Хэя вернуть бюджету 102 млн долл. Еще 34 власти рассчитывают экспроприировать у Гарварда. Плюс — набежавшие проценты. Их российских друзей чаша сия, увы, обошла. Имен Чубайса, Васильева и Бойко в обвинительном акте нет. Американские власти ограничились лишь отправкой материалов в Россию с наивной рекомендацией «принять меры». А как принимают меры в России — мы с вами отлично знаем».

Из дневниковых записей 1992—1993 гг.

...Я много изучал ранее, на научной работе, опыт экономической политики президента США Ф.Д. Рузвельта («Новый курс»), теоретико-методологическую базу реформирования западноевропейских стран в послевоенные десятилетия. Именно тогдашний опыт этих стран, как мне представлялось, можно было с большой пользой использовать в ходе российских реформ. Но ельцинисты хотели копировать исключительно опыт современной корпоративной Америки с ее супериндустриальной экономикой, с ненавистью обвиняя любого в «пособничестве к коммунизму», если он не признавал их догмы, заимствованные из современных инструментариев регулирования отсталых развивающихся стран, разработанных для них МВФ. В этом смысле политическая ситуация в России (в ее политическом центре) напоминала ситуацию 30-х годов США. По моему требованию, были быстро переведены на русский язык основные Акты рузвельтовского «Нового курса» и розданы депутатам, **депутаты стали получать доклады** международных организаций, таких, как ЮНКТАД, Экономического и социального Совета ООН (ЭКОСОС) и др., в которых реформирующиеся (переходные страны,

в том числе Россия) подвергались объективному анализу (в отличие от докладов МВФ и Всемирного банка). Возможно, ознакомление с ними позволило парламентариям более тщательно разобраться с тем, как следует проводить экономические реформы в кризисной стране. Поэтому они не поддались ни на какие уговоры (в том числе и мои, как попытка компромисса с Ельциным) и отправили в отставку правительство Гайдара. После этого травля Законодателя и его Председателя усилилась в газетах, журналах, радио и особенно на TV.

Основные тенденции, которые были привнесены ситуацией (не только ельцинистами, но и в определенной мере политикой союзных властей в 1989—1991 годах), были схожи с теми, которые сложились в Западной Европе и США в период Великой депрессии 1929—1933 годов и в последующие годы. Речь идет не только о собственно экономической ситуации, но и криминальной обстановке, захлестнувшей страну. О ней сам президент Ф.Д. Рузвельт сказал следующее: *«Правительство, которым управляют деньги, также опасно, как и правительство, управляемое преступниками»*. А что если формируется такое правительство, которое одновременно управляется и деньгами, и преступниками?

Американская пресса — и с левой, и с правой стороны — нещадно травила Рузвельта. Популярный среди левых сил Хью Лонг (убитый в ходе избирательной кампании) обвинял его правительство в том, что в период крупнейших социальных бед, обрушившихся на американский народ в ходе кризиса, Рузвельт защищал интересы богатых слоев населения. Это было откровенной неправдой, поскольку его «Новый курс» был направлен на обеспечение интересов большинства нации. С другой стороны, крайне правые, представители олигархического капитала, яростно ненавидевшие Рузвельта, обвиняли его в приверженности к коммунизму, находили в нем сходство то со Сталиным, то с Гитлером.

Отметим, в Америке 30—40-х годов, как и в 1991—1993 годах в России, основная политическая борьба развернулась вокруг главного вопроса — ***экономического регулирования государства.*** Мощные американские корпорации-монополии, развивающиеся на протяжении двух столетий на базе доктрины *hisses faire,* либерализма (невмешательства государства в экономику), в новых условиях не могли далее обеспечивать бескризисное развитие. Но, тем не менее они органически не терпели любую форму государственного вмешательства и отвергали полностью рузвельтовский новый «Новый курс», усматривая в нем опасность подрыва своего всесилия в

обществе. В эти годы Рузвельт пригласил ставшего уже популярным в Великобритании экономиста Дж. М. Кейнса в свое правительство в качестве экономического консультанта. Уже на американском опыте экономического кризиса Кейнс разработал свою теорию (кейнсианство), обосновывающую в том числе неизбежность государственного регулирования экономических процессов и теорию экономического роста на факторном анализе.

Олигархические силы в Америке, борющиеся с Рузвельтом, действовали аналогично тому, как ельцинисты в России в указанный период с Верховным Советом, препятствуя адекватным реформам и предавая анафеме любое государственное экономическое вмешательство. Но у Америки позади были несколько столетий эволюционного развития классического капитализма, ранние элементы которого были привнесены в Новый Свет европейскими колонистами-переселенцами, чего не было в России, включая частные корпорации. Не имея в стране ни крупных корпораций, ни мелкого предпринимательства, отказываться от регулирующей роли государства — это было просто безумие. И без активного государственного регулирования Россия не могла развить факторы производства (производительные силы), находящиеся в полном упадке к приходу в правительство так называемых «реформаторов» (по результатам — контрреформаторов). К счастью для Америки, президент Рузвельт сумел преодолеть яростное сопротивление реакционных сил и вывести Америку из кризиса. К началу Второй мировой войны ее экономика была на подъеме. В России последователем Рузвельта невольно стал Верховный Законодатель, который оказался сверженным в ходе предательского военно-полицейского переворота, а «победитель» (Ельцин и его новые олигархи) повели страну в XIX век.

Ельцинщина отбросила социальные достижения народов России к середине 60-х годов XX века. Не разбираясь ни в теории, ни в конкретной экономической политике, проводимой наиболее развитыми странами мира, ни в тенденциях развития мира, раскалывающегося под могучей поступью глобализации, вызванной накатывающимися волнами информационной революции, ельцинские контрреформаторы (неандертальцы) тупо, бездарно и догматически воспринимали идеи неолиберального экономического учения, пытаясь вернуть Россию ко временам XIX века, что, естественно, было невозможно. *«Капитализм в чистом виде существовал до кончины королевы Виктории»,*— образно выразился по этому поводу известный американский экономист П. Самуэлсон. Они не поняли

даже того, что полный отказ от идей неолиберальной экономической политики был осуществлен *после* азиатского финансового кризиса 1997 года. Тогда, по существу, обанкротился не только глобальный курс МВФ (его финансово-экономическая философия), но и само это глобальное финансовое учреждение во главе с его хитроумным директором-распорядителем Мишелем Камдессю. В новое тысячелетие главные капиталистические страны вступили *уже не с либеральными идеями, а с идеями, которые, на взгляд их истеблишмента, решают главную задачу — экономического доминирования в мире при высокой социальной защищенности населения через повышение социальной роли государства.* Соответственно, инструменты решения этой задачи — уже не либерализм, который перестал давать позитивной результат, а совокупная мощь государства и его разветвленной системы институтов, обеспечивающих высокий уровень экономической эффективности, и его распределительная функция. Надо отметить и то, что данное направление в теоретико-методологическом виде лишь формируется, но реальная практическая политика в основных чертах действует уже с 90-х годов XX века, когда в России «верхи» самозабвенно продолжали поклоняться либерализму и его основателям, и как всегда, привнося при этом свои субъективные суждения.

Глава 2

1993 ГОД: ОТ СОТРУДНИЧЕСТВА К КОНФЛИКТНОСТИ

Правительства Черномырдина

Экономическое положение страны, несмотря на все бодрые заявления нового премьера, что он «все стабилизирует», ухудшалось. В то же время, как следствие энергетичной деятельности парламента и темпы спада производства в промышленности стали снижаться. Но остановить процесс втягивания всей национальной экономики в разрушительную фазу развития все еще не удалось. Жизненный уровень трудящихся, включая интеллигенцию, продолжал ухудшаться; директорам предприятий становилось все сложнее удерживать производство, обеспечивать работников и их семьи заработной платой, а их детей — детскими садами и яслями. Начинающие предприниматели были буквально растеряны и шокированы — они часто бывали у нас, в Белом доме, рассказывали о своих делах. Большинство деятелей культуры, кроме узкого слоя столичного бомонда, составляющие «дворцовую культурную интеллигенцию», науки, просвещения и здравоохранения, в отчаянии от нужды.

Парламент в меру своих возможностей стремился облегчить страдания людей, изменить общую ситуацию.

Так, решениями Верховного Совета была введена система корректировки заработной платы, пенсий, пособий и стипендий в зависимости от динамики инфляции, предусматривалось выделение крупных финансовых средств, направляемых в промышленность и сельское хозяйство для поддержания производства; обеспечено льготное кредитование мелкого

предпринимательства в сфере сельского хозяйства и переработки сельскохозяйственной продукции по специальным программам (программа «АТЭС», к примеру); приняты меры по облегчению получения кредита частными лицами и т.д.

С огромными трудностями, преодолевая колоссальные последствия ошибочных решений правительства, парламент добился к лету 1993 года некоторого замедления темпов спада производства (и в промышленности, и в сельском хозяйстве). Показатели инфляции достигли запланированной величины (снижение от 900% до 28%). И, что важно, было найдено понимание между Верховным Советом и правительством в области проведения второго этапа приватизации.

Как оказалось, огромный позитивный эффект дали обществу принятые Верховным Советом (основные положения этого Закона были сформулированы мною лично) два закона. Первый — «О бесплатной приватизации жилья гражданами России»; второй — «О бесплатной передаче в собственность граждан садовых участков». Многие специалисты, да и сами граждане, согласны в том, что единственное благо, которое они реально получили от смены социализма на капитализм, — это приобретение в собственность тех квартир, в которых они проживали, и свои садовые участки. Подчеркиваю, идея этого закона всецело исходила от парламента... Читаю недавно одну московскую газету с обширным интервью бывшего мэра Москвы Г. Попова. Не моргнув глазом, экс-мэр говорит, что московские власти осуществили «бесплатную приватизацию по собственной инициативе». Возможно, этому кто-то поверит, хотя любой мало-мальски образованный человек задастся вопросом: «А как это вдруг Москва могла «самостоятельно» осуществить такую экстраординарную меру?» Не имея федерального Закона, разработанного федеральным правительством механизма приватизации, разного рода инструкций, необходимых в таком сложнейшем деле? Невозможно ни одному городу самостоятельно приватизировать квартирный фонд. Видимо, собственных дел, которыми можно было бы похвастаться, на тот период попросту не было, разве что демонтаж памятника Дзержинскому. Вот и пришлось выдумывать «подвиги».

Приход нового правительства во главе с Черномырдиным также вселил определенные надежды на сближение позиций Правительства и Законодателя. Поначалу новый премьер (я ранее уже говорил об этом) действительно пытался установить с парламентом рабочие контакты, мы частенько звонили друг другу, он приезжал в Парламентский дворец, согласовывал действия, просил «укрепить» его кадрами. Так, мы рекомендовали ему в правительство целый ряд наших парламентских деятелей и региональных руководителей. К нему перешли два моих заместителя — Юрий Яров и Владимир Шумейко, а также Заверюха — все на должности заместителей премьера; на пост министра топливной промышленности я рекомендовал председателя Тюменского областного совета Юрия Шафраника, ранее работавшего в нефтяной промышленности; были направлены ряд депутатов на должности заместителей министров (экономики, сельского хозяйства, финансов) и других отраслей...

«Круглый стол» и общественные ожидания согласия в отношениях «Кремль — Белый дом»

Заметным стало сотрудничество правительства с комитетами и комиссиями парламента в области законопроектной деятельности (в социально-экономической сфере). И что было особенно важным — мы с Черномырдиным после основательного разговора согласовали вопрос о необходимости дать импульс началу работы «круглого стола» с вовлечением основных деловых и общественно-политических сил и научно-экспертного сообщества. Достигли согласия относительно разработки общенациональной программы в области дальнейшего продвижения экономической реформы, как это было предусмотрено постановлением VII Съезда народных депутатов, который избрал Черномырдина премьером.

В этих целях уже 11 января 1993 года было принято совместное Постановление Президиума Верховного Совета и Совета министров — Правительства Российской Федерации. 5 февраля был дан старт первому заседанию «круглого стола» с участием Черномырдина и всего экономического крыла правительства, представителей деловых кругов и их

организаций, профсоюзов страны, банковского сообщества и т.д. (всего более 120 участников).

Я выступил с приветствием к данному форуму, оценил его как важнейший инструмент, способный привести к достижению национального согласия в основном вопросе, который волнует общество — в области экономической реформы. Черномырдин, поддержав мое выступление, сказал, что общество нуждается в национальном согласии в этом вопросе, поскольку результаты экономической реформы в 1992 году «оптимизма не вызывают». Он заявил также о своем согласии с «Председателем Верховного Совета относительно того, что основные, определяющие вопросы в области экономической политики нужно «обкатывать» здесь, на «круглом столе», а затем воплощать их в действие через Правительство и законодательство в Парламенте...»

От имени научного сообщества выступил академик Л.И. Абалкин: «Академическое сообщество выражает удовлетворение тем, что наконец состоялось давно ожидаемое событие — «круглый стол» начинает свою работу... Проблемы настолько осложнились, что, возможно, многие и не знают их истинного масштаба. Поэтому необходима энергичная работа в рамках настоящего форума. Академическое сообщество готово в нем участвовать всеми своими ресурсами, лишь бы достигнуть позитивного результата в деле выработки основательной, фундаментальной программы преобразований и достижения национального согласия».

Видный ученый и врач, организатор медицинской науки, академик Евгений Чазов подчеркнул, что проводя экономическую реформу, надо видеть прежде всего человека. Он сообщил, что только в прошлом, 1992 году, численность населения с нехваткой белков (голодающих) возросла до 25%, резко увеличилась численность рождающихся детей «с отклонениями (рост в 1,5 раза); здравоохранение страны гибнет. Конституция гласит, что «государство обеспечивает охрану здоровья народа». Но оно, похоже, отказалось от этой задачи. Как ставится этот вопрос в будущей Конституции, о которой так много говорят и пишут?» — с горечью говорил врач и ученый.

Депутат Николай Травкин подчеркнул, что со стороны Власти очень важно показать свое серьезное отношение к данному «круглому столу», что власть пошла на создание этого форума не только под давлением общества, но и в своем стремлении достигнуть общественного согласия по важным вопросам, которые «разводят» эти власти, а вовсе не общество. Ясно, что необходимо согласие между парламентом — с одной стороны, и президентом и правительством — с другой стороны, по вопросу об экономической реформе, как главной общественной теме... Поддержал идею «круглого стола» Александр Шохин, один из немногих министров из состава предыдущего правительства, оставшегося в правительстве Черномырдина, напомнив, что такого рода «круглые столы» в разных странах проводятся в кризисные периоды. Выступали многие представители разных слоев общества. Участники этого первого заседания, конечно, не были единомышленниками. Порою высказывались противоположные точки зрения — но почти все были едины в том, что следует использовать механизм «круглого стола» для того, чтобы вовлечь в него основные общественные силы и выработать согласованные позиции по главным вопросам развития страны.

По мере работы «круглого стола» и его секций, в него вовлекалось все большее число участников, форум становился важным фактором политической жизни страны. Увлекся работой «круглого стола» Аркадий Вольский, привлекая все большее число новых предпринимателей, которым для успешной деятельности нужны были прежде всего два главных фактора: политическая стабильность и квалифицированное рыночное законодательство.

...Наметившееся движение к политической стабильности и согласию неожиданно «взрывается». Как по мановению волшебной палочки, в разных «авторитетных» столичных изданиях стали появляться публикации, предвещающие скорый уход в отставку Ельцина, его «поражение» в борьбе с парламентом и прочие измышления. Это Ельцина нервирует необычайно — он всегда болезненно воспринимал любое сообщение СМИ, особенно иностранных, негативного характера о своей деятельности. И такие пророчества его

вывели из себя. В результате — его импульсивное «обращение к народу» от 20 февраля, которое, кстати, осталось не понятым в обществе и никаких дополнительных симпатий к нему не вызвало. В этом «обращении» президент ничего конкретного не говорил — жаловался на Верховный Совет и угрожал ему одновременно, намекал на свой «возможный уход». Ясно, что Ельцин был недоволен сближением правительства и парламента, он, президент, в такой обстановке как бы оставался в тени основного политического процесса, а он хотел быть непременно в центре внимания всего и вся.

«Кризис власти» — так была озаглавлена статья Фреда Хиста в «Вашингтон пост, в которой автор писал: «... В последний раз я видел президента, выглядевшим как сейчас, когда Горбачева привезли в Москву после путча»... Похоже, — писал Хист, — что Ельцин терпит поражение. И это может создать дополнительные проблемы для администрации Клинтона и не только потому, что встают проблемы продолжения курса на реформы, свободный рынок и возможностей дезинтеграции самой России. Ясно, что консервативный парламент, в случае если ему будет предоставлена возможность, может бросить вызов новой российской внешней политике в отношении США по вопросам контроля над вооружениями, продаже оружия третьим странам и координации усилий в горячих точках, таких как Босния...».

Так пугала Клинтона эта влиятельная американская газета, выдумывая несуществующие угрозы со стороны российского парламента и одновременно подталкивая Клинтона к «активным действиям в поддержку Ельцина» (Washington Post, 21 February 1993).

В той же газете приводится «мнение» координатора по общественным связям администрации (на правах заместителя госсекретаря) Армитиджа, который заявил, что Ельцин, как это произошло с Горбачевым, «вот-вот исчерпает свои возможности и кто-то другой появится на сцене» (Washington Post, 21 February 1993). Это заявление было сделано Армитиджем в Вандербилтовском институте общественной политики. «Большинство западных дипломатов и русских экспертов называют Ельцина переходной фигурой и предсказывают его скорый крах» — Washington Post

(24 February 1993). Такого же рода публикации появляются в западноевропейских печатных изданиях. Эти выступления в СМИ и обсуждения вокруг «темы» немедленно сказались на отношениях «Парламентский дворец — Кремль». В частности, было сорвано очередное заседание «круглого стола», которое с нетерпением ждали в обществе.

Я был сильно встревожен, встречался с Ельциным несколько раз, обсуждал эту проблему, доказывал, что работа в рамках такой «площадки» — это сильный механизм, способствующий конкретному участию общественных сил в наших реформах; что мы подвергаемся давлению со стороны этого мнения (то есть общества), которое требует учета его мнения. Так почему мы не хотим использовать и ситуацию, и механизм, могущий привести к согласию? В чем причина?

Если лично во мне, сказал я Ельцину, и вы не хотите со мной работать — я готов немедленно подать в отставку. Я напомнил ему наш разговор — сразу же после его избрания президентом России — тогда я предупредил его, что буду работать председателем до тех пор, пока будет его поддержка, и у нас будут сохраняться доверительные отношения.

Ельцин был мрачен, сказал, что проблему он видит не во мне: *с вами-то, Руслан Имранович, мы всегда договаривались. Проблема — в самом Верховном Совете — он слишком самостоятельный и обладает слишком большими полномочиями. А тут еще Съезд только и занимается тем, что трепет мои нервы!»*

Я был изумлен: *«Борис Николаевич, да мы все полномочия отдали вам! — Чего вам не хватает? Вы — Председатель Конституционной комиссии, надо скорее завершить подготовку новой Конституции — это зависит исключительно от вас. Вызывайте Румянцева. Внесите свои предложения, Комиссия их обсудит и каким-то образом учтет».*

Ельцин: *«Вот в том-то и дело, что каким-то образом учтет»*, — проворчал президент. Далее он прервал обсуждение этой «темы» и пообещал, что даст распоряжение Черномырдину встретиться со мной для обсуждения начала работы «круглого стола». Комиссия начала работу уже летом.

Я уже потом, спустя много лет, задавался вопросом: если Ельцин твердо решил расправиться с парламентом, зачем он «держал» меня, своего соратника, на этом посту, не решался сказать о нежелательности моего пребывания в этой роли, второго человека в иерархии государства. Почему?

Конституционная реформа

Современный читатель, даже довольно информированный, когда он соприкасается с недавней политической историей России, оказывается введенным в заблуждение в силу одного стереотипа, навязанного ему официальной историографией. Суть ложного стереотипа состоит в том, что якобы «реакционные» Съезд народных депутатов и Верховный Совет препятствовали принятию «новой прогрессивной российской Конституции». Поэтому тогдашний президент Ельцин взял на себя роль «спасителя нации» и расстрелял парламент, разогнал депутатов, самолично разработал «самую лучшую в мире Конституцию и одарил ею граждан России, осчастливив их необычайно. Это — совершенно ложная посылка. С точки зрения исторической правды я бы выделил следующие два момента.

Первый момент. В вопросах развития и углубления политической демократии в стране ни российский парламент, ни российский президент Ельцин не были пионерами, пальма первенства здесь принадлежит, бесспорно, Михаилу Горбачеву. По инициативе Горбачева были внесены существенные поправки в Конституцию СССР и Конституции Союзных республик, был принят новый избирательный Закон — все это дает основание говорить о том, что в стране действовала «горбачевская демократическая Конституция», а вовсе не «брежневская» — как и ныне утверждают злостные лжецы, любители искажения исторической правды. К вопросу развития реальной свободы человека Ельцин, конечно, не имел никакого отношения.

К моменту нашего (Ельцина и Хасбулатова) появления на политической арене России в начале 1990 года, действующий в СССР и РСФСР конституционно-политический строй был вполне демократическим. Он позволил нам на

первом же Съезде народных депутатов РСФСР *мирным путем отстранить от власти в России коммунистов, сформировать беспартийный парламент и беспартийное правительство, четко ориентирующиеся на общепризнанные демократические ценности.* Уверен и в том, что уровень демократии в России в 1990—1993 годах был намного выше и глубже по сравнению с современным ее состоянием. Вряд ли мне сегодня было бы возможным избираться в качестве депутата России — несмотря на сохраняющуюся мою огромную популярность. Интересно, что на всю свою избирательную кампанию в Грозном я затратил сумму в размере... двухмесячного профессорского жалованья. Тогда в российском обществе повсеместно царил романтический дух ожиданий перемен, которые способствуют улучшению жизни людей. Люди верили власти, несмотря на трудности перестройки. *Эта вера самым беспощадным образом была уничтожена ельцинистами в сентябре — октябре 1993 года.*

Второй момент. В 1990 году в Российской Федерации к власти пришли новые народные депутаты, тогда же были сформированы органы власти Российской Федерации. Можно вполне определенно сказать — это были самые честные выборы в России — ни до этого, ни после 1990 года — более честных и демократических выборов в России не было и, похоже, не будет в обозримом будущем. Именно тогда на I Съезде народных депутатов (май — июнь) нами была принята новая концепция углубления горбачевской демократии в России, предполагающая *два направления дальнейшей* конституционной реформы. В соответствии с первым направлением, мы решили постепенно вводить новые, демократические поправки в действующую российскую Конституцию. *Второе направление* — фундаментальное — оно предусматривало разработку и принятие новой Конституции России.

В этих целях I Съездом народных депутатов была избрана Конституционная комиссия, председателем этой комиссии стал Ельцин, я — его заместителем, ответственным секретарем был избран превосходный образованный депутат — Олег Румянцев. Согласно действующей Конституции, новую Конституцию должен принять Верховный Со-

вет, а затем предложить ее для окончательного утверждения на Съезде народных депутатов.

Работа над проектом новой Конституции велась на основе обширного изучения конституций разных стран мира, и особенно — стран Западной Европы и США, в эту работу привлекались известные специалисты в области конституционного права, в том числе иностранные ученые и специалисты. Одно время в Конституционной комиссии работал, помнится, бывший американский сенатор Гэри Харт, французские, британские и германские специалисты. На III Съезде доклад о проекте новой Конституции было поручено сделать мне, на IV съезде доклад сделал председатель Конституционной комиссии Ельцин и предложил принять разработанный Конституционной комиссией проект новой Конституции за основу. Такое решение было принято. Проект новой Конституции России был опубликован громадными тиражами — более чем 60 млн экземпляров (в 1992—1993 годах). Так обстояло с конституционной реформой, которая осуществлялась серьезно, продуманно, согласовывалась с областями, краями, республиками, учитывая, что Россия — это Федеративная рРеспублика. Но ельцинисты из этой исключительной по важности работы решили устроить политический балаган.

Первая попытка переворота ельцинистов

Ельцин стал тяготиться своей ролью конституционного президента при демократической системе сдержек и противовесов. Когда он занимал пост Председателя Парламента — с мая 1990 года и вплоть до избрания президентом России 12 июня 1991 года — Ельцин достаточно последовательно был сторонником принципов разделения властей, но став президентом, он постепенно стал склоняться в направлении установления авторитарного режима личной власти. До поры до времени он не обнаруживал публично эту свою позицию, справедливо опасаясь того, что его станут обвинять в склонности к авторитарным методам правления. Поэтому занял обструкционистскую позицию в отношении к проекту новой Конституции, которая была ранее разрабо-

тана под его же личным руководством Конституционной комиссией, и стал тормозить процесс принятия новой Конституции. Как опытный партбюрократ, Ельцин, привыкший в предыдущие десятилетия к различного рода закулисным интригам и маневрам, — все свои неудачи в области экономической реформы немедленно связывает с деятельностью парламента. Он и его крикливые сторонники на весь мир стали кричать, что «Верховный Совет во главе с Хасбулатовым мешает Ельцину проводить реформы». Согласно их заявлениям — у Ельцина якобы не хватает власти: ее «узурпировал» Верховный Совет.

И что самое интересное! — они объявляют действующую Конституцию, которая после внесения множества поправок стала реально одной из наиболее демократических конституций мира, «недемократической», «прокоммунистической» и т.д. Хотя именно эта «недемократическая Конституция» обеспечила приход к власти самого Ельцина, его избрание Президентом России — вопреки воле Союзного руководства во главе с Президентом СССР Михаилом Горбачевым. А что касается проекта новой Конституции, которая, напомню, была разработана под руководством самого Ельцина, — ныне этот проект также объявляется прокоммунистическим продуктом Верховного Совета, который противники демократии «хотят навязать народу».

Так российская высшая исполнительная власть во главе с президентом *сама* стала главным орудием фальсификаций, лжи и инсинуаций, вбрасывая в общество семена раздора, усиливая политическую напряженность, превращая поле столкновений интересов разных социальных групп во всемирное посмешище...Чтобы «обойти» законный путь принятия Конституции через парламент, сторонники Ельцина созывают некое «конституционное совещание». В своей основе это «совещание» формируется из чиновников-бюрократов разного уровня, а также готовых услужить любой власти неких «ученых» и «специалистов». Они быстро «состряпали» проект Конституции — «под Ельцина», проводят в декабре «референдум», и российское общество зажило счастливой жизнью... Этот краткий экскурс, забегая вперед, я сделал, чтобы читатель понял суть проблемы, связанной с

борьбой вокруг новой Конституции России. А теперь вернемся к хронологии событий.

У меня очень много работы. К тому же я — председатель Межпарламентской ассамблеи СНГ, которая была создана по моей инициативе в начале 1992 года. Штаб-квартиру я определил в Таврическом дворце, в Петербурге,— его мне предложил Анатолий Собчак, когда я позвонил ему из Бишкека, где вместе с главами парламентов было принято указанное решение. Дворец был в страшно запущенном состоянии, пришлось затратить крупные средства на его ремонт. Но в результате парламентарии СНГ получили прекрасное историческое место для проведения своих пленарных заседаний.

В начале марта у меня были запланированы визиты в столицы СНГ, проведение консультаций со своими коллегами, иные встречи и переговоры. 18 марта я вылетел в Минск, оттуда в Киев, затем в Баку и Ереван. На подлете в Алма-Ату 20 марта в самолет звонит мой первый заместитель, Юрий Воронин, сообщает: «Ельцин намеревается совершить переворот. Пожалуйста, вернитесь в Москву!»

Я, смеясь, отвечаю: «Сами справитесь, не все же перевороты мне подавлять!»

И продолжил свой полет. Меня сопровождала многочисленная делегация, в которой находились более трех десятков парламентариев, а также работники исполнительного секретариата Межпарламентской ассамблеи, МПА-специалисты, технический персонал (около 50 человек). Все они были просто поражены моим спокойствием и решением продолжить визит в Алма-Ату. Однако настроение было — уже далеко не веселое. Здесь меня считали «своим» — я ведь с 1944 до 1962 года жил в Казахстане. Депутаты, много других людей, представителей разных организаций — все выражали свое сочувствие, ободряли, как могли. Президент Назарбаев был сильно встревожен, расспрашивал подробности относительно причины постоянных конфликтов, я, разумеется, рассказал о ситуации.

Через день вернулся в Москву. Ознакомился с ситуацией. Оказалось, что Ельцин обратился по TV к народу с заявлением, в котором объявил, что «распускает Съезд народных

депутатов и Верховный Совет», вводит «Особый порядок управления страной» (ОПУС) и приступает к разработке «новой Конституции», которая должна быть принята в скором времени. О торопливости, небрежности и даже глупости «новых путчистов» свидетельствовало само название документа — аббревиатура ОПУС на русском языке означает «оплошность», «попадание в неловкое, глупое положение». Авторы документа позволили совершить эту «оплошность» президенту или, скорее, «посадили его в лужу» (это тоже обозначается словом «опус»).

Ельцин едва удержался на посту президента

...23 марта было завершено рассмотрение действий президента Конституционным судом. Высокий Суд расценил их как грубое нарушение конституционной законности. Делать было нечего, при всем своем нежелании мне пришлось согласиться с созывом Внеочередного (IX) Съезда народных депутатов. Он начал свою работу 26 марта в Большом Кремлевском дворце (ныне его уже нет), спустя всего лишь две недели после завершения предыдущего, VIII — и тоже Внеочередного — Съезда народных депутатов. Как видим, терпение парламентарии проявляли огромное, выдерживая капризы чудовищно зарвавшегося правителя-самодура. Однако самым терпеливым был все-таки я; мне и в голову не приходило сделать что-то по-серьезному неприятное Ельцину, он рекомендовал меня своим первым заместителем, позади у нас с ним была огромная совместная работа в условиях непрерывного давления союзной бюрократии. Я всего этого не мог так просто забыть и откинуть как ненужный хлам — так, как это мог делать Ельцин. У меня другие понятия чести и порядочности.

Этот так внезапно и вынужденно созванный Съезд народных депутатов по реальному факту грубого нарушения президентом Конституции я попытался «увести», насколько это представлялось возможным, от процесса реального рассмотрения вопроса об отрешении Ельцина от президентства. В своем шестом докладе я сделал акцент на необходимости строгого соблюдения всеми должностными лицами консти-

туционной законности. А «случай» с Ельциным я предложил рассмотреть как серьезное предупреждение всем тем, кто чрезмерно легкомысленно относится к Закону. Большинство депутатов поддержало такой подход и хотя резко критиковали президента, но были настроены на мирный исход вопроса — никто не хотел воспользоваться предлогом, чтобы сместить Ельцина, к тому же большинство депутатов ориентировались на мою позицию — они привыкли полагаться на нее безошибочно.

Все могло завершиться мирным, не конфликтным образом, да опять испортил сам... Ельцин.

Он пришел на вечернее заседание, будучи основательно пьяным, и потребовал слова. Я хотел завершить заседание, сделав вид, что не замечаю его просьбу предоставить ему слово. Но он уже шагал к трибуне. Я стал ждать грозы, и она неминуемо грянула.

Нет смысла пересказывать все то, что говорил Ельцин. Это были жалобы, и угрозы, и шантаж, и откровенная чушь, над которой в зале откровенно хохотали, в общем, это было жалкое, позорное зрелище. Но все это было уже привычным для депутатов — не это их возмутило. То, что они не захотели простить, — это то состояние, в котором он находился в ту минуту, когда собрался Внеочередной Съезд народных депутатов, согласно Конституции, — высший орган власти страны, для рассмотрения его же, Ельцина, попытки государственного переворота. Ему припомнили все...

Эти депутаты всего лишь два года тому назад избрали Ельцина своим Председателем, затем обеспечили его избрание президентом, защитили в ходе путча в августе 1991 года, прощали его многочисленные глупые выходки. А он, Ельцин, вообразил себя царьком, вместо благодарности — непрерывные издевательства над парламентариями, полное неумение управлять страной и т.д. Все, хватит — вышвырнем негодяя вон — вот таким было мнение огромной части депутатов.

Они, депутаты, буквально пришли в ярость — немедленно проголосовали за то, чтобы внести в повестку Съезда вопрос об отстранении Ельцина от обязанностей президента. Более того, гнев перекинулся на меня — они вспомнили, что

с первого дня нашей деятельности, я неизменно выступал с позиций последовательной защиты Ельцина. ...И потребовали также моего смещения с поста Председателя Верховного Совета.

«Хорошо, — подумал я, сидя за председательским креслом в Кремлевском зале, — что наши разъяренные депутаты не догадались потребовать лишить меня права вести заседание Съезда. Тогда, можно точно полагать, задача смещения — во всяком случае Ельцина, — была бы выполнена ...»

Меня переизбрали подавляющим числом голосов, видимо, рассудили достаточно объективно. Но вот с президентом едва не вышел уже не опус, а казус — из более чем 700 голосовавших, не хватило всего лишь 11 голосов для отрешения от должности президента России. Конечно, перед голосованием мне пришлось изрядно поработать со многими депутатскими группами и влиятельными депутатами. Они снова прислушались к моему мнению (при встречах до сих пор упрекают). На этот раз Ельцин выглядел очень испуганным... Часть депутатов, сторонников Ельцина, выступила с инициативой провести референдум с вопросом оказания доверия президенту. Я сразу же угадал: начинается новая интрига, новая провокация — честность неведома ни Ельцину, ни его сторонникам. Задал вопрос: «Зачем вам референдум?»

Отвечает: «Я хочу узнать только мнение народа, мне важно в моральном плане...»

Я уже не верил этому человеку абсолютно. Знал, что он приготовился к новым провокациям — независимо от исхода референдума. Такая у него гнилая натура. Разгоряченные депутаты, к сожалению, «накидали» еще вопросы, которые были неуместны и лишь запутали избирателей. Хотя никакой исход голосования не мог иметь правового значения, что подтвердил позже Конституционный суд.

В принятом постановлении Съезд объявил проведение 25 апреля на всей территории России всенародного референдума по четырем вопросам:

1. Доверяете ли вы Президенту Российской Федерации Б.И. Ельцину?
2. Одобряете ли вы социально-экономическую политику, осуществляемую Президентом Российской Феде-

рации и Правительством Российской Федерации с 1992 года?

3. Считаете ли вы необходимым проведение досрочных выборов Президента Российской Федерации?
4. Считаете ли вы необходимым проведение досрочных выборов народных депутатов Российской Федерации?

Кампания, не принесшая успех Кремлю

Вся затея ельцинистов, ожидавших получения абсолютного большинства голосов в поддержку Ельцина, провалилась — он получил лишь небольшой численный перевес в составе голосовавших, потеряв при этом более 9 млн избирателей — по сравнению с тем их числом, которые около 2 лет тому назад отдали свои голоса за него, при президентских выборах. Никаких оснований для юридических последствий этот референдум не дал — это было четко зафиксировано в постановлении Конституционного суда, куда мы направили документы по референдуму с просьбой дать комментарии по результатам.

Но интересно напомнить, как президентско-правительственная сторона вела подготовку к референдуму, какие она использовала средства и методы. Это, можно смело отметить, было началом полного отказа соблюдать не только какие-то минимальные правовые нормы, но и морально-этические правила. День и ночь по всем телеканалам лились потоки брани, лжи, клеветы и инсинуаций в адрес российского парламента и его председателя. Дело доходило до того, что какой-то полупьяный писатель с телеэкрана, обращаясь лично ко мне, пытался учить меня... русскому языку! Во многих газетах лозунги: «Ты будешь голосовать за русского Ельцина или за чеченца Хасбулатова?» Впервые в истории Власть вбросила семена национальной вражды в общество, сознательно и жестоко. Референдум, стараниями кремлевских пропагандистов-подлецов, превратили в ристалище личного сражения между президентом и председа-

телем, между Кремлем и Белым домом, в некое спортивное состязание, когда из поля зрения пропадает суть события, а все внимание концентрируется на бесконечном грязном шоу. «Да-Да-Нет-Да» — этот слоган бесконечное число раз назойливо крутился повсюду, вдалбливался в сознание, требуя «разогнать» парламент и безоговорочно поддержать президента.

Беспрецедентный характер имели, по заключению экспертов, случаи массовой подтасовки, вбрасывания бюллетеней, искажения в подсчетах избирательных комиссий, контролируемых местными исполнительными властями. И тем более неожиданными оказались для Кремля полученные результаты, которые не давали никакого шанса на осуществление *второго акта* в своем грязном замысле — *принуждение к самороспуску парламента* — они даже в отдаленной мере не приблизились к этой цели. Такого права им российский избиратель не предоставил.

...По мере поступления сведений по референдуму, первоначальные ожидания Кремля оглушительного успеха менялись на уныние и даже на панические настроения. Кто-то из президентской команды повторил известное большевистское правило: «Важны не результаты выборов, важны их интерпретации». Результаты же дали следующую картину:

Во-первых, резкое снижение явки избирателей — 55%, по сравнению с почти 70% в июне 1991 года — сказывалась усталость населения, возродившееся неверие во власть и безразличие.

Во-вторых, чуть более половины явившихся выразили поддержку президенту (при этом он «потерял» более 9 млн избирателей, по сравнению с 1991 годом), чуть меньше — Верховному Совету (экспертные оценки показывали накануне выборов следующий результат: около 20% — в поддержку президента, 58% — в поддержку Верховного Совета).

Однако тотальная пропрезидентская пропаганда и оголтелое «махинаторство» при подсчете голосов дали свои «результаты», приведенные выше. Но я и ими был чрезвычайно доволен — они нанесли мощный удар по всей этой провокационной затее под названием «референдум». Одновременно был нанесен удар по этому самому демократическому

способу выявления мнений народа — референдум в России оказался основательно девальвирован. После этого апрельского референдума, он оказался в руках правящей бюрократии орудием осуществления своей нечестивой политики. Это еще раз подтвердилось уже в декабре 1993 года, когда Кремль вынес на «всенародный плебисцит» ельцинский проект Конституции и объявил его «принятым народом».

Решение Конституционного суда было четким и определенным, и суть его состояла в том, что избиратель **не предоставил ни Президенту, ни Законодателю** права на односторонние действия по изменению существующего конституционного порядка в стране. Соответственно, не может и речи быть о том, что «одна сторона» может досрочно прекратить полномочия «другой стороны». Конституционный суд не мог прямо указать на «ту сторону, которая пытается досрочно прекратить полномочия другой стороны», но всем было ясно, что Суд имеет в виду Кремль. Казалось бы, надо успокоиться — избиратель оказался мудрее, чем предполагали инициаторы референдума, он фактически предписал и Законодателю, и Президенту работать вместе, без конфликтов, решать свои противоречия так, как того требует право и мораль.

Однако ельцинисты закусили удила. Решение Конституционного суда подвергалось яростным, самым оскорбительным нападкам, его председатель Валерий Зорькин непрерывно оскорблялся в СМИ, высмеивался. Кремлевские начальники лишили его охраны. (Мне пришлось выделить ему охрану из службы безопасности Верховного Совета — она ему была очень нужна в то время.) Игнорирование конституционной законности, Верховного Совета и Конституционного суда правительственным чиновничеством приобрело откровенный характер. При этом вызывало удивление сверхциничное, наглое, буквально хамское поведение — как высоких руководителей исполнительной власти, так и подчиненного ему чиновничества, по отношению к Законодателю. Так, любой чиновник из Кремля или правительства мог «себе позволить» дать публично любую негативную оценку в отношении деятельности Законодателя, его руководителей, высказываться в плане «легитимности — нелегитимно-

сти» Верховного Совета. В эти публичные «дискуссии» на TV вовлекались иностранные журналисты и эксперты, которые также бездумно-игриво позволяли себе насмехаться над российским Законодателем.

Угрозы Кремля «разогнать» Верховный Совет, его шантаж, травля, инсинуации и.т.д. становились повседневными. Толкования результатов апрельского референдума приобретали гротескный характер — оказалось, люди легли спать 24 апреля в одной стране, а проснулись 25 апреля в другой (согласно версии Сергея Шахрая, приложившего немало сил для укрепления кровожадных замыслов Ельцина). Так интерпретировали кремлевские идеологи эти результаты. Следовательно, делали вывод эти деятели, «никакой Верховный Совет и «их» Конституция в этой «новой стране» не могут считаться действительными». Оказывается, «референдум» «ДАЛ ИМ новую страну!» И при этом — непременная ссылка на «народ», «народ **нам** доверил... «Но народ никому ничего не доверил — из того, что пытались делать ельцинисты, и более того, он — Народ — **отказал Ельцину в праве действовать за пределами действующей Конституции!** Но об этом интерпретаторы предпочитали не говорить. ...Выступает по TV какая-то артистка! — хвалит Ельцина, ругает Верховный Совет, говорит: «Зачем мне эта Конституция?» — И правда, зачем ей-то «эта» или «другая» Конституция? Петь или танцевать мешает? Ей сказали: «Скажи то и другое — от народа, от людей культуры...». Вот бедняжка и старается. Обстановка как в 37-м: «Бухарин — враг народа...» «Сталин воплощение добра и светлости», а ныне — «Хасбулатов — враг демократии», «Ельцин — апостол демократии». TV, СМИ не брезговали ничем.

Помнится, английский профессор Джон Росс, работавший в группе консультантов при председателе парламента, мне сказал: *«Руслан Имранович, почему вы не подадите в суд на телевидение — ведь их пропаганда в пользу президента попросту преступна? Такого не позволяет себе TV нигде в мире. Оскорбления, клевета на парламент — что там за люди? Это — не журналисты, это – хулиганы!»*

Я: *Они — не хулиганы, профессор, итальянский журналист Кьеза правильно их назвал «киллерами от журналисти-*

ки». Ну, а что касается судов — где они, независимые суды? Не успел Верховный Совет принять законодательство, обеспечивающее независимость судов, утвердил состав Верховного Суда, других судов, как почти вся судебная система оказалась под пятой исполнительной власти, новых предпринимателей, теневого бизнеса. «Рынок» — все продается и покупается! В том числе совесть и судебные решения...

И вот, спустя всего лишь неделю после референдума — жестокая расправа властей с демонстрантами 1 Мая на центральных улицах и площадях Москвы. Это — сигнал о «другом государстве». Все! С играми в демократию закончено! Соглашайтесь с нашей интерпретацией референдума! — Именно этот сигнал они подали своей изуверской расправой с демократами. Наивные люди! Я немедленно выступил по телевидению, назвал виновников, заставил их оправдываться. Назначил парламентскую комиссию для расследования фактов милицейского произвола. Кремль сделал то же самое — немедленно «назначил свою комиссию». Но ее цель была — оправдать произвол.

«Конституционное совещание»

Кремлевские деятели попытались свои жалкие интерпретации референдума «перевести» на колею некогда конституционного процесса, созвав странное «конституционное совещание» — о чем радикалы говорили сравнительно давно. Правда, речь тогда шла об Учредительном собрании. Но Учредительное собрание 1917 года — это был очень серьезный, избранный всем российским народом, реальный демократический и представительный орган; это, по сути, нечто типа действующего Съезда народных депутатов. А ельцинисты как раз хотели совершенно обратного — никакого выборного органа, и исключительно назначенного ими самими. Отсюда и состав этого «ихнего» «совещания» — из числа администраторов областей, краев и высшего правительственного чиновничества; все «это» разбавили некоторым количеством депутатов и ученых — готовыми служить чему угодно и кому угодно. И заявили на весь мир о некоем,

чуть не «эпохальном событии», с которого следует считать «истоки» появления новой «российской конституции».

Это была чистейшей воды «бюрократическая погремушка», которая не имела ровным счетом никакого отношения к обществу. Ельцинисты, хорошо понимая, что, оставаясь в рамках Закона, они не смогут «протащить» новую Конституцию, «скроенную под Ельцина» наделяющего его диктаторскими полномочиями. Отсюда эта идейка относительно «конституционного совещания», фактически, инструмент «явочного переворота» в государстве.

Отметим помимо всего прочего, по созыву «совещания» действия были глубоко аморальны — еще вчера Ельцин хвалил проект Конституции, разработанный Конституционной комиссией и рекомендовал его «принять за основу» на Съезде депутатов, сегодня он же, Ельцин, публично заявляет о «непригодности этого же проекта, называя его «пропарламенским». Эта моральная нечистоплотность, двуличие и даже откровенная подлость делали этого человека очень опасным для общества... Но почему-то всего этого «не замечали» все эти «демократы» — это было просто удивительно.

Созыв конституционного совещания означал новый виток политической конфронтации. Это, отметим, признавалось и целым рядом иностранных наблюдателей. Так, люксембургская газета «Цайтунг» опубликовала передовую статью, в которой говорилось: *«Ельцин твердо решил установить в России абсолютный президентский режим, базой которого должна стать Конституция, дающая президенту соответствующую власть. Г-н Ельцин хорошо понимает, что если он будет следовать закону, то имеет мало шансов добиться своей цели, ибо проект Конституции вызвал негодование среди юристов и интеллектуалов, увидевших в нем попытку установить неограниченную личную власть. Поэтому президент маневрирует, стремясь обойти парламент и другие государственные структуры.*

С этой целью своим указом он созывает 5 июня специальную ассамблею, которая должна в течение 4 дней завершить «разработку» новой Конституции России. Президент открыто нарушает действующую Конституцию, которая

не устраивает его. Он фабрикует Учредительное собрание, чтобы заменить эту Конституцию. Он устраняет из высших эшелонов государственной власти людей, которых не любит потому, что их убеждения отличаются от его собственных... Многие признаки дают основания опасаться, что под маской демократии России в очередной раз угрожает диктатура. (Zaitung, 18 mai 1993)...»

Телевидение показало, как в день «открытия» заседания этого «конституционного совещания», Ельцин и Черномырдин лишили слова Председателя Верховного Совета России. Надо было видеть эту картину целиком — я ни с чем похожим в жизни не сталкивался; читал лишь, что в сталинские времена многие люди из-за боязни репрессий делали что-то не очень хорошее. А здесь, в Кремле, когда мы все объявили себя чуть ли не идеальными демократами, второму лицу государства, главе парламента, не дают слова! И когда я буквально выбил это слово от президента — какова реакция членов «конституционного совещания»? Все это невозможно описать — здесь нужен гений Шекспира, чтобы точно передать и трагизм, и комизм одновременно всей этой панорамной «картинки». Представьте себе мощно ревущих, с разинутыми пастями, горилл; при этом они, точно гориллы, бьют своими ногами (лапами) изо всех сил об пол, хлопают руками (передними конечностями) об стол, их безобразные, вонючие пасти разинуты до предела. Глаза выпучены — в них нет ничего от человека, только от животного... Idolo-specus Фрэнсиса Бэкона... Но мне не страшно. Я — их, скотов, презираю... Ельцин — растерян, Черномырдин — что-то бормочет, извиняется... А я, стоя на трибуне, как завороженный, смотрю в зал, где «заседает» огромная стая человеко-обезьян... Группа ельцинских охранников валит на пол народного депутата судью Слабодкина, затем «несут» его на вытянутых вверх руках, к выходу. Другой верзила-охранник бьет «под дых» Генерального прокурора Степанкова, «усаживая» его на место. (Он вскочил, протестуя против насилия над Слабодкиным.) Третий изготовился применить «прием» на мне, когда я проходил к трибуне — отказался, увидев, как я напрягся.

Вдруг стало... смешно... Мысли мелькают с огромной быстротой... Вот они — те, кто породил в былые времена сталинщину, сегодня им нужен, как воздух, ельцинский авторитаризм, режим личной власти. Когда им, гориллам, будет спокойно... Какая им демократия нужна? Смешно! Им просто нужна власть над людьми, чтобы помыкать ими и грабить казну. И чтобы никакой ответственности!..

Но не все таковы, — здесь, в зале, есть и порядочные люди. Более трети собравшихся, около 70 человек, ужаснувшись увиденным, покинули зал. Конституционное совещание «сдохло», не начав свою запланированную подлую, подрывную «работу». Дальнейшая подготовка ельцинской «конституции», хотя и велась от имени этого «совещания», но была продуктом всецело и абсолютно кремлевского чиновничества. И оно также постепенно «охладело» к этой пустой затее. Никакого общественного интереса «Проект» не вызывал.

Кремль потерпел сокрушительное морально-политическое поражение от парламента. Центр политической жизни страны прочно разместился в Парламентском дворце. Здесь решались стратегические вопросы развития страны. К нам съезжались делегации со всего мира — парламентский центр был наполнен содержательными конференциями, здесь шли дискуссии по широкому кругу проблем современного развития. Это окончательно подвигло кукловодов Ельцина к мысли о необходимости физической расправы над парламентом. Здесь решения по типу «Беловежской Пущи» не могли сработать. Это провокаторы хорошо понимали.

Последние выступления председателя

Я часто выезжал в регионы, ближние и дальние, в Центральную Россию, Сибирь, встречался с большим количеством разных людей. Поддержка Верховного Совета со стороны населения страны была велика, и она стала быстро возрастать после референдума... Ниже привожу свой доклад на одном из региональных семинаров.

г. Владимир, 19—20 июля 1993 г.

Выдержки из доклада Р.И. Хасбулатова на совещании-семинаре председателей районных Советов народных депутатов Центрального и Волго-Вятского регионов Российской Федерации

О политической и социально-экономической ситуации в Российской Федерации

О парламенте

....Парламенты мира, существующие в развитых государствах, являются гарантами демократии в них. Почему? Потому, что, концентрируя действительно огромную власть, парламент обеспечивает всем гражданам, во-первых, Закон, который не может принимать более никто и никакой институт государства; во-вторых, парламенты — это открытые системы, в деятельности парламентов нет секретов, действия парламента, его работа всегда носят открытый характер, нет ни одного решения в парламенте, которое можно было бы спрятать, утаить и на основе которого можно было бы делать какую-то тайную политику, о которой общество не узнало бы; в-третьих, парламенты могут осуществлять контроль над деятельностью всей системы исполнительной власти...

Везде существуют определенные конфликты между законодательной и исполнительной властью. Исполнительная власть, как вы знаете, существует с момента появления первого государства, на протяжении тысячелетий. А история парламентаризма намного моложе и насчитывает только несколько веков. Так вот, в наших условиях, в России, современный парламентаризм только с 1989 года, с горбачевской конституционной реформы. И с чем он сразу же столкнулся? — С сопротивлением со стороны исполнительного чиновничества, которое благополучно существовало все время и еще лучше существует сейчас. Почему? Потому, что за его деятельностью был какой-то контроль. Даже партийная олигархия стремилась к тому, чтобы никто не допускал чрезмерного использования своих властных полномочий. Если кто-то «зарывался», его в общем-то как-то приструнивали, снимали с должности, наказывали — то есть какие-то приличия соблюдались. Сейчас все эти контрольные механизмы (партийные, и государственные) исчезли, и исполнительное чиновничество, конечно же, чувствует свое всесилие. И боится, что

представительные органы власти возьмутся серьезно исполнять свои обязанности и постепенно начнут контролировать их деятельность.

Противоречия

Основная причина противоречий между Законодателем и президентско-правительственной стороной покоится в сфере экономической политики — это крайний непрофессионализм последнего, отсутствие знаний и опыта руководства таким объектом, как огромная экономика и политика России. Не умея найти верные решения, всякий раз обнаруживая, что их действия — далеко не самые лучшие, бюрократия ищет способ, как им оправдать совершаемые ошибки. Вот и находят их в парламенте, который им «мешает».

Чиновничеству всегда мешает парламент. Он представляет для него смертельную угрозу уже в силу усиливающегося парламентского контроля над ними. Поэтому чиновничество предпринимает все — подкупы электронных средств массовой информации, шантаж, лживые кампании и далее ложные интерпретации реальных событий — для того, чтобы дискредитировать работу парламента, уничтожить его, причем даже не задумываясь о последствиях для общества. Наши надежды на то, что, поддержав выборы Черномырдина в качестве главы правительства, мы сможем совместно работать на благо страны, не оправдались. Продолжается прежний, разрушительный курс.

Поэтому вы должны знать первопричину всех этих конфликтов. Речь не идет о противостоянии двух властей. Речь идет только об одном — о стремлении высшего руководства исполнительной власти вообще смести всю представительную власть, то есть Верховный Совет страны, советы областей и краев, районные советы; это — откровенное стремление бюрократии избавиться от контроля со стороны народа, его представителей власти, включая муниципальную систему, стремление установить бесконтрольную власть бюрократии над российским обществом.

Угроза авторитаризма

...В создавшихся ныне условиях нам, в Верховном Совете, сложно противостоять, с одной стороны, стремлению опрокинуть представительную власть и, с другой стороны — одновременно проводить в жизнь законодательные меры экономической ситуации, которые в условиях ухудшения экономической ситуации препятст-

вовали вползанию страны в чрезвычайщину. Мы знаем из истории нашего Отечества, чем заканчивалась чрезвычайщина — диктатурой. И нас, наверное, в общем-то не особенно интересует, какая это диктатура — коммунистическая или антикоммунистическая. Природа диктатуры всегда одна — это нарушение человеческих прав гражданина, это насилие над обществом и человеком, это ограничение прав личности, это страх произвола властей.

Поэтому для меня не имеет ровным счетом никакого значения, какая это диктатура — демократическая или антидемократическая, либеральная или не либеральная. И когда кто-то хвастается своим антикоммунизмом — это опасный человек, — он мне внушает опасение. Гитлер и Пиночет тоже были антикоммунистами. Оттого, что другие диктаторы были коммунистами, дело не меняет — любая диктатура опасна и омерзительна.

Мы не должны допустить сползания политического режима к антидемократическому перерождению. И что очень важно, обществу надо понять, что парламентская демократия — несущая конструкция всего российского парламентаризма, всей отечественной парламентарной демократии. Во всем мире именно парламентарная демократия рассматривается как основа современного демократического устройства государства. Полномочия парламента — это показатель демократичности (или не демократичности) государства.

Парламентариям приходится работать за правительство

... Вам будет интересно узнать, что более 80% всех законодательных актов, более 500 в 1991—1993 годах, разработаны в стенах Верховного Совета и приняты по его инициативе. Логика подсказывает что правительство, члены которого сами себя называют «реформаторы», должны были бы и разрабатывать законы «под свои» реформы. Но их не было ни за 1 год деятельности Гайдара, ни за почти 1 год деятельности Черномырдина — вся законодательная деятельность в ходе трансформации почти полностью обеспечивается исключительно самим Верховным Советом. Правительство Черномырдина использует весьма уязвимое с точки зрения долгосрочных последствий, оружие — это «указное право». Оно имеет ограниченное применение и не признается международной судебной практикой в качестве нормативного документа. Поэтому единственные законные акты, регулирующие ход экономической реформы — это законы и постановления Верховного Совета и решения Съезда на-

родных депутатов. Мы расширили полномочия президента, мы расширили полномочия правительства. Для чего? Для осуществления реформ. Но правительство реформаторов должно разрабатывать не только программы, но и проекты законов, обеспечивающих эти реформы; представлять эти законопроекты в парламент. Так вот, где эти законопроекты, представленные в парламент? Их нет.

...За что подвергается травле наш парламент? Истинные причины, конечно же, не в якобы его «реакционности». Если это так, так кто же подавил заговор путчистов (ГКЧП) в августе 1991 года? Не Гайдар же с Черномырдиным — кто их знал в те времена? И даже не Ельцин — у него не было никакой силы, кроме дюжины помощников с Коржаковым. ГКЧП подавил наш российский Верховный Совет, который был мною немедленно созван для оказания сопротивления путчистам...

... В чем же выражается реакционность любого парламента, за что его обычно критикуют? За непринятие законов, например, которые разработало правительство. Так вот, правительство сегодня не может назвать ни одного закона, который мы задержали бы, который мы ревизовали бы и который мы не приняли бы. Кто имеет моральное право обвинять российский парламент в реакционности, в том, что он некачественно работает, в том, что он стоит на пути реформ?

... Мне представляется, что в настоящее время мы вползаем в то же состояние — опять начинается кризис платежей, причем искусственный, вызванный исключительно деятельностью Министерства финансов. Под видом достижения стабилизации рубля, оно проводит политику значительного сокращения денежной массы, в то время как предприятия отчаянно нуждаются в инвестиционных средствах. Соответственно, нарастает безработица, люди не получают свои скромные ставки заработной платы. Из-за долларовых инъекций и искусственного сдерживания эмиссии денег образовывается дефицит денежной наличности. При этом вроде бы внешне появляются какие-то признаки оздоровления рубля. Но это — чисто демонстративный, кратковременный эффект, не имеющий своей базы. Есть опасения, что в сентябре—октябре доллар будет стоить уже 2 тыс. рублей. Одновременно ожидается резкий скачок цен на потребительские товары и продовольствие... У парламента, любого парламента в демократической стране — две функции — законодательная (принятие законов) и контрольная. При этом повсюду в мире существует нормативное требование — неукоснительно соблюдать закон, принятый парламентом. И лишь наше правительство и пре-

зидент бравируют тем, что они пренебрегают требованиями Закона и Конституции, — где вы еще увидите такое? Вот здесь, между прочим, одна из причин взрывного роста преступности, — власть сама обесценивает Закон. Преступники видят, что даже президент и правительство не выполняют Закон, — зачем им, преступникам, соблюдать законы.

Конституция

...Попытка уничтожить Конституцию России, являющуюся одной из наиболее демократических конституций в мире (после поправок 1990—1993 годов), была предпринята Ельциным и Черномырдиным в ходе так называемого конституционного совещания в мае с.г., которое мыслилось как способ возрождения печально знаменитого Учредительного собрания 1917 года. Смешной был этот состав «собрания» — полсотни администраторов областей и городов, два десятка наших депутатов, полсотни еще каких-то чиновников, ряд юристов — из числа тех, кто руководствуется принципом: «Чего изволите?» И это сборище претендовало на то, что может «дать народу демократическую конституцию»? Это был фарс... Вы знаете, чем он закончился...

...Представьте себе, что второй год я добиваюсь от правительства показателей валютных расходов. Данных о валютных поступлениях. До сих пор парламент не знает, каковы валютные доходы и как они тратятся. Говорят: не знаем. Я уже начиню верить, что правительство действительно не знает «эту тему». Сколько представлено различных льгот, разных лицензий (причем в обход законов, в обход существующего порядка) — сотням разных организаций! Идет прямая перекачка ресурсов за границу, не облагаемая налогом. Предоставляется огромное количество различных льгот для СП, которые выполняют функции только перекачки сырья. В результате из страны как бы гигантскими насосами высасываются лес, материалы, нефть, газ, металлолом и т.д.

Например, кубометр леса оценивается в стоимость кружки пива, а средняя цена кружки пива на Западе 1—2 доллара. Стоимость кубометра леса у нас — 1 тыс. рублей (или 2 доллара). Поэтому, естественно, что даже ржавые гвозди выгоднее вывозить. И делается это беспрепятственно.

Это одна из причин резкого сокращения доходной части бюджета. Я даже допускаю мысль, что никто в Правительстве не стремится специально нас запутывать и скрывать информацию... Глава правительства Черномырдин мне признался, что не может добиться

того, чтобы точно знать, где у нас доходы, а где расходы в валютной части. Как вы думаете, существует ли какое-нибудь другое правительство, которое бы не знало этих показателей? Такого нет, как мне кажется, ни в Африке, ни в Латинской Америке...

У парламента есть и другая функция, помимо законодательной — это *контрольная*, то есть осуществлять контроль над исполнительной властью, над Вооруженными силами, МВД, службами безопасности — это функция парламента, другого порядка в демократическом обществе принципиально быть не может. Если парламент потеряет возможность контролировать деятельность исполнительной власти, демократия, права и свобода человека находятся под угрозой в таком обществе. Поэтому гражданин всегда заинтересован в том, чтобы укрепить представительную власть, гражданин всегда заинтересован в свободе, а чтобы быть свободным, он должен заботиться о правах своего парламента.

Атака на Советы

Меня не может не беспокоить ситуация, складывающаяся вокруг Советов — местных органов власти, муниципалитетах. Недавние слова президента «Советы и демократия несовместимы» — это не случайная импровизация, не плод неудачной подготовки текста, это глубокий мировоззренческий подход, отрицающий право народа на управление своими делами. Он с очевидностью предполагает в своей основе стремление уничтожить саму представительную власть. С этим невозможно примириться. К сожалению, очень многие грамотные люди, интеллектуалы не поняли одного очень существенного обстоятельства.

Дело в том, что Советы фактически никогда не были властными органами (если не иметь в виду очень короткий промежуток времени — с Февральской революции по октябрь 1917 года, когда Советы реально обладали в полном объеме муниципальными полномочиями). Но сами Советы — это отнюдь не какой-то эвфемизм, не выдумка большевиков, они существовали в России на протяжении веков, в том числе и в форме уездной, волостной, земской организации самоуправления населения. Советы идут от народа, с ними связаны его традиции, поэтому уходить от Советов невозможно, если не стремиться к прямой узурпации власти у народа. Советы связаны и с традициями Волго-Вятской республики, новгородского вече, казачьего самоуправления. Понятие «совет», «советы» суще-

ствует и в мировой практике — они действуют во многих европейских странах.

Попытка их уничтожить связана с тем, что ныне властвующая бюрократия — весьма родственна недавней партийной бюрократии, а она не привык к контролю со стороны Советов. «Советы» мешают ныне быстро набирающей силы новой бюрократии. И даже не Советы мешают, а «мешает» народ, действующий через свои муниципальные органы самоуправления — Советы. У Советов — четкий представительный характер. Следовательно, полагает бюрократия, надо лишить народ возможности влиять на ее деятельность через эти муниципальные органы самоуправления.

Представительные органы власти у нас — *Советы*, в других странах — *коммуны*. Если не нравится слово «Советы», его можно заменить тогда на более подходящее, например — «коммуны». Они, как известно, широко распространены в Западной Европе, в том числе в Скандинавии. Устраивает ли такая замена наших оппонентов? Отмечу и следующее обстоятельство — после исчезновения партийных комитетов, которые действительно воплощали всевластие, нам надо коренным образом пересмотреть взгляд на Советы. В частности, способствовать их *эволюции в направлении муниципализации*. Этот процесс нами, в Верховном Совете, «запущен» давно, но следует его энергично завершать. В том числе через изучение опыта деятельности коммун у ваших соседей, в частности Финляндии...

Вице-президент

«Фактор Руцкого» сыграл значительную роль в окончательном принятии Ельциным решения относительно указа № 1400 и последовавшем расстреле, хотя можно, видимо, говорить скорее о поводе, чем о причине. Вице-президент, несомненно, вызывал раздражение и у президента, и у его ближайших соратников своей неадекватностью поведения и высказываний. Я не ставлю своей задачей давать какие-либо характеристики, но без освещения той части его деятельности, которая роковым образом повлияла на судьбу Законодателя (и не только), невозможно обойтись. В книге «Великая российская трагедия» я как-то попытался «уйти» от этого вопроса, и напрасно — слишком чрезмерной была его негативная роль.

Прежде всего, хотелось бы опровергнуть утвердившееся мнение, что меня связывали некие дружеские отношения с Руцким. Отношения никогда не выходили за рамки самых обычных отношений, которые существуют между высокими должностными лицами. Ни чрезмерных симпатий, ни чрезмерных антипатий. Я как-то довольно резко высказался в одном интервью, сказав, что когда парламент критикует высшую исполнительную власть — это норма; но когда вице-президент публично критикует высшую исполнительную власть — это нонсенс. Оказывается, вице-президент обиделся. Даже попытался при какой-то встрече «объясниться», стал говорить о том, что «вокруг президента творится что-то плохое» и т.д. Я с удивлением слушал его, не понимая, потом сказал что-то довольно резкое, посоветовал не ссориться с президентом, если он хочет быть вице-президентом...

Его крайне негативное воздействие на Верховный Совет, в том числе наши взаимоотношения с Кремлем, начались с одного знаменательного явления обостряющейся проблемы коррупции. Конечно, я получал огромный объем информации относительно коррупции, и прежде всего, на верхних этажах исполнительной власти. Депутаты также имели определенную информацию, пресса ежедневно писала о такого рода фактах. Страну захлестывал вал экономических преступлений, связанных с приватизацией и чрезмерно «вольной» деятельностью министров. Я предложил ввести институт специального прокурора по расследованию преступлений должностных лиц. Такой прокурор был утвержден Верховным Советом, и он начал свою работу. Кстати, тогда было возбуждено уголовное дело в связи с незаконным вывозом золота и алмазов из Гохрана, «дело Козленка», допрашивались вице-премьеры Полторанин, Шумейко и др.

Оказалось, аналогичную работу ведет Руцкой. Он стал буквально шантажировать спецпрокурора, вызывал его в свой кабинет требовал от него передачи ему материалов, вел многочасовые беседы. И, в конце концов, стал осаждать коридоры Верховного Совета, добиваясь трибуны для оглашения «своих» сведений. Я чувствовал здесь какую-то опасность, советовался с Генеральным прокурором Степанковым. Но он меня почему-то успокоил, сказал: «Пусть

общественность увидит, что Верховный Совет занимается и этой проблемой». Тем не менее я долго не решался давать трибуну вице-президенту.

Ситуацию переломил Владимир Исаков, смертельный враг Ельцина. Едва началось очередное заседание Верховного Совета, Исаков попросил слова, он заявил примерно следующее: «Наш председатель пытается прикрыть неблаговидные дела в системе исполнительной власти. В частности, более месяца вице-президент Руцкой просит дать ему возможность выступить здесь у нас, на Верховном Совете и обнародовать факты крупнейших мошеннических операций, совершенных, в том числе не без помощи членов правительства». И предложил включить в повестку заседания вопрос с докладом вице-президента Руцкого по проблемам коррупции. В общем-то депутат действовал логично, ему казалось странным, почему не дают возможность выступить вице-президенту, — его не в чем упрекнуть. Но я-то знал, что вся кремлевская дворня с остервенением набросится на меня, обвиняя в «провоцировании Руцкого». Но даже дело не в этом — вопреки заверениям Генерального прокурора, я точно знал, что упреждающая информация Руцкого по коррупции нанесет ущерб деятельности спецпрокурора Макарова и обесценит ее.

Так оно и произошло. Факты, изложенные Руцким относительно экономической преступности, в том числе под прикрытием должностных лиц, были ужасающими... В конце доклада Руцкой заявил, что у него есть «еще десяток чемоданов» с фактами... Вот эти слова, относительно «чемоданов Руцкого», были превращены пропагандой Кремля в какой-то фарс, даже артисты со сцены распевали издевательские песенки с упоминанием «чемоданов Руцкого». Гора родила мышь. Доклад Руцкого превратился в фарс, миссия спецпрокурора была почти провалена... С тех пор я вообще старался никаким образом не общаться с вице-президентом, избегал его. Но — пришлось...

К лету вокруг Руцкого стали происходить какие-то странные истории. Его имя стали связывать с какими-то незаконными сделками, был поднят большой шум в прессе. И наконец, указом президента он смещается с должности.

Конечно, он сразу же побежал в Верховный Совет, к депутатам. Возмущенные депутаты, вместе с Руцким, приходят ко мне, указывают на нарушение Конституции, необходимость отмены президентского указа. Я дал задание юристам проработать вопрос, выпроводил депутатов и стал беседовать с Руцким. Собственно, беседы и не было.

Я сказал собеседнику, что у меня с Ельциным сложились в последнее время не самые лучшие отношения. Но я рассчитываю на то, что скоро мы их улучшим. Поэтому мне не хотелось бы вмешиваться в спор между президентом и вице-президентом. Допустим, Верховный Совет отменит указ Ельцина, но как вы, Александр Владимирович, будете с ним работать вместе в дальнейшем? Вы подумали об этом? Руцкой настаивает на том, что нарушена Конституция России и в письменной форме просит рассмотреть его заявление.

Я предложил Руцкому поехать отдохнуть. Куда он пожелает — Верховный Совет ему обеспечит соответствующие условия. Пройдет какое-то время, страсти утихнут, и мы вернемся к этому вопросу. Руцкой обиделся, снова побежал к депутатам, они вернулись, стали упрекать меня чуть ли не в трусости. И я совершил большую ошибку — позволил Руцкому вселиться в кабинет, закрепленный за вице-президентом в нашем Парламентском дворце. Чувствовал себя при этом неважно, срабатывала рефлексия, появилось сильное ощущение повышенной опасности от этого буйного и неуравновешенного человека. А тут еще «прибежали» Баранников с Дунаевым — бывшие «министры», еще вчера готовые выполнить любую «инициативу» президента. Это только усиливало мое беспокойство. Зачем эти люди пришли к нам, в парламент! «Дальняя разведка», провокация?.. Пока не знаю. Но разберусь...

Баранников

Вскоре был уволен руководитель спецслужб Виктор Баранников — тоже пришел в Верховный Совет, жаловался на «незаконное увольнение». С ним вообще была какая-то совершенно непонятная для меня «история». Предыстория его карьеры такова. Еще при формировании правительства

Силаева стал вопрос о министре внутренних дел России. Я рекомендовал на эту должность бывшего министра Василия Трушина — знал его еще по комсомолу, когда был секретарем комитета комсомола МГУ, а Трушин — первым секретарем Московского городского комитета комсомола. Он был авторитетным среди молодежи Москвы человеком, умным и порядочным. Да и на посту министра внутренних дел России он показал себя сильным, эффективным должностным лицом. Но Ельцин решительно отказался от этой кандидатуры. Свой «отказ» он попытался «смягчить», попросив меня подготовить ряд кандидатур. Вдруг в наших «коридорах» возникла «идея» назначить на эту должность... Олега Калугина; наши «демократы» пытались внушить мне, насколько это «удачная находка». Встревожившись, я позвонил Ельцину, спросил его, насколько достоверна эта информация. Он ответил, что Калугин — один из кандидатов на эту должность, но решение он еще не принял, повторил свою просьбу относительно того, что ждет и моей инициативы.

Приблизительно в тот период зашел Асланбек Аслаханов, председатель Комитета Верховного Совета по правоохранительным органам (кстати, полковник МВД СССР, хорошо знающий кадры этой системы), сказал, что у него есть «блестящая кандидатура» на должность российского министра внутренних дел. Это Виктор Баранников, до недавнего времени работавший министром в Азербайджане, а ранее — в центральном аппарате МВД СССР. Переговорил, впечатление сложилось неплохое, хотя было понятно, что человек «звезд с неба не хватает». В общем, профессиональный милиционер. Я сказал, что, если Ельцин спросит мое мнение, выскажусь в положительном смысле, и посоветовал Аслаханову пройти с Баранниковым к председателю. Ельцину, как он мне сообщил в телефонном разговоре, он понравился.

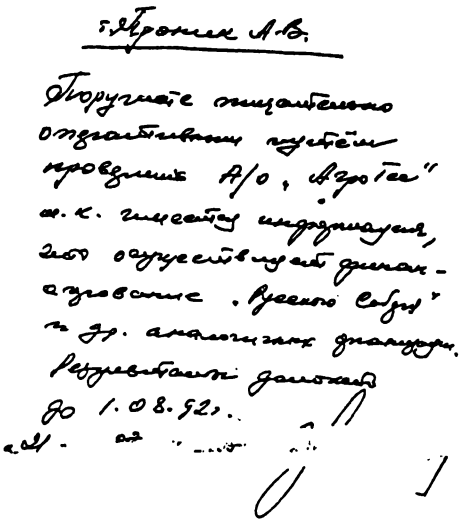
Так он стал министром ВД Российской Федерации. После ГКЧП возглавил МВД СССР (напомню, отказался предоставить войска МВД для реализации ЧП в Чечне 7 ноября 1991 года). Возглавив снова МВД России (после распада СССР), Баранников предложил Ельцину объединить КГБ, точнее — то, что от этого «комитета» осталось, — с МВД.

Президент тут же подписал указ и направил его в Верховный Совет — «для утверждения». Министерство, кажется, должно было носить название «министерство внутренних дел и безопасности» (МВДБ). Конечно, Верховный Совет этот «указ» отменил, а Баранникову — автору его, депутаты сделали «внушение». Тогда «досталось» и Сергею Степашину, председателю Комитета по Вооруженным силам и безопасности, и Асланбеку Аслаханову, председателю Комитета по правоохранительным органам за «беспечность».

Вскоре Баранников был назначен на должность руководителя Федеральной службы контрразведки. В общем, он стал весьма приближенным к президенту человеком. Человеком он оказался в общем-то недалеким. Вместо того чтобы «держаться» подальше от политических склок, развертываемых Кремлем (как это блестяще делал Евгений Примаков со своей Службой внешней разведки, а потому и сохранил основной костяк профессионалов-офицеров), Баранников втянул огромный коллектив ведомства в эти «разборки», при этом — на уровне участкового милиционера, не гнушаясь методами, не свойственными этой службе последних десятилетий. Так, мне стало известно, что уже с середины 1992 года он установил буквально «слежку» за ... Председателем Верховного Совета России! «Обрабатывал» моих офицеров охраны, внедрил «своих людей» в секретариат, они «копались» в моих «бумагах». Привожу один из эпизодов такой «деятельности» Баранникова.

Аграрный комитет Верховного Совета подготовил проект постановления об оказании помощи офицерам-отставникам через какую-то фирму «Агротес». Такие решения мы принимали еженедельно десятками. Но почему-то Баранников заинтересовался именно этим документом и дал указание подчиненным «найти криминал» — дескать, эта фирма связана с каким-то «славянским собором». Это, разумеется, выдающееся по хамству, дерзости и неуважению к высшим должностным лицам государства свое «указание» Баранников «оформил» на... титульном листе рукописи моей брошюры «Реформирование реформ» (она вышла в печати под названием «Власть»)!

МИНИСТР
БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ



Читатель, наверное, обратил внимание на то, что подпись «Баранников» заштрихована — это сделал агент-сексот Баранникова, работавший в моем секретариате. О нем я знал со времени его первого дня службы. Но далее делать вид, что мне ничего не известно, не было смысла.

Пригласил на «беседу», показывая титульный лист, спрашиваю: «Зачем вы «замазали» фамилию своего шефа, какой в этом был смысл?» Парень растерялся, не стал отнекиваться. Сказал, что страшно торопился.

Задаю другой вопрос: «Это не оправдание, если вы специалист, не должны были бы так грубо работать. Разве вас не учили вашему ремеслу?» Расплакался, ссылается на семью, малолетнюю дочь, что теперь будет с ним, без работы? Говорю: «Ничего не будет — продолжайте работать».

— Как, вы меня не прогоните?

— Нет, не прогоню.

— А что мне делать?

— Делайте то же самое, что и прежде. Если вашим «хозяевам» больше делать нечего в России, пусть «копаются» в моих бумагах. вы что нибудь интересное нашли в них?

— Да нет, ничего, обычные служебные документы.

— Ну и доставляйте их. Вы свободны, идите, работайте...

Ушел, затем заходит обратно.

— Руслан Имранович, спасибо, задание мне дает полковник Пронин.

— Знаю, я вызвал его на 19.00.

Полковник Пронин оказался мелким, ничтожным человечком, от всего открещивался, трясся от страха, говорить о чем-то серьезном было просто невозможно. Доставили его, кстати, офицеры моей личной охраны — после того, как в «ведомстве» Баранникова пытались куда-то его отправить, чтобы, видимо, оттянуть время, пока «ситуация не нормализуется».

Пригласил Баранникова. Показываю его аккуратно-бюрократическую подпись (скопированную еще до того, как подлинник вымарал его сексот в моем секретариате).

— Что это значит?

Мямлит, прячет глаза, вспотел, утирает лоб. Наконец, произносит:

— Извините, Руслан Имранович, так получилось, виноват. Уверяю вас, больше этого не будет.

— Хорошо. Уберите вашу дурацкую агентуру отсюда, у вашего ведомства нет работы, бандитов всех переловили, взяточников посадили, со шпионажем покончили? А знаете ли вы, что ваши сексоты здесь, в парламентских помещениях, занимаются сплошным пьянством и сомнительными делами? Над ними смеются депутаты. Что они вам докладывают?

— Да ничего особенного, Руслан Имранович!

— Конечно, что же здесь может быть «особенного»! А если что-то происходит «особенное» — об этом должен знать первым я. И никто больше! Вам понятно?

— Понятно, Руслан Имранович, обещаю, так и будет, как вы сказали...

Но «моего»-«своего» агента Баранников так и не убрал. И более того, приказал провести «служебное расследование» относительно того, каким образом могла произойти «утечка информации». И поручил это «дело»... полковнику Пронину. Конечно, моего информатора они вычислить не смогли и не могли, но пристали к честному офицеру-контрразведчику и вывели его из себя до такой степени, что он написал письмо-жалобу на мое имя, в Верховный Совет.

Привел Баранникова ко мне Александр Коровников, член Президиума Верховного Совета. Говорит, вот, Руслан Имранович, президент плохо обошелся с Баранниковым, «надо помочь». Я говорю (весело): «Похоже, скоро сюда придет еще один «обиженный министр», Дунаев, Ельцин его также снял поста министра внутренних дел. Поэтому, давайте мы поступим так: вы, Коровников, больше ко мне никаких «обиженных президентом» бывших министров или других должностных лиц не приводите. Что касается вас, Баранников, я не знаю, почему вы сняты с должности, хотя, по моему мнению, это следовало сделать еще год тому назад. Вы помните, почему? — Баранников смущенно промолчал. — А сейчас Верховный Совет на летних каникулах, вы можете обратиться в наш профильный комитет по армии и безопасности, к Сергею Вадимовичу Степашину, разбирайтесь на этом уровне».

Сказать, что я не встревожился нашествием этих «обиженных», это было бы неверно. Меня беспокоили, откровенно говоря, не эти люди, а реакция Кремля на их вторжение на «парламентскую территорию». Президенту будут внушать, что, видите, Хасбулатов «пригревает» этих «людей», он их «готовит» к чему-то и т.д. А я искал способы найти возможность для откровенного и большого разговора с Ельциным, чтобы снять накопившуюся напряженность, все чаще задумывался об отставке, может быть, мне поехать послом, куда-нибудь в Австралию или Южную Африку — подальше? А здесь, видите, эти «бывшие президентские люди» только подливают масло в огонь, раздражающе действуют на Кремль — это несомненно, а там всего боятся... А между тем, независимо от моих грустных размышлений, Верховный Совет продолжил свою интенсивную деятельность, как

в сфере собственно законодательства, так и принимая целый ряд решений, оказывающих определенное влияние на социально-экономическую среду. В качестве примера привожу нижеследующие акты.

Секретариат Председателя
Верховного Совета
Российской Федерации

ПОСТАНОВЛЕНИЕ
ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

О финансировании программы помощи военнослужащим, уволенным в запас в связи с сокращением Вооруженных Сил, в создании крестьянских (фермерских) хозяйств

Президиум Верховного Совета Российской Федерации

п о с т а н о в л я е т:

I. Рекомендовать акционерному обществу "АгроТеС" осуществить на кредитной основе финансирование проектных и изыскательских работ, строительства жилья, производственных и социальных объектов для фермеров из числа военнослужащих, уволенных в запас в связи с сокращением Вооруженных Сил, а также финансирование затрат на приобретение техники, удобрений, семян, племенного скота и других услуг в соответствии с заключаемыми с ними договорами.

2. Рекомендовать Центральному банку Российской Федерации открыть коммерческим банкам для акционерного общества "АгроТеС" долгосрочную целевую кредитную линию на выполнение согласованных с местными органами власти программ по созданию крестьянских (фермерских) хозяйств для военнослужащих, уволенных в запас в связи с сокращением Вооруженных Сил, с выделением на 1992 год до 5 млрд.рублей и погашением указанной суммы в течение трех лет.

3. Правительству Российской Федерации:

- обеспечить возмещение из республиканского бюджета коммерческим

банкам разницы между учетной ставкой Центрального банка Российской Федерации и 8 процентами за пользование указанным кредитом в соответствии с порядком, утвержденным Министерством финансов Российской Федерации и Центральным банком Российской Федерации от 3 апреля 1992 года № 16/13-3-3/029;

- предусмотреть в 1992 году выделение акционерному обществу "АгроТеС" 1 млрд.рублей за счет средств, направляемых на поддержку крестьянских (фермерских) хозяйств, для целевого финансирования подготовки фермеров из числа военнослужащих, уволенных в запас в связи с сокращением Вооруженных Сил, и других связанных с этим организационных мероприятий.

Председатель Верховного Совета
Российской Федерации Р.И.ХАСБУЛАТОВ

Москва, Дом Советов России
22 июня 1992 года
№ 3102-1

Как-то неожиданно я получил странное письмо от работника ФСБ, попробовал разобраться, выяснил, что плотно «обложен» разного рода осведомителями, которые не стеснялись «рыться» в моих бумагах.

Сёменщину С.В.
Прошу принять решительные, чёткие меры.
26.8.92г.

Председателю Верховного Совета
Российской Федерации
Р. И. Хасбулатову

21 августа с. г. я был срочно вызван из отпуска руководством Службы собственной безопасности МБ России. По прибытии на место в тот же день я был вызван на беседу с начальником Службы Прониным А. П., заместителем начальника Службы Шукиным В. А., начальником 1 отдела Службы Ансимовым Ю. Н. и заместителем начальника 1 отдела Службы Молчановым В. А.

Указанные руководители на протяжении нескольких часов в грубой и оскорбительной манере высказывали беспочвенные обвинения в мой адрес, утверждая, что я с целью дискредитации Министра безопасности передал в Верховный Совет Российской Федерации копию одной из его письменных резолюций. На мой вопрос на чем основываются все эти выдумки А. Пронин заявил, что я был одним из тех, кто держал этот документ в руках и, поскольку всем остальным он доверяет, то передать резолюцию мог только я. А. Пронин сообщил, что его вызывал Председатель Верховного Совета Российской Федерации Р. И. Хасбулатов, показал резолюцию Министра и, якобы, дал ему указание "разобраться с мерзавцем выносящим документы из МБ России". Аналогичное указание он, якобы, получил также от Министра безопасности Российской Федерации. После этого мне было предложено написать рапорт об увольнении из органов безопасности по собственному желанию.

Где-то в середине беседы я понял о каком документе идет речь. Действительно в середине июля с. г. начальник 1 отдела Службы Ю. Ансимов передал мне несколько несекретных, незарегистрированных документов относительно книги Р. Хасбулатова "Реформирование реформ" к которым была подколота собственноручная резолюция В. П. Баранникова в адрес начальника Службы с указанием провести оперативные мероприятия в отношении фирмы "Агротес" с целью выяснений возможного финансирования ею "Славянского Собора". Каких либо мероприятий по этой резолюции я не проводил и почти сразу вернул документы руководству отдела и через некоторое время ушел в отпуск. Никому из посторонних лиц я документы не передавал и об их содер-

жании не сообщал.

В ответ на мои объяснения А. Пронин мне заявил, что поскольку я не желаю признаваться и писать рапорт об уходе я все равно буду уволен по какой либо другой причине и мое запирательство очень плохо отразиться потом на жизни моей жены и детей. Мне показалось, что я ослышался и я попросил повторить эти слова, спросив понимает ли он о чем говорит. А. Пронин повторил, что ни мне, ни моей семье он спокойной жизни не даст.

В качестве предлога для расправы надо мной было использовано обвинение в нарушении секретного делопроизводства, которое было вскрыто во время обыска моего кабинета в то время когда я находился в отпуске. При этом был полностью проигнорирован тот факт, что перед уходом в отпуск, в соответствии с инструкцией у меня была проведена проверка, о чем имеется отметка в моем отпускном удостоверении.

Устным приказом начальника 1 отдела Службы Ю. Ансимова я был освобожден от обязанностей начальника направления, у меня были изъяты все документы без оформления их официальной передачи и изъят пропуск на работу.

Действия руководителей Службы собственной безопасности в отношении меня и угрозы в адрес моей семьи не только являются прямым нарушением всех мыслимых и немыслимых правовых норм но, что самое главное, учитывая их уверенность в полной безнаказанности неминуемо приведут к террору в отношении неугодных по тем или иным причинам сотрудников органов безопасности.

Я прошу Вас разобраться в этой дикой истории и предпринять необходимые шаги, чтобы по крайней мере на моем месте не оказался следующий "неугодный".

Я обращаюсь в Верховный Совет Российской Федерации в обход руководителей Министерства, поскольку начальник Службы собственной безопасности мне сообщил, что действует по прямому указанию Министра и больше мне негде искать справедливость и защиту для своей семьи.

Начальник 1 направления 1 отдела
Службы собственной безопасности
МБ России
майор В. Плющев
25 августа 1992 года

Я направил это письмо Председателю комитета безопасности Сергею Степашину, и, кажется, забыл об этом письме; но осадок остался — интересно, что они хотели найти в моих бумагах?

...Кажется, обстановка стала несколько упорядочиваться, у нас снова появились рабочие контакты с главой правительства Виктором Черномырдиным. При одной нашей встрече я затронул вопрос о необходимости возобновления работы «круглого стола». Черномырдины не возражал. Мы подготовили совместный проект постановления президиума Верховного Совета и Совета министров. Я согласовал его с Черномырдиным, он согласился по всем пунктам.

Постановление Президиума Верховного Совета Российской Федерации и Совета министров — Правительства Российской Федерации

О проведении Всероссийского экономического совещания

В целях выработки конкретных антикризисных мер и механизмов развития реформ, предложений по их правовому обеспечению и в соответствии с решением Верховного Совета Российской Федерации от 24 июня 1993 года о проведении Всероссийского экономического совещания Президиум Верховного Совета Российской Федерации и Совет министров и Правительства Российской Федерации постановляют:

1. Провести Всероссийское экономическое совещание 27—28 июля 1993 года.

2. Предложить органам законодательной и исполнительной власти республик в составе Российской Федерации, краев, областей, автономной области, автономных округов г. Москвы и Санкт-Петербурга, федеральным и межрегиональным ассоциациям органов местного самоуправления, профсоюзам, объединениям товаропроизводителей и предпринимателей, Российской академии

наук, политическим партиям и другим общественным организациям направить своих представителей для участия во Всероссийском экономическом совещании.

Рекомендовать провести зональные совещания, на которых выработать предложения для Всероссийского экономического совещания.

3. Создать Организационный комитет по подготовке и проведению Всероссийского экономического совещания (приложение). Утвердить сопредседателями Организационного комитета Первого заместителя Председателя Верховного Совета Российской Федерации Воронина Ю.М. и Первого заместителя Председателя Правительства Российской Федерации Сосковца О.Н.

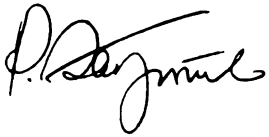
Организационному комитету разработать и утвердить повестку дня, регламент Совещания и план работы по подготовке материалов к нему.

4. Организационному комитету при подготовке материалов к Всероссийскому экономическому совещанию исходить из необходимости углубленной проработки актуальных проблем экономической жизни и нахождения неотложных конструктивных решений в области структурной и региональной политики, приватизации, расчетов между предприятиями, социальной защиты населения, внешнеэкономической деятельности, а также по вопросам бюджета и налогов.

При подготовке материалов к Всероссийскому экономическому совещанию использовать выводы и предложения Декларации национального экономического согласия, принятой «круглым столом» по выработке антикризисных мер, концепции экономических реформ в Российской Федерации (образованным постановлением Президиума Верховного Совета Российской Федерации и Совета министров и Правительства Российской Федерации от 11 января 1993 года (Р 4281-1).

5. Расходы на подготовку и проведение Всероссийского экономического совещания возложить в равной степени на Верховный Совет Российской Федерации и Совет министров и Правительства Российской Федерации.

6. Место проведения Всероссийского экономического совещания — город Москва (Парламентский центр Российской Федерации).



Председатель Верховного
Совета Российской Федерации Р.И. Хасбулатов

Первый заместитель Председателя Совета
министров и Правительства Российской Федерации
О.Н. Сосковец

Москва, дом Советов России
12 июля 1993 года № 5417— 1/723

Новая альтернатива контрреформам

Участники «круглого стола» работали с вдохновением, с искренней верой в то, что и их труд будет использован властью на благо страны, общества. К концу июля 1993 года участники «круглого стола» подписали *Декларацию общенационального согласия по экономической реформе.* Это был выдающийся успех, важнейший шаг в политической жизни страны. Парламентарии, члены правительства, представители деловых кругов, трудовых коллективов и профсоюзов, политических партий и движений, науки и государственной власти были едины прежде всего в оценке социально-экономической ситуации, сложившейся в России. Она, на их взгляд, драматическая — реальна опасность разрушения хозяйственного и научного потенциала России, разобщения ее регионов. Происходит непрерывное падение жизненного уровня основной массы населения.

Показательно, что в работе «круглого стола» не было существенных разногласий в понимании причин, вызвавших кризис и тенденции к контрреформам. Таковыми назывались:

• распад союзного народно-хозяйственного комплекса;
• просчеты в экономической политике;
• политическая конфронтация, отвлекающая внимание от экономических проблем и препятствующая объединению всех здоровых общественных сил в русле преобразований.

Выход из кризиса, считали участники «круглого стола», возможен только на платформе общероссийского согласия, принципов социального партнерства, четкого определения государственных целей, интересов России и ее специфики в процессе реформы, а также принятия комплекса неотложных мер, обеспечивающих стабилизацию экономики и создающих предпосылки для ее последующего подъема.

Исходя из этого «круглый стол» рекомендовал парламенту, президенту и правительству исходить из следующих задач и ориентиров:

• реформа должна быть направлена на формирование в России эффективной рыночной экономики, конкурентной, социально-ориентированной, базирующейся на многообразии форм собственности и хозяйствования;
• формирование рынка в российских условиях — это поэтапный процесс, рассчитанный не только на использование рыночных методов, но и на активную преобразующую роль государства;
• необходимо разделение тяжести реформы между различными секторами экономики и группами населения: наименее обеспеченные слои имеют право на целевую социальную поддержку;
• успех реформы непосредственно зависит от сохранения целостности и единства Федерации, согласованного и стабильного распределения полномочий между Федерацией и ее субъектами;
• экономика России должна быть интегрированной в мировое хозяйство на основе взаимовыгодного сотрудничества и хозяйственной реинтеграции с заинтересованными партнерами по СНГ;
• при проведении преобразований необходимо учитывать мировой опыт осуществления реформ на базе национального согласия, применимый к условиям России, учитывать тенденции мирового развития.

Участники «круглого стола» полагали, что вывод российской экономики из кризиса возможен прежде всего при скоординированной борьбе с инфляцией и спадом производства без противопоставления этих задач друг другу. Одновременно должна решаться задача стабилизации и повышения уровня жизни населения.

• Положительный результат могли бы дать специальные соглашения и договоренности между основными участниками процесса реформ (федеральные органы государственной власти и управления, субъекты Федерации, профсоюзы, объединения предпринимателей, другие общественные объединения).

• Переговоры о заключении таких соглашений на период стабилизации правительству рекомендовалось начать немедленно, законодательно закрепив механизмы их реализации. В послестабилизационной перспективе это могло бы стать составной частью постоянного взаимодействия в обществе бизнеса и государства и важным элементом федеральной экономической политики. Осуществление реформ невозможно вне целостной и поддерживаемой обществом внутренней политики государства.

• Для этих целей рекомендовалось конкретизировать Декларацию по направлениям: снижение уровня инфляции; преодоление спада производства; региональная политика; социальная политика; структурная политика. Все это было осуществлено комиссиями и участниками «круглого стола».

Расширение социальной базы реформ

Участники «круглого стола» признали особую важность разработки и реализации неотложных мер, расширяющих социальную базу реформ. Особенно важны конкретные действия, направленные на предотвращение массовой безработицы и падения уровня жизни населения. С этой целью парламенту, субъектам Федерации и правительству в дополнение к вышеперечисленным мерам было предложено разработать планы и программы по социальным гарантиям населения, включающие следующие направления действий:

• разработка мер, обеспечивающих населению частичную компенсацию удорожания потребительских товаров и услуг (или стоимости жизни) в размере не менее 70% от роста цен;

• постепенное повышение минимального уровня заработной платы, пенсий, пособий, стипендий и других социальных выплат до размеров прожиточного минимума с его индексацией; защита вкладов граждан от инфляционного обесценивания;

• разработку мер, обеспечивающих поэтапное повышение заработной платы работникам бюджетных отраслей народного хозяйства до среднего уровня по народному хозяйству на основе единой тарифной сетки предполагалось осуществить еще до конца 1993 года;

• проведение адресной политики в области социальной защиты малообеспеченных слоев населения, основанной на исчислении размеров среднедушевого дохода;

• предоставление государственных гарантий получения определенного социального минимума услуг (в области пенсионного обеспечения, здравоохранения, образования, культуры и так далее);

• обеспечение через коллективные договора (соглашения) применения эффективных систем оплаты труда, стимулирования трудового и творческого потенциала работников и на этой основе роста доходов работников;

• оказание первоочередной экономической поддержки предприятиям, гарантирующим выпуск товаров народного потребления (услуг) по стабильным ценам.

• Одновременно было рекомендовано принятие соглашения о занятости, причем его основные положения сформулированы следующим образом: развитие предпринимательства, в том числе мелкого и среднего бизнеса, государственный надзор за реорганизацией предприятий с целью сохранения (передислокации) рабочих мест, создания условий для более активной миграции населения в трудонедостаточные регионы; создание эластичного и надежного механизма переквалификации персонала, эффективных систем страхования от временной безработицы, в том числе для лиц, оставляющих службу в Российской армии.

«Круглый стол» пришел к выводу, что успех реформы и сама возможность стабилизации экономики во многом зависят от сотрудничества Федерации и ее субъектов, которым рекомендуется заключить Соглашение, определяющее их роль в проведении экономической реформы. Его основные положения:

• меры по сохранению России как единого и свободного экономического пространства при недопущении внутренних экономических и правовых барьеров для перемещения товаров, капиталов, информации и рабочей силы, единство денежной системы, внешнеэкономической политики, научного комплекса и образовательной системы страны;

• трансформация ряда федеральных законов прямого действия в основы российского законодательства с учетом интересов субъектов Федерации;

• разделение государственной собственности и прав распоряжения ею между Федерацией и ее субъектами;

• определение единых принципов территориальной организации бюджетного процесса;

• меры по стабилизации межрегиональных экономических связей, которые базировались бы на государственной политике в области тарифов на транспорт и иные инфраструктурные услуги;

• меры по обеспечению минимальных социальных гарантий малоимущим слоям населения во всех регионах Федерации;

• тщательная разработка регионального аспекта экономических реформ, согласованного с субъектами Федерации.

• Формирование правительства национального согласия.

Участники «круглого стола» были едины в том, что страна нуждается в выверенном курсе реформ на базе общероссийского согласия. Осуществление такой программы невозможно без формирования ответственного правительства народного доверия и общественного согласия.

Настоятельно необходимо, чтобы это будущее правительство не стремилось делить граждан на «белых», «красных», «черных», «желтых» и так далее. Формирование федераль-

ного правительства на началах общенационального согласия могло бы явиться важной предпосылкой эффективности экономических преобразований в стране, получения позитивного результата от осуществляющихся изменений.

Конечно, формирование правительства национального согласия — задача непростая, но те, кто отвергает эту идею в принципе, сознательно блокируют достижение согласия на общенациональной согласительной идее-консенсусе.

Таким образом страна, уже в июле 1993 года, была близка к достижению национального согласия и мира. И это после всех конфронтационных ударов — после конституционного «совещания», после референдума 25 апреля. *Даже правительство Черномырдина вынуждено было участвовать в «круглом столе» и подписывать его документы.*

...Кремль испугался лишиться власти. Испугался быстрого сближения позиций правительства и парламента, возможности мирного разрешения противоречий. Судите сами. Я привожу лишь факты, а не только суждения.

Отторжение согласия

Фундаментальный документ, разработанный совместно Верховным Советом, членами правительства и профсоюзами, учеными и специалистами, предпринимателями и экспертами политических партий и движений, появился на свет в июле 1993 года — «Декларация национального экономического согласия». Он закладывал реальную основу для общественного согласия в стране, опирался на опыт стран мира и учитывал рекомендации, изложенные в докладе Генерального секретаря Экономического и социального совета ООН, опубликованном к этому времени в Женеве. Кремль (Ельцин) и Старая площадь (Черномырдин) отвергли этот общенациональный согласительный пакт, возможность мирного, бесконфликтного осуществления реформ, отвергли разумные предложения по корректировке реформ, отказались учитывать мнение не только законодателя, но и всего общества. Возникает вопрос, почему? Почему Ельцин и Черномырдин решили стать на путь углубления конфронтации? В чем был их личный интерес? Кто, какие силы, ка-

кие «группы давления» добивались и добились от них нелегкого выбора — объявить себя стоящими *над законом, над Конституцией, над обществом, над государством, над волей 147 миллионов российских граждан?..*

Обстановка же в стране требовала направить наши объединенные силы на решение сложных социально-экономических проблем. Хотя, как было отмечено выше, общая ситуация стала несколько стабилизироваться к лету 1993 года, она была крайне неустойчивой. Это отмечали и иностранные наблюдатели. *«Продают все и ничего не производят. Рынок перенасыщен мясом — крестьяне забивают скот, опасаясь, что зимой его нечем будет кормить» — так характеризует обстановку в Санкт-Петербурге и Ленинградской области «Le Monde»* (20 июля 1993). Газета отмечает в Петербурге наличие сильного «долларизированного сектора экономики, в котором пересекаются западные и российские «бизнесмены», обогащающиеся на распродаже по дешевке природных богатств страны». (Там же.) Это — одна из типичных картин того времени.

И никаких комментариев со стороны политических деятелей и прессы, подвергающих сомнению эту нелепость — кто, какие силы готовятся и могут осуществить переворот? Парламент? Ну, не смешно ли? Нет, оказывается, не смешно — любая нелепость, любой вздор, который позволяет себе кремлевский воитель, принимается на веру, тиражируется, распространяется по всему миру, внушается населению страны. Этот вздор подхватывают иностранные информагентства, распространяют ельцинские бредни. Лидеры Запада «встревожены», они выступают в поддержку «демократа» и «реформатора Ельцина, который в «исключительно тяжелых условиях ведет борьбу с силами, которые тянут Россию назад, в тоталитарное прошлое». А Верховный Совет тем временем, когда кремлевский правитель со своей командой вбрасывает одну провокацию за другой в общество, спокойно и деловито принимал один закон за другим, укрепляя базовые принципы нового Российского государства. И эту нашу работу могли наблюдать все, включив свои телевизоры.

Основной политический процесс страны прочно вошел в Парламентский дворец, и никакие ухищрения Кремля не могли его блокировать. Но, похоже, это обстоятельство и вызывало особое бешенство кремлевских обитателей. Отсюда — их смертельная ненависть к парламенту, стремящемуся реализовать свои конституционные права. Отсюда — объявление войны на уничтожение всем, кто осмеливался стать на его пути к абсолютной власти. При этом президент, не задумываясь, использовал самые аморальные инструменты по дискредитации вчерашних союзников и соратников, которые привели его к победе, в том числе в августе 1991 года, когда главной силой подавления вылазки путчистов явился российский Верховный Совет, а не сам Ельцин. Третьяков в своем исследовании ельцинизма укрепил доказательную базу той аргументации, которую я приводил для объяснения мотивов расправы с Законодателем в сентябре — октябре 1993 года в книге «Великая Российская трагедия», в 2-х томах (1994). Одного я избегал давать какие-то личностные характеристики политическим актерам, предпочитая факты и их анализ. Этот подход я считаю необходимым для себя сохранить и в этой работе. Но в то же время рекомендую исследования Виталия Третьякова. (См.: Виталий Третьяков. История власти. *Московские новости, № 04, 05, февраль-март 2006.)* На мой взгляд, осуществленное Третьяковым политико-психологическое исследование Ельцина как личности, все мировоззрение которого сформировалось в условиях непрерывной борьбы в коридорах бюрократической власти КПСС в провинции, наиболее удачные из всех многочисленных публикаций на эту тему. Третьяков показывает, что Ельцину, который к 60 годам достиг самых высоких постов в иерархии КПСС, были внутренне чужды демократические устремления, он органически ненавидел людей с самостоятельным мышлением, а став президентом России, его сильнейшим мотивом стала идея к абсолютному доминированию. И это было вполне естественным для него — человека, лишенного моральных ограничений, жестокого и эмоционально ущербного. Собственно, это не мой вывод, но мои близкие наблюдения подтверждают эти оценки талантливого публициста-аналитика.

Визит в Европарламент: враждебность

12—14 июля 1993 года я с группой депутатов вылетел с официальным визитом в Страсбург, столицу Европарламента.

В Страсбурге я был в первый раз около двух лет тому назад — осенью 1991 года, вскоре после нашей победы над ГКЧП, тогда я встретил подчеркнутое внимание к своей персоне со стороны и руководства Европарламента, и депутатов. Мне выделили большой кабинет, и я едва успевал принимать делегации по просьбе руководства Европарламента, я тогда выступил с большим докладом. Ныне обстановка была совершенно другая — проще говоря, враждебная.

В значительной степени эта метаморфоза объяснялась активной «деятельностью» наших ельцинистов, депутатов-экстремистов. Они большими группами выезжали и сюда, в Европарламент, и в разные европейские страны, вели самую разнузданную антипарламентскую пропаганду, внушая европейцам такого рода суждения:

• Верховный Совет — не легитимный парламент, он должен быть распущен, поскольку якобы занимается противодействием демократическим реформам.

• Единственный законный орган власти в России — это президент Ельцин, демократ и сторонник реформ.

• Председатель Верховного Совета — «сомкнулся» с коммунистами и прочими антиреформаторами.

Под такими идеями и состоялся 7—8 июля в Люксембурге коллоквиум «Россия — проблемы и перспективы», организованная фракцией Европейской народной партии и группой российских депутатов-ельцинистов. По итогам коллоквиума была принята резолюция, в которой говорилось: *«Сомнительно рассматривать нынешний Верховный Совет Российской Федерации как парламент, эффективно отражающий интересы российского общества, а также подходящего партнера для политического диалога с парламентами Европы»*.

Такими «идеями» была набита голова господина М. Хоффа, что немедленно выяснилось при первой же нашей встре-

че с ним, когда мы начали беседу. Я был просто поражен совершенно несвойственным для европейцев тоном, взятым им, и, в частности, заявлением: *«Вы, парламентарии России, не представляете своих избирателей; у Вас — недемократическая Конституция; вам следует переизбраться...»* и т.д. Мне, однако не привыкать ставить на место такого рода не очень умных людей. Не буду здесь приводить все мои аргументы — они, очевидно, хранятся в архивах Европарламента. Скажу лишь, что после 2-часовой нашей дискуссии господин Хофф основательно сник, он попытался «отыграть назад» свои первоначальные заявления и даже «свалил» вину за дезинформацию на разного рода делегации, которые здесь бывают.

Но в целом ситуацию изменить наша делегация не смогла. Это подтвердилось на моей пресс-конференции в стенах Европарламента. В ней принял самое деятельное участие один из самых ярых ненавистников Верховного Совета, заместитель председателя делегации ЕП по связям с СНГ, британский лорд М. Беттел. Он даже попытался устроить нечто типа уличного скандала, но я его высмеял. Достопочтенный лорд несколько раз на высоких тонах, перебивая меня, выдвинул несколько «обвинений»:

— Пока вы, профессор Хасбулатов, занимаетесь «высокой политикой» в Москве — у вас на родине, в Чечне, сформировался сепаратистский режим.

Вы — ученый, и должны были бы хорошо знать историю парламентаризма, в том числе на примере Великобритании, и способствовать перенесению цивилизованных парламентарных систем в Россию. А Вы этому препятствуете.

Вы лично, «срывая» намерения господина Ельцина по принятию новой демократической конституции и т.д.

Я, придав добродушный вид, ответил приблизительно следующим образом: «Дорогой лорд Беттел, я с уважением отношусь к давним парламентским традициям Великобритании. Не подскажете ли мне, как бы мне обеспечить в наших, недемократических российских условиях сохранение пожизненного статуса депутата так, как это принято в верхней палате — палате лордов британского парламента. Дорогой Беттел, вы, насколько я знаю, пожизненно и даже — наслед-

ственно, занимаете это место в британском парламенте, не так ли? (В зале хохот. Беттел весь покрылся пятнами, что-то норовит сказать соседям, они — смеются...) Что касается чеченского сепаратизма, мне не хотелось бы отделаться шуткой. Могу сказать следующее: я полагаю, у меня достаточно и личного авторитета, и реальных возможностей для полного, исчерпывающего решения этого «вопроса». Единственное, чего у меня нет — так это времени. Мне не дают ни секунды времени для его решения те самые «силы», которые вам, уважаемые депутаты Европарламента, внушили совершенно ложные представления о политической ситуации в России и, в частности, о российском парламенте.

Мои представления об этике одного из высших должностных лиц России и врожденные понятия о чести и морали не позволяют мне даже одной фразой дать реальную характеристику тех политиков из России, которые являются источниками вашей информации. Правильнее сказать — «источником» дезинформации. Ограничусь тем, что скажу следующее: Верховный Совет России — парламент нашей страны, не менее законный и не менее демократичный, чем любой из ваших европейских парламентов; наша действующая Конституция, о которой, похоже, вы ничего не знаете — не менее демократическая, чем любая из ваших Конституций. Когда принимать новую Конституцию, когда проводить национальные выборы — это наше внутреннее дело. Ваше дело — сотрудничать с тем парламентом, который действует в России. Или не сотрудничать — я разве настаиваю на этом? Не хотите сотрудничать с нами? — Не надо! Мы выбрали свой путь к изменениям страны самостоятельно, без консультаций с вами. Когда наш российский парламент был окружен танками, я разве согласовывал свою линию поведения с вами? — Почему мы ныне должны действовать, исходя из предпочтений господ беттелов и прочих? Меня совершенно не интересует их мнение. Россия не собирается устанавливать с Европой отношения на базе вассальных принципов...

А что касается Великобритании, насколько я помню, там вообще нет никакой конституции, действуют какие-то наследственные или назначаемые «лорды», которые формиру-

ют верхнюю палату. А в Северной Ирландии идет бесконечная война — как это понять? Вам, господин Беттел, стоит заняться демократизацией Англии, вместо того, чтобы поучать меня ... (хохот в зале. Аплодисменты).

— Господин Беттел затронул вопрос о «чеченском сепаратизме». Сепаратизм — это явление «заразное». Лучший способ его нейтрализации — это подавление его очага, как только он появляется. Британские власти своим неумением борьбы с ирландским сепаратизмом, волей или неволей, способствовали распространению этого явления по всему миру, в том числе на Российский Кавказ. Вы это понимаете, лорд Беттел?..»

Успех был реальным, «разрядка» в отношении к нашей делегации после этой пресс-конференции была очевидной, враждебность сменилась дружелюбием. Но это было, конечно, неустойчивое состояние, продиктованное всего лишь явным интеллектуальным превосходством перед слабым противником... В общем, следующие два дня прошли вполне в духе «европейской солидарности»! — Мы немного отдохнули в прекрасном Страсбурге.

G-7 и «салфетка Ельцина»

7 июля 1993 года в Токио открылось совещание глав государств и правительств семи главных мировых держав. Лидеры одобрили создание специальной международной программы помощи России — Фонда поддержки приватизации в России, выделив для этих целей свыше 1 млрд долл.; еще 2 млрд долл. должны были обеспечить Всемирный банк и другие международные организации. Но это Совещание «семерки» запомнилось не этой стороной вопроса, и даже не тем, что министр иностранных дел Германии Кинкель заявил: «Усилия Германии подошли к пределу ее возможностей», а потому в деле оказания финансовой помощи реформам России необходимо «справедливое разделение международной ответственности в этой сфере». Таким образом, в период 1991—1993 годов, добившись от Ельцина

максимума возможных уступок, Германия ловко «подключила» к «расплате» за эти «уступки» G-7.

Интрига развернулась вокруг... салфетки, оставленной на столе после дружеского обеда Клинтона и Ельцина. На этом обеде Клинтон, пытаясь предстать более информированным и опытным политиком, по-дружески шепнул Ельцину, что в его, Ельцина, переговорах с японцами по проблеме Курил не следует «доверять японцам — они говорят одно, а думают совершенно об ином». Ельцин, обратив внимание на эти ничего не значащие словам собеседника — такого же, как и он сам словоблуда, записал эту фразу на... салфетке. Но, будучи известным растяпой, конечно, забыл эту бумажку. Она осталась на столе, ее подобрала, после ухода двух господ президентов, подсевшая к этому же столу канадская журналистка. Разобравшись, что к чему, она немедленно опубликовала содержание корявых записей, сделанных непослушной рукой Ельцина.

Разразился скандал. Вся мировая печать обсуждает не результаты переговоров лидеров мировых держав, а «салфетку Ельцина». Государственный секретарь США «опровергает» слова, якобы сказанные Клинтоном, вынужден комментировать и Клинтон. В общем, смех на весь мир...

В российской прессе об этом эпизоде — ни слова. Восстановлен былой порядок — о кремлевском правителе говорить либо хорошее, либо — ничего.

Радикалы, ренегаты и манипуляторы

Новые идолопоклонники. История общества показывает одно парадоксальное явление — наименее исследованными вопросами остаются те из них, которые касаются современности или недавнего прошлого. Например, самым тщательным образом изучены и «переучены» события Февральской и Октябрьской революций 1917 года, активные и пассивные действия их лидеров и т.д. И в то же время на наших глазах осуществляется грандиозный процесс мистификации событий августа 1991 года и сентября — октября 1993 года, при живых свидетелях сделана серьезная попытка возвеличения ничтожных личностей и, наоборот,

«вычеркнуть» из нее тех, благодаря которым ныне существует и развивается Российская Федерация. В России все почему-то происходит не так, как в других странах — здесь даже ложь приобретает какие-то чудовищные формы. И чем она очевиднее, тем с большим ожесточением она становится признаком веры.

Возможно, этому есть свое объяснение — на Руси традиционно огромное значение имели идолы — любой, даже мелкий носитель власти рассматривался как чуть ли не сакральная сила, а бояре и цари — обожествлялись. Большевики использовали силу этих вековых традиций для своего утверждения кровью и насилием. Власть в буквальном смысле превращалась в живых идолов, а подданные идолопоклонников, когда их порой самые примитивные суждения пропаганда превращала в «теории» и «идеологии», обосновывающие вечность власти идолов и покорность идолопоклонников.

Что удивительно — основа конструкций этих «теорий» и «идеологий» мало изменилась после августа 1991 года. Воспитанные на теориях идолопоклонничества, ранние демократы немедленно «забыли» поверхностно-заимствованные концепции Запада, буквально прошелестевшие в их головах, и в полном объеме перенесли традиционные большевистские верования о «вождях» на нового идола — примитивного и тщеславного кремлевского правителя. В частности, вся демократическая печать — СМИ и TV стали преподносить его чуть ли не как божественного мессию, единственным предназначением которого является «спасение народа». Он стал в буквальном смысле идолом для быстро растущей уголовно-криминальной буржуазии, которой самим Кремлем были преподнесены реальные уроки того, насколько ельцинисты ненавидят общий для всех универсальный Закон и Порядок, предпочитая узконаправленные, целевые методы защиты определенных социальных групп — союзников Кремля в борьбе с парламентом. Ельцин стал подлинным вождем новой бюрократии и нового класса крупной буржуазии, появившейся в результате откровенно незаконной «раздачи» частей государственного сектора экономики через «ваучерную приватизацию» — этот откровенно крими-

нальный феномен денационализации — явление, никогда и нигде в мире не имевшее своего места.

Профессор Гарвардского университета, один из советников российского правительства, Б. Джелич, в своей статье в газете «Либерасьон» пишет следующее: «Россия *сейчас переживает «революцию приватизации», сопоставимую по масштабам с Октябрьской революцией...*» (26 июля 1993 г.).

Но все дело в том, что эта «приватизационная революция» осуществлялась или вообще вне рамок Закона, или с его грубым нарушением. Я неоднократно предупреждал членов правительства, что такая их деятельность может в будущем (при другом правительстве и другом парламенте) повлечь за собой пересмотр результатов приватизации, если они не будут в должной мере соблюдать хотя бы действующее законодательство в этой области. С учетом имеющегося опыта 1992—1993 годов, Верховный Совет планировал в октябре — ноябре 1993 года рассмотреть весь комплекс работ, связанных с приватизацией, существенно изменить и дополнить законодательную базу в этой области — одновременно стимулируя создание рыночной инфраструктуры.

...Процессы криминализации экономики и самой административной деятельности должностных *лиц,* проникновение коррупции на самый высокий уровень «принятия стратегических решений» стали заметными явлениями уже в 1992 году. Я тогда имел очень сложную беседу с Ельциным (в присутствии председателя Конституционного суда Валерия Зорькина), речь шла об одном из его «соратников» еще по союзному парламенту, в отношении которого Генеральная прокуратура готовилась возбудить уголовное дело по фактам коррупции.

«*Нет,* — сказал президент, — *не верю*». Но речь шла о прямых фактах, и поэтому требовалось согласие президента на соответствующие действия.

Я задал вопрос: «*Зачем пытаться брать под защиту откровенных жуликов? У людей создается впечатление, что корни коррупции рождаются не где-нибудь, а здесь, в Кремле?*»

Разговор тогда закончился неприятной, напряженной паузой. Мы с Зорькиным ушли, недовольные собой, встре-

воженные нежеланием президента пойти на откровенный разговор с людьми, которые были не менее его ответственны за состояние страны перед народом... Зорькин молча шагал рядом, он был серьезно встревожен, сказал: *«Руслан Имранович, вы знаете мстительный характер Ельцина. Он вас никогда не простит за эти слова, вы ведь прямо сказали (не хочу использовать слово «обвинили»), что он покрывает коррупционеров. Да еще в моем присутствии. Он и мне их не простит — уже потому, что я присутствовал, когда вы их произнесли...»*

Конечно, я знал Ельцина очень хорошо, или думал — что знаю. Но не сказать ему о том, что происходит в «высших кругах» исполнительной власти, я просто не мог.

Прокремлевская пресса свирепствовала, высмеивая факты коррупции членов правительства, по поводу которых шло расследование Генеральной прокуратурой. Она обвинялась в том, что действует «по приказам председателя парламента». Происходила прямая девальвация уголовного законодательства, преступность как экономическая, так и уголовная буквально захлестнула страну. Как же не сообщить президенту то, о чем в открытую говорит вся Москва? Чего в таком случае, мы, лидеры России, стоим, чего стоят наши обещания народу быть честными, защищать его права и достоинство, обеспечить ему возможности для благоденствия?..

«...Всем этим просвещенным идолопоклонникам» во власти нужен был **Идол,** грубый, лишенный признаков интеллекта, человеческих эмоций, жестокий и тупой, с отталкивающей внешностью, даже внешне напоминающий идола, внушающий тревогу.

Другой аспект этой же проблемы — это унизительное раболепие «новых демократов» и их «лидеров» перед откровенным хамом, являвшимся по этой части одиозной фигурой даже среди высшего партийного чиновничества СССР. Мое поведение было диссонансом в этом хоре подпевал, и Ельцин часто с изумлением задавал вопрос: *«Руслан Имранович, почему об этом говорите только вы?»* Это «поддакивание» было всеобщим, и прежде всего оно началось в общении с Ельциным его соратников по Межрегиональной

депутатской группе (МДГ). Оно, подобострастное поведение этих «липовых вождей демократии», усиливалось на моих глазах по мере укрепления позиций российского Верховного Совета в системе политических институтов СССР и особенно после событий, приведших к исчезновению СССР. Эта их деятельность, вполне сравнимая с восхвалением советских вождей, ныне стыдливо замалчивается, но именно в той стороне таилась их полурабская, прихлебательская сущность. И чтобы они ныне не говорили и не писали о былых временах и «вождях коммунизма» — они сами мало ушли от апологетов тех времен с их вождями. Видимо, они, эти «интеллектуалы-демократы», взращенные тоталитаризмом, как бы они ни рядились в тогу современной цивилизационной культуры, не смогли избавиться от своего «партийно-советского сознания». Поэтому, не колеблясь, поддержали жестокую расправу ельцинистов с парламентом. А чтобы оправдать себя, стали сочинять легенды, о якобы попытках «коммунистического реванша» со стороны парламента. Многим политическим силам как внутри страны, так и за пределами оказался чрезвычайно выгодным процесс свертывания демократии в России и создание полуколониального политического режима Ельцина. Ельцинская Росси стала своеобразным гигантским складом с богатейшими товарами — открытого для растаскивания всеми, кто «поддержал демократические реформы президента», источник обогащения для «сил и лиц, не допустивших реставрацию коммунизма». Ну, как здесь можно «по-иному» освещать эти кремлевские действия, даже если они очевидно грязные и кровавые? Эти «осветители» получили все — все то, о чем они мечтали, завидовали партбюрократии, когда робко входили в «их» коридоры власти, заискивали, пресмыкались... Какая демократия? Демократия, по их мнению, это такой порядок, когда «они у власти» вне власти.

В первой главе я упоминал, что самую отвратительную роль в блокировании деятельности Михаила Горбачева играла Межрегиональная депутатская группа (МДГ) — влиятельная группа депутатов союзного парламента. Объявив себя «демократами» (в противовес «молчаливому большинству» союзного парламента), эти люди не упускали случая

для жестокой критики политики Горбачева,с первого этапа деятельности союзного парламента в 1989 году вплоть до путча ГКЧП в августе 1991 года. Эти не старались помочь Горбачеву в его сложнейшей ситуации, устраивали ему жестокие разносы, вовлекая в критику СМИ, которые благодаря тому же Горбачеву, давшему им свободу, подвергали его же сокрушительной критике. И тем самым деятельность МДГ практически сомкнулась с позициями правых сил в руководстве КПСС. Я совершенно точно убежден, если бы не такая позиция «демократов» к Горбачеву, заговорщики не посмели бы выступить против Президента СССР и отстранить его от власти. И поэтому они, то есть члены ГКЧП, рассчитывали, что Ельцин ни при каких обстоятельствах не поднимет свой голос с требованием вернуть Горбачева в Кремль. Они правильно рассчитывали. Но они не учли одно — главой российского парламента был не Ельцин, а Хасбулатов. Он и разработал тактику борьбы с ГКЧП.

Способствовав падению Горбачева, эти «демократические силы» ринулись «помогать» уже российскому президенту. Они откровенно завидовали депутатам и руководству Верховного Совета России, которые, в отличие от союзных депутатов, сумели не только разгромить реакционные силы (выполнив, кстати, их работу), но и стать полноценной политической силой — реальным парламентом новой России.

«Демократы» получили посты влиятельных советников Ельцина, министерские должности, становились мэрами и т.д. Они устраивали «свои» закрытые заседания, где разрабатывали планы по уничтожению российского парламента. Они использовали свои заграничные связи, налаженные с периода их работы в союзном парламенте в рамках активных межпарламентских связей. Внушали грязную, самую подлую и коварную мысль иностранным государственным и политическим деятелям, прессе: «Ельцин — демократ, Верховный Совет во главе с Хасбулатовым — прокоммунистические силы; надо поддержать Ельцина; надо принять новую Конституцию, действующая — плохая, она ограничивает полномочия Ельцина, не дает ему возможности проводить кардинальные реформы» и т.д. и т.п. Не забывали одновременно обогащаться, именно они первыми

ринулись захватывать былые здания различных учреждений КПСС — резиденции партийных вождей, учебных заведений, дома отдыха и санатории, здания союзных ведомств, создавали какие-то «общественные организации в поддержку Ельцина», частные фирмы или учебные заведения «нового типа». Ловкими оказались эти «демократы»! Как хорошо они ориентировались во всеобщем хаосе (созданном в немалой мере их стараниями), обеспечивая «свой интерес»... Трудно найти в политической истории современных государств что-либо, наподобие тех грязных методов борьбы российского правительства против своего же парламента. А ведь этот парламент утвердил правительство, предоставил ему высшую исполнительную власть. Эта борьба — своего рода историко-политическая аномалия, с сильнейшим провокационным элементом, превратившая всю сцену политической жизни России в абсурд и посмешище для мировой публики.

Прежде всего с предельной очевидностью ясно, что главные зачинщики этих скандальных кампаний в правительстве (Бурбулис, Полторанин) — это люди совершенно безответственные, не «созревшие» для работы на солидных государственных постах, показывающие более младшим «чинам» совершенно неподобающие образцы государственного и личного этического поведения.

Как выяснилось, их единственная профессия — это провокации, организация политических склок, натравливание одних политических групп на другие. А когда обнаружилось исчерпание потенциала нахождения правительства у власти — они запаниковали, испугались. По-видимому, страх заставляет не уверенных в себе людей, слабых духом, морально неразборчивых — совершать откровенные подлости.

По мере нарастания общественного недовольства деятельностью правительства, примерно с весны 1992 года, стала нарастать и критика этого правительства парламентариями. Как реагирует любое правительство в демократической стране на критику правительства? Члены правительства приходят в парламент, разъясняют свою позицию, соглашаются или не соглашаются с критикой, исправляют

какие-то промахи и ошибки и т.д. При этом и парламент, и правительство понимают, что в глазах гражданина — они единая Власть, следовательно, необходимо уважительное отношение друг к другу, не переходя какие-то рамки приличий. При этом доминирует, естественно, парламент — он единственно считается органом власти, выразителем мнений народа, общества.

— Нет — стали утверждать члены «демократического правительства» Ельцина (вместе с радикал-экстремистами из парламента), — вы в парламенте не смейте критиковать нас, правительство реформаторов, не смейте ставить под сомнение действия президента! Любая ваша критика нами будет истолкована, как:

• попытка государственного переворота с целью устранения от власти Ельцина;

• коммунистический реванш;

• пересмотр внешней политики и возвращение ко временам холодной войны;

• стремление к установлению диктатуры Верховного Совета во главе с Хасбулатовым (который, как Сталин, «курит трубку»);

• стремление установить цензуру над СМИ и TV и т.д.

Весь набор этой чепухи использовался ближним кругом президента с разной интенсивностью, начиная примерно со второй половины 1992 года. А именно с этого периода и вся страна убедилась в несостоятельности «первого реформаторского правительства» во главе с «тройкой»: Ельцин — Гайдар — Бурбулис. Как всякие сверхциничные люди, не привыкшие уважать Закон (какой закон могли уважать такие профессиональные партократы, как сам Ельцин, Бурбулис, Полторанин, Козырев и пр., впитавшие с молоком матери почтение к голой силе), они перешли в массированное наступление на парламент, используя грязные клеветнические методы в духе Геббельса.

Атаку начал министр информации Михаил Полторанин, работавший в период партсекретарства Ельцина в Москве главным редактором «Московской правды», партийного органа Московского городского комитета КПСС. Накануне интенсивной подготовки к VII Съезду народных депутатов

(который не сулил ничего хорошего для правительства) он вдруг заявил в интервью итальянской газете, что Председатель Верховного Совета имеет в своем подчинении *«тысячи вооруженных людей, способных осуществить переворот с целью устранить Ельцина»*. Московские газеты подхватывают эту чепуху... *Ельцин издает указ, в соответствии с которым подразделения МВД, которые призваны охранять здание Парламентского дворца, отныне переходят в подчинение к министру»*. Все с недоумением хотят видеть эти «вооруженные отряды» — «гвардию спикера», а оказалось, что речь идет всего лишь об охранном подразделении МВД, стоявшем у дверей Парламентского дворца. Как оказалось, этот порядок был установлен... самим Ельциным сразу же после подавления ГКЧП, с целью вывести данное охранное подразделение МВД из прямого подчинения руководства МВД.

Но когда ложь обнаружилась и я потребовал у Ельцина снять с должности Полторанина, который ввел в заблуждение весь мир, включая его, Ельцина, даже СМИ как в рот воды набрали. Однако Полторанин на этом не успокоился... Цитируем «Гардина»: *«Полторанин заявил, что на предстоящем Съезде народных депутатов оппозиция планирует свергнуть правительство, избавиться от самого поста президента. Сделать пост президента номинальным»*. Суд и газета при этом правильно указала на то, то идейная основа политических заявлений Полторанина представляет собой не что иное, как *«воспроизведение классических образцов из учебников по классовой борьбе. Схема проста: определение главного противника — «вычленение» его вождей — поиск «подпольного» центра, готовящего переворот (заговор). Приводим выдержки автора ИТАР-ТАСС:* «Согласно заявлению Полторанина, подготовка акций из подполья структуры коммунистической ориентации... бывшими депутатами СССР руководит кто-то из Матросской тишины (намек на заключенных главарей ГКЧП. — *Р.Х*); *прослеживается их связь с подготовкой Съезда»* ...Полторанин утверждает, что «общество должно знать, — с Хасбулатовым дальше иметь дело просто опасно. Он именно тот взрыватель, запал, кото-

рый способен взорвать ситуацию в стране» (ИТАР-ТАСС, 9 сентября 1992 г.).

«Запугивание, — пишет далее «Гардиан», — особенность тактики Полторанина — запугивание переворотом, войной, диктатурой... Запугивание граждан своей страны, жителей ближнего и дальнего зарубежья, руководителей иностранных государств и собственного президента. Но на эти унизительные для себя разоблачения роли провокатора, Полторанин не обращал внимания и продолжал накаливать обстановку. Так, он клеветнически утверждал: «Только слепой не видит за эксцентрическими поступками Руслана Хасбулатова продуманной тактики на ослабление демократических институтов, на укрепление личной власти, на дискредитацию конституционных структур. Хотелось бы ошибаться, но будет поздно о чем-либо рассуждать, если нагрянет Второе Пришествие Сталина» (Guardian, 12 October 1992). А еще раньше Полторанин следующим образом пугал мировое сообщество в интервью *«Михаил Полторанин... считает теперь неизбежной гражданскую войну с огромным риском применения в ней ядерного оружия»* (из интервью итальянской газете «Джорно», 18 февраля 1992 г.). «Торо́нто стар» цитирует его слова относительно ситуации, более опасной, чем фашизм», если сторонникам жесткой линии, пытающимся заблокировать реформы правительства, будет позволено брать под политический прицел средства массовой информации» (Toronto Star, 22 October 1992).

Еще одна особенность Полторанина, отмечает «Гардиан» — это навязывание общественному мнению предполагаемого в качестве действительного. Кстати, этот прием — *толковать предполагаемое в качестве действительного — вообще естественен для некоторых политических деятелей сегодняшней России»,— отмечает «Гардиан».*

Еще один любопытный «материал» опубликовала газета Le monde — это изложение интервью Г. Бурбулиса, М. Полторанина, А. Чубайса и А.Козырева с группой иностранных журналистов. В частности, Полторанин на этой встрече заявил, что *«председатель парламента прикрывает тех, кто готовит государственный переворот»*. Он также настаивал на том, что в распоряжении Председателя Верховного Со-

вета есть собственные вооруженные формирования... Как свидетельствует корреспондент «Монд», присутствующие на встрече журналисты выглядели *«все более озадаченными, тогда как члены российского правительства излагали им предполагаемую тактику действий своих противников»* (Le Monde, 17 October 1992). Как тут не будешь «озабоченным» — у этих журналистов создалось вполне обоснованное мнение о вменяемости членов российского правительства, слушая весь этот бред.

Однако отмечали аналитики, вряд ли справедливо утверждение о том, что отмеченные особенности тактики политической «полемики» Полторанина его собственные «наработки». И с точки зрения «методологических» оснований, и с позиций терминологии всех этих интервью довольно ясно просматривается влияние Бурбулиса. «Наиболее активно на встрече с иностранными корреспондентами, — отмечала «Монд», — выступал Бурбулис, обвиняя Председателя Верховного Совета в «заговоре» и «попытках свержения президента».

Эту же тему развивал Полторанин (См.: Le Monde, 17.10.1992). Но, очевидно, что в мобилизации средств массовой информации и координации их деятельности, направляя их на борьбу с ненавистным парламентом и его всесильным спикером, в разработке всей этой тактики, которую можно назвать «склонностью к интервенционизму», особая роль принадлежит Полторанину, — пишет «Фигаро» (20.07.1992). Наиболее ярко эта тактика проявляется в безудержном стремлении к глобальному контролю над СМИ, в то время как одновременно в общество вбрасываются шумные акции по поводу якобы попыток Верховного Совета установить свой контроль над ними, ввести цензуру и т.д.

Об отсутствии всякой морали, каких-то нравственных убеждений и даже простой человеческой порядочности, свидетельствует подборка газеты с высказываниями Полторанина. Так, в интервью газете «Джорно» Полторанин говорит: «В 1985 году я входил в команду Горбачева» (18.02.1992 г); а вот слова из его же интервью газете «Унита»: *«Лично для меня Горбачев не представляет интереса. Как политик он*

кончился» (10.06.1992). И далее, из интервью пражскому еженедельнику «Сигнал»: «Что вы думаете о будущем Ельцина?»

Полторанин: «Думаю, что он сыграл свою историческую роль, помог развитию демократии» (02.05.1990).

А ныне, в 2005—2007 годах Полторанин вовсю... критикует Ельцина, обвиняя его во всех смертных грехах. Как, впрочем, и другой провокатор той эпохи, который внес немалый личный вклад в углубление противоречий между президентом и Верховным Советом, — это пресс-секретарь Ельцина, небезызвестный Костиков. Как-то они оба «поумнели», вдали от кремлевской власти, видимо, от природы были сильны задним умом.

Конечно, в США или странах Западной Европы такие высказывания министров в отношении парламента принципиально невозможны. Но если допустить нечто аналогичное и были бы высказаны вслух такие мысли — эти должностные лица стали бы объектом судебного расследования, как совершившие тяжкие преступления, и оказались бы за решеткой. Это — в демократиях...

ВЫСТУПЛЕНИЕ
Председателя Верховного Совета Российской Федерации Р.И. Хасбулатова

При завершении шестой сессии Верховного Совета Российской Федерации

23 июля 1993 года

Уважаемый председательствующий!
Уважаемые депутаты!
Члены правительства!
Представители прессы!

Сегодня завершается шестая сессия Верховного Совета Российской Федерации, длившаяся более чем полгода. Мы не можем рассматривать ее итоги в узком смысле слова, только с позиций законодательного процесса. Если бы речь шла о стране политически и экономически стабильной, итоги можно было бы посчитать вполне

удовлетворительными. Мы же живем отнюдь не в таком государстве, и логично, что общие условия, общая обстановка накладывают густую тень на результаты нашей работы.

Общая политическая ситуация

Прежде всего речь идет о непрерывной политической драме, практически длящейся на всем протяжении текущего года. Благие намерения, высказанные в декабре 1992 года в ходе и в решениях седьмого Съезда народных депутатов о необходимости преодоления политической конфронтации в 1993 году и концентрации сил общества на проблемах экономики, не осуществились. Колоссальные силы ушли на проталкивание решения по референдуму, интерпретацию его итогов, попытки опрокинуть конституционную законность то ли через ОПУС, то ли через Учредительное собрание в форме Конституционного совещания или разложение изнутри Верховного Совета. Не меньше сил было направлено и на то, чтобы защитить эту самую конституционную законность, права граждан и представительной власти вообще. Если бы все эти силы были бы объединены в общих благих намерениях, мы бы не имели сегодня разрушающуюся страну с расколотым обществом, тревожными ожиданиями людей. В такой искусственно созданной обстановке неизбежно падение авторитета федеральной власти вообще, независимо какой — исполнительной, законодательной, судебной, резкий рост правового нигилизма, ослабление защитной функции государства и наступление на него криминальных элементов. В федеральном государстве, где, по сути, не реализуются федеративные начала, это неизбежно усиливает регионализм, что мы наблюдаем в поднимающейся волне, способной опрокинуть единство и целостность государства, если не будем решительными в своих намерениях преодолеть опасные политические игры, нам навязываемые.

Такая политическая обстановка привела к резкому ослаблению международных позиций страны, стремительно падает престиж России, что проиллюстрировано в беспрецедентном решении Совета Безопасности ООН по недавнему постановлению Верховного Совета в отношении Севастополя. Вмешательство во внутренние дела страны — уже в форме грубого давления и окриков — становится, похоже, нормой, весьма новой для восприятия нашими согражданами, на протяжении столетий отождествлявших себя с сильной политикой могучего государства. Как показали последние события, исполнительная власть не в состоянии оперативно принимать госу-

дарственные решения по обеспечению национальной безопасности России и ее союзников.

Люди все больше недоумевают по поводу беспринципных перекосов в российской внешней политике: угодничество перед Западом, забвение своей ответственности перед мировым сообществом, недопустимая идеологизация в определении приоритетов и выборе партнеров, принесение в жертву национальных интересов и, как следствие, девальвация международных позиций России. Российская политика, действия официальных лиц разрушают хрупкое создание — СНГ, практически в одностороннем порядке ликвидировано единое главное командование Вооруженными силами СНГ, что содействует «расползанию» ядерного оружия. Похоже, что внешне броское соглашение о союзе трех славянских государств на деле направлено не на их сближение, но может окончательно развалить СНГ.

Известно, что политика определяет развитие процессов в обществе. Поэтому в демократических государствах уделяется первостепенное внимание добротности политики и, следовательно, механизму ее формирования. В выработке политики участвуют все ветви власти, политические партии и движения, общественность, граждане.

У нас, согласно Конституции, определение внутренней и внешней политики является функцией парламента или Съезда народных депутатов. Поэтому мы несем прямую ответственность за отсутствие продуманной государственной политики вообще как целостной внутренней, так и ее внешнего компонента.

Экономическая ситуация

Экономическое положение страны к середине 1993 года еще более осложнилось, чем к концу 1992 года, когда всем была очевидна необходимость более взвешенного подхода к решению крупных экономических задач, какой является, в частности, реформа, о необходимости которой нет сомнения в обществе. Она осуществляется — плохо или хорошо — страна не стоит на месте. Главная ее задача — воздействие на структурные изменения с целью создания рыночной инфраструктуры — оказалась не только не выполненной, но даже серьезно не провозглашенной в правительственных приоритетах, что является азбукой любого приверженца рыночных реформ. Вместо этого продолжалось догматическое экспериментирование в одной сфере макроэкономики — кредитно-денежной,

никакие манипуляции в которой не давали никому и никогда успеха ни в одной стране, если они не способны динамизировать конкурентные механизмы экономики. В нашей дефицитной экономике главное средство достижения этой цели — стимулирование производства. Мы же действуем в обратном направлении — удушаем товаропроизводителя, нейтрализуем формирование конкурентных механизмов. Либерализация цен в таких условиях особенно тяжело сказывается на отраслях машиностроения, высоких технологиях, способных конкурировать на мировых рынках, поскольку рынка нет, а государство прекращает финансирование программ. Производство в результате продолжает падать, инвестиционный задел на нулевом уровне; на сегодняшний день стране грозит исчезновение отраслей с передовыми технологиями, растет безработица в сложных отраслях (обрабатывающая промышленность), страна теряет инженерные кадры, рабочих высокой квалификации. Происходит *деиндустриализация.*

В то же время ускорилась тенденция втягивания сырьевых (нефтегазовых) отраслей в систему мирового хозяйства на подчиненных Западу позициях. Международным финансово-промышленным группам выгодно именно такое разделение труда, где Россия играла бы роль поставщика сырья, а регионы — для «сброса» промежуточных технологий, не связанных с производством наукоемких, сложных изделий. Порочные методы приватизации усиливают хаос в экономике, а отрыв денежно-кредитной политики от производства буквально на глазах обесценивает национальное богатство, подтверждая положение, выдвинутое нами в докладе на седьмом Съезде народных депутатов в декабре 1992 года.

Впрочем, давайте рассмотрим эту ситуацию на цифрах — так наглядно. За прошлый, 1992 год мы произвели ВНП более чем на 13 трлн рублей. Средний курс доллара в 1992 году составлял 650 рублей, следовательно, в пересчете на долларовый эквивалент — это всего 23 млрд долларов (уровень 1913 года). Но дело в том, что произвели реально мы продукции более чем на 210 млрд долларов, да и экспорт составил в долларовом исчислении намного больше, чем общий ВНП, исчисляемый на основе курса рубля и доллара. Этот разрыв в рублевом исчислении в текущем полугодии увеличился в среднем на 40%. Это разве реформа?

Военный промышленный комплекс перестал существовать, под угрозу поставлена обороноспособность страны. В кризисном положении не только государственные предприятия, но и честные отечественные деловые круги, мелкое предпринимательство, развитие которого сдерживается фискальной политикой. Финансирование

экономики блокируется Минфином, чем наносится колоссальный ущерб стране и экономической безопасности, что позволяет говорить о сознательном нанесении экономического ущерба.

Тревожно и то, что в деловые операции в стране не вовлечена практически ни одна из известных крупных машиностроительных корпораций из Западной Европы, США, Канады, Японии и т.д. Крупных инвестиций не ожидается, кроме как в добычу и первичную переработку сырья. Наши внешние долги растут, получаемая валютная выручка, кредиты и их использование не контролируются государством в лице парламента — все это находится в руках бесконтрольного чиновничества.

Совершенно порочным представляется тезис правительства *«об уходе государства из сферы экономики»*. Государство передает свою собственность в частные руки, но отказывается от своей объективно обусловленной функции в области регулирования макроэкономических процессов. Как это понять?

Такая экономическая политика неизбежно приведет к краху, который рано или поздно наступит, если изменить ее основы и средства, и методы ее проведения. Похоже, что в правительстве Черномырдина нет понимания перспективы. Хотелось бы, чтобы президент осознал эти опасности, поскольку неолиберальные подходы, навязываемые при проведении наших реформ, в конкретных российских условиях несут хаос и разорение народному хозяйству, откровенные неудачи в проведении реформ.

Приватизация: что она дала стране, обществу?

Хочу подчеркнуть: приватизация — центральный элемент экономической политики в ходе осуществления экономической реформы. И здесь у правительства — полная неразбериха, хаос. Похоже, нас искусно вводят в заблуждение, игнорируется закон, а программы приватизации не существует, либо она существует в ведомстве Чубайса и о ней знают его иностранные консультанты, но тщательно прячут от Верховного Совета. Не может прояснить картину и Фонд федерального имущества РФФИ, который призван осуществлять, от имени парламента, контрольные функции над приватизационной деятельностью Госкомимущества. Разбазаривание государственной собственности, передача ее на адресной основе конкретным, «избранным» лицам, приняло гигантские размеры. Сами «иностранные консультанты» на службе у российского правительства с восторгом пишут на страницах западных газет и журналов, что они

«осуществляют революцию в России в сфере приватизации». Одним из первых вопросов, которые мы должны обсудить на сессии парламента осенью, — это хорошо подготовленный вопрос о ходе приватизации, ее итогах.

Судя по тому, что делается в настоящее время в этой области, если эта политика будет продолжена, страна лишится экономики — все растащат весьма сомнительные личности. Массовую приватизацию как беззаконную, проводимую исключительно чиновничеством, не без своего корыстного «интереса», надо остановить. Она уже сегодня ведет к формированию узкой группы чудовищно богатых предпринимателей, в деловых способностях которых много сомнений и которые ранее вообще не имели никакого отношения к финансам, банкам, экономике. Власть используется как источник богатства, получения еженедельных прибылей в десятки тысяч процентов — явление, невиданное в экономической истории со времени возникновения капитализма, рынка.

По-видимому, здесь выявляется новая сфера работы Контрольно-бюджетного комитета Верховного Совета. И вообще, осенью нам надо более основательно заняться экономической политикой правительства.

Мелкое предпринимательство развивается слабо, фермерские хозяйства брошены, аграрной политики не существует, нарастает импорт продовольствия, в том числе завозится негодная продукция или продукты плохого качества, в то время как наши производители молока и мяса не могут сбыть свою продукцию. Я сталкивался лично с такими случаями в моих поездках в регионы. Странно, но кооперативы, бурно растущие в 80-е годы, ныне удушены — что это за экономическая политика?

Необходимо осенью принять новый закон по налогам, существенно снижающий общий их уровень — иначе роста производства не получим. Нам Гайдар в свое время навязал немыслимо высокий уровень налогов — вы помните мои сомнения, когда обсуждали этот закон. Мы несколько снизили по своей инициативе уровень налогообложения, в частности на производителей детского питания, позже — на сельхозпроизводство, но этого недостаточно. Я неоднократно обращал внимание правительства на необходимость представления им в Верховный Совет соответствующего законопроекта, но пока что безрезультатно. Еще в марте имел длительную беседу с Черномырдиным, в апреле — с президентом. Возражений не было, но и результатов нет. Комиссия по налогам и бюджету (председатель Починок) плохо работает над этой важной проблемой, хотя мы

неоднократно обсуждали необходимость решения этой задачи — то есть задачу снижения налогов на производителя.

Еще одна важная проблема — это бегство отечественного капитала из страны как в легальных, так и нелегальных формах, и замедление притока иностранных инвестиций, которые начали было поступать в прошлом году. Во многом это связано с политической нестабильностью, конфронтацией, которая нам искусственно навязывается. Но другой фактор весьма любопытен: по мере роста частных предприятий в промышленности наблюдается тенденция перевода их финансовых ресурсов за границу, сами предприятия обескровливаются, резко падает производство, растет безработица. Бесконтрольность в этих областях может обернуться в недалеком будущем колоссальными проблемами и потерями. Что толку от иностранных займов, если эти деньги не вкладываются в отечественное производство, а через различные манипуляции довольно быстро возвращаются опять в западные банки, но долги-то государства растут?..

Социальная обстановка — бедность и нищета

...Бедность и нищета населения — вот что принесли населению реформы. А разве это мы обещали ему, взяв курс на капиталистическую (рыночную) трансформацию, — сразу после подавления ГКЧП? Социальная обстановка усложняется, развиваются скрытые формы безработицы; 1—2-дневная занятость, невыплаты заработной платы, пенсий, пособий, полугодовые отпуска, снижение сменности стали обычной практикой. По экспертным оценкам, реальная безработица составляет до 5 млн человек. Причем речь идет о безработице среди наиболее высокопрофессиональной рабочей силы, отнюдь не пожилого возраста. Отсюда — резкое снижение материального благосостояния, апатия, неверие, повышенный уровень стрессовых ситуаций, алкоголизация, поощряемая стимулированием спекулятивных форм торговли, рост преступности, нерешаемость проблем адаптации бывших военнослужащих к гражданской жизни. В сложнейшем положении интеллектуальная часть общества — ученые, учителя, врачи, инженеры, женщины, дети, старики, вся культурно-образовательная сфера, здравоохранение. Стремительно падает рождаемость, повышается заболеваемость, смертность. Все эти проблемы усложняются потоком беженцев из ближнего зарубежья и вынужденными внутренними перемещениями больших групп населения. Верховный Совет стремится влиять

на обстановку, регулируя пенсионное и иное трудовое законодательство, но рост цен и зарплаты одновременно при исключительно серьезных темпах понижения производства взрывает социальную обстановку.

Ключевая проблема

Я хочу напомнить вам, уважаемые коллеги, одну выдержку из своего доклада перед Верховным Советом, который собрался на свое Чрезвычайное заседание в связи с августовскими событиями 1991 года (ГКЧП). Мною было сказано следующее: «*Реформы, проводимые Верховным Советом, президентом, направлены на достижение главной задачи — **улучшение материального и культурного положения народа, улучшение условий жизни людей.** Учитывая мощную дискредитацию социализма, осуществленную партийно-государственными функционерами, и приступая к решительным и самым широким действиям в области создания рыночной экономики, что предполагает трансформацию всех экономических, политических, социальных, трудовых и иных отношений в обществе и государстве, мы должны исходить из того понимания, что само по себе понятие «строй» или «система» не обеспечивает автоматическое процветание населения страны (стран).*

Мы не можем быть пленниками догматических толкований в этих вопросах, и если окажется, что новый строй будет менее эффективным, по сравнению с социализмом, следует решительно трансформировать его в том направлении, которое наилучшим образом соответствует интересам всего народа, а не отдельным его группам. С учетом той огромной поддержки со стороны всего народа, которое мы получили после трагических трехдневных событий августа, мы должны исходить из того, что Российская власть заключает с обществом своеобразный Общественный Договор, содержание и суть которого сводится к тому, что нам доверено осуществить самые глубокие преобразования, в том числе системного характера; и мы, новая Российская власть — Верховный Совет и Президент — со своей стороны, берем на себя обязательства не допустить никакого, даже временного, ухудшения материального положения нашего народа. В противном случае возникает резонный вопрос: «Что это за «реформы», которые не ведут к позитивному результату, кому они нужны»?— Вот что следует нам помнить, принимая важнейшие законодательные решения и жестко контро-

лируя правительство в решении этой стратегической задачи, заставляя его решить именно эту задачу...».

Это говорилось нами в том докладе, положения которого были согласованы мною с президентом Ельциным, и которые вы, коллеги, одобрили в принятом постановлении Верховного Совета. И мы видим, как «размываются» правительством эти основополагающие принципы, заложенные Верховным Советом в своей законодательной деятельности.

Хочу напомнить и депутатам, и правительству, что этот Общественный Договор базировался на высоком доверии народа — к нам, законодателям и президенту, а не на доверии правительству, сформированному *после этих трагических событий.* Оно, однако не может рассчитывать на доверие и поддержку народа «автоматически». А претензии такого рода имеются. Его, это доверие, надо создавать реальной правительственной деятельностью, исходя из интересов народа, а не подчиняя эту свою деятельность некоему абстрактному «рынку», возвышающемуся, подобно левиафану, над всем и вся. К тому же создается впечатление, что наше правительство не совсем представляет себе рынок как систему сложнейших механизмов и инструментариев, в которой частная собственность играет всего лишь одну, хотя и важную функцию; поэтому вне рынка как сложной системы, не могут *действовать конкурентные механизмы, которые призваны заменить государственные плановые начала...*

Все это — самый предварительный анализ новых явлений, порожденных хаотической, бессистемной, ускоренной, широкомасштабной, буквально «революционной» приватизацией государственной собственности в гигантской стране. Она, как показал уже наш опыт, совершенно не подготовлена и не могла быть подготовлена объективно в такие короткие сроки».

Решения

Складывается довольно мрачная обстановка. Где же выход? Выход есть. Ясное понимание всей обстановки диктует всему обществу, Верховному Совету, президенту, правительству лишь один подход: признание, что этот выход в сфере экономики. Только экономическое оздоровление страны даст возможности и средства решения других вопросов, в том числе и вопросов конституционной реформы. Предпосылки для такого понимания заложены в *Декларации общественного согласия по экономической реформе*, разработанной с участием Верховного Совета, правительства, профсоюзов, Российской академии наук, общественных и политических

объединений, партий, деловых кругов, многих авторитетных, влиятельных лиц.

Предстоящее *Всероссийское экономическое совещание* мы как раз и рассматриваем как важный объединительный шаг политических сил (помимо его собственных задач, связанных с рекомендациями для использования проекта программы антикризисных мер), давно ожидаемый обществом от правительства. В этой связи, конечно, было бы важно — не на словах, а на деле — отказаться от всяких действий, дестабилизирующих политическую обстановку, решать возникающие противоречия между законодателями и исполнительной властью без угроз и шантажа, спокойно и доброжелательно. Этого требует общество и требует уже довольно жестко. И на это надо идти — другого разумного пути нет. И мы, российский парламент, полномочные представители общества, предлагаем именно этот, сугубо мирный, деловой подход во имя гражданского согласия, национального примирения, во имя высших интересов народов нашей страны. В этом плане можно было бы принять специальную политическую Декларацию...

Необходимо изменить условия в позитивном направлении

...За три с половиной года нашей деятельности кардинально изменились условия в стране, мире, в нашем обществе. Естественно, что это отразилось и в среде депутатов. Наши депутаты стали профессиональными парламентариями, превосходно разбираются в сложнейших вопросах политики и экономики, международных отношениях, знают жизнь избирателей.

Во-первых, страна изменила парадигму развития, мы одновременно и участники, и свидетели перехода из одного качественного состояния в другое. Но все дело в том, что, отказываясь от многого в прошлом, начиная демократические преобразования, мы не выработали четкого представления о том, какое общество мы намерены построить в России, носителем каких фундаментальных ценностей мы выступаем. Без точного их представления сформировать целеустремленную и перспективную политику невозможно. Надо четко сообщить обществу, что, во-первых, мы трансформируем социализм в «мягкий капитализм», в свободную западноевропейскую его модель, с доминированием отношений демократии, свободы и справедливости — то есть формируем *социальное государство, всецело ориентированное на обеспечение интересов и потреб-*

ностей людей, а не стоящее над ним. Во-вторых, надо учитывать особенности нашего парламента. Он молод. Действует в стране, где давно нет развитых традиций парламентаризма. Как показывает мировой опыт, обычно в парламенты избираются представители политических партий, имеющих поддерживаемые широкими слоями программы развития общества, концепции внутренней и внешней политики, на основе которых создается единая государственная политика. Наш парламент создавался, когда лишь появлялись ростки политических партий.

В-третьих, мы перешли к реальному разделению властей. Нам, к сожалению, не удалось обеспечить гармоничное взаимодействие различных ветвей власти в формировании государственной политики при ведущей роли парламента. Здесь много причин, о них много мы и говорили, и писали, не хотелось бы повторять.

Но, несмотря на указанные трудности, парламент сумел стать полноценным и властным органом народа, продвинуться вперед в формировании государственной политики. Политика парламента стала заметно выкристаллизовываться в процессе критики и попыток корректировки волюнтаристского курса исполнительной власти, проводимого на протяжении всего 1992 года. Курс парламента нацелен на формирование социального рыночного хозяйства на основе равенства различных форм собственности, защиту интересов большинства, развитие народовластия через Советы, муниципализацию, возрождение интеллектуального и духовного потенциала народов России, укрепление ее целостности и содействие интеграционным процессам в рамках СНГ. Народ приходит к понимаю, что за этой политикой будущее. Парламенту следует, используя конституционные средства, добиться, чтобы исполнительная власть осуществляла политику, выработанную представительной властью вместе с ней на базе принципов общественного согласия. Ведь парламент не только определяет политику, но и контролирует ее выполнение.

...Достижение подлинной свободы средств массовой информации — за что выступает парламент — предлагает ликвидацию их политического, финансово-экономического и организационного подчинения исполнительной власти и бизнесгруппам, осуществление на деле основополагающего демократического принципа независимости средств массовой информации от какой-либо ветви власти в пределах закона. Именно этому служат последние нормативные акты Верховного Совета, а не установлению какой-либо цензуры над ними, как это пытаются сейчас внушить общественности....

Верховный Совет показал себя растущим и набирающим опыт и авторитет парламентом, без которого не мыслится политическая жизнь российского общества. Это — аксиома, ее надо всем понять

и принять как таковую. И вас я благодарю самым искренним образом и желаю набраться сил в период летнего отдыха, столь необходимых для продолжения работы на службе Отечеству.

Спасибо.

...Вот с таким докладом я выступил на последней «мирной» сессии Верховного Совета Российской Федерации, было это 23 июля 1993 года, в последний день нашей работы, перед роспуском парламента на летние каникулы. Конечно, отрывался от текста, рассуждал, реагировал на реплики, но текст был именно таким...

Срыв Кремлем национального согласия. «Артподготовка»

Ельцин еще раз вмешался в деятельность «круглого стола», на этот раз он фактически был ликвидирован. Намеченная и получившая всесоюзный размах подготовка к этой конференции и ее проведение были сорваны. Она должна была состояться 27—28 июля, а за неделю до ее проведения *мне позвонил Олег Лобов и сообщил, что «президент дал «отмашку», вам надо переговорить с ним по этому вопросу. Я бессилен что-либо сделать».* Много раз я пытался созвониться с Ельциным, просил о возможности встретиться, переговорить. Все тщетно. А ведь общество ожидало от этого события многого, в частности, оно надеялось, что будет окончательно подведена черта под конфронтационную тактику Ельцина в отношениях с парламентом. Если уже практически разработаны единые основы в области экономической политики, не трудно найти и общий подход к новой конституции страны — так рассуждали многочисленные общественные силы в центре и в регионах.

19 августа Ельцин созвал пресс-конференцию по случаю второй годовщины победы демократических сил над путчистами в августе 1991 года. В своем выступлении Ельцин сказал поразительные слова: *«Деятельность парламента стала носить все более антиконституционную направленность. Верховный Совет стал оплотом реванша». Он сообщил, что*

*«наметил план действий по решению проблемы двоевластия в стране». Этот его план «охватывает примерно два с половиной месяца: **август как «артподготовка», сентябрь боевой месяц, октябрь и, возможно, часть ноября как главные месяцы».** При этом он отверг предположения журналистов, что его слова «сентябрь — боевой месяц» означают какие-то силовые действия с участием армии. «Это будет месяц активной политической борьбы», — подчеркнул президент.*

Я встревожился сильнейшим образом, много раз звонил президенту, но у него не было желания встретиться. Возможно, этому препятствовали те могущественные силы, которые умело «вели» его действия. Они знали, что наши встречи всегда заканчивались нахождением компромисса, а он им в данном случае был не нужен. Надо было готовиться к худшему. Я даже не сомневался в том, что Ельцин прибегнет к армии — другого способа и силы справиться с окрепшим парламентом у него не было возможности. И он, и все те, кто стоял за его спиной, это превосходно знали. Они приготовились к жестокой расправе над нами, хорошо учли опыт поражения ГКЧП, когда много раз проклятые «кровавые коммунисты» не решились пролить кровь невинных и обрекли себя на поражение. Ельцин был не таким — как человек не очень храбрый, но злобный и мстительный, он был к тому же коварен и жесток. Это его врожденные свойства, известные всякому, кто с ним работал какое-то время. Он использует против нас все доступные ему средства. Так я размышлял после объявления им «артподготовки».

Президент «защищает» депутатов, требует «самороспуска» Верховного Совета и обвиняет в грядущем путче «неизвестные силы»

...Как удивительно повторяются эпизоды провокаций, помнится, во времена позднего Горбачева, когда в Кремле работал наш российский Съезд народных депутатов, Горбачев ввел войска в Москву с целью оказать на нас давление.

Как он мне объяснил, они, то есть войска, были введены по просьбе... 26 российских парламентариев, опасавшихся расправы москвичей, которые были натравлены на этих бедных депутатов московскими руководителями — Поповым и Лужковым!

И вот этот анекдотический эпизод решили повторить буквально около двух десятков других российских депутатов — сторонников Ельцина. Они направили письмо в адрес Ельцина (как те — в адрес Горбачева), с просьбой «защитить демократию» от... Верховного Совета! Ельцин как будто ждал такое письмо — он немедленно реагирует, направляет 20 июля в Верховный Совет оскорбительное письмо с требованием к парламентариям сложить полномочия. В интервью СМИ он в тот же день утверждает, что *«сохраняется опасность попытки реакционного переворота, который может свести на нет все усилия по осуществлению программы реформ»*...

За три дня до «часа Х»...

...17—18 сентября, за три дня до ельцинского мятежа, в Москве, в Парламентском центре на Трубной площади, буквально «кипела» работа Всероссийского совещания муниципальных органов местного самоуправления (советов). От них пришла делегация, уговаривают выступить перед совещанием. Число участников — свыше 2 тысяч муниципальных представителей, отказаться просто неудобно. А особенного желания выступить в тот момент у меня не было.

Поясню, почему не было. Уже более двух недель Ельцин создал специальную группу из числа своих ближайших советников (Сатаров, Батурин которым поручил разработать конкретный план «устранения Съезда народных депутатов и Верховного Совета». На сверхсекретном совещании в своей резиденции в Ново-Огарево Ельцин обрушился с беспощадной критикой на своих соратников. Он обвинил их в глупости и трусости, в том, что «Хасбулатов превратил их в испуганных кроликов, играет, как хочет, откровенно издевается, показывает свое превосходство над вами... А Костиков (пресс-секретарь Ельцина. — *Р.Х.*) не нашел

ничего лучшего, кроме как обвинить Руслана в том, что он (Хасбулатов) хотел, видите ли, поколотить дурака Костикова! И эту глупость взял, да и растрезвонил по всему миру... Встречаюсь я с одним своим «знакомым» (из Кремля), он передает такой разговор, который он слышал. Приходит к нему Черномырдин, говорит: «Что же это, происходит, Борис Николаевич, нам надо защитить своих помощников от побоев Руслана Имрановича!» Как прикажете реагировать?.. Вот такие «методы» — как их нейтрализовать? Против подлости нет приема, кроме большей подлости, но разве мы можем себе это позволить? «Эти приемы» из арсенала «грязной игры» были для меня неприемлемы... Ельцин зачастил в воинские части, дислоцированные в Подмосковье. Было ясно, что готовится государственный переворот. Все политические баталии он проиграл парламенту... Поэтому я решил, что Всероссийское совещание муниципалитетов — это удачная трибуна для того, чтобы оповестить мир о заговоре и возможном государственном перевороте в России. Приведу лишь некоторые фрагменты своего выступления, сказанные на прощание участникам этого совещания. «... Итак, в чем суть нашей тревоги сегодня? Что беспокоит сегодня нас и весь наш народ? Примерно месяц тому назад президент объявил, что в «августе проведет артподготовку, а сентябре — перейдет в наступление — штурм». Все тогда отнеслись к этому заявлению с достаточной долей иронии: дескать, еще что-то сказал президент, ну и что? Мало ли что он говорил и говорит...

К сожалению, дела пошли иначе. Исполнительная власть и особенно президент, его окружение действительно перешли в наступление, наступление драматичное, которое может стать катастрофой для страны и людей. Недавно газета «Известия» призвала к «решительным действиям», сделала разнос Президенту за то, что тот «медлит». И вот президент «успокаивает»: «В августе — артподготовка, в сентябре — штурм». Напоминаю, что сентябрь еще не кончился. Осуществлял Кремль и массированные консультации на Западе по поводу того, как там отнесутся к разгону Верховного Совета, разрушению конституционного строя нашей страны.

Я напомню вам, что произошло в последнее время. Наносится удар за ударом по представительной ветви власти, и все они идут во вред народу, во вред государству, что вызывает по меньшей мере недоумение. При этом многие решения то декларируются, то отменяются, все это сильно лихорадит страну, вызывает недоумение во всем мире. К сожалению, региональные власти делают вид, что все это их не касается, как будто не видят, что конфронтация искусственно вживляется в общество Кремлем.

Перечислю кратко некоторые из действий Кремля:

• незаконная попытка приостановить полномочия вице-президента;

• объявление о создании очередного неконституционного органа под видом Совета Федерации;

• ограничение в правах председателя Верховного Совета;

• игнорирование Федеративного договора, сужение сферы полномочий регионов, превращение их в «просителей» у Центра;

• принятие антизаконных указов, фактически создающих базу для установления режима личной власти через формирование «указного права»;

• попытка переворота 20 марта, откровенная угроза разогнать представительную власть (президентский тезис «Советы и демократия — несовместимы»);

• события 1 мая — «кровавый май» — сразу же после референдума 25 апреля. Подготовка к «кровавой» бойне и 9 мая, но Верховный Совет не позволил; а меня «привлекают» к судебной ответственности за защиту людей (иск Лужкова).

Все это создает опасную социально-политическую напряженность. Последние события показывают, что главное событие следует ожидать в ближайшие дни. Президент настойчиво повторяет, что осенью он объявит выборы в парламент. И причем самое последнее заявление он сделал, находясь не где-нибудь, а в дивизии Внутренних войск им. Дзержинского. Что это за «маневры»? Известно, что диктаторы любят заигрывать с армией.

Естественно, возникает вопрос, в чем причина такого интенсивного наступления на парламент? Каждый трезвый человек задает себе вопрос: зачем это делается? Ответ однозначный — возвратиться к диктатуре под видом прямого президентского правления. Все это уже и не скрывается. Эти идеи перекладываются на язык не только практических действий, но и протаскиваются в новую Конституцию, которую хотят навязать обществу любой ценой и любыми средствами.

Характерно, что настойчиво внедряя диктаторский режим, президентская команда делает все, чтобы устранить неудобных людей и открыть путь только для своих, для тех, кто будет во всем потакать новоявленному «монарху». Это уже видно невооруженным глазом».

К чему приведут такие действия, которые можно назвать очередной попыткой государственного переворота.

Первое. Прежде всего это удар по демократии. Мы и так устали от единоличных решений, принимаемых неожиданно, от указов, но это в условиях, когда работает парламент, когда действуют все звенья представительной власти. А представьте себе, что будет со страной и народом, когда никаких ограничителей для единоличной власти не станет.

Страна устала от одной диктатуры, ее снова ввергают в тот же режим, только в исключительно уродливых формах, уничтожающих последнее — надежду на возрождение.

Второе. Это удар по народу, большинству населения. Если сейчас парламент с трудом, но защищает интересы рабочих, крестьян, ученых, учителей, медицинских работников, деятелей культуры, военнослужащих, пенсионеров, отечественных товаропроизводителей, то кто их защитит завтра?

Третье. Это, далее, удар по армии. Верная присяге и Конституции, она, безусловно, не смирится с диктатурой, придет в смятение, что завершит ее распад. А это чревато полным подрывом безопасности страны.

Четвертое. Это удар по федерализму, государственности и единству России. Я убежден в том, что, несмотря на заигрывание президента с отдельными регионами, республиками, несмотря на подкармливание ряда из них, всем

нам хватит мудрости, ответственности, чтобы не допустить дезинтеграции Российского государства. Однажды это уже произошло...

Таким образом, введение так называемого президентского правления (или отмена Конституции, или разгон представительной власти) можно сравнить только с трагическими событиями августа 1991 года, которые привели к развалу Советского Союза. А сегодня мы получим развал России с катастрофическими для людей последствиями. Получим мощный удар по формирующемуся у гражданина чувству веры в Закон. Опять унизим человека, сделав его рабом перед капризом повелителя, заменившего Закон.

Что делать?

Я бы прежде всего хотел обратиться с этой высокой трибуны ко всем гражданам, к рабочим, крестьянам, интеллигенции, воинам армии, правоохранительным органам: будьте бдительны, не дайте себя втянуть в авантюру, не дайте вовлечь себя в выполнение преступных замыслов, грозящих нашей стране новыми тяжелыми испытаниями!

Если последуют антиконституционные действия, типа чрезвычайного положения, президентского правления и тому подобного, сорвите антиконституционные действия, которые приведут к разрыву хозяйственных связей, падению жизненного уровня, разрушению России! Это будет катастрофой!

Я бы предупредил: Отечество, народ сурово осудит тех, кто поднимет руку на органы народовластия, попытается разрушить конституционный строй, ввести в любой форме ЧП.

Мы убеждены, что наши граждане — рабочие, крестьяне, деятели науки, искусства, интеллигенция, выражающая чаяния народа, также скажут свое веское слово в защиту законности и Конституции.

Что касается Верховного Совета, то я вас уверяю, что он будет действовать такими формами и методами, которые будут вытекать из складывающейся обстановки, и мы будем твердо отстаивать интересы России».

...Это все было сказано 18 сентября 1993 года, за 3 дня до государственного переворота. До измены кремлевского правительства осталось 3 дня.

Казалось бы, страна, мировая общественность предупреждались об опасности. Но радио и телевидение промолчали об этих предупреждениях — они находились уже под пятой Кремля (Полторанина), и визгливый шум о якобы стремлении Верховного Совета «установить цензуру» лишь маскировал то, что там существовала и цензура, и подкуп, и откровенная купля-продажа совести и чести. А эти элементы, соединенные вместе, обеспечивали ельцинистам абсолютную возможность манипулировать людьми как угодно и насаждать свои лживые версии в сознание молчаливо наблюдающего за всем происходящим населению.

Межпарламентская ассамблея СНГ: предложения председателя

...Я много внимания уделял своей работе председателя Межпарламентской ассамблеи СНГ (МПА), она была основана по моей инициативе в начале 1991 года в Бишкеке. При поддержке Анатолия Собчака, мэра Петербурга, резиденция МПА была определена в Таврическом дворце, для ее капитального ремонта я выделил огромные средства...

В процессе работы, мы — руководители национального парламента, приходили к выводу о неперспективности в будущем СНГ, если не начать движение к реальному интеграционному процессу. После серии консультаций с большинством председателей парламентов, мы договорились, что я от своего имени подготовлю меморандум о некоторых важных шагах в этой области и направлю его для обсуждения в парламенты. Начнется, естественно, публичная дискуссия, которая во всех случаях будет полезной.

Такой меморандум я сумел подготовить к середине сентября и отправил его адресатам. А затем передал его главному редактору «Российской газеты» Валентину Логунову для публикации. И вот, за день до появления ельцинского указа, обозначившего начало государственной измены, он был обнародован.

От кого: **Председателя Верховного Совета Российской Федерации, Председателя Межпарламентской ассамблеи СНГ**

Кому: **Председателям национальных парламентов участников СНГ**

МЕМОРАНДУМ

Уважаемые коллеги! Я обращаюсь к вам с вопросом исключительной важности — с предложениями по трансформации Содружества в более тесное сообщество с повышением уровня координации деятельности независимых государств, с учетом опыта почти двухлетнего его развития после развала СССР и провозглашения независимых государств. Интересы народов требуют от нас подведения беспристрастных итогов этого периода.

Последствия распада единого государства, единого экономического и политического пространства, единой человеческой общности, независимо от причин происшедшего, являются трагическими. Масштаб этой катастрофы огромен — от излома судеб миллионов людей до критически опасного нарушения геополитического баланса сил на всей планете.

В области политики. Еще не до конца осмыслены последствия разрозненности внутренней и внешней политики. Ни одно из новых государств пока не сумело провести самостоятельную линию в политической сфере, найти себя в новой реальности однополюсного мира, ощутить полноценным субъектом международных отношений.

Наших людей считают людьми «второго», «третьего» сорта и т. д. Это следствие распада великой державы, отдельные части которой, являясь ныне самостоятельными государствами, пока не сумели найти общий язык для сохранения былых достижений во внешней политике из-за полного отсутствия координации усилий в этой чувствительной сфере, а допускаемые здесь импровизации вызывают лишь иронию и насмешки в мировом сообществе.

В экономике. На огромном евро-азиатском пространстве, разрываемое инфляционистской политикой, конвульсирует некогда мощное хозяйство мировой сверхдержавы. Ему не до структурной перестройки, обновления фондов и технологии. В первом полугодии 1993 года среднемесячный объем производства в целом по Содружеству: снизился в сравнении с его максимумом в 1989 году на 42%, что соответствует уровню двадцатилетней давности — на-

чалу 70-х годов, ясно обозначился распад производительных сил. По расчетам специалистов, это падение связано не только с ошибками и тяготами осуществляемых реформ (хотя и их достаточно), а прежде всего с элементарным разрывом прежних хозяйственных связей, восстановление которых на базе нормальной кооперации требует координации действий на основе единого межгосударственного начала.

В социальной сфере. Трагически сказываются нарушения социально-психологического климата на пространствах бывшего Союза наших сограждан, в целом по всем международным стандартам достигших к началу 90-х годов «средней обеспеченности». Каждый из наших граждан лишился привычной для него уверенности в завтрашнем дне для себя и своих близких, чувства причастности к большой Родине, общепринятых норм и правил проживания в многонациональном доме, не унижающих достоинство каждой из наций, да и просто — мирного неба. Я уже не говорю о крайних проявлениях дезинтеграции — беженцах, горячих точках, тысячах погибших, произволе организованной преступности, врастающей в ткань наших государств. А чем измерить нравственные и физические страдания тех, кто оказался выброшенным из обычной жизненной колеи, — безработных, бездомных, обреченных на голод? Вряд ли мы сможем найти адекватные «измерители» этих страданий наших сограждан. Гибнут культура, наука, деградирует высшая школа и среднее специальное образование, начальная школа. Труд учителя, ученого, деятеля искусства полностью девальвирован — он оказался замененным суррогатом ложных ценностей и чуждых нашим народам, легковесных нравственных ориентиров.

В военной области. Распад СССР практически взорвал геополитическую обстановку в мире, способствовал резкому изменению жизненно важных интересов многих стран, появлению новых центров силы, представляющих потенциальную военную угрозу многим народам наших многонациональных стран. Мир не стал более безопасным, но он стал более непредсказуемым.

В упадок приходят Вооруженные силы, наметилось беспрецедентное отставание боевой техники и вооружений от мировых стандартов, снизилась боеготовность и боеспособность армии и флота, уровень управляемости подразделениями и частями.

Обвальное разрушение военной промышленности, легковесное осуществление конверсии в условиях разрыва хозяйственных связей нанесло непоправимый ущерб производству и новым технологиям, базовым отраслям машиностроения.

В разных регионах наших стран или уже происходят вооруженные конфликты или обстановка становится приближенной к конфликтной, распространяется огнестрельное оружие, формируются вооруженные группировки, творящие насилие над мирными и беспомощными гражданами, а государства оказываются не способными их защитить.

Нельзя не задаться вопросами: «Надежно ли защищены границы? Кто контролирует «ядерную кнопку»? Не превращаемся ли мы в заложников безответственных лиц, часто не несущих никакой ответственности перед обществом, но обладающих реальной огромной властью?»

Сейчас не время выяснять, кто виноват в искусственном разрушении могучего государства, да и невозможна его реставрация, и не об этом речь в данном Меморандуме. Мы видим, что в мире торжествуют интеграционные процессы, объединительные устремления народов. Западная Европа — это сегодня по существу конфедеративное государство, имеющее единые парламент, правительство, вооруженные силы, социальную политику, фактически общее гражданство, государство, в котором устраняются последние пограничные и межстрановые барьеры.

В наших обществах также становится с каждым днем все более очевидным, что образовавшиеся на обломках СССР независимые государства не могут в одиночку эффективно решать накопившиеся, но так и не разрешенные в прошлом и возникающие сегодня непростые задачи по демократическому реформированию. Только совместными усилиями мы можем остановить тревожный процесс разрушения новых государств. В противном случае наши страны ждет не только ослабление внутренних и внешних позиций — им угрожает скатывание на периферию мировой цивилизации.

ПРЕДЛОЖЕНИЯ:

I. Здравый смысл и суровая реальность подсказывают (и к этому призывают нас практически все слои общества), что нужно искать пути сближения самостоятельных государств, создания политического, экономического, социального и оборонного союза (евроазиатского союза или сообщества).

II. Первый шаг в данном направлении сделан — образование экономического союза уже поддержано рядом государств.

Но сегодня этого недостаточно. В перечень первоочередных интеграционных мер следует включить в обязательном порядке так-

же задачи координации в сферах политики, обороны и социальной с целью защитить людей, граждан наших государств, придать им уверенность в завтрашнем дне.

III. Наиболее подходящим форумом для рассмотрения и решения выдвигаемых жизнью нашего сообщества проблем могла бы стать Межпарламентская ассамблея государств — участников СНГ. Для придания ассамблее необходимой легитимности было бы целесообразно провести в нее прямые выборы и сформировать, таким образом, парламент союза (сообщества): этот парламент образовал бы соответствующие исполнительные структуры в целях координации обозначенных в настоящем Меморандуме функций межгосударственного характера.

В этих целях можно было бы разработать своего рода Конституционный акт, разграничивающий полномочия наднациональных и национально-государственных органов власти и управления в таком союзе (сообществе).

IV. Эти вопросы мы могли бы обсудить и наметить ориентиры их решения на Межпарламентской ассамблее, если бы национальные парламенты и исполнительные власти государств — участников Содружества предоставили соответствующие полномочия своим делегациям, а сами парламенты могли бы принять решения.

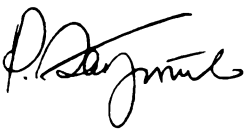
V. Учитывая принципиальный характер предложений, прошу вас изучить их, обсудить в своих парламентах с тем, чтобы мы могли рассмотреть весь комплекс этих вопросов, возможно, уже на предстоящем 25 сентября с. г. в Санкт-Петербурге заседании Совета Межпарламентской ассамблеи. Может быть, следует обсудить возможность проведения специального заседания ассамблеи, посвященного вопросу создания такого союза.

VI. Кроме того, в течение 1993 года можно было бы провести в каком-либо из российских городов (Самаре, Воронеже, Белгороде) или в столице одного из государств СНГ (например, Алма-Ате) Конгресс народных депутатов с участием всех членов парламентов наших стран с целью обсудить представленные вам в Меморандуме и иные аналогичные идеи.

VII. Подчеркиваю, что во всех случаях речь идет о Союзе Отечеств, Союзе свободных государств, когда ими добровольно отчуждаются, делегируются — единым, общим, наднациональным органом — отдельные государственные функции для регулирования и координации деятельности в важнейших сферах, в соответствии с упомянутым выше *Конституционным актом*. В этом суть предлагаемого подхода, который, надеюсь, не позволит противникам более

тесной интеграции выдвинуть лозунги о якобы «новых имперских» планах и т. п.

Наш долг перед своими согражданами, перед вашей общей историей — создать благоприятные условия для труда, жизни, воспитания детей, развития наций и культуры, для процветания наших народов и отечеств. (Документ был опубликован в «Российской газете» 19 сентября 1993 года.)

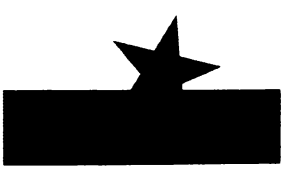


С искренним уважением, Р.И. ХАСБУЛАТОВ

Интересно, этот «документ» никогда и никем не упоминался — ни в прессе, ни в публикациях ученых и специалистов, занимающихся проблематикой СНГ. Одни, видимо, не хотели признать факт, что первый председатель Межпарламентской ассамблеи имел и идеи, и возможности превратить СНГ в эффективно работающее Содружество, с действенными институтами, способными с большой пользой воздействовать на все бывшее пространство СССР и энергично влиять на все процессы. Другие опасались даже упоминать мое имя — такой страх им внушали ельцинисты и правящий политико-административный режим, с «подручными» СМИ, стоящими на страже «новой старой» власти. Третьи они были открытыми противниками, отвергающими любую здравую мысль, если она не исходила от них. Межпарламентская ассамблея, которую мы так тщательно создавали, практически тихо «умерла» стараниями В. Шумейко и Е. Строева, которые возглавили первые палаты Государственной думы и которым отдал «на откуп» эту перспективную международную организацию кремлевский правитель, после «стабилизации» его режима в результате проведенного 12 декабря 1993 года референдума, принятия новой Конституции и формирования нового парламента.

КНИГА 2

УБИЙСТВО ПАРЛАМЕНТАРНОЙ ДЕМОКРАТИИ



Глава 1

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЗАГОВОР: ПРИЧИНЫ И ОРГАНИЗАТОРЫ

Энергичное вмешательство Клинтона и Гельмута Коля в «русские дела»

Субъективно-психологические моменты, способствовавшие высокому уровню иностранного воздействия на правителя

Ельцин, как это отмечают многие наблюдатели, был болезненно-подозрительным человеком, причем в таких крайних формах, что это вызывало порой некоторые сомнения в его умении строить логические конструкции в политической борьбе, с ее неизбежными альянсами и компромиссами. Пример этого — его упорное нежелание в роковой для нас всех час — 19 августа — не упоминать в тексте нашего «Обращения» имени президента Горбачева, заявления: «Я не хочу быть его спасителем», в то время, как имя Горбачева нам было необходимо как знамя борьбы с путчистами. Тень подозрения, павшая на любого одаренного и преданного ему человека в личной к нему нелояльности, вызывало у него немедленное желание избавиться от него навсегда. Некоторая доля самостоятельности при этом как раз и рассматривалась как «нелояльность». Это, кстати, очень осложняло мою работу с ним еще с первых наших совместных шагов, с мая 1990 года. А когда мы дружно подавили августовский

Глава 1

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЗАГОВОР: ПРИЧИНЫ И ОРГАНИЗАТОРЫ

Энергичное вмешательство Клинтона и Гельмута Коля в «русские дела»

Субъективно-психологические моменты, способствовавшие высокому уровню иностранного воздействия на правителя

Ельцин, как это отмечают многие наблюдатели, был болезненно-подозрительным человеком, причем в таких крайних формах, что это вызывало порой некоторые сомнения в его умении строить логические конструкции в политической борьбе, с ее неизбежными альянсами и компромиссами. Пример этого — его упорное нежелание в роковой для нас всех час — 19 августа — не упоминать в тексте нашего «Обращения» имени президента Горбачева, заявления: «Я не хочу быть его спасителем», в то время, как имя Горбачева нам было необходимо как знамя борьбы с путчистами. Тень подозрения, павшая на любого одаренного и преданного ему человека в личной к нему нелояльности, вызывало у него немедленное желание избавиться от него навсегда. Некоторая доля самостоятельности при этом как раз и рассматривалась как «нелояльность». Это, кстати, очень осложняло мою работу с ним еще с первых наших совместных шагов, с мая 1990 года. А когда мы дружно подавили августовский

мятеж и Ельцин вручил мне «Удостоверение» за № 2, как человеку, внесшему наибольший вклад в эту нашу победу, а я, в свою очередь, подписал «Удостоверение за № 1» и вручил его Ельцину, — многие, знающие президента, искренне удивлялись тому, «насколько затянулась эра наших хороших взаимоотношений». Конечно, близкими эти отношения не могли быть — это была совместная, тяжелая работа ради Отечества, с коварно-хитрым, хотя и не очень способным и подготовленным к большой государственной деятельности, человеком. Ему надо было помогать. Я и помогал. Возможно, внутренне президент и сам осознавал, что попал на орбиту власти в силу стечения множества исторических и иных обстоятельств, далеко не по заслугам и способностям. Отсюда — определенный, иногда проскальзывающий внешне, элемент комплекса неполноценности, возмещаемый сознательной жестокостью в отношении к людям (в том числе и к соратникам) «не угодившим» (порой — в мелочах); во властных требованиях (буквально!) «относиться к нему с величайшим почтением», болезненная тяга к торжественным церемониальным (царистским) играм и атрибутике и т.д.

Другая «болезнь» — это неприкрытое поклонение Западу, восхищенное преклонение перед высказанными их представителями, порой, весьма банальных истин. Я сталкивался с этой стороной президентского мышления часто, и когда Ельцин с почтительным придыханием говорил о нечто таком, «которое» я не мог не знать, десятилетиями занимаясь Западом, — я терялся, не зная, как реагировать: согласиться, словом или, как принято, одобрительно «кивать» — я не мог бесполезно возражать — уже не хотел, зная, что у собеседника испортится настроение.

Возможно, в связи с этой страстью, но в основе своей продолжение линии Горбачева на бесконечные уступки за счет России, в некоторых российских печатных изданиях, в разное время, высказывалась версия, что Ельцин являлся агентом иностранных спецслужб (как Ленин, Горбачев и др.). По мнению авторов версии, в противном случае невозможно понять ни его внутреннюю, ни внешнюю политику, направленную на откровенное подчинение России интересам западных стран.

Я считаю такую точку зрения абсурдной, конечно, никаким «тайным агентом» иностранных спецслужб Ельцин не был (как и Горбачев, тем более Ленин). Его отношения с политической верхушкой США, как мне представляется, были иными: Ельцину внушили (прежде всего его неформальные соратники), что единственная возможность политически уцелеть в той сложнейшей обстановке (1990—1991 годы) — это «согласование» своих действий с высшими правительственными кругами Америки (отчасти — ФРГ). Этого было несложно добиться, учитывая, что, как я отмечал, Ельцин буквально преклонялся перед Западом, гордился тем, что его там «принимали», «дружбой» с Клинтоном, Г. Колем (который ранее не менее «горячо дружил с Горбачевым»).

Так, он с гордостью сообщил мне, как его «приняли» в конгрессе США, какими эпитетами его награждали конгрессмены. В ответ на мой вопрос: «Борис Николаевич, а когда вы выступали в последний раз перед Верховным Советом» (дело было в конце 1992 года), он нахмурился, промолчал. Ему это было неинтересно.

Вполне допускаю, на высшем политическом уровне (Белый дом — Кремль, Бонн — Кремль) существовали некие договоренности по «согласованию» действий Ельцина (состав правительства, политический, экономический, социальный курс государства, его внешняя политика и пр.). Воздействие на Ельцина оказывалось через различные инструментарии.

Один из них предстает перед нами из записи, оставленной покойным генералом Дмитрием Волкогоновым (оказывается, этот «принципиальный» генерал-демократ свой архив со многими краденными им материалами из секретных фондов СССР продал США), обнародованной в статье Юрия Мурина.

Вот эта запись: **«Тайны власти. 31 августа 1993.** *На днях, 24 августа, когда у меня были члены американской делегации по розыску сгинувших на территории СССР граждан США, в конце беседы полковник Пар и с ним еще один американский дипломат попросили несколько минут конфиденциального разговора. Пар сказал, когда мы остались втроем: «Посол США Пикеринг просил конфиденциально передать, что на-*

дежный источник в Москве их информирует, что в октябре оппозиция предпримет попытку переворота, возможно, парламентского, с тем, чтобы сместить президента Ельцина. Мы не можем ни подтвердить, ни опровергнуть этой информации. Возможно, будут подняты люди, обвинив президента в нарушении Конституции, а затем последует объявление о лишении его власти. Возможно, и на съезде ведется интенсивная подготовка. Вот такая информация...»

Я поблагодарил и при очередной встрече сказал Филатову и Илюшину (двум близким президенту людям), а затем и Б.Н. Он был спокоен: «Этого следовало ожидать...» Думаю, это лишь один из вариантов готовящегося реванша коммунистического Термидора...» (См.: Юрий Мурин. Двадцать центов за гостайну. *Совершенно секретно.* № 01/ 224, 1.01.2008, с. 14.)

Не надо обладать большим умом, чтобы **понять, что** все **это** — откровенная чушь, густо замешанная на достаточно примитивной игре спецслужб. Она была направлена, по моему убеждению, на создание соответствующего мнения в ближайшем окружении Ельцина. Скорее всего, как раз и учитывалась маниакальная подозрительность президента. При этом поражает ельцинское — *«Этого следовало ожидать»*. Создается впечатление, что у него не возникло и тени сомнения в истинности этой «информации», сопровождающейся оговорками типа «возможно», «мы не можем ни подтвердить, ни опровергнуть» и пр. По сути — весьма примитивный донос, рассчитанный на людей убогих, легковерных и болезненно-пугливых. У Ельцина — никаких эмоций, как будто ожидал именно этой информации.

Как должен был поступить президент (если он был честным человеком, лидером), получив такую информацию, в которой прозрачно намекалось на причастность Верховного Совета, а следовательно, его соратника Хасбулатова (кстати, трижды спасшего его от неминуемого отстранения от должности) к подготовке переворота? — Немедленно пригласить его к себе и выложить эту «информацию», переговорить со вторым по иерархии человеком в государстве! Задать прямой вопрос: «Как это понимать?» Вот что должен был делать президент.

Нет, этого и в голову не пришло ни ему, ни его «верным людям», ни старому генералу Волкогонову (при каждой встрече со мной заверявшему меня в самой горячей преданности и высоком уважении). Все они безоговорочно поверили ложному доносу провокатора-дипломата Пикеринга, единственной целью которого в тот период было сокрушение российского парламента.

Напомню — это было напряженное время, когда Ельцин уже объявил о том, что «август — это артподготовка, а сентябрь — штурм». Видимо, Пикеринг боялся, что Кремль пойдет на мировую с парламентом. Отсюда — эта грязная провокация.

Как мне представляется, у разведывательного сообщества Америки в тот период уже имелась конкретная задача в отношении России — возможно, о ней не был информирован только что вступивший в должность президента молодой и неопытный Билл Клинтон — расчленение России на десяток квазигосударств. Единственным препятствием на этом пути оно рассматривало мощный Верховный Совет, который через Федеративный договор уже сумел нейтрализовать наиболее опасные сепаратистские тенденции. А с лета 1993 года сумел политически переиграть президентско-правительственную команду и достигнуть согласия относительно изменения модели экономической реформы, зафиксированной в заключительном документе «круглого стола», подписанного правительством Черномырдина и руководством Верховного Совета. Правящие круги США обоснованно встревожило это важнейшее событие, поскольку в документе было согласовано положение по отказу проводить далее либеральные реформы по сценариям американских специалистов, оккупировавших коридоры высшей исполнительной власти в стране, и ключевой элемент их политики — ваучерная приватизация.

Искусственной была в посольском доносе и идея относительно «коммунистического реванша» — для этого не было никаких предпосылок. Напомним, что после попытки ГКЧП компартия (КПСС) была почти полностью дискредитирована в обществе, и не представляла собой серьезной политической силы. В российском парламенте фракцию

коммунистов возглавлял небезызвестный Иван Рыбкин, впоследствии один из любимчиков Ельцина, который сделал из него первого главу Государственной думы. — Можете представить себе, какая эта была «красно-коричневая оппозиция» Ельцину, готовящая «переворот» и даже его «отстранение?»

Что касается самого Верховного Совета — он не был никаким «оппозиционером», он был, как и следует быть любому парламенту — оппонентом совершенно бездарного ельцинского правительства. И критически подходил к тем ошибочным «реформам», которые тогда им проводились при поддержке президента и по лекалам иностранных советчиков (плохо знающих ситуацию в России).

В разделе книги, в котором анализируются причины гибели СССР, я высказал свое критическое суждение относительно распространенной точки зрения, что в этом якобы повинен Запад. Я высмеял хвастливые заявления некоторых западных, в том числе американских руководителей спецслужб и государственных деятелей, которые приписывают себе в «заслугу» падение второй мировой империи XX века.

По-иному я отношусь к событиям 1993 года в Москве. Здесь, я уверен, был очевидный международный заговор с целью оказать прямую поддержку Ельцину в его действиях насильственным образом уничтожить парламентарную демократию. Получать Россию в качестве марионетки — это такой «пруд», с ее неисчерпаемыми природными ресурсами! В такой игре можно принести в жертву любую демократию!

Наибольшую роль в уничтожении российской парламентарной демократии, на мой взгляд, играли германский канцлер Гельмут Коль и американский президент Билл Клинтон. Эта их зловещая роль настолько очевидна, что **только слепые, глухие и откровенно лживые не могут этого не отметить.** Особенностью является и то, что участие этих лидеров в заговоре против российского законодателя имело совершенно открытый характер, преподносилось миру как «стремление оказать помощь *демократическим*

силам России, борющимся против попыток к реставрации коммунизма.

Таким образом, в качестве идеологического прикрытия вмешательства во внутренние дела России были приняты на вооружение откровенная *ложь и клевета. Необходимо зафиксировать и очевидный исторический факт: Ельцин добровольно согласился на роль марионетки США и Германии.* Американские, германские и иные государственные деятели превосходно понимали, что Верховный Совет России, руководимый мной, *не является прокоммунистическим. Они знали, что августовскую попытку переворота коммунистической бюрократии подавил прежде всего российский парламент, который мной возглавлялся, а не Ельциным, который выполнял в этой схватке роль некоего статиста, с трудом удержанного мной от бегства в американское посольство.* Помнится, посол Дж. Мэтлок, когда мы как-то коснулись в нашей беседе этого «эпизода», долго хохотал.

В правящем политическом истеблишменте не было никаких иллюзий — там хорошо знали цену и российскому президенту, и парламенту, быстро набирающему и политический вес и опыт.

Американский сенат, к примеру, полностью «прошел» через мой кабинет, а на длительные и откровенные беседы с сенаторами я потратил огромный объем драгоценного времени. И все они, уходя, неизменно выражали и свое уважение, и восхищение нашей парламентской деятельностью, демократическим «прорывом» Верховного Совета. Так же обстояли дела с парламентскими делегациями из Германии, Франции, Италии, Испании, Скандинавских стран и т.д.

Но в период, когда они — эти иностранные парламенты и их деятели, — руководствуясь самым элементарным чувством справедливости и сострадания к российским коллегам, обязаны были вступиться за них, потребовать немедленного прекращения насилий и издевательств, совершаемых вооруженными бандами кремлевских заговорщиков и мятежников, они показали полное отсутствие морально-нравственных начал, непонимание чувства солидарности и справедливости. Ну, Бог им судья, зато совести хватило у британского парламентария Кена Ливингстона и неболь-

шой его депутатской группы: в палате общин они выступили с резкой критикой Ельцина, а также премьера Мэйджора, покрывавшего террористические действия Кремля по отношению к парламенту.

О реальном существовании международного заговора, направленного на свержение парламентарного строя в целях укрепления слабеющего Ельцина, стало известно в преддверии мартовской (1993 года) попытки «верхушечного переворота», предпринятой Кремлем. От вмешательства — к заговору, таким был путь, проделанный в тот период лидерами западных держав. О его беспрецедентно масштабном характере, могущем иметь самые пагубные последствия, откровенно высказался видный американский ученый, профессор Стивен Коэн. Его статья была озаглавлена весьма выразительно: «Вмешательство... Еще раз вмешательство!»

Коэн следующим образом анализировал это «вмешательство» и его последствия:

«Сейчас имеет место чреватое опасностями столкновение сложных реалий посткоммунистической России и упрощенных представлений о мире, свойственных Америке периода окончания «холодной войны». Примером опасности этого рода может служить далекое от какой-либо мудрости вмешательство администрации Клинтона во внутреннюю российскую политику и поддержка с ее стороны угрозы Бориса Ельцина прибегнуть к диктаторским «особым полномочиям». Ельцин покамест отступил, но надо понимать, что меры такого рода могут положить решительный конец исключительно хрупкому и исторически неоценимому российскому эксперименту по демократизации страны...

Развитие этой страны — в силу ее истории, размеров, экономического потенциала и беспрецедентной возможности неадекватного ядерного поведения — самым глубоким образом повлияет на проблему безопасности большей части нынешней цивилизации. И при всем при том развивающийся коллапс России — я имею в виду ее политический, экономический, социальный и даже психологический кризис — далеко не преодолен. Американское правительство с самого начала сосредоточило едва ли не все свои усилия и всю свою добрую волю исключительно на Ельцине и им же избранной его «ко-

манде», подвергая при этом остракизму все остальные социальные институты и иных лидеров, в особенности российский парламент и его председателя Руслана Хасбулатова...

Администрация Клинтона упорно наращивает эту свою интервенцию — сначала задумкой «встречи на высшем уровне в Ванкувере 3 и 4 апреля, как попытки «помочь Ельцину» в его надвигающейся конфронтации с российским парламентом; затем широко разрекламированными намеками на поддержку угроз президента России распустить законодательный орган... Администрация Клинтона даже предложила, чтобы Клинтон, возможно, отправился бы в Москву, дабы именно там, на высшем уровне провести встречу солидарности с Ельциным».

В результате правительство Соединенных Штатов попало в чрезвычайно дурную институционную кампанию: шаг Ельцина (имеется в виду его попытка распустить парламент 20 марта) столкнулся с оппозицией не только российского парламента, но и с отпором Конституционного суда, Генерального прокурора, министра юстиции, вице-президента, большинства законодательных органов на местах, а также значительной части демократической прессы. Поддержку или склонность к солидарности со стратегией Ельцина выразили руководители Российской армии, бывшего КГБ, милиции да администрация Клинтона. И действительно, Клинтона и Ельцина поддерживают многочисленные лидеры конгресса США и ведущие политические обозреватели, доказывающие нам, что объявленные Ельциным демократические цели оправдывают те средства, к которым он прибегает.

Американские официальные лица могут принимать утверждения Ельцина, что парламентское большинство настроено недостаточно реформистски. Но давайте помнить, что именно этот «реакционный» российский парламент, как его теперь клеймят в американской прессе и в правительственных докладах, еще совсем недавно был всеми просто обожаем за его героическое сопротивление в окруженном танками московском Белом доме во время августовского переворота 1991 года.

Более того, в России, чья история полна примерами самонадеянности и высокомерия исполнительной власти и

неработавших законов, демократии без парламента быть не может. Равно как без него не будет ни единого ратифицированного договора о разоружении. И действительно, ярко выраженное презрение США к российскому парламенту и его руководству уже значительно затруднило ратификацию соглашений в рамках второго этапа переговоров о сокращении стратегических наступательных вооружений. И неудивительно, что на минувшей неделе парламент принял специальное постановление, резко осуждающее «грубое вмешательство (Запада) во внутренние дела России»...

Политический курс США и соответствующие практические шаги еще более назойливы на более низких политических уровнях. Американские экономисты (особо отметим гарвардскую команду во главе с профессором Гарвардского университета Джеффри Саксом) занимают положение официальных советников российского правительства. Политические организации США — некоторые из них финансируются из федерального бюджета — вознаграждают те политические фракции, к которым они благоволят. АФТ — КПП (Американская федерация труда — Конгресс производственных профсоюзов) глубоко вовлечена в профсоюзную политику России. Раздаются далее предложения пронизать все правящие бюрократические структуры России западными «экспертами», работающими на постоянной, долговременной основе, отдать на откуп советникам НАТО задачу реформирования российских вооруженных сил и сделать доллар второй российской валютно-денежной единицей. Американцам следует только представить свою собственную реакцию, если бы русские играли такую роль в нашем правительстве и в нашей политической жизни». (Рабочая трибуна, 7 апреля 1993 г.)

Коэн, таким образом, показывает на фактах, как и каким образом США «получили» президента Ельцина в качестве своего откровенного марионеточного «союзника». И поэтому «расчищали» поле для его выживания в своих собственных интересах, формируя из России *«сателлитное государство»*. Российское «демократическое общество» трусливо молчало, не реагировало даже на эти позорные разоблачения. Предостережения, наподобие изложенных С. Коэном,

не были популярными в те времена в Америке, они «вязли» в огромном числе всевозможных призывов и требований «привязки русских реформ» к американским интересам. Лоббированием такого «вмешательства» выступала большая группа американских «экспертов» при российском правительстве (более 100 человек), которая, совместно с группой американских журналистов в Москве, преподносила политические баталии в Москве с проельцинских позиций, вводя в заблуждение американское общественное мнение. Они же оказывали сильное давление на госдепартамент и Белый дом, «обосновывая выгоды» от установления единоличной власти в России, с которой «выгодно будет иметь дела».

Перерастание международного «вмешательства» в международную координацию

Постепенно усиливающееся иностранное вмешательство в российскую внутреннюю политику плавно переросло в международный заговор с целью «помочь» Ельцину уничтожить парламентарный строй. Активно помогал этому процессу министр иностранных дел России Андрей Козырев.

Особую роль в этом проельцинском выборе Белого дома имела позиция германского канцлера Гельмута Коля. Он не до конца сумел *обеспечить интересы объединенной Германии в период горбачевской эры* и ему нужен был именно сговорчивый Ельцин, но никак не «несговорчивый» Верховный Совет России. Он сумел первоначально убедить малоопытного Клинтона, а затем Миттерана и Мэйджора в «необходимости» поддержать «нашего» Ельцина. Эта «четверка», по сути, составила своего рода международный «политический пул» с целью свержения российского парламента и установления авторитарного режима личной власти Ельцина. Вот как сами западные журналисты освещали роль этих «своих» лидеров в развороте трагических событий в Москве. Они, в частности, отмечали, что поддержка Ельцина со стороны этих «лидеров» способствовала первой его попытке мятежа в марте 1993 года. Но тогда этот замысел провалил-

ся — и вовсе не по «вине» высоких западных покровителей. *«Господин Гельмут Коль, канцлер Германии, направил письмо своим коллегам, добиваясь от них поддержки для президента России Ельцина в его борьбе с парламентом»*, — пишет газета Financial Times (10 March, 1993). Обозреватель Куэнтин Пил указывает, что письмо Коля направлено президентам Б. Клинтону и Ф. Миттерану, а также премьеру Дж. Мэйджору — с просьбой выступить на стороне президента Ельцина, *«если российские военные поддержат господина Ельцина в осуществлении им чрезвычайных мер»*. Это письмо было написано, — указывает газета, — после того, как канцлер Коль на прошлой неделе (5 марта) совершил короткую остановку в Москве, возвращаясь из двухнедельной поездки в Азию. Целью остановки в Москве были переговоры с Ельциным относительно внутреннего положения в России» (Financial Times, 10 March 1993). Очевидно и то, что указанные «переговоры» были посвящены исключительно вопросам выработки тактики борьбы с Верховным Советом. По-видимому, Гельмут Коль выполнял роль «главного координатора» действий западных лидеров в их поддержке Ельцина. Это мое соображение подтверждается тем, что сразу же после этой встречи Ельцин направил послание лидерам «большой семерки» (но после упомянутого письма Г. Коля). В этом послании, — указывает обозреватель Guardian, Мартин Уолкер, Ельцин попросил Запад о «неофициальной поддержке», если ему *«придется восстановить диктатуру в России, приостановить деятельность парламента и управлять страной посредством декретов»* (Guardian, 12 March 1993).

Необходимость поддержки Америкой слабеющего Ельцина «обосновывает» Питер Фрэнк в «Sunday Times». Вот его аргументы: *«События последних недель в России приобрели характер кризиса. За последние месяцы политическая несостоятельность Ельцина стала еще более очевидной... Положение усугубляется тем, что ему противостоит Хасбулатов, человек умный, хитрый... Ни угрозами, ни обманом, ни предложением компромисса не удалось добиться от парламента сотрудничества...»* (Там же, 14 March 1993.)

Как видим, сперва следуют клеветнические утверждения, необходимые для того, чтобы внушить определенный вывод относительно российского парламента и его руководителя (не идет на компромисс!). А затем формулируется основная мысль-постановка задачи: *«Надо поддержать Ельцина — даже если он установит диктатуру по пиночетовской схеме.* Все влиятельные газеты Запада буквально были одержимы требованиями «поддержать» Ельцина.

«США не будут против чрезвычайных действий Ельцина» — так была озаглавлена статься Илэйна Сциолино в газете «International Herald Tribune». — Автор утверждает, что *«официальное лицо заявило, что Соединенные Штаты расценивают консервативный Съезд народных депутатов в качестве антидемократического пережитка, оставшегося от Советского Союза и Конституции 1977 года — этого бессмысленного реликта эры Леонида Брежнева»*. (Там же, 13—14 March 1993.) *«Запад боится победы сторонников твердой линии в России»* — это основная мысль обширной статьи в «Sunday Times». В ней, в частности, говорится следующее: *«Российский парламент и в особенности его спикер профессор Хасбулатов являются сторонниками четкой и твердой линии в сфере международных отношений... Британское правительство боится Руслана Хасбулатова, лидера российского парламента...»* — утверждает эта газета. То, что Ельцин мог бы выжить ценой обращения к военным, воспринимается в статье как «меньшее зло», по сравнению с тем, если Ельцин «окажется отстраненным от власти». И далее: *«Ельцин — лидер, которому следует помочь», — заявил британский министр иностранных дел Хэрд 12 марта, сообщив, что намерен встретиться с ним в начале апреля»*. (Sunday Times, 13 March, 1993.) Из статьи следует, что эта встреча должна произойти *«после победы»* Ельцина над парламентом. Следовательно, с «четверкой» (США, Великобритания, Германия и Франция) были согласованы даже такие детали, как время намеченного ельцинского переворота. Напомню, что такая попытка как раз и была предпринята ельцинистами 20 марта 1993 года.

Еще раньше позицию официального Вашингтона в российской политике Ельцина сообщил государственный сек-

ретарь У. Кристофер. *«Президент Клинтон намерен сыграть активную роль в отношении России, где происходят гигантские перемены... Желательно предоставить президенту Ельцину всю поддержку, какую только можно оказать в настоящее время... По нашим оценкам, он (Ельцин) представляет собой наилучший выбор... Соединенные Штаты затратили более 1 триллиона долларов на сдерживание Советского Союза... Для нас было бы крайне глупо не израсходовать сейчас гораздо меньшие суммы в интересах американского народа (выделяемых для «помощи» Ельцину)... Если ход событий в России будет повернут вспять, американцы вновь столкнутся с необходимостью непомерных расходов на вооружения»*, — все это из выступления Кристофера. (Передача TV Эн-Би-Си «Встреча с прессой», 1 марта 1993.)

Вскоре вступил в рассуждения на тему «Америка поддержит Ельцина» и сам президент Клинтон: *«В отношении того, что мы возлагаем слишком большие надежды на Ельцина лично, то я ответил бы так: мне кажется, что нам следует поддержать Ельцина, так как, в конце концов, он был избран. Были выборы, народ за него проголосовал»* (International Herald Tribune, 15 March 1993). — Странное рассуждение — как будто за «Ельцина народ голосовал», а за парламентариев «народ не голосовал» — кем же тогда были избраны российские парламентарии? Не народом? Что поделаешь? Уж очень хотелось Клинтону «подвести» аргументы под свои откровенно подрывные действия, провокационные рассуждения и преступные действия, направленные против иностранного государства, с целью совершения в нем государственного переворота.

Не «охладил» пыл западных лидеров провал даже этой первой (20 марта) попытки Ельцина совершить путч. Оценки деятельности VIII Внеочередного Съезда народных депутатов, который в целом ограничился легкой критикой неконституционных действий Ельцина (прежде всего благодаря моей позиции), вызвал почему-то крайнее раздражение с их стороны. Они не только не прекратили оказывать «содействие Ельцину» в его намерениях уничтожить парламент, но и усилили кампанию по дискредитации парламентарной демократии в России. Так, на встрече «семерки» в

Ванкувере (4 апреля 1993 года) Клинтон обласкал Ельцина, обещал ему всяческую поддержку, в том числе и финансовую помощь в размере 2,5 млрд долл. И это, отмечали западные СМИ, происходило в условиях, когда Ельцин навязал стране референдум, добиваясь отстранения парламента из сферы политической жизни, — в результате чего его, Ельцина, «авторитет неуклонно падает в обществе».

В свою очередь, Ельцин «поделился» с Клинтоном сверхсекретной информацией (полученной им незадолго до описываемых событий). В частности, он сообщил собеседнику, что в военных лабораториях России завершается процесс разработки плазменного оружия и... предложил «сотрудничество» (чуть ли не создание СП!) в его испытаниях, например, где-нибудь на острове типа Кваджалейн (кто-то из советников-«умников», видимо, подсказал эту идею, а у Ельцина — известное «недержание»). Клинтон никак не реагировал, но информация поступила...

Некоторые европейские СМИ довольно объективно оценивали внутреннюю ситуацию в России и слабеющую в обществе поддержку Ельцина, чей конфронтационный стиль вызывал недовольство людей. Напоминая, что принцип разделения властей гарантирует демократические права и свободы, Би-би-си утверждала, что «сильный президент» — не панацея от всех бед. При этом приводится в пример Африка, где действуют *55 «президентских» республик и ни одной из них — «процветающей»*... А вот мнение немецкого аналитика: *«О массовой поддержке Ельцина не может быть и речи: москвичи не поспешат на помощь тому, кого считают виновным в своей нищете»* (Neue Zurich Zeitung, 7 April 1993). Были и авторитетные мнения со стороны ряда ученых. Так, профессор Р. Макинтайр критиковал экономическую политику Ельцина, назвав ее *«хирургическим вмешательством без анестезии»*. По его мнению, программа Ельцина — Черномырдина — Гайдара не может послужить основой *«продуктивно работающей экономики и гражданского общества. А ее продолжение в самое ближайшее время потребует авторитарного руководства»* (New York Times, 5 April 1993).

Во многом отрицательное отношение Запада как лидеров ведущих держав, так и СМИ, к Верховному Совету

определялось позицией тех общественно-политических групп, которые сформировались в условиях горбачевской демократической революции как «демократические силы». Они в недавнем прошлом испуганно разбежались, оставив на произвол судьбы СССР (предварительно основательно «расшатав» его, спровоцировав ГКЧП), не участвовали в борьбе российского парламента с кремлевским путчем, а после распада СССР оказались «выключенными» из сферы «большой политики», к комфортным условиям которой они привыкли с 1989 года, будучи депутатами союзного парламента. С плохо скрываемой завистью и раздражением они наблюдали за тем, как российский парламент, в отличие от «их», союзного, стал реальной политической силой, в полной мере реализовав конституционные полномочия в системе разделения властей. Они подчинили своему влиянию группу депутатов в российском парламенте («радикал-демократы») и взяли курс на уничтожение Верховного Совета, полагая, что они будут парламентскими лидерами в будущем новом парламенте. Поэтому все они, эти «квазидемократы», безоговорочно заняли позиции на стороне Ельцина в его борьбе с Верховным Советом. И более того, распаляя его нездоровое психическое состояние и маниакальное стремление к единовластному доминированию, поддерживали его намерение уничтожить наш парламент. При этом прекрасно знали, что никаких влиятельных «прокоммунистических сил» в российском парламенте не существует (если не иметь в виду фракцию Ивана Рыбкина), но им было в личном плане выгодно преподносить ситуацию для Запада в таком ложном свете.

Эту игру, в свою очередь, западные политические круги охотно приняли — они оказывались в весьма выигрышной ситуации в объяснении своих проельцинских позиций обществу. Вот один показательный пример, который приводит Би-би-си: *«Выступая перед журналистами после заседания политсовета «движения демократических реформ», его председатель Гавриил Попов заявил, что на предстоящем 25 апреля референдуме следует поддержать Ельцина. Попов следующим образом обосновал свою точку зрения: «Вся стратегия национал-коммунистических сил состоит в том,*

чтобы добиться импичмента президента... После чего вся система власти попадает им в руки...».

Где следует искать эти «национал-коммунистические силы», Попов, правда, не сообщил. Но в российском парламенте их не было. Если они были на Союзном уровне — то они были разгромлены именно нашим парламентом и тогда, когда Гавриил Попов пил чай в моем кабинете (в августе 1991 года), в то время как я был занят ликвидацией «национал-коммунистических сил». А если их, этих «сил», не было вообще в природе, как действующих политических сил, то каким образом они могли «организовать импичмент президенту». Вот так — ложью и коварством — эти провокаторы, якобы демократы, вводили в заблуждение мировое политическое сообщество, не говоря уже об общественном мнении.

В июле Ельцин был приглашен на очередную ежегодную встречу «семерки» в Токио, где снова был обласкан Клинтоном, который поздравил Ельцина с «победой на референдуме 25 апреля». Видимо, Клинтону не объяснили, что Ельцин не победил, а проиграл, поскольку не набрал той численности сторонников, которая позволила бы ему считать себя победителем. Таким было окончательное решение Конституционного суда, однако пропаганда пыталась представить Ельцина «победителем». Почему Клинтон стал жертвой этой пропаганды, непонятно. «Большая семерка» приняла специальную экономическую декларацию, в которой расхвалила реформы в России. Было решено выделить для целей «поддержки приватизации в России» 3 млрд долл., а в Москве создать «группу поддержки Ельцина». «Гардиан» писала в этой связи: *«Соглашение о финансировании процесса приватизации в России свидетельствует о сильной поддержке западными странами президента Ельцина...»* (Guardian, 8 July 1993). Еще два обстоятельства, на мой взгляд, сильнейшим образом укрепили крайние реакционные силы в их намерении уничтожить парламент.

Первое обстоятельство. Это решение парламента поручить Контрольно-бюджетному комитету провести комплексное изучение вопроса расходования огромных по объему финансовых средств, поступающих в Россию по разным

каналам в целях «содействия реформам» — по международной линии (МВФ, Всемирный банк и др.), а также по двусторонним и многосторонним соглашениям. Это наше решение смертельно напугало не только президентско-правительственную правящую бюрократию, но и определенные международные группы, имеющие отношение к их распределению, а также иностранных «экспертов» при российском правительстве.

Второе обстоятельство. Оно связано с прибытием в Москву нового посла США (на смену Роберту Страусу, с которым я попрощался со всей учтивостью), господина Пикеринга. Этот человек был маниакально враждебен Верховному Совету и вскоре превратил американское посольство в штаб заговорщиков по свержению Конституции и парламентарной демократии в России.

Таким образом, *заговор с целью свержения конституционного строя и установления диктатуры марионеточного правителя в России приобрел международный размах, в котором участвовали руководители США (Клинтон), Германии (Коль), Англии (Мэйджор), Франции (Миттеран).*

Однако в США были и весьма проницательные аналитики, которые понимали всю ошибочность курса президента Клинтона, его чрезмерное вмешательство в «русские дела» лишь с одной целью — во чтобы то ни стало поддержать Ельцина, независимо от насильственных, явно незаконных его действий в отношении парламента. Одним из таких был профессор Стив Коэн, который выступал с серьезными аналитическими статьями в американской прессе, предостерегая от чрезмерного вмешательства во внутренние дела России, тем более на стороне Кремля.

Никсон

Как мне кажется, весьма скверную роль в российской политике Клинтона сыграл экс-президент Ричард Никсон. В период его пребывания в Москве в феврале 1993 года МИД России попросил меня принять его. Я вспомнил крайне отрицательную роль Никсона в эскалации напряженности между Кубой и США еще в самый первый, начальный период

кубинской революции. Тогда Никсон, после своей встречи с Фиделем Кастро, дал президенту Д. Кеннеди искаженную информацию относительно взглядов лидера кубинской революции, что повлияло на решение Кеннеди санкционировать операцию вторжения в заливе Кочинос. Я, к тому же чрезмерно занятый делами, не очень охотно согласился на эту встречу. К тому же просил настойчиво и посол Роберт Страус. С ним у меня установились неплохие отношения. Он часто бывал у меня, передавал какие-то законопроекты, исторические материалы, касающиеся взаимоотношений законодательной и исполнительной власти США, был приятным в общении человеком.

Я, насколько помню, в разговоре с ним еще пошутил: «Никсон после Уотергейта, возможно, вообще относится отрицательно к парламентам — не навредит ли он мне, вернувшись в США?»

Посол рассмеялся, сказал: «Вам трудно навредить, Руслан Имранович, даже если такое желание возникнет. — Нет, конечно, он не за этим просится на встречу с вами. Никсон интересуется русскими делами много десятилетий. Пишет книгу. Этот очень опытный политик возглавляет Фонд за демократию и развитие».

16 февраля я встретился с экс-президентом Никсоном, прибывшим в сопровождении профессора Д. Саймса, которого Никсон отрекомендовал в качестве своего давнего друга. Мы разговаривали около полутора часов. Вопреки моим ожиданиям, собеседник оказался приятным в разговоре, умным человеком. Он спрашивал меня о законодательной деятельности Верховного Совета, я разъяснял; затем перешел к вопросу о разногласиях между Законодателем и президентом. Слышать это было не очень приятно, я ответил в том смысле, что, насколько я знаю из истории, конгресс всегда находился и ныне находится в острых противоречия с президентской администрацией — и все это воспринимается как вполне нормальное состояние. Но почему-то наши рабочие противоречия между исполнительной и законодательной властью становятся предметом не только повышенного внимания в мировой прессе. Но им придается некий идеологический подтекст — якобы Верховный Совет

стремится вернуть страну в прошлое. Это не просто лживая интерпретация ситуации, но и просто провокационная. Если я говорю, что экономическая реформа проводится некачественно — так капитализм не строится, и рассказываю, как возник капитализм в Западной Европе на протяжении последних 500 лет, — означает ли это, что я стремлюсь в прошлое? Никсон поспешил отмежеваться от такого рода мнений и спросил, сколько законопроектов мы принимаем по инициативе президентско-правительственной стороны и сколько — по инициативе парламента. Услышав мой ответ, что из 700 парламентских актов, принятых после событий августа 1991 года, направленных на изменение общественно-политического и экономического строя, президентско-правительственных законопроектов из них — менее 20%, удивился нескрываемо.

Постепенно Никсон стал рассказывать некоторые аспекты взаимоотношений Белого дома с конгрессом. Попутно затрагивал тему противоречий между высшей исполнительной и законодательной властью и просил моих комментариев. Я, как всегда в таких случаях, кратко разъяснил, не делая ударения на конкретных действиях Кремля и выводя за пределы критики Ельцина. Никсон задавал уточняющие вопросы, был очень внимателен, что отличало его от Рональда Рейгана. (Я заметил, что Рейган может слушать собеседника неотрывно не более 1—2 минут.) В конце беседы он сказал следующее (цитирую по стенограмме): «*В последнее время много дискуссий вокруг разногласий между исполнительной и законодательной властью. Я не считаю, что это плохо. Я думаю, что вы согласитесь со мной в том, что целью как законодательной, так и исполнительной власти должна быть разработка таких программ, которые способствовали бы прогрессу в развитии экономики, и в развитии политических систем. Конфликт между двумя ветвями власти не должен заводить в тупик. Я с удовлетворением отмечаю, что в последние дни вы начали преодолевать те проблемы, которые у вас образовались с вашим президентом, в поисках взаимоприемлемого решения. Я не призываю вас к тому, чтобы все члены Парламента обязательно соглашались с тем, какую позицию занимает исполнительная власть. Одной из силь-*

ных сторон в демократическом направлении является существование различных точек зрения и различных мнений, и лучшее побеждает. Некоторые ваши критики, господин спикер, попадают мимо цели. Я имею в виду критиков не здесь, в России, а в западных средствах массовой информации. Некоторые говорят, что если вы не на 100% поддерживаете Президента, то вы являетесь противником реформ. Насколько я понимаю, это неправда. Вы поддерживаете политические реформы, реформы экономические, но вы не согласны с тем, какими средствами это достигается... Споры по поводу того, как и какими темпами должны осуществляться реформы, если эти споры не заходят слишком далеко, они являются конструктивными, полезными и здоровыми... Я хотел бы, господин спикер, чтобы вы знали, что я уважаю вашу лидерскую роль. Я, как и мои коллеги, отдаем дань уважения президенту Ельцину. Единственная надежда у всех на то, что вы два сильных политических лидера, найдете способ работать совместно... Если говорить обобщенно, то я уже давно был сторонником, и убежденным сторонником самой обширной и самой действенной помощи реформам в России. Я считаю, что важнейшей проблемой американской внешней политики является обеспечение успеха экономических и политических реформ в России. Поэтому я просил этой встречи с вами... Меня знают как антикоммуниста, но я всегда был пророссийским политиком. У меня были хорошие отношения с Хрущевым, Брежневым, Микояном, Косыгиным, Громыко. С самого начала я поддержал ваши реформы. Я с самого начала выступал за то, чтобы Соединенные Штаты оказывали экономическое содействие, которое я считаю недостаточным. Сейчас я считаю, что самым полезным был бы следующий сценарий. Вы, господин спикер, известны как очень сильная личность, с устойчивым, независимым мнением. Ельцин славится тем же. И на Западе складывается впечатление о том, что это безысходный тупик, поскольку две сильные личности столкнулись лбами. Я не пытаюсь здесь вам давать советы. Может быть, после встречи в верхах объявить перемирие с тем, чтобы люди смогли посмотреть на вас обоих и убедиться в том, что два самых сильных политика России — оба за

прогрессивные реформы и разногласия сводятся всего лишь к средствам осуществления этих реформ...»

Это был сильный спич Никсона, уже после, размышляя, мне показалось, что Никсон в эти минуты был необычайно искренним, вряд ли он планировал такую искренность и чувственные советы, исходящие из честного отношения к российским политикам, пусть даже это длилось несколько минут. Прощаясь, уже вне протокола, при прощальном рукопожатии, сказал: «*Вы, господин спикер, молодой, талантливый государственный деятель, хорошо знающий Запад. Ельцину сложнее, он все еще в плену партийной системы, в которой служил. Вы оба могли бы дополнять друг друга. Ваш интеллект, знания — и его напористость. Я хотел бы вашего примирения*»... Хорошее впечатление оставил и профессор Д. Саймс, он, в частности, рассказал о своем пребывании в Латвии, положении русскоязычного населения...

В общем, беседа с Никсоном была, несомненно, полезной для меня, она еще раз заставляла размышлять о том, что следовало бы сделать для сближения с Ельциным. Многие люди, в том числе на Западе, исходили из того положения, что, как это подчеркнул и Никсон, — я также являюсь виновником обострения конфликта между Кремлем и Белым домом, им трудно было вдаваться в сущность этого конфликта, они предпочитали внешние его проявления (слова, фразы, какие-то второстепенные действия и т.д.)

Тем неприятнее было узнать, что, вернувшись в Вашингтон, Никсон рекомендует Клинтону поддержать Ельцина в его попытке устранить российский «реакционный парламент» — и помочь ему в его политике реформ... (International Herald Tribune, 20 February, 1993.) Он развернул «бурную деятельность» по мобилизации в Вашингтоне проельцинских сил... Никсон снова прибыл в Москву в 1994 году, вскоре после моего выхода из тюрьмы Лефортово, и снова захотел встретиться со мной — я отказался от этой встречи. Посол Коллинз не настаивал...

Широкий международный заговор, направленный на уничтожение молодой российский демократии, служил мощным прикрытием для действий по государственному перевороту. Но он не ограничился всего лишь «внешним

прикрытием». Посол Пикеринг конкретно занимался вопросами успешной реализации кремлевского заговора, координируя звенья внутренней и внешней деятельности будущих мятежников.

«Фактор Дудаева»: шакал в волчьей шкуре

Никакие усилия ельцинистов и прочих международных покровителей не могли быть успешными, если бы Кремлю не удалось мобилизовать в качестве своего сателлита генерала-путчиста Дудаева в Чечне, на моей Родине. Нет сомнений в том, что Дудаев был «командирован» Главным разведывательным управлением (ГРУ) Генштаба в Грозный, как стратегический резидент для выполнения «грязной работы». У меня мало желания писать что-либо об этом человеке — за него говорят его дела, сравнимые с точки зрения страшных результатов для чеченского народа лишь с последствиями сталинской депортации 1944—1956 годов. Скажу лишь одно — **если бы этот Дудаев так решительно не ввязался в федеральные отношения — в борьбу с российским парламентом на стороне ельцинистов, последние, опасаясь реакции не только народа Чечено-Ингушетии, но и других северокавказских республик, никогда не решились бы на изуверскую расправу со мной и возглавляемым мной Верховным Советом России.**

Конечно, Дудаев — этот пройдоха, большой хитрец, в политике ничего не смыслил. И ни его природный цинизм, ни изворотливость не уберегли его от элементарного использования в своих целях более изощренными московскими политиканами в их борьбе с парламентом и его председателем. «Дудаевская Чечня» стала козырной картой и удобным политическим полигоном для подрыва мощных позиций спикера, которого даже в самых хитроумных политических играх Кремля становилось невозможным переигрывать», — так оценивали объективные аналитики роль Дудаева в противостоянии «Кремль — Верховный Совет».

Но дело в том, что положение самого Дудаева к началу 1993 года ослабело предельно в республике, он едва удер-

живался в своем падающем «президентском» кресле. Недовольство народа приняло всеобщий масштаб, республика непрерывно митинговала, требуя отставки «чокнутого» генерала. Ему, как воздух, нужна была поддержка со стороны Центра. И она ему предоставлялась правительством Ельцина — Гайдара — Бурбулиса, причем непрерывно и прежде всего крупными финансовыми траншами. При этом игнорировалось **Специальное Постановление Верховного Совета, запрещающее финансирование деятельности дудаевских властей, впредь до полного упорядочения обстановки в Республике в соответствии с Законом и Конституцией.** (Напомню, «президентские выборы в Чечне» были признаны незаконными V Съездом народных депутатов России еще в ноябре 1991 года).

25 апреля 1993 года на своем заседании чеченский парламент назначает на 5 июня 1993 года референдум «о доверии президенту и парламенту». В селах, городах, аулах, в станицах люди были твердо намерены выкинуть зарвавшегося диктатора-проходимца. В Грозном ситуация была напряженная — здесь уже два месяца продолжался бессрочный митинг, участники которого добивались отставки правителя. На сторону оппозиции переходит мэр Грозного бывший сподвижник Дудаева Б. Гантемиров. Муниципальная полиция, подчиняющаяся Гантемирову, взяла под охрану республиканскую избирательную комиссию с бюллетенями по референдуму. Стало ясно что, если состоится референдум и будут подсчитаны голоса, Дудаева ждет позорное изгнание.

Теряющие почву под ногами дудаевцы стремятся не допустить такого разворота событий: ***4 июня, за день до референдума, они выводят танки и гаубицы и прямой наводкой расстреливают здание городского собрания, где располагалась упомянутая выше избирательная комиссии с бюллетенями.*** Полиция принимает бои и гибнет *(погибли около 50 человек)*. Митинг рассеян, Дудаев «победил», но это уже откровенный диктатор-путчист, его и без того сомнительная легитимность рассеивается как мираж в пустыне.

Интересно и то, что накануне этих событий правитель публично заявил, что ему на помощь придут два российских

полка ВДВ, находящиеся на территории Северной Осетии и Ингушетии, введенные туда в соответствии с ЧП, объявленном после ингушско-осетинского конфликта 1992 года. — Блефовал он или говорил правду?

Собственно, режим был уже тогда на грани поражения и, как утверждают очевидцы, причина провала оппозиции таилась в нерешительности тех самых ее лидеров, возглавивших позже, с лета 1994 года, «временный совет» в Знаменском и его «правительство» — при поддержке Москвы. А затем узурпировавшие власть в Грозном, куда они въехали на броне российских оккупационных сил. Но тогда, летом 1993 года, десятки тысяч людей вышли на улицы по призыву оппозиции, требуя отставки Дудаева, а ее лидеры выясняли отношения между собой, распространяли слухи, что вот-вот должен «прибыть из Москвы Хасбулатов, он решит все», и тем самым дали возможность режиму организовать «параллельный митинг», затем — подкупить танкистов и артиллеристов, собрать какие-то вооруженные отряды, которые и расправились с ними. Одновременно московские покровители оказали существенную помощь Дудаеву, обеспечив ему «победу» над народом.

Писатель Мустафа Эдельбиев вспоминает: *«Когда я зашел к Дудаеву, он стоя разговаривал по телефону. Говоривший на другом конце телефона выражался громко, «крепко». Кое-что я слышал из этого разговора.* Муса Арсанукаев, начальник охраны, шепотом мне сказал: «Москва!» — Эдельбиев продолжает: *«Я слышал: »Не вздумай проиграть! Разгони силой! Зачем мы оставили тебе танки и артиллерию! У тебя, что, денег мало? Проиграешь — пеняй на себя!..»*

Дудаев: «Не могли бы вы выдвинуть со стороны Ингушетии два полка ВДВ. Я могу проиграть, мне может понадобиться ваша помощь».

«Может быть, мы так и сделаем. Но выбрось из головы мысль, что можешь проиграть. Расстреляй эту сволочь!..» Повеселевший, Дудаев положил трубку...» События же в Грозном развивались следующим образом. Как я упоминал, на защиту манифестантов выступила полиция, в мэрии находились избирательные бюллетени, подготовленные для проведения республиканского референдума. Митинг про-

должался круглосуточно. В одну из ночей среди митингующих внезапно появились Дудаев и Гамсахурдиа (бежавший из Грузии). Охрана митинга их задержала. Но мирные митингующие вовсе не жаждали расправы, и когда Дудаев дал слово немедленно уйти в отставку, его отпустили. Он бегом бросился к своей машине, оставленной за углом, и уехал. Рано утром город разбудили артиллерийские залпы — стреляли по городской мэрии танки, длинноствольные орудия (гаубицы), пулеметы БТРов. Митингующие были рассеяны, а 50 молодых ребят из муниципальной полиции — убиты, раненых добивали.

Расстрел грозненского муниципалитета 4 июня являл собой уникальный случай. Казалось, и президент, и правительство, и самое главное — московская «демократическая» пресса, должны были возмутиться, осудить расстрел людей и исполнявших свой долг полицию, найти нужные слова, выразить соболезнование родным и близким убитых, а прокуратура — возбудить уголовное дело. Нет, не было этого. И в Кремле, и на Старой площади все отмалчивались, и даже выражали удовлетворение тем, как Дудаев «решил кризис». Только на сессии Верховного Совета мы осудили эту кровавую расправу Дудаева, выразили соболезнование близким и родным погибших и приняли специальное постановление с осуждением дудаевщины.

Ясно почему высшая исполнительная власть сделала вид, что в Грозном «ничего не произошло» — Дудаев был нужен Кремлю, да и «изучить» надо было этот «опыт». (Он еще пригодится. И скоро.) И этот опыт расстрела городского парламента с применением танков в условиях крупного города был блистательно (спустя три месяца) использован Кремлем.

Дудаев в беседе с корреспондентом ИТАР-ТАСС 3 мая 1993 года сказал следующее, явно подыгрывая Кремлю: *«Исполнительные власти Чечни и России готовы к сотрудничеству. Это уже осознали обе стороны (чего не скажешь о наших законодательных органах власти). Исполнительная власть в Чеченской Республике, как, впрочем, и в России, оказалась в очень тяжелом положении — особенно в России, где Верховный Совет, по сути дела, узурпировал власть. Испол-*

нительная власть полностью потеряла рычаги управления. За последнее время трижды менялся статус Российского государства, а Верховный Совет России сидит на месте и отражает интересы старой структуры. Нынешний Верховный Совет России напоминает непотопляемый авианосец. А ведь так двигаться вперед невозможно. Убежден, в переходный период, как никогда, должна быть сильная, твердая, гарантированная исполнительная власть. Без этого невозможно сделать даже один шаг вперед. Можно только тонуть».

Видите, какой «союзник» нашелся у Кремля? Говорит, словно Козырев или Гайдар с Полтораниным и Бурбулисом в придачу. Дудаев, видимо, внимательно читал «изречения» этих деятелей — творцов ельцинской политики.

Ниже привожу тексты писем и телеграмм грозненского правителя кремлевскому правителю — они скорее напоминают донесения холуйствующего слуги своему хозяину.

Первое письмо.

Борису Николаевичу Ельцину
Президенту Российской Федерации

УВАЖАЕМЫЙ ГОСПОДИН ПРЕЗИДЕНТ!

Выражаю свое высокое почтение, желаю здоровья и благополучия вам и Вашей семье, мира и процветания Российскому народу.

Обращаюсь к Вам от имени всего чеченского народа по вопросу, имеющему судьбоносное значение для взаимоотношений между нашими государствами.

Народ Чеченской Республики, сознательно вставший на путь суверенитета, создающий свое государство, строит взаимоотношения со всеми народами и государствами на основе норм и принципов международного права.

Приоритетным направлением внешнеполитической деятельности Чеченской Республики является урегулирование взаимоотношений с Российской Федерацией. В своей деятельности мы исходим из того, что граждане наших государств не должны страдать из-за политических разногласий между нами и мы открыты для диалога и разумных компромиссов.

Достижение самых высоких политических целей и идеалов бессмысленно, если его результатом является нарушение прав и свобод граждан. Мы и сегодня убеждены в том, что возможны цивилизованные отношения между нашими государствами, при созда-

нии соответствующих политических и экономических условий. Это продиктовано тем, что наши народы связывают глубокие исторические, экономические и культурные связи.

В целях урегулирования отношений между нашими государствами и их дальнейшего развития, обращаюсь к Вам с предложением обсудить вопрос о признании Российской Федерацией суверенной Чеченской Республики. Разрешение данного вопроса сняло бы все препятствия на пути преодоления многих проблем во взаимоотношениях наших государств. Российская Федерация приобретет в лице Чеченской Республики надежного партнера и гаранта политической стабильности на всем Кавказе.

Уверены, что Вы, как Президент Великой державы, проявите присущую Вам политическую мудрость и сделаете все возможное для решения вопроса о признании Российской Федерацией Чеченской Республики.

Наша совесть будет чиста и перед историей, и перед будущими поколениями, если мы сумеем наладить отношения между нашими народами, обеспечим равноправное и взаимовыгодное сотрудничество между нашими государствами.

С Уважением,
Президент Чеченской Республики Джохар Дудаев

Город Грозный
30 марта 1993 года № 06-353

Второе письмо.

CHECHEN REPUBLIC
PRESIDENT

УВАЖАЕМЫЙ БОРИС НИКОЛАЕВИЧ!

Отдавая дань глубокого уважения к Вам за мужество, проявленное как в период трагических событий в Балтийских Республиках, так и в период ГКЧП, считаю своим долгом, по мере моих возможностей, способствовать избранному Вами курсу демократических преобразований и реформ в России.

Предстоящий референдум 25 апреля 1993 г., на мой взгляд, хотя и является важным политическим событием в России, его результаты могут дать лишь отрицательный эффект, даже если при самом голосовании за доверие Президенту выскажется абсолютное большинство.

Обладая обширной и, поверьте, весьма достоверной информацией о той работе, которую проводят противники жизнеспособной исполнительной власти в России, а также тех исторических реформ, за которые вы самоотверженно боретесь, хотел бы предостеречь Вас от возможности дальнейшего нарастания противостояния в Российской Федерации, могущего привести к непредсказуемым и непоправимым последствиям.

Хочу предложить Вашему вниманию для серьезного анализа прогностические результаты референдума и постреферендумную стратегию действий.

Предположим, что в результате референдума Президент РФ получит полное доверие народа. Означает ли это, что Верховный Совет РФ и Съезд самораспустятся? Конечно же, нет.

А если Президент РФ подпишет Указ о роспуске ВС РФ и Съезда, то эти органы представительной власти включатся в яростную борьбу. И для этого уже запущены некоторые механизмы прежде всего отказ от участия в референдуме целых регионов, особенно в республиках, входящих в состав России; прибавьте к этому голоса сторонников Верховного Совета и Съезда; далее, преимущественное положение многочисленного депутатского корпуса для проведения агитационно-пропагандистской кампании; плюс к этому единство и солидарность Верховных Советов всех уровней.

А если же, вследствие такой контрработы, Президент РФ не получит необходимого для доверия количества голосов? Означает ли это, что из-под него «уходит правовой базис» и он вынужден сдать позиции. На мой взгляд, это будет неразумно и вот почему. Борьба между двумя ветвями власти может активизировать третьи силы, особенно казачество, которое получило от Президента привилегированные полномочия. Затем, и это произойдет при любых результатах референдума, против Президента РФ будут направлены обвинения в развале Российской Федерации — России, если хоть одна область или Республика отклонят (не примут) участия в референдуме или же казачество выступит как самостоятельная сила.

Поэтому если выбирать из двух зол, то наименьшим мне видится в роспуске Верховного Совета и назначении выборов Парламента с одновременным проведением референдума по принятию новой Конституции в сентябре 1993 г. Голосуя за новую Конституцию, в которой четко разграниченные функции и основополагающие принципы могут меняться только всенародным референдумом,

вновь избранный Парламент будет вынужден строго следовать новой Конституции РФ.

Разработку Конституции может проводить Конституционный суд с участием представителей от республик, входящих в состав Российской Федерации. Период времени до очередных Парламентских выборов и Референдума по принятию новой Конституции можно эффективно использовать со всей полнотой Вашей власти для проведения экономических реформ, что найдет понимание и поддержку у Запада. Возвращаясь к референдуму 25 апреля 1993 г., влечет ли он юридико-правовые последствия и необходимость готового решения? Есть право у Президента РФ распустить Верховный Совет РФ и Съезд? Безусловно, да!

Во-первых, такое право дает Президенту РФ нелегитимность по многим признакам существующих органов представительной власти, а также дважды сменившийся статус государства.

Во-вторых, в юриспруденции допускается оправдание менее тяжкого преступления, не влекущего юридических последствий, если оно содеяно в целях предотвращения более тяжкого преступления.

Правда, как водится в войсках, уже коли решение принято и если даже оно неверное, то разумнее и целесообразнее доводить его до конца, чем останавливаться на полпути и принимать новое... А если это так, то для пользы дела Президентская команда должна провести соответствующую работу и исключить:

— отклонение от участия в референдуме ряда областей, краев и республик Российской Федерации;

— выступление казачества и иных третьих сил, как самостоятельных;

— принятие новой Конституции Верховным Советом или Съездом.

При этом следует размежевать интересы Верховного Совета и Съезда РФ из одной упряжки. Например, распуская вначале только Верховный Совет, оставить полномочия Съезда на период обсуждения в первом чтении проекта новой Конституции и Положения о Парламентской деятельности, но право созыва Съезда оставить за Президентом РФ, а ведения Съезда — за Вице-Президентом.

Возможны, конечно, и другие варианты, но очень актуально определиться с юридическими последствиями результатов референдума, как только прояснится прогностическая картина накануне референдума.

Являясь сторонником социально-экономических преобразований, проводимых в России, хочу заверить Вас в полной поддержке со своей стороны.

Искренне желаю Вам удачи, а России — процветания.
Президент Чеченской Республики Джохар Дудаев

Письмо третье.

CHECHEN REPUBLIC
PRESIDENT

Президенту Российской Федерации
Г-ну Б. Ельцину

УВАЖАЕМЫЙ ГОСПОДИН ПРЕЗИДЕНТ!

Разрешите прежде всего засвидетельствовать Вам свое глубокое почтение, пожелать успехов в демократических преобразованиях и реформах, направленных на повышение благосостояния народов Российской Федерации, улучшение взаимоотношений с сопредельными государствами.

Имею честь обратиться к Вам, господин Президент, по следующему вопросу.

Вероятно, Вам известно об обращении к первому вице-премьеру России С. Шахраю министра иностранных дел Чеченской Республики Ю. Юсефа от 21 апреля 1993 года. В послании содержалось, в частности, предостережение от принятия Россией шагов, могущих оказать негативное воздействие на происходящие в Чечне события. Ибо дестабилизация ситуации в Чеченской Республике неминуемо перекинется на южные регионы России.

Следует признать, что правительство России занимает в этом вопросе взвешенную и осторожную позицию, чего нельзя сказать о Верховном Совете РФ. Дело в том, что депутаты бывшей РСФСР от бывшей ЧИАССР, отозванные постановлением Парламента ЧР еще в декабре 1991 года, продолжают свою провокационную террористическую деятельность, находясь в ВС РФ, якобы представляя интересы суверенной Чеченской Республики. Среди них Алироев И. И., Завгаев Д. Г., Ахметханов Р. М., Нунуев С.-Х. М., Аслаханов А. А., Арсанов А. Б., Иванов А. П.

Эти «депутаты» развернули в Чеченской Республике кипучую антинародную и антигосударственную деятельность при активной помощи помощников Председателя ВС РФ Батукаева А. и Дахшу-

каева. При щедром финансировании Центральным банком России они с помощью свергнутой, но тайно действующей партхозноменклатуры КПСС, объявленной вне закона, организуют в Чечне политические провокации и откровенные диверсии. Нити заговора против ЧР опять-таки ведут в Москву.

В этой связи руководство Чеченской Республики еще раз заявляет о своей приверженности наметившемуся процессу оздоровления российско-чеченских отношений и заявляет решительный протест по поводу вмешательства реакционных сил России во внутренние дела нашего государства. Мы настаиваем на привлечении к законной ответственности названных лиц, окопавшихся в Верховном Совете Российской Федерации и ведущих гнусную, предательскую работу против собственного народа, а также прекращения деятельности их закулисных вдохновителей и организаторов.

Позвольте, господин Президент, еще раз выразить уверения в своем глубоком к Вам уважении.

Президент Чеченской Республики Д. Дудаев
г. Грозный
10 мая 1993 года

26 сентября 1993 года, в период осады Парламентского дворца боевиками путчистов, Дудаев отправляет Ельцину еще одну «бумагу» со следующим содержанием.

Четвертое письмо

Его Превосходительству
Президенту Российской Федерации
Господину Ельцину Борису Николаевичу

УВАЖАЕМЫЙ ГОСПОДИН ПРЕЗИДЕНТ!

Разрешите засвидетельствовать Вам, уважаемый Президент, и всему российскому народу свое искреннее уважение и обратиться по следующему вопросу.

В настоящее время народы мира переживают эпоху глобальных социальных потрясений и преобразований, положительный исход которых во многом зависит от принятия цивилизованных, основанных на международном праве и волеизъявлении народа, решений главами и правительствами ведущих государств мира и международными организациями.

Стержнем этих преобразований, по нашему глубокому убеждению, являются события, происходящие сегодня в Российской Федерации. Своевременно и правильно принятые Вами и Правительством России решения, намечаемые реформы по стабилизации обстановки и наведению порядка в России, на наш взгляд, должны положить конец бессмысленному противостоянию двух ветвей власти и неразберихи, вывести взаимоотношения России с другими государствами и народами в нормальное, цивилизованное русло.

Народ и правительство Чеченской Республики не только одобряют и поддерживают принятые Вами и Правительством России прогрессивные изменения, но и готовы оказать в любую минуту действенную помощь в этих начинаниях.

Выражаем надежду, что благодаря этим решениям и реформам установятся истинно демократические межгосударственные отношения.

С искренним уважением
Президент Чеченской Республики Д. Дудаев
г. Грозный, 26 сентября 1993 года

На народ Чеченской Республики Дудаев, конечно, ссылался напрасно. Весь народ был на моей стороне и когда меня уводили в тюрьму — это показывали по телевидению — народ плакал и проклинал тех, кто пошел на это преступление. Но письмо жалкого диктатора районного масштаба любопытно и тем, что даже терминологически близко по духу путчистам и их покровителям, борющимся с Парламентом, не говоря уже об «аргументах» в защиту действий кремлевского хозяина. В свете этого письма не покажутся вымышленными слухи в осажденном Парламентском дворце, а также позже, слышанные мною, что по приказу Дудаева силам, поддержавшим кремлевский путч и призвавшим своих сторонников к расправе над защитниками Конституции, были переданы деньги в сумме 3 миллиарда рублей, использованные ими для «мобилизации» своих сторонников.

Возможно, эти деньги были также направлены на поддержку того самого сброда помпенизированных бандитских шаек, которые с металлическими проводами, цепями и прочими «средствами» избивали москвичей, — события, многократно описанные прессой спустя много времени после

происшедшей трагедии... А после небывало жестокой расправы ельцинистов с парламентом Дудаев шлет в Кремль еще одну верноподданническую телеграмму.

Его Превосходительству Президенту
Российской Федерации
Господину Ельцину Борису Николаевичу

УВАЖАЕМЫЙ ГОСПОДИН ПРЕЗИДЕНТ,

Правительство Чеченской Республики одобряет Ваши действия по подавлению коммунистическо-фашистского мятежа в Москве, имевшего своей целью захватить власть в России и потопить в крови демократию, возродить в стране исторически изжившую себя систему. Реакции, пытавшейся взять реванш, нанесен серьезный удар, однако не исключены возможности новых вылазок. Поэтому желаем Вам и Вашим сторонникам решительности и стойкости в закреплении достигнутого успеха, последовательности в осуществлении курса демократических реформ.

Ранее правительство Чеченской Республики доводило до сведения Вашей администрации о полной солидарности с курсом президента России по демократизации страны и готовности оказать Вам в этом тяжелейшем деле всемерную, всестороннюю поддержку. В этот суровый час, когда решается судьба России, мы еще раз хотим заверить Вас, что мы верны слову и готовы помочь в любой момент всеми средствами, которыми располагаем.

Примите, Господин Президент, уверения в моем высоком уважении.

Президент Чеченской Республики Джохар Дудаев
7 октября 1993 года № 06-353
город Грозный

Как они близки, однотипны, Ельцин и Дудаев, два авантюриста от политики — методами решения политических проблем — танки, бронетранспортеры, спецназ, расстрелы людей. Очевидна и их духовная, внутренняя близость — дудаевцев и ельцинистов: одинаково циничное отношение к человеческой жизни, морали, нравственности, презрение к демократии, народу, животная страсть к власти и наживе, и... ложь... и — насилие...

В первом письме — реверансы российскому президенту, заверения в том, что в развернувшейся по инициативе Кремля борьбе с Верховным Советом симпатии мятежного экс-генерала на стороне российского президента, и сигнал Кремлю, что Хасбулатову нечего рассчитывать на помощь из его республики. Крайне любопытно второе письмо, в котором Дудаев советует Ельцину совершить государственный переворот, причем с главной целью *избавиться от своего земляка, Хасбулатова,* поскольку предлагается «сохранить» Съезд народных депутатов России, но председательствовать на этом съезде, по мнению Дудаева, должен *вице-президент Руцкой.* Руцкому чеченский президент готов «простить» даже введение на территории Чечни ЧП, лишь бы был отстранен Хасбулатов — в этом, конечно же, сказывается традиционный для многих *(если не для большинства)* националов комплекс неполноценности — ненависть к более сильному земляку, глухая зависть. Следующее письмо написано скорее для поддержания «темпа постоянной связи» через односторонние послания — уже после того, как стало ясно, что референдум ничего Кремлю не дал, и поэтому генерал воздерживается от обычных своих советов, что делать российскому президенту дальше. Поэтому он не осмеливается называть имя Председателя Верховного Совета, но зато ссылается на третьестепенных депутатов в российском парламенте, которые якобы чуть ли не готовят «переворот» в Грозном в пользу «коммунистов».

Но зато какая радость в последнем письме-телеграмме, направленном сразу же после того (*7 октября 1993 года),* как расстреляли парламентский дворец, а меня бросили в Лефортово. *«Правительство Чеченской Республики одобряет ваши действия по подавлению коммунистическо-фашистского мятежа в Москве»,* — пишет этот бывший парторг авиационного полка, получивший звание генерала в силу добросовестного служения, *«беспредельно преданного делу коммунизма... образцовое выполнение заданий командования в Афганистане...»* — так гласила его характеристика в личном деле.

Люди же в республике мыслили иначе — тысячами они собирались в Грозном, других городах и селах на митинги,

требовали суда над кремлевскими путчистами и освобождения их земляка — и это в то время, как Дудаев дал строжайший приказ не допустить никаких митингов в защиту Хасбулатова, против ельцинских преступных властей!.. А его прихвостни устраивали праздничные застолья с пляской и стрельбой, отмечая «падение Хасбулатова».

Резюме.

Можно определенно отметить следующее: Ельцин и его сторонники никогда не решились бы атаковать Верховный Совет, если бы власти Чеченской Республики не заняли бы откровенную позицию поддержки кремлевских действий по уничтожению парламентарного строя. Дудаев «прикрыл» Кремль от возмущения и активных действий населения всего Северного Кавказа.

Глава 2

ЗАГОВОР И МЯТЕЖ

Приготовления заговорщиков («ГКЧП»-2)

В Верховный Совет непрерывно приходили сведения о ширящемся кремлевском заговоре. Ельцин стал инспектировать подмосковные воинские части, предупреждать их о наступлении «решительного часа». Генеральские звезды сыпались направо и налево. Элитным частям повышали жалованье, улучшали питание. Стали проводить учения с использованием макета Белого дома. Когда, узнав об этом, группа депутатов выехала в расположение воинской части, где происходили эти «учения», их туда не пустили.

Звоню Ельцину — не соединяют, Черномырдину — не соединяют. Раз 10 пытался в тот день достучаться до этих высших должностных лиц государства — не хотят разговаривать с главой российского парламента. Позвонил министру безопасности Виктору Баранникову (он еще был «при своей должности»), потребовал объяснений по фактам; начисто отказывается их подтвердить, заверил, что никаких приготовлений к «чему-то особенному» не проводится.

Конечно же, он не стал говорить им правду — Баранников был предан своему «хозяину» — Ельцину. Уже в середине сентября, в воскресенье, часов в 11 вечера, вдруг по правительственной связи позвонил мой заместитель, Валентин Агафонов, дежуривший в 1-й приемной (Председателя Верховного Совета). Сообщил, что получил сведения о введении в Москву крупных воинских частей МВД. Попросил срочно приехать в Белый дом. Приехал. ...Оказалось:

гостиница «Москва» была объектом, на котором отрабатывали штурм Парламентского дворца войсками МВД. Так что к штурму Белого дома готовились загодя и основательно... Армии, офицерства заговорщики боялись — не случайно появился приказ об изъятии табельного оружия у офицеров, а также у курсантов военных училищ и вузов и отправке его на склады. Это делало армию более контролируемой в случае внутреннего вооруженного конфликта и оставляло парламент без поддержки симпатизирующих ему офицерских кадров.

Снятие В. Баранникова с должности министра безопасности (кстати, под явно надуманным предлогом — «недостатки» в руководстве погранвойсками) и частичное переподчинение войск Министерства безопасности (МБР) и МВД — Министерству обороны, а спецгрупп «Альфа» и «Вымпел» — Главному управлению охраны (ГУО), привело ряд аналитиков к мнению, что Ельцин «готовится к чему-то серьезному и поэтому пытается поставить МБР под свой личный контроль».

Надо отметить, что в российской печати много писалось о том, что Баранников был снят в связи с тем, что пришел к выводу (или дал себя убедить), что политика Ельцина наносит «ущерб национальным интересам России». И якобы вступил в тайный союз с Хасбулатовым. Чушь какая-то! И далее — по якобы аналогичным причинам был ранее снят с должности и «человек № 2» в МВД — генерал Дунаев. На деле же все было иначе — я бывал часто недоволен Баранниковым и публично делал замечания в адрес его «ведомства». А о какой-то «близости» Дунаева к руководству парламента и речи не могло идти. Они оба, так же как и многие другие, пали жертвой подозрительности Ельцина. И оба «побежали» в парламент с жалобами на президента, находя в некоторых депутатах «сочувствие». Это, в свою очередь, воспринималось в Кремле как нечто серьезное — видимо, там стали бояться уже собственной тени.

Подготовка к мятежу осуществлялась через разгром органов безопасности, удаление профессионального ядра из его состава, уже потерявших былой профессионализм после августа 1991 года (большинство профессиональных

чекистов были уволены, либо они сами ушли из «конторы»). Одновременно расширялась сфера действия Главного управления охраны президента (ГУО), и численность людей в этом управлении возросла до многих тысяч — офицеров. Убрав Баранникова, Ельцин специально решил не спешить с назначением нового министра, оставив Галушко «исполняющим обязанности» — любимый метод секретарей обкомов партии в прошлом: «подвесить» человека в неопределенном состоянии.

Демонстративные посещения в последние месяцы Б. Ельциным воинских частей (как раз тех, которые были непосредственно затем задействованы в расстреле парламента) укрепили меня в мысли о готовящемся государственном перевороте. Да и не только меня — многих других парламентариев, моих военных советников, независимых наблюдателей. Показательно, что проправительственная пресса их тогда высмеивала: у страха, мол, глаза велики. Даже Филатов, мой бывший зам, оскорбительно прокомментировал мои предупреждения относительно наличия заговора в Кремле против Конституции. «Известный генерал» Дмитрий Якубовский, друг генерала Кобеца, Шумейко, адвоката Макарова и прочих, сообщил, что еще «в июле был разработан план, в соответствии с которым Хасбулатов должен быть устранен с политической арены до ноября». А за несколько дней до объявления Указа № 1400 работникам силовых министерств, а заодно и президентской охране «вдруг» повысили зарплату — почти в два раза.

По словам пресс-секретаря президента Вячеслава Костикова, к 21 сентября вся «заговорщическая работа» была завершена, *«правовые аспекты проработаны, Президент посмотрел и одобрил Указ». И уже 22 сентября — на следующий день после подписания указа* — ряд московских клиник получил предписание подготовить койки и средства для приема возможных пострадавших. В тот же день МВД бросили еще одну (после повышения зарплаты) «кость» — правительство приняло постановление об «усилении патрулирования» с привлечением военнослужащих (34 тыс. человек), а также увеличении штата МВД на 45 тыс. человек и о возрождении народных дружин (чего милиция давно доби-

валась). Минфину было дано указание изыскать средства на содержание новых 45 тыс. милиционеров. Одновременно с этим был введен порядок, в соответствии с которым с будущего (1994 г.) 70 тыс. призывников будут направляться на комплектование Внутренних войск. Для патрульно-постовой службы выделяются специальные помещения, планируют строить мини-городки для работников МВД. Наконец, создаются оперативные группы по контролю над рынками, «толкучками» и вообще — местами торговли товарами народного потребления и сельскохозяйственными продуктами». А это — возможность для обогащения целого слоя полицейской бюрократии. Так закладывались элементы *тоталитаризма*, которые разрастаясь, усиливали полицейско-бюрократические начала в государстве, душили фрагменты гражданского общества, способствовали ускоренному развитию начал военно-полицейского государства.

Как и в августе 1991 года, кремлевские мятежники подготовили огромное количество войск для ввода в Москву, хотя первоначально было решено обойтись без армии, всецело полагаясь на спецчасти МВД Ерина. Армии все же Ельцин не доверял и боялся ее. Но обойтись без нее, конечно, было невозможно. 22 сентября радио «Свобода» сообщило, что Тульская дивизия ВДВ уже несколько дней находится в состоянии повышенной готовности. Не знавшие ничего о грядущем Указе № 1400, десантники думали, что их бросят в Абхазию. Военнослужащим дивизии обещали также заплатить просроченную зарплату в ближайшее время, причем в долларах. («Правда», 22 ноября 1993 г.)

В состоянии повышенной боевой готовности, задолго до подписания Указа № 1400, была и дивизия им. Дзержинского, а Таманская и Кантемировская дивизии были раньше времени переведены на зимние квартиры, что позволяло привести их в состояние боеготовности за 2 часа. («Аргументы и факты», № 44, 1993 г.)

В 16.00 21 сентября состоялось завершающее совещание лидеров заговора (Ельцин, Черномырдин, Бурбулис, Коржаков, Грачев, Ерин, Галушко, Шахрай, Барсуков, Козырев, Шумейко, Филатов). Немедленно после этого Коржаков и Барсуков стали прощупывать части с целью определения

наиболее «надежных» и беспринципных, готовых на все ради чинов и денег, не доверяя военным руководителям Минобороны. Их отбирали и продвигали к Москве (так поступили, к примеру, с Тульским учебным полком погранвойск). («Аргументы и факты», № 44, 1993 г.)

В Москву начинали стягивать ОМОН со всей России (в конце концов в Москве оказался ОМОН из 47 республик, краев и областей — кажется, только Татарстан отказался прислать своих). Журналист Г. Овчаренко, специализирующийся на криминальной тематике, с изумлением обнаружил вскоре в оцеплении Белого дома знакомых участковых, сыщиков из МУРа и даже работников ОВИРа. («Правда», 2 октября 1993 г.)

Разумеется, что, кроме Ерина и Грачева, самыми активными участниками заговора должны были быть командующий Внутренними войсками Куликов и генерал Романов — участники разработки операции «Кольцо».

Ельцинский Рубикон, или Бессилие Закона

21 сентября 1993 года в 19.55 из приемной мне принесли запечатанный конверт с шифром «Президент Российской Федерации». В конверте была «выписка» из Указа № 1400, в котором Верховный Совет России уведомлялся в том, что с 21 сентября *«прекращается деятельность Верховного Совета и Съезда народных депутатов»*, что президент *«подписал Указ о поэтапной конституционной реформе»*. Самого Указа не было. В то же время по телевидению зачитывался, как оказалось, этот самый пресловутый «Указ № 1400» и Обращение Ельцина к народу. Выслушав эту информацию, ко мне буквально ворвались Ю. Воронин, В. Агафонов, В. Сыроватко, члены Президиума Верховного Совета, депутаты, наши сотрудники, а также находившиеся здесь руководители регионов, лидеры общественно-политических движений, партий, профсоюзов (Шабанов, Тулеев, Густов, Потапов, Штыгашев, Бирюков и др.). А надо сказать, в Верховном Совете допоздна, как правило, находились са-

мые разные люди — из провинции, делегации государств, международных организаций и партий, бизнесмены и т.д. И так всегда — уже 4 года...

ОБРАЩЕНИЕ
Президента Б. Н. ЕЛЬЦИНА к гражданам РОССИИ
21 сентября 1993 г.

Уважаемые сограждане!

Я обращаюсь к вам в один из самых сложных и ответственных моментов. Накануне событий чрезвычайной важности. В последние месяцы Россия переживает глубокий кризис государственности. В бесплодную и бессмысленную борьбу на уничтожение втянуты буквально все государственные институты и политические деятели.

Прямое следствие этого — снижение авторитета государственной власти в целом. Уверен, все граждане России убедились: в таких условиях нельзя не только вести труднейшие реформы, но и поддерживать элементарный порядок.

Нужно сказать прямо: если не положить конец политическому противоборству в российской власти, если не восстановить нормальный ритм ее работы, — не удержать контроль за ситуацией, не сохранить наше государство, не сохранить мир в России.

В мой адрес потоком идут требования со всех концов нашей страны — остановить опасное развитие событий, прекратить издевательства над народовластием. Уже более года предпринимаются попытки найти компромисс с депутатским корпусом, с Верховным Советом. Россияне хорошо знают, сколько шагов навстречу делалось с моей стороны на последних съездах и между ними. Но даже если о чем-то удавалось договориться, через короткое время следовал категоричный отказ выполнять взятые на себя обязательства.

Мы с вами надеялись, что перелом наступит после апрельского референдума, на котором граждане России поддержали Президента и проводимый им курс. Увы, этого не произошло.

Последние дни окончательно разрушили надежды на восстановление какого-либо конструктивного сотрудничества. Большинство Верховного Совета идет на прямое попрание воли российского народа. Проводится курс на ослабление и в конечном счете устранение Президента, дезорганизацию работы нынешнего правительства. Развернута мощная пропагандистская кампания по тотальной дискредитации всей исполнительной власти в России.

До сих пор не отменены решения, которые противоречат результатам референдума. И сегодня можно уверенно сказать — не будут отменены. Наоборот, за последние месяцы подготовлены и приняты десятки новых антинародных решений. Многие из них целенаправленно спланированы на ухудшение ситуации в России. Наиболее вопиющей является так называемая «экономическая политика» Верховного Совета. Его решения по бюджету, приватизации, многие другие усугубляют кризис, наносят огромный вред стране.

Все усилия правительства хоть как-то облегчить экономическую ситуацию наталкиваются на глухую стену непонимания. Не наберется и нескольких дней, когда Совет министров не дергали, не выкручивали руки. И это в условиях острейшего экономического кризиса!

Верховный Совет перестал считаться с Указами Президента, с его поправками к законопроектам, даже с конституционным правом вето. При этом непрерывно клянутся в верности Конституции и законности. Конституционная реформа практически свернута.

В апреле прошлого года VI Съезд народных депутатов не только одобрил основные положения новой Конституции, но и постановил «доработать с учетом предложений и замечаний Президента Российской Федерации» главы проекта «Федеральная законодательная власть» и «Президент Российской Федерации, Федеральная исполнительная власть». По логике, VII Съезд должен был принять новую Конституцию страны. Но руководство Верховного Совета без всяких внятных объяснений остановило конституционный процесс.

Более того, недавно Верховный Совет подготовил и предложил мне фактически одобрить смещение избранного народом Президента. Именно таков смысл поправок к Конституции, которые я недавно получил из Белого дома.

Надо признать: процесс создания правового государства в России, по сути дела, дезорганизован. Наоборот, идет сознательное размывание и без того слабой правовой базы молодого Российского государства. Законотворческая работа стала орудием политической борьбы. Законы, в которых остро нуждается Россия, не принимаются годами. Вместо этого начата коренная ревизия действующей Конституции и принятых законодательных актов. Их переписывают в угоду сиюминутным политическим настроениям. Утвердилась порочная практика юридического произвола, суть которого в примитивной формуле — какой закон захотим принять, такой и примем, что захотим, то и запишем.

И чем дальше — тем больше неразберихи, тем шире поле для злоупотреблений. Все это не имеет ничего общего ни с законностью, ни с правом. Не может считаться законом то, что противоречит фундаментальным основам права, попирает элементарные права и свободы человека и основополагающие демократические принципы. Такой закон еще не право. Тем более если его диктует один человек или группа лиц. Уже давно большинство заседаний Верховного Совета проходит с нарушением элементарных процедур регламента. Открытое и демонстративное жульничество при голосовании стало обыденным явлением.

Участники заседаний на виду у всего мира голосуют за отсутствующих несколькими карточками. А ведь каждый такой факт — это позор, это дискредитация самих основ парламентаризма. Идут чистки комитетов и комиссий. Из Верховного Совета, его Президиума беспощадно изгоняются все, кто не проявляет личной преданности своему руководителю.

То, о чем я говорю, не случайность, не болезнь роста. Все это горькие свидетельства того, что Верховный Совет как государственный институт находится сейчас в состоянии политического разложения. Он утратил способность выполнять главную функцию представительного органа — функцию согласования общественных интересов. Он перестал быть органом народовластия. Власть в российском Верховном Совете захвачена группой лиц, которые превратили его в штаб непримиримой оппозиции. Прячась за спинами депутатов, паразитируя на коллективной безответственности тайных голосований, она подталкивает Россию к пропасти. Не замечать этого, терпеть и бездействовать больше нельзя. Мой долг как Президента признать: нынешний законодательный корпус утратил право находиться у важнейших рычагов государственной власти. Безопасность России и ее народов — более высокая ценность, чем формальное следование противоречивым нормам, созданным законодательной властью, которая окончательно дискредитировала себя. Наступило время самых серьезных решений.

Уважаемые сограждане! Единственным способом преодоления паралича государственной власти в Российской Федерации является ее коренное обновление на основе принципов народовластия и конституционности. Действующая Конституция не позволяет это сделать. Действующая Конституция не предусматривает также процедуры принятия новой Конституции, в которой был бы предусмотрен достойный выход из кризиса государственности. Будучи гарантом безопасности нашего государства, я обязан предложить выход из этого тупика, обязан разорвать этот губительный порочный круг.

Учитывая многочисленные обращения в мой адрес руководителей субъектов Российской Федерации, групп депутатов, участников Конституционного совещания, политических партий и движений, представителей общественности, граждан России, мною предпринято следующее.

Облеченный властью, полученной на всенародных выборах в 1991 году, доверием, которое подтверждено гражданами России на референдуме в апреле 1993 года, я утвердил своим указом изменения и дополнения в действующую Конституцию Российской Федерации.

Они касаются главным образом федеральных органов законодательной и исполнительной власти, их взаимоотношений на основе принципа разделения властей. Высшим органом законодательной власти становится Федеральное собрание Российской Федерации — двухпалатный парламент, работающий на профессиональной основе.

Выборы назначены на 11—12 декабря 1993 года. Подчеркну, это не досрочные выборы Съезда и Верховного Совета. Создается совершенно новый высший орган законодательной власти России. Любые действия, направленные на срыв выборов, рассматриваются как незаконные. Лица, допускающие их, будут привлекаться к уголовной ответственности на основе Уголовного кодекса России. В российский парламент должны прийти люди, которые будут заниматься не политическими играми за счет народа, а прежде всего создавать законы, так необходимые России. В российский парламент должны прийти люди более компетентные, более культурные, более демократичные.

Верю, что такие люди в России есть. Верю, что мы с вами их найдем и изберем.

В преобразованиях федеральной власти России не ищу никаких выгод и не делаю исключений лично для себя, для Президента Российской Федерации. Я за то, чтобы через определенное время после начала работы Федерального собрания были проведены досрочные выборы Президента. И только вы, избиратели, должны решать, кто займет этот высший государственный пост России на очередной срок.

* * *

В соответствии с Указом Президента, который уже подписан, с сегодняшнего дня прерывается осуществление законодательной, распорядительной и контрольной функции Съезда народных депутатов и Верховного Совета Российской Федерации. Заседания

Съезда более не созываются. Полномочия народных депутатов Российской Федерации прекращаются. Конечно, их трудовые права будут полностью гарантированы. Депутаты вправе вернуться на предприятия и в учреждения, где они работали до избрания депутатами России. И занять прежние должности.

В то же время каждый из них вправе вновь выставить свою кандидатуру для выборов в Федеральное собрание. Полномочия органов власти на местах сохраняются. В связи с этим обращаюсь к местным руководителям: используйте все законные возможности для обеспечения общественного порядка.

Хочу отметить особо — Конституция Российской Федерации, законодательство Российской Федерации и субъектов Российской Федерации продолжают действовать в полном объеме, с учетом изменений и дополнений, введенных Указом Президента.

Гарантируются установленные Конституцией и Законом права и свободы граждан Российской Федерации.

* * *

Обращаюсь к руководителям иностранных держав, к зарубежным гражданам, к нашим друзьям, которых немало по всему миру. ваша поддержка значима и ценна для России. В самые критические моменты сложнейших российских преобразований вы были с нами.

Призываю вас и на этот раз понять всю сложность обстановки в нашей стране. Те меры, на которые я как Президент Российской Федерации вынужден идти, — единственный путь защиты демократии и свободы в России, защиты реформ, еще слабого российского рынка.

Эти меры необходимы, чтобы защитить Россию и весь мир от катастрофических последствий развала российской государственности, от воцарения анархии в стране с огромным арсеналом ядерного оружия. Других целей у меня нет.

Уважаемые сограждане! Наступил момент, когда общими силами мы можем и должны положить конец глубокому кризису российской государственности. Рассчитываю на ваше понимание и поддержку. Рассчитываю на ваш разум и гражданственность. У нас есть шанс помочь России. Верю, что мы используем его! Ради мира и спокойствия в нашей стране! Ради того, чтобы изгнать из России ту изматывающую борьбу, от которой все мы давно устали.

Общими силами сохраним Россию для себя, для наших детей и внуков.

Спасибо.

УКАЗ
ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации

В Российской Федерации сложилась политическая ситуация, угрожающая государственной и общественной безопасности страны. Прямое противодействие осуществлению социально-экономических реформ, открытая и повседневно осуществляемая в Верховном Совете обструкция политики всенародно избранного Президента Российской Федерации, попытки непосредственного осуществления функций исполнительной власти вместо Совета министров со всей очевидностью свидетельствуют о том, что большинство в Верховном Совете Российской Федерации и часть его руководства открыто пошли на прямое попрание воли российского народа, выраженной на референдуме 25 апреля 1993 года. Тем самым грубо нарушен Закон о референдуме, согласно которому решения, принятые всероссийским референдумом, обладают высшей юридической силой, в каком-либо утверждении не нуждаются и обязательны для применения на всей территории Российской Федерации.

Съезд и Верховный Совет предпринимают систематические и все более активные усилия узурпировать не только исполнительную, но даже и судебную функции. В то же время ими до сих пор не только не создана законодательная основа реализации Федеративного договора, но принимаемые решения зачастую прямо противоречат федеративной природе Российского государства. Конституционная реформа в Российской Федерации практически свернута. Верховный Совет блокирует решения Съездов народных депутатов Российской Федерации о принятии новой Конституции.

В текущей работе Верховного Совета систематически нарушаются его регламент, порядок подготовки и принятия решений. Обычной практикой на сессиях стало голосование за отсутствующих депутатов, что фактически ликвидирует народное представительство. Таким образом разрушаются сами основы конституционного строя Российской Федерации: народовластие, разделение властей, федерализм. Еще не успев возникнуть и окрепнуть, дискредитируется сам принцип парламентаризма в Российской Федерации.

В сложившихся условиях единственным, соответствующим принципу народовластия средством прекращения противостояния Съезда, Верховного Совета, с одной стороны, Президента и Прави-

тельства, с другой, а также преодоления паралича государственной власти, являются выборы нового Парламента Российской Федерации. Такие выборы не являются досрочными выборами Съезда народных депутатов Российской Федерации, Верховного Совета Российской Федерации и не нарушают волю народа, выраженную на референдуме 25 апреля 1993 года. Необходимость выборов диктуется также тем, что Российская Федерация — это новое государство, пришедшее на смену РСФСР в составе СССР и ставшее международно признанным продолжателем Союза ССР.

Учитывая, что в действующей Конституции Российской Федерации не предусмотрена процедура принятия новой Конституции, политические партии и движения, группы депутатов, участники Конституционного совещания, представители общественности неоднократно обращались к Президенту Российской Федерации с предложением незамедлительно назначить выборы в новый Федеральный Парламент.

Стремясь к ликвидации политического препятствия, не дающего народу самому решать свою судьбу; учитывая неудовлетворяющее парламентским стандартам качество работы Верховного Совета и Съезда народных депутатов Российской Федерации; принимая во внимание, что безопасность России и ее народов — более высокая ценность, нежели формальное следование противоречивым нормам, созданным законодательной ветвью власти; в целях:

сохранения единства и целостности Российской Федерации; вывода страны из экономического и политического кризиса; обеспечения государственной и общественной безопасности Российской Федерации; восстановления авторитета государственной власти; основываясь на статьях 1, 2, 5, 121-5 Конституции Российской Федерации, итогах референдума 25 апреля 1993 года, постановляю:

1. Прервать осуществление законодательной, распорядительной и контрольной функций Съездом народных депутатов Российской Федерации и Верховным Советом Российской Федерации. До начала работы нового двухпалатного парламента Российской Федерации — Федерального собрания Российской Федерации и принятия им на себя соответствующих полномочий руководствоваться указами Президента и постановлениями Правительства Российской Федерации.

Конституция Российской Федерации, законодательство Российской Федерации и субъектов Российской Федерации продолжают действовать в части, не противоречащей настоящему Указу. Гарантируются установленные Конституцией и законами права и свободы граждан Российской Федерации.

2. Конституционной комиссии и Конституционному совещанию представить к 12 декабря 1993 года единый согласованный проект Конституции Российской Федерации в соответствии с рекомендациями Рабочей группы Конституционной комиссии.

3. Временно до принятия Конституции и Закона Российской Федерации о выборах в Федеральное собрание Российской Федерации и проведения на основе Закона новых выборов:

— ввести в действие Положение «О Федеральных органах власти на переходный период», подготовленное на основе проекта Конституции Российской Федерации, одобренного Конституционным совещанием 12 июля 1993 года;

— наделить Совет Федерации функциями палаты Федерального собрания Российской Федерации со всеми полномочиями, предусмотренными Положением «О Федеральных органах власти на переходный период». Установить, что осуществление указанных полномочий Совет Федерации начинает после проведения выборов в Государственную думу.

4. Ввести в действие Положение «О выборах депутатов Государственной думы», разработанное народными депутатами Российской Федерации и Конституционным совещанием. Провести в соответствии с указанным Положением выборы в Государственную думу Федерального собрания Российской Федерации. Федеральному собранию рассмотреть вопрос о выборах Президента Российской Федерации.

5. Назначить выборы в Государственную думу Федерального собрания Российской Федерации на 11—12 декабря 1993 года.

6. Образовать Центральную избирательную комиссию по выборам в Государственную думу Федерального собрания Российской Федерации и поручить ей совместно с нижестоящими избирательными комиссиями в пределах их компетенции организацию выборов и обеспечение избирательных прав граждан Российской Федерации при проведении выборов в Государственную думу Федерального собрания Российской Федерации. Всем государственным органам и должностным лицам оказывать необходимое содействие избирательным комиссиям по выборам в Государственную думу Федерального собрания Российской Федерации и пресекать любые попытки, направленные на срыв выборов в Государственную думу, от кого бы они ни исходили. Лиц, препятствующих осуществлению избирательного права гражданами Российской Федерации, привлекать к уголовной ответственности в соответствии со статьей 132 УК РСФСР.

7. Расходы, связанные с проведением выборов в Государственную думу Федерального собрания Российской Федерации, отнести за счет средств Республиканского бюджета Российской Федерации.

8. Полномочия представительных органов власти в субъектах Российской Федерации сохраняются.

9. Заседания Съезда народных депутатов Российской Федерации не созываются. Полномочия народных депутатов Российской Федерации прекращаются. Права граждан, бывших народными депутатами Российской Федерации, в том числе трудовые, гарантируются. Полномочия народных депутатов — делегатов Российской Федерации на пленарных заседаниях и представителей в комиссиях Межпарламентской ассамблеи государств — участников Содружества Независимых Государств подтверждаются Президентом Российской Федерации. Народные депутаты Российской Федерации, являющиеся членами Конституционной комиссии Съезда народных депутатов Российской Федерации, могут продолжать работу в составе Комиссии в качестве экспертов. Сотрудники аппарата Верховного Совета Российской Федерации и обслуживающий персонал направляются в отпуск до 13 декабря 1993 года с сохранением содержания.

10. Предложить Конституционному суду Российской Федерации не созывать заседания до начала работы Федерального собрания Российской Федерации.

11. Совет министров — Правительство Российской Федерации осуществляет все предусмотренные Конституцией Российской Федерации полномочия, с учетом изменений и дополнений, введенных настоящим Указом, а также законодательством. Совет министров — Правительство Российской Федерации обеспечивает бесперебойную и согласованную деятельность органов государственного управления. Совету министров — правительству Российской Федерации принять в свое ведение все организации и учреждения, подчиненные Верховному Совету Российской Федерации и провести необходимую их реорганизацию, имея в виду исключение дублирования соответствующих правительственных структур. Принять необходимые меры по трудоустройству высвобождающихся сотрудников. Осуществить правопреемство в отношении полномочий Верховного Совета Российской Федерации как учредителя во всех сферах, где учредительство предусмотрено действующим законодательством.

12. Центральный банк Российской Федерации до начала работы Федерального собрания Российской Федерации руководствует-

ся указами Президента Российской Федерации, постановлениями Правительства Российской Федерации и подотчетен Правительству Российской Федерации.

13. Генеральный прокурор Российской Федерации назначается Президентом Российской Федерации и ему подотчетен впредь до начала работы вновь избранного Федерального собрания Российской Федерации. Органы Прокуратуры Российской Федерации руководствуются в своей деятельности Конституцией Российской Федерации, а также действующим законодательством с учетом изменений и дополнений, введенных настоящим Указом.

14. Министерству внутренних дел Российской Федерации, Министерству безопасности Российской Федерации, Министерству обороны Российской Федерации принимать все необходимые меры по обеспечению государственной и общественной безопасности в Российской Федерации с ежедневным докладом о них Президенту Российской Федерации.

15. Министерству иностранных дел Российской Федерации информировать другие государства, Генерального Секретаря ООН о том, что проведение выборов в Государственную думу Федерального собрания Российской Федерации диктуется стремлением сохранить демократические преобразования и экономические реформы. Такое решение полностью соответствует основам конституционного строя Российской Федерации, прежде всего принципам народовластия, разделения властей, федерализма и опирается на волеизъявление народа Российской Федерации, выраженное на референдуме 25 апреля 1993 года.

16. Указ «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации» внести на рассмотрение Федерального собрания Российской Федерации.

17. Настоящий Указ вступает в силу с момента подписания.

* * *

Выражаю надежду, что все, кому дороги судьба России, интересы процветания и благополучия ее граждан, поймут необходимость проведения выборов в Государственную думу Федерального собрания для мирного и легитимного выхода из затянувшегося политического кризиса.

Прошу граждан России поддержать своего Президента в это переломное для судьбы страны время.

Президент Российской Федерации Б. Ельцин

Москва, Кремль, 21 сентября 1993 года, 20 ч. 00 мин., № 1400

...Что сказать об «обращении» и тексте «указа»? Ни одного слова правды, чудовищная, буквальная запредельная ложь, клевета, инсинуации — типичное свойство пропагандистской машины диктаторов XX столетия. Так обманывали они своих сограждан, заодно и весь мир, пугая «внутренними врагами», якобы угрожающими замечательным реформам жалких диктаторов, не способных на диалог с оппонентами в силу откровенной нехватки интеллектуальных ресурсов. На этот путь стал и Ельцин, науськиваемый сворой придворных негодяев, боящихся утраты своего влияния и мечтающих ограбить страну с ее несметными богатствами, старательно накопленными многими поколениями граждан России... Я предложил немедленно созвать Президиум Верховного Совета. Его заседание началось уже в 20.15 и длилось всего 30—40 минут. К концу заседания за окнами послышался шум. Все повернули головы, кто-то подошел к окнам. Я встал и подошел тоже. У Белого дома собирался народ. Я вспомнил 19 августа 1991 года... Вскоре около 1,5—2 тысяч человек с лозунгами «Ельцин — хунта не пройдет!», «Ельцин — государственный преступник!», «За Конституцию!», уже находились у стен Белого дома! ... Мы приняли Постановление, которое приводило в движение статью 121.6 Конституции. Она предусматривала «автоматическое» отрешение президента от должности, в случае совершения им государственной измены (попытки государственного переворота с целью изменения государственного строя). Приняли решение об экстренном созыве Чрезвычайной сессии Верховного Совета. На заседании президиума я напомнил о нашей тактике борьбы с путчистами в августе 1991 года. Сразу же подчеркнул, что сила парламента — в Законе, в Конституции — никаких попыток вооруженной борьбы; опора — на народ, его мобилизацию. Нам надо организовать сопротивление, строго соблюдая Конституцию, не выходя за пределы Закона. Надо поднимать людей по всей стране. А москвичей вовлечь в организованное сопротивление путчу, придавая особое значение скоплениям людей вокруг здания Белого дома. Предупредил, что будут попытки спровоцировать кровопролитие. Напомнил о первомайском (и 9 мая) избиении демонстрантов в центре Москвы... Не-

медленно был организован штаб Сопротивления Верховного Совета во главе с моим первым заместителем Юрием Михайловичем Ворониным. В него вошли члены президиума, депутаты, руководители партии и общественных движений, ответственные сотрудники Верховного Совета, председатели ряда областных Советов, находящиеся в здании Верховного Совета, в том числе мужественный Аман Тулеев... Президиум Верховного Совета определил повестку дня Чрезвычайной сессии Верховного Совета, а также принял ряд документов. Направили письмо в Конституционный суд с просьбой рассмотреть Указ № 1400 на предмет соответствия Конституции. И, самое главное, мы привели в действие механизм отрешения от должности президента, совершившего клятвопреступление — измену Конституции, государству и народу. Вот это Постановление.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

О немедленном прекращении полномочий Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина

В связи с Указом Президента Российской Федерации «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации» от 21 сентября 1993 года, 20.00 часов № 1400, которым прекращены деятельность законно избранных — Съезда народных депутатов Российской Федерации, Верховного Совета Российской Федерации, а также полномочия народных депутатов Российской Федерации, — Президиум Верховного Совета Российской Федерации постановляет:

1. На основании статьи 121.6 Конституции Российской Федерации, считать полномочия Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина прекращенными с момента подписания названного «Указа».

2. Названный «Указ», в соответствии с частью второй статьи 121 Конституции Российской Федерации, не подлежит исполнению.

3. Согласно статье 121 Конституции Российской Федерации признать, считать, что вице-президент Российской Федерации

А.В. Руцкой приступил к исполнению полномочий Президента Российской Федерации с момента подписания Указа № 1400.

4. Созвать 22 сентября 1993 года внеочередное заседание VII экстренной сессии Верховного Совета Российской Федерации с повесткой дня «О политической ситуации, сложившейся в Российской Федерации в результате государственного переворота».

Председатель Верховного Совета Российской Федерации Р.И. Хасбулатов.

Москва, 21 сентября 1993 года

Тогда же я подписал свой первый документ-обращение к народу и мировой общественности...

ОБРАЩЕНИЕ к народам России, Содружества Независимых Государств, мировому сообществу

Над Россией нависла грозная опасность. Президент России и его окружение, которые довели страну до фактического развала, ввергшие миллионы россиян в нищету, развязали руки преступному миру, решились на государственный переворот.

Грубо поправ Конституцию страны, Президент объявил о прекращении деятельности предусмотренных Основным Законом России высших представительных органов власти — Съезда народных депутатов и Верховного Совета Российской Федерации. Тем самым в стране установлена единоличная диктатура.

Агонизирующий режим способен привести страну к гражданской войне, натворить много бед. Верховный Совет считает действия Президента незаконными и антиконституционными. Верховный Совет обязывает органы представительной, исполнительной и судебной власти не исполнять указы и распоряжения клики заговорщиков.

Как Председатель Верховного Совета Российской Федерации, объявляю о приступлении с 21 сентября 1993 года с 21.00

к исполнению обязанностей Президента Российской Федерации вице-президента Руцкого Александра Владимировича. С этого момента все органы власти обязаны исполнять указы, постановления и распоряжения Председателя Верховного Совета и исполняющего обязанности Президента Российской Федерации. За неисполнение указов, постановлений и распоряжений законных органов власти все без исключения должностные лица несут ответственность по Конституции и Уголовному кодексу Российской Федерации. Обращаюсь к гражданам Российской Федерации с призывом проявить чувство ответственности за Отечество.

Мы верим, что вы сделаете правильный выбор, защитите законные органы власти. Давайте вместе остановим беззаконие и произвол, отстоим мирное и демократическое будущее нашей многонациональной Родины.

Я обращаюсь к народам и парламентариям дружественных государств Содружества и мирового сообщества с призывом поддержать законные власти России, осудить попытки ввергнуть страну в режим произвола и диктатуры.

Надеемся на поддержку всех людей доброй воли.

Председатель Верховного Совета Российской Федерации

Р.И. Хасбулатов

Выступить по телевидению и радио, в отличие от Ельцина, я, Председатель Верховного Совета Российской Федерации не мог, поскольку был лишен такой возможности. Все виды связи, в том числе телефонная, были отключены. В августе 1991 года, в период нашей борьбы с ГКЧП, наша связь не была отключена и ельцинисты хорошо усвоили тот опыт. Следующий документ — это обращение к Российской армии. Все мы знали, какое значение будет иметь позиция армии. Поэтому этот документ я писал буквально по ходу заседания Президиума Верховного Совета. Перед тем как подписать документ, я зачитал текст, замечаний не последовало.

ОБРАЩЕНИЕ
к Российской армии

Воины!

Силы, заинтересованные в гибели России, нанесли смертельный удар по народовластию — осуществили государственный переворот, попытались разогнать Верховный Совет и Съезд народных депутатов России. Разгон законно избранных органов власти, введение прямого президентского правления преследуют позорную цель — ликвидировать, представительные органы власти народа, единственную преграду на пути втягивания народа в дикий мафиозный рынок. Это обернется для большинства населения окончательной, беспросветной нищетой, обвальным ростом преступности, массовой безработицей, превращением нашей некогда великой страны в сырьевой колониальный придаток более сильных стран мира.

В этот трудный час для нашего многострадального Отечества мы, депутаты Верховного Совета России, обращаемся к вам, нашим вооруженным защитникам, принесшим клятву на верность своему Народу и Конституции.

Не дайте втянуть себя в эту политическую авантюру. Участвуя в любой вооруженной акции против конституционного строя, Верховного Совета и других избранных народом представительных органов власти в стране, вы не только нарушите закон, но и оставите несмываемое пятно на вашей совести, офицерской, воинской чести.

Мы уверены, что каждый из вас хорошо понимает обстановку, не раз лично убедился в несостоятельности нынешней президентско-правительственной власти, которая навязала обществу изнурительную конфронтацию. Это на ее счету развал Вооруженных сил СССР, ничем не обоснованная гибель военнослужащих в зонах конфликтов, бесправное положение человека в погонах.

Мы верим, что вы сделаете правильный выбор, что ни один из вас не покинет казармы для выполнения антиконституционных преступных приказов и распоряжений

Сегодня на вас смотрят не только живые, но и мертвые ваши деды, отдавшие жизнь за свое Отечество в борьбе с иноземными захватчиками. Воины! — не посрамите их памяти, не предайте их надежды.

Следуйте своей клятве — воинской присяге, Конституции, будьте верны народу, матерям и отцам вашим, братьям и сестрам

Президиум Верховного Совета
Российской Федерации

Москва, Дом Советов, 21 сентября 1991 года

Коллегия Министерства обороны

Часов в 10 вечера звонит Воронин (телефоны наши еще не отключены), сообщает, что у него генерал Кобец, просит принять его, выслушать. Приглашаю обоих. Константин Кобец, российский депутат, генерал-полковник, перешел на работу в российское правительство на должность руководителя военного ведомства еще при Горбачеве, зимой 1991 года, когда он был заместителем министра обороны СССР у Язова. У меня с ним всегда были, как мне казалось, добрые отношения. Он сообщил о том, что состоялось заседание коллегии Министерства обороны, посвященное вопросу, связанному с позицией армии в отношении конфликта Президент — Верховный Совет.

Разговор, как я понял из слов Кобеца (не только его), был приблизительно следующим:

Проводил заседание министр Грачев. Вдруг позвонил Президент. Разговор слышали все присутствующие (была включена громкая связь).

Ельцин: Павел Сергеевич, армия, надеюсь, поддержит своего главнокомандующего. Вам ведь тоже надоели эти Съезды, Верховный Совет — не дают работать, вредят государству. С этим я решил покончить. Указ подписан.

Грачев: Борис Николаевич, у меня коллегия. Я посоветуюсь, попрошу поддержки. Я пока ничего не могу сообщить. Что скажет коллегия...

Ельцин: Коллегия скажет то же самое, вы понимаете, нет другого выхода, кроме как поддержать своего Президента и главнокомандующего. Что же, выходит, я один должен постоянно заботиться о стране, а когда нужно помочь мне, вы ссылаетесь на «коллегию». Вам надо четко поддержать своего главнокомандующего.

Грачев: Я вас всегда поддерживал и поддерживаю. Но надо переговорить с членами коллегии...

Ельцин: Переговорите и через 10 минут позвоните мне и скажите, что поддерживаете своего главнокомандующего...

После этого он бросил трубку, а Грачев, бледный, мгновенно вспотевший, обвел глазами присутствующих (более 20 человек — все руководство Минобороны, Генерального штаба, командующие округами). Нависла тяжелая тишина. Вдруг министр взорвался:

— Ну что молчите, слышали разговор с Президентом? Желающих говорить не находится?..

Все молчат...

Грачев: Так что мне сказать Ельцину? Коллегия выполнит приказ своего Президента, главнокомандующего?

1-й генерал: Смотря какой приказ. Армия не может выполнить не конституционный приказ... Это записано в Законе об обороне.

Грачев: Президент ведь не приказывает расстреливать Верховный Совет.

2-й генерал: А что приказывает Ельцин? Что он намеревается делать конкретно? И какая роль отведена нам — армии? Это надо все выяснить. У нас слишком большой опыт во всех этих «передрягах» политиков. И всегда нас подставляют.

Грачев: Этим займется Ерин. Нам надо твердо заявить о поддержке Ельцина и не допустить эксцессов в войсках. У Хасбулатова немало сторонников в армии, они могут вывести воинские подразделения на защиту Верховного Совета.

3-й генерал: Товарищ министр! Это невозможно. Конституция, законы запрещают армии быть втянутыми в политические споры. Пусть Ельцин, наконец, договорится с Хасбулатовым — ведь не Хасбулатов же говорил об «артподготовке в августе и штурме в сентябре». Штурм! — Какой штурм?

4-й генерал: Товарищи генералы, надо поддержать нашего главнокомандующего. Зачем нам этот «болтающий парламент?» Разве они не позорят нас обвинениями в коррупции — хоть генеральский мундир не носи. Сколько скандалов они там, особенно Руцкой, затеяли только по нашей Западной группе войск. Болтуны!

1-й генерал: Болтуны не болтуны, но нарушать Конституцию опасно. Вы знаете, как протестует народ. Если на улицу по призыву Верховного Совета выйдет миллион человек, конец Ельцину и всем, его поддерживающим. Мы не можем рисковать армией.

Грачев: Никакого риска нет. Мы не будем вводить войска в Москву. Мы только поддержим Ельцина как главнокомандующего.

5-й генерал: Сегодня поддержим. А завтра, в соответствии с этой «поддержкой», Ельцин потребует расстрелять Верховный Совет... Тогда что?

Грачев вскакивает, начинает кричать...

Прошел час в таких спорах. Грачева поддержали два члена коллегии. Другие упорствовали, понимая, что здесь пахнет заговором, изменой, нарушением Конституции. Грачев стал наседать.

Опять позвонил Ельцин: Ну что, Павел Сергеевич, решили поддержать своего Президента?

Грачев: Обсуждаем, Борис Николаевич, думаем.

Ельцин: Не утруждайте себя лишними «думами». Президент думает за вас всех. Принимайте решение, какое я вам сказал.

Грачев: Борис Николаевич, мы обсуждаем. Дело в том, что есть закон, запрещающий армии... Я же не могу штурмовать Верховный Совет!

Ельцин: Я лучше вас знаю «законы». Я не о законах говорю, как вы там не понимаете? Речь идет об очень важном государственном деле. И мне нужна ваша поддержка. Согласны вы поддержать меня, вашего Президента и главнокомандующего или не согласны?

Грачев: Борис Николаевич, разрешите вам перезвонить через некоторое время...

Ельцин бросает трубку...

Грачев растерян... Опять повисла тишина...

Генерал: Единственный выход — объявить о нейтралитете. Мы не будем ни на той, ни на другой стороне. Политики заварили кашу, а теперь хотят нас использовать. Вспомни-

те Узбекистан, Тбилиси, Прибалтику, «август 1991 года»... А потом обвинят армию, как бывало уже не раз. Забыли?..

Голоса: Правильно!

Остановились на том, что армия будет «нейтральна» в конфликте «Президент—Законодатель».

Опять звонил Ельцин. Грачев дрожащей рукой, бледный, схватил трубку: Слушаю, Борис Николаевич.

Ельцин: Это я вас слушаю, Павел Сергеевич.

Грачев: Мы тут посовещались... Борис Николаевич!.. Армия займет нейтральную позицию.

Пауза. Разговор прервался.

Все встали, разошлись, не глядя друг на друга. Тяжело...

После разговора с Кобецом я начал искать Грачева. Сообщили, что он у Президента. Звоню Президенту. Поднимает трубку помощник Ельцина, Виктор Илюшин. Прошу соединить меня с Ельциным.

— Сейчас узнаю, Руслан Имранович.

Через минуту: У него, Руслан Имранович, Грачев.

Я: Грачев мне тоже нужен, попросите его задержаться, я выезжаю к Ельцину.

— Сейчас передам Борису Николаевичу, Руслан Имранович!

Через минуту: Руслан Имранович, у Ельцина важная встреча, запланированная. Просил передать, что он сам позвонит вам относительно встречи.

— Тогда скажите Грачеву, чтобы приехал ко мне в Верховный Совет.

— Обязательно передам.

Не приехал. Через час снова звоню Илюшину. Говорит, что передал Грачеву мою просьбу, когда он выходил от Ельцина.

Звоню начальнику Генерального штаба Михаилу Колесникову. Застал его на месте. Приглашаю к себе. Отвечает: «Буду через 30 минут».

Через 40 минут заходят генералы Михаил Колесников и Константин Кобец. Здороваемся, прошу рассказать, что за решение «о нейтралитете» принято коллегией Министерства обороны и какими обстоятельствами оно вызвано.

Колесников сперва колебался, пытался утверждать, что и заседания-то коллегии не было — так, «обмен мнениями». Но узнав, что мне известны даже детали заседания, в целом повторил то, что мне уже было известно.

Я попросил Колесникова, со ссылкой на закон об обороне, где написано, что «руководство Вооруженными силами осуществляет Верховный Совет, Президент...», написать докладную записку относительно решения коллегии Минобороны «О нейтралитете» — что это за решение и что оно означает. Колесников колеблется, затем соглашается. Генералы уходят. Через минут 15 Колесников возвращается. Делает дополнения к тому, что им было сказано. Выражает тревогу по поводу возможного развития событий.

Я отвечаю: «Не допустить возможности государственного переворота — это вполне по силам руководству Вооруженных сил. Если бы коллегия, вместо решения «о нейтралитете» предупредила бы Ельцина о том, что армия, на стороне Закона и Конституции, на стороне народа, что она будет верна присяге, — Ельцин ни за что на свете не решился бы на что-нибудь серьезное. Еще не поздно, Михаил Николаевич, от вас зависит — быть в России гражданской войне или не быть. Передайте это членам коллегии. Может быть, мне приехать сейчас к вам?»

Колесников: Нет, Руслан Имранович, я сам переговорю со всеми, в том числе с Грачевым. У руководства армии были нормальные отношения с Верховным Советом, а нас натравливают... Зачем это?

Я: Вот и поговорите с коллегами — кому и зачем все это надо. Вы покроете себя позором, если поддержите авантюру Ельцина. Разве нам мало переворотов? Развал Союза — результат всех этих видимых и невидимых переворотов. Не поощряйте Ельцина. Он готов половину России уничтожить ради сохранения власти. Вы что, ослепли все? Я надеюсь на ваше благоразумие и верность Конституции.

Молчит. Уходит. Затем возвращается и, к моему удивлению, говорит: «Армия, Руслан Имранович, хорошо восприняла бы назначение генерала Ачалова министром обороны».

Больше Колесникова я не видел, а по телефону созвониться в трагические дни мне с ним не удалось... Я еще многократно пытался переговорить с Ельциным — всякий раз, мне сообщали, что его в Кремле нет. Трижды звонил Черномырдину, ответ тот же — на Старой площади его нет. Звоню Колесникову — нет. Звоню Кокошину — нет... Поздно ночью отключили все телефоны. (Коржаков лжет, когда пишет, что «телефон Хасбулатова не отключался»). Надо было организовать работу Верховного Совета для жесткого сопротивления хунте, ее мы и начали, причем энергично.

Приехал В. Зорькин, переговорил со мной, сообщил, что члены Конституционного суда, даже те из них, которые ранее поддерживали Ельцина или колебались, очень возмущены Указом № 1400 (ведь приостанавливалась и работа Конституционного суда). Он информировал, что в 21 час начинается заседание Конституционного суда с анализом президентского указа № 1400. Уехал...

Американский конституционализм

Разработка конституции — это не простой процесс, заключающийся в «техническом оформлении» определенных текстов, часто заимствованных из «чужих» конституций и «подогнанных» под изготавливающийся «товар» — примерно так произошло с «составлением» ныне действующей Конституции, когда Ельцин и его клевреты после расстрела парламента, «отмены» Конституции и установления своей диктатуры приступили к срочной разработке «новой конституции», которую победитель-путчист обещал «подарить народу».

Действительно, конституционный процесс — сложнейшая работа по философскому осмыслению общества, отражению его мировоззрения, исторических корней и целей, по учету множества различных обстоятельств, когда каждое слово имеет значение.

Выдающийся американский специалист в области конституционного права Луис Фишер пишет, что «конституту-

ционализм представляет собой нечто большее, чем стенографическое обозначение Конституции и сопутствующего ей законодательства. Чтобы быть достойной своего названия, Конституция должна содержать в себе философию правления, соглашение между представителями государственной власти и народом. Она должна способствовать общественному благу, в то же время защищая права личности, в том числе и меньшинства. Особенно важным является право людей собираться вместе, выражать свое мнение лично и через объединения и участвовать в свободных выборах. Конституции, которые лишь санкционируют использование государственной власти, не ограничивая ее (таковы конституции автократических и тоталитарных государств, враждебны самой концепции конституционализма»[1].

Основные элементы конституционализма были определены Болингброком в 1733 году: «Под конституцией мы понимаем, говоря правильно и точно, собрание законов, институтов и обычаев, родившихся из определенных постоянных принципов здравого смысла и направленных на определенные постоянные объекты общественного блага, составляющие целую систему, по которой общество согласилось быть управляемым»[2]. Как отмечает Болингброк, поведение правительства определяется не одними законами, но также институтами и обычаями. Законодательные принципы должны быть изложены в письменном документе. Даже «неписаная» Конституция Англии — собрание основных постановлений, мелких законодательных актов, судебных решений, обычаев и конвенций, а также текстов парламентских дебатов — закреплена публикацией ее фундаментальных принципов для всеобщего ознакомления: Великой хартии вольностей, Закона о неприкосновенности личности (Хабеас Корпус), Петиции о правах и Закона о престолонаследии[3].

---

[1] *Луис Фишер.* Конституционные конфликты между конгрессом и президентом. Изд. 3-е. Канзасский университет, 1991. С.6.

[2] *Чарльз Ховард Макилвейн.* Конституционализм: древность и современность. 1947. С.3.

[3] *Х.Р.Г. Гривз.* Британская Конституция. 1955. С.15, 20—25; *У. Айвор Дженнингс.* Закон и Конституция. 1947. С. 32—40.

В качестве конституционной нормы постоянные принципы здравого смысла вызывают к жизни идею естественного права, «высшего закона», или jus gentium, который римский законодатель Гай называл «тем законом, что естественный здравый смысл устанавливает среди людей»[1]. Естественному праву придается конкретный смысл в сцене из «Антигоны» Софокла. Один из братьев Антигоны, Полиник, участвовал в осаде города Фивы. Среди защитников был его брат. Оба они погибли, встретившись в битве лицом к лицу. Хотя правитель Фив Креонт приказал оставить тело Полиника непогребенным на поле битвы, Антигона не подчинилась указу и похоронила брата. На вопрос, намеренно ли она решилась не подчиниться закону, Антигона отвечает:

Не Зевс его мне объявил, не Правда,
Живущая с подземными богами
И людям предписавшая законы.
Не знала я, что твой приказ всесилен
И что посмеет человек нарушить
Закон богов, не писанный, но прочный.
Ведь не вчера был создан тот закон —
Когда явился он, никто не знает.
И, устрашившись гнева человека,
Потом ответ держать перед богами
Я не хотела.

Даже Гемон, сын Креонта, говорит отцу, что тот «сам нарушил закон богов». Хору понадобилось всего шесть слов, чтобы определить суть конституционализма: «Где правит сила, там нет права»[2].

Доктрина естественного права проникает в американский конституционализм через «Второй трактат о гражданском правлении» Джона Локка (690 г.). Локк считал, что люди, живущие в царстве природы, должны управляться законом природы, который обязывает каждого вести себя определенным образом. Здравый смысл, «который и является этим законом, учит все человечество, которое к нему

---

[1] *Эдвард С. Корвин.* Высший закон. Основы американского конституционного законодательства. 1955. С. 17.

[2] Пьесы Софокла об Эдипе, в пер. Рола Роча. 1958. С. 179, 189, 194.

обращается, что все равны и независимы и что никто не должен причинять другому вреда в его жизни, здоровье, свободе или имуществе». Однако пристрастное и невежественное человечество так и не постигло закон природы. Будучи призваны судить, люди слишком жестоко наказывали других и прощали собственные проступки. В результате, по мягкому выражению Локка, в царстве природы возникало «беспокойство» и порождало необходимость в третейском судье для разрешения споров[1].

Хотя Локк рассматривал законодательную власть как власть высшую, она не имела права быть своевольной. Цель законодательства заключалась в охране жизни, свободы и имущества. Если окно отступало от этих целей, люди оказывались в состоянии худшем, чем первобытное. В этом случае люди вольны были распустить правительство и создать новую законодательную власть[2].

Философия Локка воодушевляет Декларацию независимости. В первой же фразе объясняется, что разрыв с Англией был необходим, чтобы американцы могли «занять среди сил земных отдельное и равное место, на которое дают им право Законы Природы и Господь Бог». Идея конституционализма, подчеркивающая свободы личности и философию правления Локка, появляется уже в следующем параграфе:

«Мы считаем эти истины самоочевидными: что все люди созданы равными, что они наделены Создателем определенными неотъемлемыми правами, и в том числе на Жизнь, Свободу и стремление к Счастью; что для защиты этих прав среди людей создаются правительства, черпающие свою справедливую власть из согласия управляемых; что когда бы какая-либо форма правления ни стала разрушительной для этих целей, люди вправе изменить или упразднить ее и создать новое правление».

Это мнение приводит нас к последним двум элементам конституционализма Болингброка: (1) правление направ-

---

[1] *Джон Локк.* Второй трактат о гражданском правлении. Пр. 4—6, 13, с.124—125.

[2] Там же. Пр. 135—137. С.220—222.

лено на определенные постоянные объекты общественного блага, и (2) общество дает согласие на то, чтобы им управляли. Оба эти элемента совпадают с точкой зрения Локка, который считал, что власть закона, «в своих самых широких пределах», ограничена общественным благом общества.

Принцип общественного согласия и общественного контроля подразумевается в уверенности Локка в том, что права человека существовали задолго до возникновения института правления. Если правительство не защищает эти права, люди могут сменить правительство. В этом смысле *общественная* интерпретация естественного права и конституционализма, развившаяся со временем, становится основным испытанием легитимности гражданского права. Общество никогда не согласится быть управляемым тиранническим или деспотичным режимом. Оно никогда не утрачивает контроль над создаваемым им правительством. И хотя режимы подобного рода существуют и даже опираются на написанную конституцию, они не являются конституционными формами правления.

Убежденность в том, что индивидуумы сохраняют определенные права, которые никогда не передаются правительству, лежит в основе взглядов других политических философов. Спиноза верил, что никакой человеческий разум не может полностью находиться в распоряжении другого, потому что «никто по своей воле не может передать свое естественное право на свободное мышление и суждение или быть принужденным это сделать». Любое правительство, пытающееся контролировать умы, является тиранническим по определению. Стремиться предписывать, что истинно и что ложно, или каких взглядов следует придерживаться людям в молитве Богу, — значит оскорблять суверенность. «Все эти вопросы, — говорил Спиноза, — относятся к естественному праву человека, от которого он не может отречься даже с своего собственного согласия»[1].

---

[1] Философия Спинозы. Современная библиотека, 1954. С. 333.

Доктрина раздельных властей

Злоупотребление властью последним президентом, особенно Линдоном Джонсоном и Ричардом Никсоном, породило ряд рутинных и удобных аргументов в пользу доктрины раздельных властей. Оппоненты президентской власти утверждали, что создатели конституции не доверяли правительству (особенно исполнительной власти) и пытались использовать контроль и баланс, чтобы воспрепятствовать тирании. Хотя создатели конституции действительно построили систему, призванную ограничивать власть, это составляло лишь часть их намерений.

Говорят, что власти разделяют, чтобы сохранить свободы. Но разделение может и разрушать свободы. Французские конституции 1791 и 1848 годов представляют собой честолюбивые попытки создать жесткое и догматическое разделение властей. Первый документ породил правление Наполеона Бонапарта, а следующая попытка привела к появлению Второй империи[1].

Система сдержек и противовесов (контроля и баланса) не противоречит доктрине раздельных властей. Они дополняют друг друга.

Каждый новый Президент, который приходит в Белый дом, через некоторое время пребывания в должности осознает степень такого конституционного разделения независимо от того, кто составляет большинство в конгрессе, партия президента или ее соперник. Так и должно быть. Президент не разделяет с конгрессом свое право помилования, а конгресс не делится с судами своей властью в области налогообложения и ассигнований (хотя судейские и принимают участие в определении предельных размеров льгот). В 1974 году Верховный суд определил разделение властей в федеральном правительстве, заявив, что полномочия, вверенные федеральным судам Статьей III Конституции, «могут быть поделены с исполнительной властью не более

---

[1] *М.Дж.К. Вайл.* Конституционализм и разделение властей. 1967. С. 176—211.

чем, скажем, глава государства может поделиться с судами правом вето или конгресс разделить с ним право отменять вето Президента»[1].

Долгосрочность доктрины. Прошел ли баланс политических институтов, задуманных создателями Конституции, проверку временем? Или события опрокинули теорию? Токвилл, одобрительно цитируя Джефферсона, считал, что «тирания законодательства» в Америке будет длиться в течение ряда лет, прежде чем ее сменит тирания исполнительной власти[2]. И все же президентская власть, достигнув вершины при Аврааме Линкольне, поникла перед лицом настойчивого и восставшего конгресса. В 1885 году Вудро Вильсон писал, что Конституция 1787 года являлась формой правления скорее по названию, чем на самом деле, «форма Конституции предусматривала прекрасно пригнанный, идеальный баланс, в то время как реальная форма нашего правления является просто схемой верховенства Конгресса»[3].

Двумя десятилетиями позднее, алчно поглядывая на Белый дом, Вильсон возвещал, что Президент «должен отныне и навсегда быть одной из величайших сил в мире... Мы только начинаем рассматривать должность Президента в этом свете; но именно такой свет все больше и больше будет на него падать...»[4]. Согласно его анализу, новым источником президентской власти являлось бремя международной ответственности, возложенное на Соединенные Штаты. Великая депрессия 1930-х годов в сочетании с личными качествами Франклина Д. Рузвельта придала новый импульс исполнительной власти.

Репутация конгресса падала с такой стремительностью, что Сэмюэль П. Хантингтон в одной из своих известных работ, опубликованной в 1965 году, предположил, что конгресс должен отказаться от своей законодательной роли и сосредоточиться на служении избирателям и надзоре за государственными органами, если он не изменит коренным образом

---

[1] Соединенные Штаты против Никсона, 1974. С. 683, 704.

[2] *Токвилл.* Демократия в Америке. 1945. С. 280.

[3] *Вудро Вильсон.* Правление Конгресса. 1885. С. 6.

[4] *Вудро Вильсон.* Конституционное правление в Соединенных Штатах, 1908, с.78.

свою деятельность[1]. Казалось, что состояние конгресса продолжает ухудшаться, так как в 1968 году Филипп Б. Курланд обвинил его в том, что у него «не хватает смекалки исполнять свои обязанности». Конгресс находился в прострации, Президент доминировал над ним. Курланд предлагает нам навестить «ложе другой больной конституционной концепции — понятия о разделении властей». Пациент был не просто болен, смертельный исход казался неминуемым. Теоретически лечение было возможно, но Курланд не видел оснований для оптимизма. Пациент утратил волю к жизни[2].

Эти мрачные прогнозы подразумевают, что дисбаланс между Президентом и конгрессом носит хронический и постоянный характер. Однако никогда никакая ветвь власти не была столь всесильной или столь ущербной, как утверждали критики. Конгресс жив и здоров, хотя конкретный образ его жизни может оскорблять их вкус. Политическая система продемонстрировала способность к самокорректировке. Два президента, испытывавших пределы своей власти в 1960-е и 1970-е годы, были удалены со своих должностей[3].

Доктрина раздельных властей, подвергавшаяся насмешкам большую часть двадцатого века, все еще сохраняет жизнеспособность. Обращение к американской истории дает основания для уверенности. Сенатор Джордж Уартон Пеппер нарисовал такую благоприятную перспективу: «Если геометры 1787 года надеялись на совершенный мир и если психологи того времени опасались разрушительных конфликтов, то история, как это часто бывает, доказала, что надежды оставляют в дураках, а опасения обманывают. Совершенного мира не было, но конфликты не стали разрушительными[4].

---

[1] *Сэмюэль П. Хантингтон.* Ответ конгресса на двадцатый век. В: Конгресс и будущее Америки. Под ред. Дэвида Б. Трумэна. 1965. С. 5—31. Однако годом позже Ральф К. Хьюитт утверждал, что конгресс играет более важную роль в законодательстве, чем представляют себе его критики. См. его работу «Конгресс, партнер надолго», впервые опубликованную в 1966 году и переизданную Ральфом К. Хьюиттом и Робертом Л. Пибоди под названием «Конгресс: два десятилетия анализа», с. 209—229.

[2] *Филипп Курланд.* Бессилие молчания, 1968, Дьюк Л.Дж. С. 619, 621.

[3] См.: *Луис Фишер.* Конституционные конфликты между конгрессом и президентом. С. 27.

[4] *Джордж Уартон Пеппер.* Семейные ссоры: Президент, Сенат, палата, с. viii (1931).

Что делать?

...После окончания заседания Президиума Верховного Совета началась подготовка к Чрезвычайной сессии Верховного Совета с повесткой дня «О политической ситуации в Российской Федерации, сложившейся в результате государственного переворота». Работники были на подъеме — они прекрасно знали огромное значение того, что происходит, понимали свою колоссальную роль в подготовке сессии парламента, работали четко, хладнокровно.

Так вот, перед началом этой сессии, которую мы наметили созвать уже ночью 21 сентября, я работал над двумя документами. Первый из них — заключение к книге «Мировая экономика». Я утром еще планировал сдать ее в издательство. Помню, Воронин заходит, рассматривает то, что я пишу, удивленно-вопросительно смотрит: дескать, чем это вы занимаетесь? Я говорю: *«Юрий Михайлович, я заканчиваю последние фразы «заключения» монографии. Потом займемся Ельциным и государственным переворотом...»*

Второй документ: мне надо было основательно подумать самому, как построить нашу деятельность в экстремальных условиях. Даже начиная с того, чтобы внести ясность в термине: «путчисты» — это «кремлевские вожди», «конституционалисты» — это все те, кто поддержал Верховный Совет в его устремлениях обеспечить торжество Конституции, «мятежники» — это ельцинисты-еринцы, движение «Сопротивление» — это общее название деятельности тех сил, которые выступают против диктатуры Ельцина и т.д.

Надо было определить направления работы и ответственность руководства Верховного Совета — чем буду заниматься я, чем — Воронин, Агафонов, другие заместители, члены Президиума, депутатские фракции, кто будет работать с регионами и т.д. Другой вопрос: как использовать огромный потенциал наших парламентских служащих, людей опытных и преданных Закону. И все это надо было делать быстро, оперативно, с умом — события приобретали невероятный динамизм. В приемной — огромное количество людей, требующих точных ответов, разъяснений, а то и просто наблюдающих за поведением председателя российского

парламента в эти критические дни. Мне нужно было побыть одному...

...Я ушел в дальнюю комнату-кабинет, которую почему-то называли «комнатой отдыха». Для меня это был обычный рабочий кабинет, небольшой, уютный и «по-совместительству» — столовая, кофейная. Здесь я в последние два года написал тысячи страниц, прочитал десятки тысяч писем от наших граждан, сам писал им ответы... Сюда я обычно переходил из рабочего кабинета часов в 9—10 вечера и сидел до 12, а то и позже... Попросил дежурного секретаря никого не пускать ко мне в течение одного часа. Не особенно следя за формой фраз, составил прежде всего для себя самый общий план нашей работы или скорее — фрагменты такого плана. Получилось вот что:

ОРГАНИЗАЦИЯ
работы по подавлению вооруженного мятежа
(общий план)

I этап:

• Верховный Совет, а затем X Чрезвычайный Съезд депутатов приводят в движение механизм отрешения от должности Ельцина в полном соответствии с Конституцией;

• Конституционный суд рассматривает этот вопрос, дает Заключение;

• На Руцкого возлагаются полномочия исполняющего обязанности Президента Российской Федерации; ему следует помочь сформировать группу Советников, или Инспекторов: по обороне — возможно, Ачалова, внутренних дел — кого? Дунаев? Трушин? — посоветоваться... Безопасности — кого? Баранникова? — но он никогда не был лоялен к парламенту, «честно» служил Президенту Ельцину и обратился в Верховный Совет только тогда, когда его откровенно унизили; Кобец намекал на свою готовность стать министром безопасности — почему бы не предложить ему? К тому же депутат, а вчера предупредил...

• «Министрами» их называть не стоит, но решением X съезда правительство Руцкого следует наделить чрезвычайными полномочиями.

• Законодательная власть действует строго по Конституции и в полном соответствии с законами РФ. Никакие их нарушения, про-

диктованные чрезвычайными обстоятельствами, для нас недопустимы.

• Наша, парламентариев, основная задача: принять весь необходимый блок актов, обеспечивающих твердую законную процедуру возвращения страны в конституционное «поле».

• Обеспечить работу с провинциальной Вандеей.

II этап:

• Неподчинение Ельцина законной власти, включая решение Конституционного суда, императивно приведет дело к насильственным, кровавым событиям. Похоже, это неизбежно. Когда суд выносит приговор, даже убийца послушно следует за конвоирами. Но Ельцин пошел ва-банк, он точно не подчинится Закону, решениям Высшей государственной власти, каковым по Конституции является Съезд народных депутатов.

• Далее, Конституционный суд выносит свой вердикт — Ельцин отстраняется. Но он, разумеется, не подчинится — что ему Закон и Суд? Его пропагандистская свора развертывает мощную атаку на Законодателя и Конституционный суд (особенно «достается» Зорькину).

Что делать в такой ситуации?

— Как обеспечить действия исполнительных органов власти?

— Проблема Руцкого — плохой организатор, нет стратегического мышления.

— Другая проблема: мы заседаем, говорим, обсуждаем, теряем время в пустой говорильне, а этого не избежать, это — нормальная «функция» всех парламентов мира. Но в это время и.о. президента и его штаб должны действовать:

1) они должны взять под контроль Вооруженные силы, МВД, органы безопасности, всю правоохранительную систему Москвы;

2) мне — переговорить с Генеральным штабом, Московским военным округом;

3) специальный эмиссар Руцкого, профессиональный дипломат, известный в мировых кругах, должен вылететь в одну из стран и вести серьезные переговоры с Западом. Может быть, Бессмертных? Здесь нужен смелый человек.

4) Еринцы-омоновцы будут избивать и расстреливать — что тогда? У Руцкого не позже завтрашнего дня должны быть верные воинские соединения, которые предупредят МВД о недопустимости применения огнестрельного оружия — под страхом расправы с такими формированиями МВД на месте, если обнаружится, что они

применили оружие против мирного населения. Тогда — не посмеют. Кто будет этим конкретно заниматься? Может быть, Ачалов?

5) Деятельность Законодателя в областях:

а) собственно нормативная — подводящая полную законодательную (законную) базу под действия новой высшей исполнительной власти;

б) политическая деятельность Законодателя — обращения, воззвания, заявления, меморандумы;

в) деятельность высшей исполнительной власти в лице и.о. президента и его временного правительства, утвержденного Съездом. Помочь в составлении плана ликвидации заговора против Государства и Конституции, против российских народов, может быть, так и назвать этот план;

г) деятельность Генеральной прокуратуры — немедленно приступить к расследованию преступной деятельности заговорщиков-путчистов, восставших против законной власти. Вынести постановление (ордер) о задержании (аресте) Ельцина;

• Дополнительно использовать материалы неудавшейся попытки Ельцина осуществить переворот 20 марта. Но Степанков — слаб. Утвердить спецпрокурора на Верховном Совете, может быть, Илюхина?

— Основные действующие лица мятежников, помимо самого Ельцина, это: Черномырдин, Грачев, Ерин, Шумейко, Филатов, Полторанин, Гайдар, Козырев, Илюшенко, и.о. министра безопасности Галушко, начальники управлений МВД и МБ по Москве.

— Отношение к правительству Черномырдина: сейчас не трогать. Как будут себя вести члены правительства? — как в августе 1991 года, когда все, даже демократы, поддержали переворот или трусливо сбежали. Или у них хватит Чести? Надо посмотреть. Мне сказали, что Черномырдин «завизировал» Указ № 1400. Интересно, интересно... Вышел из чувства протеста из состава правительства Сергей Глазьев. Честный человек! За ним — большое политическое будущее.

III этап:

• Работы с регионами, их решения. Одновременно: внесение X Съездом необходимых поправок в Конституцию, расширяющих права областей, краев, национальных округов. Это ликвидирует противоречия между республиками и другими регионами...

• Для X Съезда: необходимы решения об одновременных выборах (не позже весны 1994 года) и президента, и парламента. Обна-

родовать это решение. Сколько раз убеждал депутатов в необходимости этого решения! Сейчас-то, надо полагать, примут.

• Единство Съезда. Сейчас это очень важно. Депутатов покупают: деньгами, должностями...

• Органически слабый момент: приходится много говорить на сессиях — это ведет к «раскрытию карты». Не говорить, не выступать — осудят депутаты... Многие не хотят понимать сути того, что происходит.

Целесообразно: принять нужные решения на X Съезде и на этом закончить его работу. Но всех депутатов «держать» в Белом доме. Всем — дать работу, выезжать на предприятия Москвы, в регионы, армию. Штаб Воронина — основной формальный центр развертывания Сопротивления. Кстати, он — член Совета безопасности. Ввести в штаб членов президиума, возможно — лидеров партийных фракций парламента. Штабу Воронина — работать с Моссоветом, райсоветами города Москвы, организаторами демонстраций, манифестаций, организациями предпринимателей. Но мне экстренно надо сформировать свой личный штаб подавления контрреволюции.

Руцкому:

— создать Временный правительственный совет. Может быть, это и будет временное правительство. Здесь должна быть сконцентрирована вся Чрезвычайная исполнительная власть. Пригласить, может быть, Скокова на должность руководителя Совета, предложить ему возглавить будущее российское правительство.

— Агафонова — на Москву, на исполнительную власть в Москве. Агафонов, Лужков — однотипны, знают свое дело. И неплохо.

Руководству Верховного Совета:

• Разделить деятельность высшей законодательной власти (парламент, съезд) и высшей исполнительной власти (Руцкой). Помогать Руцкому и его аппарату сформировать чрезвычайные органы, подконтрольные парламенту, но не заменяя их в целях скорейшего подавления кремлевского путча.

• Общая установка: *первое* — действовать, как в августе 1991 года, всех прибывающих располагать по периметру парламентского здания. Мирное массовое сопротивление мятежу — это грозное оружие. *Второе* — исполнительной власти занять Кремль, правительство, министерства силового блока. Это — их прямая обязанность — иначе проиграем.

• Для работы с регионами создать Центр регионального сопротивления, возможно, с одним из авторитетных председателей областного Совета. Рассмотреть, обсудить. Аман Тулеев?

• Комитету Коровникова с частью депутатов комитета Степашина — работа в Кантемировской и Таманской дивизиях. Им надо рассказать правду, больше — ничего. Обеспечить вместе с Ачаловым прибытие хотя бы одной воинской части. Не позже, чем завтра. Нельзя терять ни часа. Ельцин, увидев неспособность своих министров, бросится сам в эти части. Но это произойдет не раньше, чем через 3—4 дня. Нам надо опередить. Посоветоваться с военными.

2. Координация Штаба с «улицей» — определяющий момент. Не допустить даже попыток замены власти Верховного Совета «улицей», Воронину — переговорить с лидерами радикальных движений — о поддержке Верхового Совета, недопустимости подмены конституционных требований собственными лозунгами (время не подходящее).

3. Регионы: буду заниматься сам. Нужен особый план.

4. Международные дела. Иона Андронов? Кто еще?

Фрагмент консультаций

Когда отпечатал, я сделал три ксерокопии. И пригласил трех своих «старых» консультантов, которые уже ждали меня. Дал им по экземпляру — читайте, сам сел за свой стол. Ждал. Не торопил, хотя время торопило меня.

Минут через 15 от текста оторвал глаза Владимир Алексеевич (когда-то дослужился до генерала в одной из стран Латинской Америки). Задумчиво смотрит куда-то, мимо меня. Потом — уже на меня, ждет, пока заговорю. Сам не хочет начинать разговор. Я его знаю давно. Лет 30. Это — отец одного моего однокашника по университету. Спрашиваю:

— Ну как, Владимир Алексеевич? Что скажете?

— Слишком фрагментарно и прямолинейно. События уведут вас всех в сторону. Будут у вас и министры, и конфликты в Верховном Совете и многое другое... Но мало кто захочет поехать в воинские части — слишком опасно, могут попросту убить... Кремль брать ваши военные не захотят — слишком хлопотно. Знают ли они, как его обесточить? Депутаты же ваши, Руслан Имранович, вытянут у вас своими интригами и вопросами последние силы и не дадут вам лично эффективно контролировать ситуацию. А значит, не дадут вам возможности обыграть кремлевских заговорщи-

ков. Я не исключаю вашего поражения... К тому же «слабое звено» — Руцкой... Если предложат компромисс — выход из ситуации с честью, — не упрямьтесь...

Спорить было некогда, да и зачем? Я знал, что собеседник никогда никого не хвалил, никого и ни за что. Он работал со многими правителями. Незаметный. Но очень умный, с необычайными аналитическими способностями. Он — давно нигде не работает. Но в сложные минуты приходит, просит у дежурного секретаря доложить о себе. Говорит не очень приятные вещи и уходит. Я начинаю думать о том, что он сказал, уже после его ухода — и часто меняю свои представления по сложным вопросам. Таков он, этот отец моего университетского товарища. В тюрьму он тоже подал весточку о себе — просто привет. И я приободрился мгновенно... Ну, это потом, а сейчас...

Другой — Виктор Александрович, из этого же разряда, генерал-лейтенант, его посадили в 1946 году, реабилитирован в 1954 году; был восстановлен на «службе», работал до конца 70-х годов. Говорит:

— План логичен. Но мой коллега прав: не удивляйтесь, если события сделают бесплодным этот ваш план. Но он был необходим — прежде всего для вас, Руслан Имранович. Не буду преувеличивать, но все, что здесь произойдет, во многом будет определяться вами, вашей волей — это все понимают.

Поэтому хорошо, что вы сами себе, работая над набросками своих действий, представили громадную сложность подавления президентского мятежа. Это — неслыханно сложная задача. У Ельцина — армия, МВД, 10-тысячный отряд личной охраны, неограниченные финансовые ресурсы. Черномырдин, уверен, одобрил этот план — не обольщайтесь на этот счет. Поддержка заграницы Ельцину гарантирована. Ваши же союзники — голодные и обездоленные люди, растерянные нищетой и пропагандой, забитая наша российская интеллигенция — этого мало для победы. План ваш, несомненно, полезный, некоторые его элементы, конечно, вы сможете осуществить. Но, на мой взгляд, следовало бы вычленить три фактора, которые могли бы определяющим образом повлиять на исход.

— Армия. Направьте депутатов в воинские части, авторитетных, солидных, и не только депутатов — своих заместителей.

— Москвичи: если вы сможете завтра вывести сюда, к парламенту, 300—400 тысяч человек — Ельцин падет.

— Регионы: вы много работали на регионы. Вы первым сказали, что без регионов никаких реформ не будет, помогали, заставили правительство и Ельцина смотреть в сторону провинции. Пусть теперь отплатят добром. Здесь они обязаны проявить решительность. Пусть сегодня ночью соберутся в любом городе, еще лучше — пусть региональные «вожди» приедут сюда, к вам в Верховный Совет. И в одном из залов, без вашего присутствия, предъявят Ельцину и Черномырдину ультиматум. Затем обратятся к населению, армии, МВД, МБ. Они могут блокировать железнодорожное и авиационное сообщение на всей территории России, подачу энергии и продовольствия в Москву и т.д. Ельцина хватит на пару дней — не больше... Ваше слабое звено — Руцкой, его надо жестко контролировать. Но это сложно...

У вас, Руслан Имранович, для развертывания всей этой работы мало времени, сегодня ночью и завтра в течение дня вы должны все это обеспечить. Иначе — потерпите поражение, максимум через 4—5 дней. Не надо думать, что «затягивание» — в ваших интересах. Вы уже не новичок в политике, прошли через то, что обычные политики не «проходят» всю жизнь... Пропаганда, причем без правил, морали — на стороне Ельцина. СМИ окончательно одурачат всех. С вами могут жестоко расправиться. И никто глазом не моргнет... (Заходят Воронин, Агафонов; напоминают о начале работы экстренной сессии Верховного Совета).

— Пожалуйста, посидите здесь, пейте кофе без меня. Видите, сюда уже заглядывают мои заместители. Мне надо уходить на заседание Верховного Совета. Завтра в 19.00 прошу быть здесь, если сможете. До свидания. Андрей Степанович, вы можете меня подождать? Я вернусь через два часа.

— Хорошо Руслан Имранович, я буду в зале. Мне интересно будет наблюдать за вашими депутатами. (С Андреем Степановичем я переговорил после завершения заседания Верховного Совета; был настроен пессимистично в отноше-

нии наших возможностей к сопротивлению. Он усматривал основную проблему не в армии, МВД и т.д., действующих на стороне Ельцина, а в органической непригодности Руцкого быть лидером в экстремальных обстоятельствах.) «Все достижения, достигнутые хитроумием ваших комбинаций, Руслан Имранович, Руцкой обесценит одним своим непродуманным действием» — вот его слова перед нашим расставанием.

Глава 3

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА

Экстренное заседание Верховного Совета

...Сессия Верховного Совета. Заседание началось около 24 часов... Повестка дня — «О политической ситуации в Российской Федерации, сложившейся в результате государственного переворота». (Мы еще не знали заключения Конституционного суда.) Я выступил с кратким сообщением о государственном перевороте, напомнил, что это ожидалось, хотя не хотелось верить этому. Обрисовал ход конфронтации, которая непрерывно навязывалась Верховному Совету вопреки нашей воле.

Нет смысла говорить об эмоциональной стороне накала страстей, выплескивающихся в выступлениях парламентариев. Многие вспоминали, как самоотверженно защищали Ельцина в тяжелые для него времена. И — такой предательский удар в спину...

Выступило более 20 депутатов. Никто не осмелился взять под защиту Ельцина. Даже его ярые сторонники — из тех, кто не сбежал — не осмелились оправдать его действия. Предложение было одно: отрешить от должности президента Ельцина в соответствии со статьей 121.6 и возложить на Александра Руцкого функции исполняющего обязанности президента.

Пока мы дискутировали, прибыл председатель Конституционного суда Валерий Зорькин в сопровождении почти всех членов Конституционного суда. Он попросил слова, вышел на трибуну и зачитал Заключение Конституционного суда. Приговор был суров.

Заключение Конституционного суда Российской Федерации

В соответствии с Конституцией Российской Федерации действии и решении Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина, связанных с его Указом «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации» от 21 сентября 1993 года № 1400 и Обращением к гражданам России 21 сентября 1993 года.

21 сентября 1993 года, город Москва

Конституционный суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д. Зорькина, заместителя Председателя Н.В. Витрука, секретаря Ю.Д. Рудкика, судей Э.М. Аметистова, Н.Т. Ведерникова, Г.А. Гаджиева, А.Л. Кононова, В.О. Лучина, Т.Г. Морщаковой, В.И. Олейника, Н.В. Селезнева, О.И. Тиунова, Б.С. Эбзеева, рассмотрев на судебном заседании Суда действия и решения Президента Российской Федерации, связанные с его Указом «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации» от 21 сентября 1993 года № 1400 и Обращением к гражданам России 21 сентября 1993 года, руководствуясь статьей 165 Конституции Российской Федерации, пунктом 3 части второй и частью четвертой статьи 1 и статьями 74, 77 Закона о Конституционном суде Российской Федерации, пришел к заключению:

Указ Президента Российской Федерации Б.Н.Ельцина «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации» от 21 сентября 1993 года № 1400 и его Обращение к гражданам России 21 сентября 1993 года не соответствуют части второй статьи 1, части второй статьи 2, статье 3, части второй статьи 4, частям первой и третьей статьи 104, части третьей пункта 1 I статьи 121 (5), статьям 165 (1), 177 Конституции Российской Федерации и служат основанием для отрешения Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина от должности или приведения в действие иных специальных механизмов его ответственности в порядке статьи 121 (10) или 121 (6) Конституции Российской Федерации.

Председатель Конституционного суда Российской Федерации В.Д. Зорькин

Секретарь Конституционного суда Российской Федерации Ю.Д. Рудкин

Зачитывая вердикт Конституционного суда Российской Федерации, Валерий Зорькин был суров, бледен и бесстрашен. Это усиливало эффект произносимых им юридических обобщений. Все понимали, что с этой минуты Ельцин навсегда теряет свою легитимность. Приговор Конституционного суда страны — это такое решение, которое принципиально не может быть опротестовано, отменено и не выполнено — нет ничего выше этого приговора. Это никогда не оспаривается ни национальным, ни международным правом нигде в мире. Но в России — все можно, потому что право нарушается прежде всего носителями высшей государственной власти. Отсюда — истоки криминализации государства и коррупция.

После основательной дискуссии на экстренной (VII) сессии Верховного Совета был принят следующий документ.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

О прекращении полномочий Президента Российской Федерации Ельцина Б.Н.

В связи с грубейшим нарушением Президентом Российской Федерации Ельциным Б.Н. Конституции Российской Федерации — России, выразившемся в издании им Указа от 21 сентября 1993 года № 1400 «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации», приостанавливающего деятельность законно избранных органов государственной власти, Верховный Совет Российской Федерации постановляет:

В соответствии со статьей 121.6 Конституции Российской Федерации — России полномочия Президента Российской Федерации Ельцина Б.Н. прекращаются с 20 часов 00 минут 21 сентября 1993 года.

Председатель Верховного Совета Российской Федерации Р.И. Хасбулатов

г. Москва, Дом Советов России, 22 сентября 1993 года

Другой документ, принятый Верховным Советом, обеспечивал переход президентских функций к вице-президенту как и.о. Президента Российской Федерации.

Далее, Верховный Совет принял решение о немедленном созыве X Чрезвычайного Съезда народных депутатов с повесткой дня «О политической ситуации в Российской Федерации, сложившейся в результате антиконституционного переворота, осуществленного Ельциным».

Этот съезд был также созван в изумительно короткий период времени, буквально через день...

Работа X Чрезвычайного Съезда

Съезд начал свою работу 23 сентября в 10 утра, депутаты все прибывали и прибывали... Обстановка в стране быстро накалялась. Никаких попыток переговоров с руководством Верховного Совета ни Ельцин, ни Черномырдин не предпринимали, хотя в мемуарах они ссылаются на эти свои инициативы. На мои попытки связаться с ними, переговорить — никакой реакции. Все виды связи, уже ночью 21 сентября, у меня были отключены так же, как и во всем Белом доме. Жизнь здесь, в Белом доме, закипела необычным образом, напоминая августовские дни 1991 года.

С одной стороны, обстановка выгодно отличалась от тех событий — мы сумели немедленно, в точном соответствии с Конституцией, собрать парламент, дать оценку событиям, включая оперативно вынесенное решение Конституционного суда, в соответствии с которым отрешение президента от должности принимало абсолютно законный характер, безупречный с любой точки зрения. Поддержка наших действий была очень широкая. Несмотря на отключение каналов связи, мы через московские районные Советы, в частности Краснопресненский районный Совет, разные учреждения и организации, имели связи с регионами. Знали, что региональные органы власти везде проводят экстренные заседания Советов для обсуждения одного вопроса — о политическом положении, сложившемся в Российской Федерации в результате государственного переворота, совершенного

Ельциным. Документы Президиума Верховного Совета с повесткой дня для обсуждения мы переслали в регионы — в республики, области, края и округа для обсуждения.

Но, с другой стороны, по сравнению с событиями 21 августа 1991 года, я видел, что «противник» другой, он — беспощадный, безжалостный, маниакально одержимый желанием удержать власть, *готовый* жестоко расправиться с Парламентским Сопротивлением. Он уже привык к крови, буквально жаждет ее (примеры: события в Ингушетии, избиения в «Останкино» в 1992 году и 1 мая 1993 года — в центре Москвы), сросся с организованной преступностью, готов использовать самые грубые и жестокие провокации. Поэтому я предвидел, что наше сопротивление будет трудным, допускал возможность поражения. И прямо сказал об этом уже на первом брифинге для журналистов в 22 часа 21 сентября...

ДОКЛАД
Председателя Верховного Совета Российской Федерации Р.И. Хасбулатова на X Чрезвычайном Съезде народных депутатов, 23 сентября 1993 года

«О политическом положении в Российской Федерации в связи с государственным переворотом, совершенным президентом Б.Н. Ельциным»

Уважаемые граждане Российской Федерации! Уважаемый Съезд народных депутатов Российской Федерации, уважаемый Конституционный суд, представители прессы! Вечером 21 сентября Президент Российской Федерации Борис Николаевич Ельцин совершил государственный переворот. В его Указе «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации», Обращении к **гражданам** России, постановлениях Правительства по исполнению его решений объявляется о прекращении полномочий Съезда народных депутатов и Верховного Совета, приостанавливается деятельность Конституционного суда. Президент подчинил себе Генерального прокурора.

Другими словами, предпринята попытка ликвидировать полностью не только принципы и суть разделения властей, но **и** существующую законодательную власть. Кстати, **и** сегодня в руках Ельцина концентрируется власть, практически никем **не контролируемая и никому** не подвластная, не сравнимая даже с диктаторской. При последней всегда остается какая-то атрибутика, а здесь и ее не оставили, поскольку готовящийся именно для этой роли Совет Федерации, как вы знаете, умер, так **и** не появившись на свет.

В результате переворота по существу провозглашена жесткая диктатура, отменено народовластие, введена политическая цензура на средства массовой информации. Здесь, в Верховном Совете, отключена связь, вводится ограничение с освещением. Произвольно **изменено** устройство государственной власти, ее **высших** органов, парализовано на сегодняшний день управление страной, дан новый, пожалуй, самый сильный **импульс** для дезинтеграции страны. Конечно, на этом фоне просто кощунственно звучат слова экс-президента о сохранении прав **и** свобод **личности в** условиях практически беспредельного беззакония и произвола.

Заявление о роспуске Съезда народных депутатов и Верховного Совета, практически изменение статуса Конституционного суда, Генеральной прокуратуры, Центрального банка, **попытки** взять под контроль помещения, здания, принадлежащие Верховному Совету, есть, конечно же, оскорбление чувств каждого гражданина, оскорбление чувств всего народа, избравшего эти органы (я уже не говорю о вас, уважаемые народные **избранники**). Это есть оскорбление и вызов нашим демократическим партиям, общественным движениям, всем новым, подлинно демократическим движениям и организациям. Страдают наши сограждане, которые с 1989 года неоднократно отдавали свои голоса на различных выборах, на различных референдумах, искренне считая, что они участвуют в демократическом процессе.

Действия ельцинистов есть грубый вызов мировому демократическому движению. Это есть грубый вызов не только для наших сограждан, но и для всех наших союзнических отношений и прежде всего в рамках Содружества государств.

Как вы знаете, Верховный Совет мгновенно отреагировал на эти преступные решения. Уже в ночь с 21 на 22 сентября были приняты важные документы — Постановления о немедленном прекращении полномочий Президента Российской Федерации Бориса Николаевича Ельцина, об исполнении полномочий президента вице-президентом Руцким Александром Владимировичем, о созыве десятого (внеочередного) Съезда народных депутатов Российской Федера-

ции, об отмене указов бывшего Президента Российской Федерации, связанных с этими действиями.

Заключение Конституционного суда в связи с государственным переворотом укрепило правовую основу для деятельности Верховного Совета и X Чрезвычайного Съезда народных депутатов.

С этими и другими документами вы знакомы. Вам они розданы.

Каковы же действительные цели переворота?

Во-первых, это стремление уйти от ответственности за крах своей политики, развал страны, за резкое ухудшение жизни народа. Это попытка переложить ответственность с себя на представительную власть и таким образом сохранить агонизирующий режим.

Во-вторых, цель переворота: спасти свою социальную опору, очень узенькую, то есть тех, кто награбил баснословные богатства, строит себе дворцы, имеет по нескольку дорогих лимузинов, отдыхает на Канарских островах, купается в роскоши при невиданном обнищании 90 процентов населения.

В-третьих, одна из целей — бросить людей в «дикий» рынок капитализма XIX века, на произвол судьбы, лишив их всякой социальной защиты, средств существования.

В-четвертых, правящий режим желает, предавая национальные интересы, иметь вердикт Запада на свое существование. Собственно, таким образом осуществляются экономические реформы, все в большей степени подчиняющие экономику страны сырьевым потребностям Запада, ведущим международным финансовым и промышленным группам, активно проникающим в российскую экономику и финансы.

Эти цели осуществлялись неуклонно с момента прихода ельцинистов к власти. Мы хорошо помним этапы авантюрных действий на этом пути. Это и шоковая терапия, которая имела не столько экономические, сколько политические цели — создать, хотя небольшую, но, тем не менее важную социальную опору из спекулятивно-мафиозных элементов, называемых «предпринимателями». Это и декабрьская (1992 г.) попытка введения чрезвычайного положения в стране, и печально знаменитый ОПУС в марте 1993 года. Далее, психологический террор накануне, в ходе и после проведения референдума 25 апреля, завершившийся «кровавым Первомаем». Это, наконец, и пресловутая августовская «артподготовка», и нынешнее сентябрьское преддверие государственного переворота.

Провалы этих авантюр ничему не научили политиков и реформаторов-неудачников.

Особо хотелось бы отметить действительно изощренное коварство, лживость и мелочность их действий и практического курса.

Сформировался своего рода тип политика, строящего свою деятельность на обмане, авантюрах и предательстве, в том числе своих соратников. Обман общества целых социальных слоев, парламентариев стал главным средством сохранения власти. Вспомним отношение к своим предвыборным обещаниям президента и его посулы перед референдумом, когда произносились клятвы и всяческие заверения в преданности интересам людей. Причем конфронтация, политическое хулиганство стали нормой жизни политической кухни, правительственно-президентской рати.

Все это как раз и проявилось в указе № 1400, в выступлении президента по TV, лживом и клеветническом от начала до конца, на базе которого осуществился заговор против государства, затем вооруженный мятеж ельцинистов и соответственно начался государственный переворот, направленный на свершение конституционного строя в России с целью установления единоличной диктатуры кремлевского правителя-предателя и заговорщика. Один раз он уже совершил тяжелое государственное преступление, способствовав гибели СССР, тогда это преступление осталось безнаказанным.

На сторону преступных акций Ельцина угодливо стало правительство во главе с Черномырдиным. Тем самым оно берет на себя ответственность за грядущие беды России. Но это ведь и вполне логично. Так и не сумел глава правительства выполнить те обязательства, принятые им на Съезде народных депутатов страны, когда был избран премьером волей парламентариев. Он не сумел сформировать ни правительство национального согласия, ни организовать его нормальную работу. Вот и боится ответственности. А страх толкает политиков на безответственные поступки.

Так часто происходит и тогда, когда слепая личная преданность вождю становится приоритетной по сравнению со знанием дела. Бездарно авантюрная политика привела страну на грань гражданской войны. Вновь, как во времена смуты или Великой Отечественной войны, встал вопрос о спасении Отечества, о путях и судьбах нашего народа.

Для того, чтобы правильно определить пути и способы спасения **Российской Федерации**, ее народов, конечно же, **необходимо** исходить из беспристрастного анализа сложившейся ситуации.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

Принятый Ельциным указ означает не только установление режима личной власти, но и явно несостоятельную попытку форсирования своей экономической политики, устраняя Верховный Совет,

Съезд (единственные, универсальные, **контрольные,** представительные органы, высшие органы власти).

Ельцин намерен смести все барьеры и противовесы, служившие ограничителями по отношению к разрушительному экономическому курсу. Заявление о передаче Центрального банка в ведение исполнительной власти — это реализация давнишней мечты правительственных радикалов об установлении экономической диктатуры, ужесточение не оправдавших себя монетаристских мер, что еще больше сузит пространство выживания предприятий.

Нам нельзя допустить полного развала народного хозяйства. Необходимо добиваться усиления государственного начала в управлении экономикой, установления контроля в области ценообразования, создания условий для проведения эффективной инвестиционной и структурной политики, подчинения приватизации конструктивным целям восстановления производственного потенциала и развития потребительского сектора.

Мы все были свидетелями того, как эти идеи проникли наконец **и** в правительство, его экономическое крыло, наиболее здравую часть исполнительной власти. Именно в этот момент (после достижения успеха в работе «круглого стола» и принятия национальной Декларации по экономической политике), Ельцин пытается похоронить все то, что с таким трудом было достигнуто на пути к общественному согласию. Отметим и то, что экономика была жива не благодаря, а вопреки усилиям президента и правительства. Это важный момент, его надо знать.

Последние действия бывшего президента — попытка с помощью чрезвычайных мер сломить **сопротивление** лжереформам со стороны здоровых экономических сил. Правительственные **радикалы** давно готовы к массовой безработице, к дальнейшему обнищанию народа, и **мы** уже **познали** многие экономические беды, хотя, очевидно, уготованы новые сюрпризы, которых страна еще не знала.

Хаос в **экономике** страны усиливает проводимая правительством приватизация, игнорирующая законодательные акты Съезда и Верховного Совета. Порочными оказались сам ее механизм, формы и порядок акционирования, предоставление поистине **безграничных** возможностей для незаконного обогащения и спекуляции. По-прежнему теневой капитал отмывается через операции с ваучерами, по-прежнему множатся и процветают весьма сомнительные инвестиционные фонды, наживающиеся на интересах простых **вкладчиков.** Стоимость ваучера, наконец-то поднявшаяся до номинальной величины, является на самом деле до смешного малой.

Ведь получается, что за всю свою жизнь человек **получил** право на долю общего государственного богатства чуть большую, чем один килограмм колбасы, или 10 ам. долл. И даже если увеличить стоимость чека в 10 или 20 раз, конечный результат из-за галопирующей инфляции будет тем же, точнее — ничтожным. Это, конечно, гигантский обман практически всего населения нашей страны.

Серьезные структурные изменения под видом приватизации происходят в промышленности, причем изменения вопиюще негативного характера. Крупные объединения теряют наиболее современное, технологичное производство, нарушаются интересы трудовых коллективов, подрывается вера людей в справедливость и власть как таковую. Отчаянная попытка сделать решительный шаг в навязывании стране не оправдавшей себя экономической политики **происходит** как раз в тот момент, когда конструктивные идеи завоевали огромное число сторонников в обществе и что могло бы способствовать формированию разумной экономической политики на базе общественного согласия.

Мы должны сделать сейчас все, чтобы эти идеи согласия, экономического согласия, не были затоптаны. Вы помните, что еще по решению VII Съезда народных депутатов Правительство, Верховный Совет и его Президиум приняли решение о формировании «круглого стола». В него были включены как раз все представители экономического крыла правительства, представители общественно-политических партий, движений, профсоюзы, депутаты. Была выработана единая общенациональная «Декларация экономического согласия по экономической реформе».

К сожалению, буквально на второй же день после этого выдающегося успеха президент сделал все, для того чтобы эта согласованная и подписанная Декларация осталась на бумаге. В развитие именно этих идей было созвано Всероссийское экономическое совещание, где были хорошо отработаны положения «круглого стола». Кроме того, готовилось Всероссийское совещание — вместе с правительством. Верховным Советом было подписано соответствующее постановление. Но в день открытия этого Всероссийского совещания президент запретил участвовать правительству в его работе. Вот наглядный пример «делового» подхода президента к решению важнейшей общенациональной проблемы — искусственный раздор, конфликты, нагнетание напряженности — вместо стремления к согласию. Однако следует отметить при этом у нас **в Верховном Совете имеется согласованная с правительством позитивная** экономическая программа. Мы должны сделать все, чтобы создать политические, организационные и законодательные

условия для проведения ее в жизнь. И, конечно, на базе этой экономической программы можно сформировать Правительство национального согласия. Без этого немыслимы не то что реформы, но и нормализация управления страной, ее экономикой.

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

Крах президентской и правительственной политики в наибольшей степени выразился в самой близкой для каждого человека социальной сфере. Сначала говорилось о каком-то известном только президенту рецепте проведения «преобразований без повышения цен». Затем, когда страна была ввергнута в пучину ценового хаоса, делались заверения, что это «продлится не более полугода». Потом народ призывали «потерпеть еще полгода-год». В последнее **время** Ельцин вообще отказался от каких-либо обещаний подобного рода. Это и понятно, поскольку они уже никем не воспринимались **и** не воспринимаются.

Что же мы имеем в реальности? За неполные два года исполнительная власть довела народ до полной нищеты. **От гарантированных государством** социальных стандартов **мы** пришли к их **катастрофическому** падению. Цены на продукты питания, потребительские товары выросли в сотни, даже в тысячи раз. Товары длительного **пользования** стали **для** большинства **практически недоступными.**

Типичная картина на улицах российских городов и поселков сегодня — это скорбные фигуры нищих, стариков, детей, бездомных, опустившихся людей. И все это **на** фоне вызывающей роскоши грабителей народа, новых «хозяев жизни», дельцов **преступного** мира, наживающихся на разворовывании с благословения чубайсов народного достояния.

Это губительно для общества, страны, никогда прежде не имевшей вот такого характера и такого размера социального расслоения. Это есть прямое следствие проводимой **ельцинистами** политики. И антинародный мятеж, и переворот — это не что иное, как ее логическое завершение и попытка закрепить такую линию, уйти от неминуемой ответственности. Диктатуру хотят установить для того, чтобы иметь в своих руках силовые рычаги воздействия. Надеть узду на трудящихся, миллионы которых вследствие такой политики в ближайшее время, конечно же, окажутся **безработными.**

Что произошло с нашим здравоохранением и образованием? От бесплатной **медицинской** помощи, доступного каждому обучения **мы** пришли к тому, что они становятся для многих наших сограждан роскошью. И здесь общество расколото на бедных и бога-

тых. За ничтожно короткий срок политика команды экс-президента привела общество к резкому падению рождаемости, что грозит ему общенациональной катастрофой. Конечно же, этому должен быть и будет положен конец. И один из путей поиска выхода из кризиса как раз и был сформулирован рекомендациями «круглого стола» и «Декларацией общенационального экономического согласия», о которых я выше говорил.

Конечно, ситуация исключительно сложная. Но выход мы должны найти все вместе. Главное при этом — преобразовывать, строить, созидать — а не ломать. Многое можно сделать уже сейчас. В ближайшее время исполняющему обязанности Президента России и Верховному Совету необходимо принять различные серьезные законодательные акты, направленные на то, чтобы сбить падение жизненного уровня людей. Задачей задач является обеспечение всеобщей доступности продовольственных товаров первой необходимости: хлеба, молока, сахара, растительного масла, картофеля, а также самых необходимых лекарств. Эти решения должны быть приняты в ближайшие дни.

Будет выполнено решение Съезда народных депутатов об индексации вкладов населения по состоянию на 1 января 1992 года. Мы не намерены решать проблему обеспечения бездефицитности бюджета за счет пенсионеров, инвалидов, многодетных семей, других социально необеспеченных слоев населения, за счет офицеров и военнослужащих Вооруженных сил, за счет рабочих и инженеров, научной интеллигенции, врачей, педагогов. Принятые Верховным Советом законы и постановления об индексации пенсий и пособий будут выполняться неукоснительно. При этом будут приняты самые энергичные меры по сокращению государственных расходов. Здесь имеются немалые резервы как в плане сокращения расходов на госаппарат, так и за счет других разбухших статей бюджетного закона.

Надо разобраться с нашим импортом, покончить с растратой валютных статей — и доходов и расходов. Все это самые неотложные меры. Но осуществленный государственный переворот как раз показывает, что эти неотложные меры должны принять тоже чрезвычайный характер: с позиции их разработки нами и осуществления эффективного контроля за ними. Главное состоит в том, чтобы при помощи государства обеспечить социальную ориентацию формируемого в России рыночного хозяйства.

Что бы сегодня случилось, если бы, скажем, Пенсионный фонд контролировался правительством или президентом? Мы бы сегодня имели дополнительно 30 миллионов полностью обездоленных

сограждан. Я это к тому, что пока благосостояние экономики, которое так или иначе удается сохранять на плаву, достигнуто не благодаря заботам правительства, а вопреки этому. И в значительной мере благодаря тому, что Верховный Совет не давал полностью дезорганизовать народное хозяйство.

КУЛЬТУРА

Совесть каждого россиянина не может не восставать против политики духовного, нравственного растления народа, которая проводилась режимом Ельцина. Против наших духовных ценностей фактически применяется тактика выжженной земли. Удушены отечественная литература, национальный кинематограф, музыка, изобразительное искусство, театр. Ссылки на дефицит финансовых средств не выдерживают критики перед реальной угрозой потери вековых культурных традиций.

Ученые унижены своим правительством, своим президентом, доведены до отчаяния. Конечно же, как и в экономической политике, мы вовсе не намерены стремиться занимать позицию неких провидцев, не имеющих ни к чему никакого отношения, никакой вины. И наша вина парламента тоже велика. Это так. Страшный удар нанесен системе образования. Общеобразовательная школа — величайшая ценность любой страны, сопоставимая разве что с хлебом и свободой. Миллионы родителей знают, во что превратили сейчас десятки тысяч наших школ, резко снизился уровень образования в том числе школьного, при этом все труднее становится решение задачи родителей дать своим детям образование.

На основе тщательного анализа сложившегося положения в социальной сфере, можно сказать — у России есть возможности оживить культуру, науку, системы образования и медицинского обслуживания населения. И мы должны сделать, и мы сделаем все необходимое. Мы знаем, как сделать, чтобы перестать наконец использовать интеллигенцию как инструмент политических игр, «приводной ремень» той или иной идеологической схемы. Мы отказались от навязывания интеллигенции «коммунизации» — давайте же освободим ее от ельцинизации, а в **сущности,** от «вестернизации», от «американизации». В конце концов, для начала достаточно, чтобы заработали уже принятые Верховным Советом России законодательные акты, которые гарантируют свободу творчества, достойное материальное обеспечение интеллигенции, охрану духовного наследия, многообразие культурной жизни регионов с учетом их национальных, региональных и прочих исторических особенностей и традиций.

В этом плане в ближайшее время нам необходимо принять меры по освобождению организаций культуры, науки, образования, медицины от высоких налогов, которые буквально удушают эти важнейшие сферы деятельности, обеспечивающие здоровье нации, здоровье наших сограждан. Необходимо принять меры по созданию наиболее благоприятных условий для всех тех, кто действительно посвящает свой труд и талант совершенствованию и приумножению национальных духовных ценностей всех народов Российской Федерации; по созданию общепринятых в мире цивилизованных барьеров против одурманивания народа, молодых поколений так называемой массовой культурой: по возрождению тех элементов, структур, норм духовной жизни, которые оправдывают себя и пользуются поддержкой нашей интеллигенции, нашего народа. В ответственный момент — выбора позиции, в эти трагические дни, здоровая и бескорыстная часть нашей интеллигенции, я уверен (это уже показывают вчерашний и сегодняшний дни), поднимается, да и уже встала на сторону своего Народа, на сторону Закона, на сторону истинной справедливости. От власти требуется действительно снять наконец с интеллигенции вериги лжедемократии, кремлевского неототалитаризма и преступного унижения. И мы это обязательно сделаем! Мы в состоянии это сделать!

ОСТАНОВИТЬ РАЗВАЛ РОССИИ

Все происшедшее за последние годы убедительно свидетельствует о том, что бывшему президенту всегда были чужды интересы людей, их стремление к достойной жизни в сильном, процветающем государстве.

Игнорируя волю народов Союза ССР, выраженную на референдуме в марте 1991 года, он стал инициатором сговора в Беловежской Пуще, который привел к утрате для каждого из нас общей Родины. Это предательство обернулось смертью и кровью сотен тысяч соотечественников. В наши дома вступила война.

Сейчас, цепляясь за ускользающую власть, экс-президент пошел на новое предательство. Захватив средства массовой информации, он и его окружение извратили результаты состоявшегося в апреле 1993 года референдума, на котором народ высказался за продолжение полномочий как самого президента, так и Съезда народных депутатов, и Верховного Совета.

Однако будучи неспособным на конструктивное сотрудничество, бывший президент сделал очередную попытку узурпировать власть и тем самым поставил Россию перед реальной опасностью

повторить судьбу Советского Союза. Эта опасность реальна, и никто не должен обманывать себя.

Пресечь разрушительную деятельность экс-президента можно было бы только путем лишения его властных полномочий. Это позволит начать нормальный политический процесс, работающий на возрождение нашей великой страны, сохранить единство Федерации и равноправное взаимодействие ее субъектов, обеспечить в соответствии с положениями Конституции проведение в трехмесячный срок выборов нового президента страны.

МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОЛИТИКА И БЕЗОПАСНОСТЬ

Одной из главных целей государственного переворота, который **возглавил** бывший президент, являются продолжение предательства национальных интересов России на мировой арене, подрыв международной стабильности. Всем видно, что **этот курс** ухудшил положение нашей страны в мировом сообществе, привел к увеличению числа военных конфликтов, страданиям людей, еще недавно **живших** практически в полной безопасности в едином государстве.

Политика **ельцинистов** на мировой арене — это политика национального унижения и пресмыкательства, превращения некогда великой страны в третьеразрядное полуколониальное государство, сырьевой придаток Запада. В такой стране каждый человек станет второстепенным по отношению к зарубежным господам, которые уже начинают основательно его грабить.

Это уже происходит сейчас. Достоверно установлено по **многочисленным** исследованиям, расчетам, перерасчетам, что ежегодно из России бесследно утекают богатства, минимум на 17—20 млрд **долларов.** За этим кроется удар по благополучию каждого россиянина. Экономические связи и торговля перестали быть выгодными, превратившись практически в разбазаривание национальных ресурсов и интересов.

Само поведение бывшего президента в международных делах являлось и является лакейским. Вспомните, как он получал «благословение» от Буша на развал СССР, как в роли **просителя** унизительно ожидал, но так и не получил подачек от руководителей стран «семерки», как поспешил известить о своем последнем указе послов западных государств до того, как выступил перед своим народом, а еще раньше советовался по телефону. Это лишь немногие факты. Важно, что все они означают, что ельцинская внешняя политика откровенно поставлена не на службу интересам России, а на службу другим государствам. Не случайно западные политики

подчеркивают, что «политика Ельцина есть **инвестиции** в национальную безопасность США». Ельцина и его окружение характеризуют прежде всего пренебрежение к интересам наших людей, в том числе русского народа, включая тех, кто находится в ближнем зарубежье, предательство интересов друзей и сторонников, что подрывает общее доверие к политике России в современном мире. Никогда престиж нашей страны не был так низок в международных политических отношениях, как сегодня.

Отстранение Ельцина от власти открывает реальную возможность проводить внешнюю политику, которая будет способствовать возрождению страны, улучшению жизни каждого россиянина. Чудовищный вред нанесла политика Ельцина обороне и безопасности России. Тяжелое положение в армии, подорваны военная промышленность, научно-технический потенциал обороны, унижены и обездолены военнослужащие. Как же не радоваться этому крупным державам и западным творцам нового мирового порядка? Если будет продолжаться такая линия, Россия навсегда утратит способность защитить себя, да и утратит вообще те свойства, которые определяют государство как суверенное, самостоятельное. И мы стремительно двигались и все еще продолжаем двигаться именно в этом направлении — к полной потере своей самостоятельности. И даже во внутренней политике.

Эту политику надо изменить. Мы будем сочетать миролюбие с обладанием мощными Вооруженными силами, достойными нашего Отечества. Мы не намерены кому-то угрожать или на кого-то нападать, но нельзя же допускать, чтобы нам диктовали чужую волю. Не может быть мощной армии без заботы о ее воинах, без их высокого социального престижа.

В критической ситуации, порожденной государственным переворотом, многое зависит от политических партий, общественных движений. Все, кто привержен реальной демократии, должны выступить против антиконституционных действий бывшего президента. В противном случае они будут потворствовать установлению диктатуры и сами окажутся под прессом неограниченной единоличной власти. В таком состоянии они никогда не смогут реализовать свои права на будущих выборах. Тем более что эти выборы — очередная ловушка, изобретенная преступной кремлевской группировкой.

Выборы народных депутатов без переизбрания президента еще более дестабилизируют положение в обществе, создадут главе исполнительной власти дополнительные условия для маневров против представительной власти. Немаловажно и то, что намеченные бывшим президентом сроки выборов в парламент являются нере-

альными, поскольку не подготовлена ни правовая, ни организационная основа.

Таким образом, давая общую оценку акциям бывшего президента, можно сказать, что это самая крупная и опасная политическая авантюра, которая, если мы ее не прервем в самом начале, приведет к развалу государства, неисчислимым бедам и страданиям простых людей. Долг каждого гражданина — стать на защиту Конституции, спасти Отечество, уберечь наш общий дом от разорения и братоубийственной войны.

Я хотел бы сообщить о том, что в регионах принимаются очень четкие решения, направленные на приостановление «ползучего» государственного переворота. В Сибири областные, краевые Советы подчинили себе органы безопасности и МВД, приняли решения о неисполнении незаконных указов и постановлений.

Аналогичные решения приняты и принимаются в Центральной России. Практически такое же положение в республиках. Мы имеем уже решения такого рода 82 субъектов Федерации — Верховных Советов республик, краевых, областных, окружных Советов, резко осуждающих осуществленный государственный переворот.

Конечно, для того, чтобы реализовать все предложенные мероприятия, которые здесь синтезированы, высказанные в том числе и вами, уважаемые депутаты, и специалистами, возможно, нам надо было бы организовать специальную комиссию для выработки программ экономического, социального и культурного возрождения России.

Но сегодня наша основная задача — это дать общую оценку последним акциям бывшего президента и наметить конкретные решения на уровне Съезда и Верховного Совета, с тем, чтобы блокировать разрушительный процесс, связанный с действиями, направленными на изменение **конституционного** строя.

Уважаемый Съезд народных депутатов Российской Федерации! Завершая свое выступление, хотел бы еще раз сказать, что нам в ближайшие дни необходимо действительно разработать целостную программу деятельности, направленную на перелом хода дел в стране, улучшение жизни народа, пресечение преступности и коррупции, укрепление безопасности граждан, развитие **народовластия.**

Наш долг заключается в том, чтобы **внести** в каждый дом россиянина **понимание** сути трагедии, происходящей в стране сегодня по вине Ельцина и его окружения, объяснить, что мы в состоянии обеспечить без его режима нормальное развитие общества на пути процветания.

Уверен, что мы сумеем действительно **хладнокровно,** взвешенно и всесторонне обсудить эту ситуацию, не давая себя **увлечь,** может быть, правильными вопросами, но **непосредственно** не связанными с той трагической ситуацией, которая сложилась в стране в результате преступного указа № 1400. Мы должны **принять** взвешенные решения и предпринять твердые, решительные действия по пресечению начавшегося вооруженного мятежа. Спасибо».

Выступающих было много, они вскрывали подоплеку заговора против конституционного строя России, говорили, что прежде всего бездарная, авантюрная политика привела Россию на грань гражданской войны. Вновь, как во времена смуты или Великой Отечественной войны, встал вопрос **о спасении** Отечества, о путях и судьбах нашего народа. Депутаты отмечали, что действия ельцинистов оскорбили чувства всех граждан, брошен вызов общественности, **партиям и движениям, профсоюзам,** мировому демократическому движению. Суровой критике подвергся глава правительства Виктор Чернормырдин. Депутаты справедливо полагали, что угодливое правительство, не справившееся с экономическими проблемами страны, боясь, что оно будет отправлено в отставку очередным Съездом народных депутатов, сознательно и преступно стало на сторону мятежного экс-президента Ельцина. Черномырдин не выполнил ровно ничего из того, что обещал, вступая на пост премьера. Фактически в России устанавливается экономическая диктатура теневого капитала, превращая страну в сырьевой придаток Запада. Полным ходом идет духовное, нравственное растление общества, разрушен мощнейший научный потенциал, система образования, медицинского обслуживания. Правительство предало национальные интересы страны, в результате чего Россия утратила внешнюю и внутреннюю самостоятельность. Одновременно критиковалось руководство Верховного Совета и прежде всего его председатель — за бесконечные компромиссы и уступки в пользу президента. Эта критика, должен признать, была также справедливой...

...После долгих, серьезных дебатов парламентарии приняли целый ряд очень важных конституционных решений об отрешении Ельцина от исполнения обязанностей Президента Российской Федерации, а также Постановление о досрочных выборах — и парламента, и президента одновременно. Это было очень важной конституционно-правовой нормой, способной упорядочить общую обстановку в стране.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ X СЪЕЗДА НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

О досрочных выборах народных депутатов Российской Федерации и Президента Российской Федерации.

Учитывая предложения субъектов Российской Федерации о проведении одновременных досрочных выборов народных депутатов Российской Федерации и Президента Российской Федерации, а также заявление председателя Конституционного суда Российской Федерации о необходимости одновременных досрочных выборов федеральных органов государственный власти Российской Федерации, Съезд народных депутатов Российской Федерации постановляет:

1. Провести одновременные досрочные выборы Президента Российской Федерации и народных депутатов Российской Федерации не позднее марта 1994 года при соблюдении условий, предусмотренных частью первой пункта 6 постановления Съезда народных депутатов Российской Федерации от 24 сентября 1993 года № 5807-1 «О политическом положении в Российской Федерации в связи с государственным переворотом».

2. Верховному Совету Российской Федерации в месячный срок подготовить соответствующие нормативные акты, обеспечивающие проведение одновременных досрочных выборов народных депутатов Российской Федерации и Президента Российской Федерации.

3. Считать незаконной деятельность иных избирательных комиссий по выборам в федеральные органы государственной власти, образуемых на территории Российской Федерации, кроме Центральной избирательной комиссии по выборам народных депутатов Российской Федерации, определенной законом.

4. Расходы, связанные с проведением выборов народных депутатов Российской Федерации и Президента Российской Федерации, отнести за счет средств республиканского бюджета Российской Федерации.

Председатель Верховного Совета Российской Федерации
Р.И. Хасбулатов

Москва,
Дом Советов России
24 сентября 1993 года

Данное постановление мгновенно заставило замолчать кремлевских пропагандистов, утверждавших о том, что парламентарии якобы «боятся» досрочных выборов — в то время, как президент изъявляет такую «готовность». Он как раз боялся таких выводов. Но парламент и не навязывал их. Я исходил из той идеи, что общество должно привыкнуть к Закону — выборы осуществляются точно в соответствии с Законом, в установленные для этих вопросов временные периоды. Но если ныне возникла крайняя ситуация, требующая принятия политического решения по этому вопросу — мы, парламентарии России, готовы и к такому решению, и к выборам — в любое согласованное с президентом время.

Операция «Кольцо»

Действия по расправе с Законодателем мятежники назвали «Кольцо» — об этом было сообщено Баранниковым. Она (операция) развертывалась по этапам, с нарастающей интенсивностью действий и пропаганды. Вначале планировалось достаточно быстрое ее завершение — в течение 2—3 дней — через подкуп, шантаж и устрашение (психологический террор) добиться «ухода» большинства депутатов из Парламентского дворца с тем, чтобы оставшегося «без кворума» Хасбулатова можно было «обезвредить» без ущерба для Кремля. Поэтому кремлевские пропагандисты (Бурбулис, Полторанин и «их» пресса), спровоцировав нападение какой-то хулиганствующей группы на штаб Объединенных Вооруженных сил (ОВС) СНГ 23 сентября, Кремль раздул до невероятных размеров чудовищную по масштабам и цинизму пропаганду, утверждал, что в Парламентском дворце собрались чуть ли не со всего мира преступники, наркоманы, бандиты. Под прикрытием этой лживой пропаганды заговорщики-путчисты стали интенсивно наращивать подразделения Внутренних войск МВД, отряды ОМОН и милиции. Кольцо вокруг Парламентского дворца становилось плотным.

А вскоре мы увидели и новинку — какую-то странную колючую проволоку, из окна она казалось как бы огромной толщины шлангом. Оказывается, это была знаменитая спираль Бруно, высотой до полутора метров. При малейшем прикосновении какой-то части тела она начинает обволакивать человека и тонкие стальные зубцы впиваются в тело.

Как мне пояснили, она была запрещена еще постановлением Лиги наций накануне Второй мировой войны. Ее успели применить только итальянцы в Эфиопии. Не знаю, может быть, в истории парламентов были такие случаи, когда исполнительная власть, взбесившись, выступала против законодателей, но не читал, чтобы Парламентский дворец опутывали по периметру колючей проволокой. Да еще сопровождали свои бандитские действия ложью, что якобы из Белого дома распространяется поток оружия, что там чуть ли не стрелковая дивизия, полностью экипированная и готовая к боевым действиям. И вообще там (то есть у нас) несметное число всякого оружия, включая ракетное. «Миф об оружии» в Белом доме всячески раздували. Если читатель приобрел книжку «Тишайшие переговоры» — запись 1—3 октября фонограммы переговоров в Свято-Даниловом монастыре, он увидит, что «основная проблема» на этих переговорах, на которую особенно напирал Сергей Филатов — это «проблема оружия в Белом доме. Видимо, боялись, что оружие имеется в здании парламента.

Когда после расстрела Парламентского дворца и его захвата никакого оружия не обнаружили, кроме того, которое по штатному расписанию принадлежало служащим охраны парламента, вдруг намертво замолчали. На наши утверждения: нет у нас никакого оружия». — «Есть», — упрямо твердил Филатов и прочие прокремлевские негодяи. Это им было очень надо: нужен предлог для усиления блокады Белого дома, для пропагандистской шумихи по всему миру, с целью оклеветать парламент.

...В эти трагические октябрьские дни в Москве проходила встреча глав государств СНГ. Я написал письмо, обрисовав обстановку, просил оказать влияние на Кремль.

ОБРАЩЕНИЕ
X Чрезвычайного Съезда народных депутатов Российской Федерации к Парламентам, Президентам и Председателям правительств

Уважаемые руководители государств и правительств!

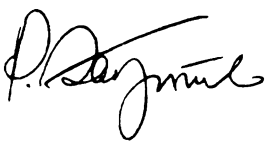
Дружественная вам страна — Российская Федерация — Россия переживает трагические дни. По воле Б.Н. Ельцина в Российской Федерации осуществлен государственный переворот. Растоптаны Конституция и Законы государства, на которых зиждились последние надежды стабильности российского общества. Страна поставлена на грань гражданской войны. Большинство субъектов Российской Федерации осудило организаторов государственного переворота. Бывший Президент отрешен от должности. Приведен к присяге временно исполняющий полномочия Президента А.В. Руцкой. Ведется работа по формированию нового правительства.

Съезд народных депутатов Российской Федерации, как высший орган государственной власти России, рекомендует воздержаться от проведения предстоящей встречи глав государств — стран СНГ до стабилизации политической обстановки в Российской Федерации, до полного восстановления в ней деятельности законно избранных органов власти.

Съезд народных депутатов Российской Федерации подтверждает свои дружеские отношения со всеми государствами СНГ.

Надеемся на ваше понимание и поддержку.

С уважением,



X Чрезвычайный (внеочередной) Съезд народных депутатов Российской Федерации.

Москва, Дом Советов.
24 сентября 1993 г.

Я — Председатель Межпарламентской ассамблеи СНГ, как мне представлялось главы парламентов, президентов этих стран, хотя бы по морально-этическим соображениям,

должны были бы встретиться со мной, переговорить, узнать общую ситуацию и т.д. Но нет, ни один из них не связался со мной и парламенты не оказали поддержку российскому Законодателю. Все они поэтому с легкостью необыкновенной оказались вскоре разогнанными их президентами, которые, по примеру Ельцина, установили полутоталитарные режимы.

Посредническая миссия Церкви и переговоры

Депутат-священник Алексей Злобин, добрейший человек, предложил обратиться к авторитету Русской православной церкви, которая могла бы оказать содействие, взяв на себя задачу посредника-миротворца. Я немедленно поддержал эту идею и предложил рассмотреть соответствующее письмо-обращение на заседании Съезда. Проект письма подготовил Злобин вместе с Валентиной Домниной на вечернем заседании.

ОБРАЩЕНИЕ
X Чрезвычайного Съезда
народных депутатов Российской Федерации
к Патриарху Московскому и всея Руси
Его Святейшеству Алексию II

Ваше Святейшество!

К Вам, Главе Русской Православной Церкви, обращаются народные депутаты Российской Федерации, собравшиеся на свой X Чрезвычайный (внеочередной) Съезд.

Президент России Б.Н. Ельцин нарушил присягу верности Конституции страны — присвоил себе не предусмотренное Конституцией право и объявил о «роспуске», вопреки Основному Закону нашего Отечества. Своим Указом от 21 сентября 1993 года он распустил Парламент, приостановил деятельность Конституционного Суда Российской Федерации, пытается, опираясь на клику своих прислужников, полностью и надолго узурпировать государственную власть, править народами России своим указующим перстом.

Произошел антиконституционный, антинародный государственный переворот.

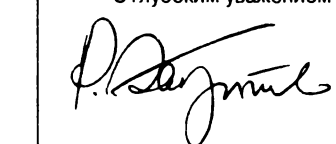
Над великой Русью нависла чудовищная угроза наступления всеобщей ненависти, распрей и раздора между различными противоборствующими силами. С минуты на минуту может пролиться кровь, вспыхнуть угрожающим огнем гражданская война.

Мы, народные депутаты Российской Федерации, на это беззаконие ответили своим противостоянием, нежеланием смириться с произволом и попранием прав и свобод нашего народа, его высшей представительной власти. Немедленно собрали X Чрезвычайный (внеочередной) Съезд народных депутатов. Выполняя свой гражданский долг, мы, депутаты России, вместе со всеми, кому дороги Святое Отечество, встали на защиту Закона, Конституции, демократии и нашего народа.

Идет восьмой день неравного противостояния. В Доме Советов отключены свет, связь, вода, канализация, изымаются транспортные средства Парламента. Подходят к концу продукты и медикаменты.

В сложившейся ситуации от имени своих избранников просим Вас, Патриарха Московского и всея Руси, опираясь на влияние многомиллионной Православной Церкви приложить возможные усилия для преодоления силового противостояния, могущего привести к кровопролитию и гражданской войне, во имя достижения национального согласия в нашем великом многонациональном Отечестве.

С глубоким уважением к Вам, Ваше Святейшество.



X Чрезвычайный Съезд народных депутатов Российской Федерации.

P.S. В знак высочайшего признания к Вам посылаем небольшой сувенир — несколько свечей. Эти свечи сегодня освещают наши рабочие места на X Чрезвычайном Съезде народных депутатов России.

Москва, Дом Советов России, 28 сентября 1993 года

Вскоре в Верховный Совет прибыла делегация церковных иерархов. Когда мне сказали, что митрополит Кирилл с сопровождающими его церковными деятелями находится в приемной, я тут же прервал небольшое совещание и встретил гостей.

Митрополита Кирилла, среднего роста, полноватого, с приятной улыбкой, узнал сразу же — встречался с ним в Иерусалиме в прошлом году. Я тогда с парламентской делегацией был в странах Ближнего Востока. Митрополит Кирилл передал мне письмо с воззванием Патриарха Алексия II. Затем начал осторожно говорить о необходимости переговоров, компромиссов, договоров — вместо войны и разрушения.

Я внимательно слушал и даже несколько удивлялся: в чем он хочет меня убедить? Убеждать надо бы не меня, а Кремль, но слушал, не перебивая. Ответил: «Предложение Алексия II принимаю. Благодарю за участие и стремление к примирению. Ни один депутат не будет возражать — все будут довольны».

И тут я заметил какое-то удивление — не только в глазах, оно отразилось в мимике митрополита, сопровождающих его других священников. Мне это было непонятно — и первоначальное смущение, когда Кирилл говорил о необходимости переговоров, и удивление, когда я сказал, что немедленно готов начать переговоры. Выяснилась причина этого быстро.

— Я так боялся, что вы откажетесь от переговоров, — облегченно сказал митрополит Кирилл, — нам так много всего пришлось слышать о том, что вы, Руслан Имранович, против всяких переговоров и требуете только капитуляции Ельцина.

Я был необычайно удивлен. Коротко разъяснил церковному иерарху, что и в мыслях такого не было и готов немедленно встретиться с Ельциным и Черномырдиным, с любыми лицами, которые будут уполномочены вести полноценные переговоры с конкретными обязательствами.

Договорились, что два председателя палат — Абдулатипов и Соколов, будут представлять на переговорах парла-

мент. С тем и ушли святые отцы, довольные. На вечернем заседании раздавали всем депутатам Воззвание Алексия II. Съезд согласился и с кандидатурами Соколова и Абдулатипова на предстоящих переговорах.

Воззвание Патриарха Алексия II

Россия стоит на краю пропасти: или остановится падение, или России грозит распад, за который нас проклянут будущие поколения.

Противостояние у Дома Советов в любой миг может взорвать хрупкий мир.

Слезно умоляю: не совершайте кровопролития, не пытайтесь решить политические проблемы силой.

Не поддавайтесь на провокации. Нынешней смутной ситуацией могут воспользоваться экстремисты, преступные элементы и просто нездоровые люди. Одна пуля возле Дома Советов может привести к кровавой бойне, эхо которой прокатится по всей стране.

Призываю ослабить политическое противостояние, так как политические цели не могут препятствовать людям, находящимся в Доме Советов, пользоваться медикаментами, теплом и связью.

Русская Православная Церковь призывает к диалогу.

В связи с событиями вокруг Дома Советов созывается экстренное заседание Священного Синода.

Прошу молиться всех верующих за спасение России и даже тех, кто никогда не был в храме. Совместными усилиями спасем Россию.

Верю: Господь даст силу народу своему. Господь благословит народ свой миром (Пс. 28, стих 11).

Патриарх Московский и всея Руси Алексий II
29 сентября 1993 года

Все слова Патриарха Алексия II полностью соответствовали мыслям депутатов, поэтому Воззвание было принято Съездом с ликованием. Депутаты говорили, что можно договориться. Патриарх предложил посредничество и место для встречи — Свято-Данилов монастырь. Я согласился...

Откровенно говоря, нам казалось, что высокие церковные иерархи призовут к разуму Ельцина, покажут ему всю

абсурдность его действий, решительно заставят отменить указ № 1400... Ничего этого не произошло — Кремль использовал церковь как средство пропаганды и инструмент прикрытия своих кровавых замыслов. И больше — ничего.

Концентрация мятежных сил

К концу первой недели осады мятежниками обстановка определенно сдвинулась в пользу сил парламентской демократии. Расчет на то, что ельцинистам удастся путем подкупа, раздачи должностей или шантажом уговорить и принудить большинство народных депутатов покинуть Парламентский дворец, оставив меня в одиночестве — провалился, их большинство проявило непреклонную решимость отстоять Закон, свою честь и достоинство. Лидеры мятежников нервничали, их охватил испуг, переходящий в страх. Сугубо гражданские люди, такие как сам Ельцин, Черномырдин, Гайдар, Бурбулис, Филатов, Полторанин, Шахрай и другие — стали требовать от генералов МВД, армии и спецслужб «решительных действий». 28 сентября Парламентский дворец полностью обнесли колючей проволокой, ужесточили режим прохода в здание, автомобили с парламентской серией отбирали. Подтягивалась бронетехника. В один из этих дней появилась специальная машина — агитационный желтый БТР, его передатчик начал орать на всю центральную площадь вульгарную песенку: «путана, путана, путана...», затем грубый голос: «Сдавайтесь! Вы получите хлеб и воду!» — Примерно так, как показывали гитлеровцев в кинофильмах, осаждающих партизан. Народ немедленно прозвал презрительно эту машину «желтым Геббельсом». Видимо, затейники этого дурацкого спектакля полагали, что он окажет какое-то психологическое воздействие на демонстрантов и защитников Белого дома. Реакция же была обратной — насмешки и оправданные аналогии мятежников с фашистами, заимствующие методы последних в своей предательской борьбе с Верховным Законодателем.

К 3 октября в Москве ельцинистами было введено более 70 тыс. войск армии и МВД. Кстати, общая численность московской милиции — 100 тыс. человек. Помимо этого в Москву были стянуты части ГУО, взявшие под плотную охрану Кремль, а также подразделения дивизии им. Дзержинского, включая спецназ и около 50 бронетранспортеров.

Решение о начале операции «Кольцо» было принято в штабе президента 29 сентября (участвовали Ельцин, Черномырдин, Шумейко, Филатов, Ерин, Грачев, Куликов, Гайдар, Батурин, Панкратов, Лужков). Это произошло сразу после предупреждения со стороны У. Кристофера и после консультаций с послом США Пикерингом — они торопили, сообщили, что вынуждены будут вмешаться, если события затянутся. Они были обеспокоены тем, что общественное мнение в России постепенно восстанавливалось против Ельцина.

В основном уже стала ясна негативная позиция субъектов Федерации по отношению к действиям Кремля и продолжению осады Белого дома. Наметилась угроза раскола в Вооруженных силах. Тяжелое впечатление на Ельцина, Черномырдина и К^0 произвел срыв заседания коллегии Министерства обороны. Это случилось 28 сентября. Грачев был в истерике, а 29 сентября он «исчез». И даже отчаянные попытки самых пронырливых журналистов найти его оказались безрезультатными. И вдруг «исчезнувший» Грачев «отозвал» свое интервью «Московским новостям» от 29 сентября, в котором обещал, что армия сохранит нейтралитет в политическом противостоянии. Другим подтверждением того, что решение о применении силы было принято 29 сентября, можно считать пресс-конференцию Сергея Шахрая. В этот день вице-премьер твердо заявил, что не будет ни штурма Белого дома, ни чрезвычайного положения. Но опытные депутаты хорошо знали натуру этого злобного человека, и если он говорил, что «захвата» не будет, следовательно, надо было ждать худшего — нападения ельцинских мятежников.

В новую стадию вошла операция по дезинформации и дезориентации общественного мнения.

СМИ распространяли на весь мир клеветнические утверждения о каких-то «тысячах боевиков», находящихся под «командованием Хасбулатова». Вспомнил знаменитое интервью Полторанина итальянской газете, в которой он хвастливо утверждал, что он «предотвратил мятеж» этих самых боевиков — гвардейцев председателя парламента. Где же эти «мои боевики»? — как бы они понадобились нам сегодня, если бы они существовали, а не были мифом в сумасбродной полторанинской голове? Ну, куда Геббельсу до Полторанина! И даже редактор «Известий» Голембиовский позже похвалялся — дескать, наша газета первой (!) подняла вопрос об «охране» в Белом доме. Каков циник — первым «запустить» клевету и похваляться своим «провокационным подвигом»! И эти люди претендуют на то, чтобы говорить от имени самой демократии. ...Пришел певец Иосиф Кобзон. Говорит шутливо:

— Руслан Имранович, я ожидал здесь в Белом доме увидеть толпы полупьяных депутатов и какой-то сброд — так о вас пишет по существу вся столичная печать — а у вас здесь, как и до 21 сентября — полный порядок, строгости только больше.

Я: рад видеть вас, Иосиф Давыдович, недавно здесь был художник Александр Шилов, еще несколько деятелей культуры, писатели. Но в целом представители культуры какие-то «странные» — или скатились к позициям 30-х годов, поддерживая кремлевских палачей, или испуганно забились в свои щели и выжидают — «кто кого пересилит»? А сколько всегда было шума по поводу роли творческой интеллигенции? Вот сегодня для нее реальный шекспировский вопрос — мир или война, другими словами, поддержать расправу с нами или потребовать снятия блокады и перейти к переговорам. Где позиция этой прославленной интеллигенции? Почему она не потребует — «остановите это безумие!». Более того, некоторые «представители» ее даже подталкивают кремлевских дураков к насильственной расправе — абсолютно повторяя поведение в период процессов над Бухариным и другими, когда публично требовали самой жестокой казни над «шпионами»! Вы сами, Иосиф Давыдович, видите ту бездну падения ваших собратьев?

Кобзон: Руслан Имранович! Я пришел по велению сердца, Лужков выхлопотал мне «пропуск». Я не отношусь к той категории, о которой вы, вообще-то справедливо, говорите — я со многими своими коллегами переговорил относительно наших возможностей повлиять на ситуацию. Что поделаешь — слабые люди, а здесь — прямые угрозы, даже мне Барсуков угрожает. Я бы хотел, чтобы все завершилось мирно... Я передам Лужкову, что вы готовы в любое время встретиться и переговорить... Ушел. Он переживал искренне.

Одна информация вызвала и беспокойство и удивление одновременно. Сотрудники ГУО (охранное подразделение) установили свой «контроль» над Генеральным штабом, командованием родов и видов войск, генералами Московского военного округа. Как в сталинско-бериевские времена. У меня возникла злорадная мысль — так вам и надо, господа генералы, и вообще — вы не генералы, а половые тряпки, если позволяете каким-то бандитствующим охранникам командовать над собой. Были бы настоящими генералами — приказали бы арестовать этих «охранников» во главе с их главарями, Коржаковым да Барсуковым.

Паника в Кремле

О полной растерянности в штабе заговорщиков путча свидетельствовало их руководство операциями. Было очевидно, что ОМОН не в состоянии справиться со сторонниками Белого дома, состоящими наполовину из стариков и женщин. К вечеру 29 сентября конституционалисты начали возводить баррикады практически во всем центре Москвы... в ход пошли даже перевернутые троллейбусы... ситуация выходила из-под контроля Кремля. Это обстоятельство имело и другую сторону — чем больше приходило к нам людей на помощь — тем менее управляемой становилась обстановка на «улице». И одновременно — это порождало панику в Кремле. А паника, страх — это опасное состояние для власти, ее носителей. Страх затмевает разум, заставляет использовать самые безумные средства.

Поэтому надо было особенно четко контролировать действия наших защитников, чтобы они не «пугали» мятежников. Когда кто-то при мне сказал что-то типа того: «Хорошо бы захватить «Останкино», — я очень жестко высказался следующим образом: *«Я не буду возражать, если Руцкой как и.о. президента, захватит Кремль. Я не буду возражать, если и.о. министра обороны генерал Агалов захватит Министерство обороны, а Баранников возьмет Лубянку, министр внутренних дел Дунаев — здание МВД — ваши рабочие места, господа президент и генералы, в тех зданиях, а не здесь — в Парламентском дворце. Вы нам мешаете работать. Перебирайтесь, и поскорее на свои рабочие места! Но я предупреждаю: никаких «захватов» гражданских объектов, только — оборона Парламентского дворца через массовый подъем людей, демонстрации, митинги. Где обещанные вами воинские подразделения? Вот над чем вам надо работать! Вам ясно?* — Генералы молчали, опустив головы.

Ярость террористов

Успешно продолжили эскалацию конфликта газетчики из так называемых демократических «Известий», «Московского комсомольца», «Курантов» (они, как правило, знают, чего от них желает «их» власть). Кремль стремился к реваншу из-за пережитого страха и позора — он был на грани поражения — страна требовала положить конец террористической деятельности экс-президента против законного парламента.

В «Известиях» появилась карикатура на знаменитый плакат Моора: Руцкой в буденовке тычет пальцем: «Ты записался защитником Белого дома?» На заднем плане горящий Белый дома. Само обращение к плакату времен Гражданской войны весьма показательно. Еще пример: в статье Л. Колодного «Почему развалился наш Союз» автор пытается связать ситуацию, сложившуюся в результате указа № 1400, с ситуацией, связанной с развалом СССР. Основной смысл статьи: СССР развалился потому, что Горбачев в момент первого серьезного кризиса в стране — Карабаха

и Сумгаита — не осмелился ввести войска в Степанакерт и Сумгаит и беспощадно, «железной рукой», невзирая на лица и жертвы, подавить «очаг напряженности».

Призыв, яснее которого не бывает. «Известия», конечно же, «забыли», что на их страницах клеймили «жестокости» армии в Тбилиси, Сумгаите, Прибалтике, «коварство и кровожадность» Горбачева и превозносили «миротворчество» Ельцина, побывавшего в Тбилиси для выяснения причин — «использовали ли войска Родионова слезоточивый газ против тбилисских демонстрантов» или не использовали; превозносили объективность Собчака, «разоблачавшего» жестокости генералов и т.д. Правда, это было уже казавшимися далекими 1989—1990 годами. С тех пор пролитая кровь стала казаться этим газетчикам столь же «малоценной», как и слеза ребенка!..

Информация о подготовке к решительным действиям, иначе говоря, к штурму парламента, поступила рано утром 2 сентября. Газеты сообщили о «спешных приготовлениях» в Матросской Тишине: уплотняются камеры, заключенных с верхних этажей переводят вниз и т.д. Журналисты быстро сообщили о совещании М. Полторанина с редакторами пропрезидентских газет, где им рекомендовано «правильно и спокойно» отнестись к тому, что произойдет 3 октября. Об этом, кстати, сообщили Санкт-Петербургское TV и «Правда». А «операция прикрытия» тем временем продолжалась: ОМОН по-прежнему демонстрировал вялость, часть оцепления Белого дома даже куда-то увели. 1 октября по каналам ИТАР-ТАСС распространили заявление пресс-службы Министерства безопасности, заставляющее заподозрить, что среди чекистов назрел раскол. Газета «Сегодня» услужливо сообщила на первой полосе: «Генерал Грачев выводит войска из Москвы».

Все это не вводило в заблуждение нас, руководителей сопротивления. И вот правительство Черномырдина предъявило парламенту, перед которым оно, согласно Конституции, подотчетно, ультиматум: сдаться до 4 октября. Все средства массовой информации передали этот ультиматум в изложении. Поэтому интересен полный текст, особенно

последний абзац: *«Правительство Российской Федерации и Правительство Москвы предупреждают, что невыполнение настоящего Требования может повлечь за собой тяжкие последствия. В этом случае вся ответственность за такие последствия ложится на Р.И. Хасбулатова и А.В. Руцкого».*

Это, конечно, следовало расценить как начало нового и более динамичного этапа в сокрушении конституционного строя Российской Федерации. Накануне этого заявления, как мне сообщили, Ельцин дважды разговаривал с Кристофером, а затем с Мэйджором и Колем. Козырев ежедневно посылал отчеты в Вашингтон. А посол Пикеринг превратил посольство США в штаб координации ельцинских сил.

2 октября был определяющим в изменении тактики кремлевских путчистов в отношении к непокорным парламентариям. В этот день прозвучало несколько резких заявлений политических деятелей Запада, в том числе госсекретаря США, Кристофера, демарши парламентских партий Западной Европы, Турции, Египта, Сирии, Иордании. Ельцину дали понять, что далее нетерпима ситуация, когда в центре Москвы законный парламент, безоружный, окруженный мятежными, до зубов вооруженными отрядами милиции, взывает тщетно к российской и международной общественности, выступая за Закон и Справедливость. Ельцин не рассчитал своих сил и поставил в глупое положение своих покровителей. Ему было приказано немедленно приступить к «решению проблемы».

Приближалась кровавая развязка. Начались же события со Смоленской площади, на которой непрерывно проходили митинги москвичей, протестующих против нарушения Закона ельцинистами. Уже после завершения митингов, когда люди стали расходиться, на них нападают сотрудники ОМОНа, начинают избиение. Толпа, столкнувшись с теми, кто избивал ее уже несколько дней подряд на Пресне, вступила в драку с омоновцами. Возникли баррикады. Загорелись шины и пустые ящики. О происходящих беспорядках рассказали радио и TV, и на площадь устремились новые большие группы людей — на помощь к демонстрантам. Чем бы все это кончилось, неизвестно, но появившийся вскоре

Илья Константинов убедил людей разойтись. И толпа удалилась по Арбату, скандируя «лозунги, оскорбительные для Президента Ельцина», — как сообщили телеведущие. Все это оставило у наблюдателей ощущение бессилия взбунтовавшегося режима Ельцина... Ельцинисты терпели поражение, это было очевидно. МВД не смогло обеспечить им «победу».

А вскоре Ельцин, по примеру Грачева, «потерялся». Позднее сообщили: выехал на дачу. В своих «мемуарах» Ельцин умалчивает об этом. На самом деле опять в Завидово собрался «кухонный кабинет» подлинных заговорщиков-путчистов. На этом совещании было принято окончательное решение начать штурм Парламентского дворца на рассвете 3 октября, при этом «должны» погибнуть Хасбулатов и... Бабурин.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ X СЪЕЗДА НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

О Комиссии X Чрезвычайного (внеочередного) Съезда народных депутатов Российской Федерации по расследованию фактов физического насилия в отношении граждан в связи с государственным переворотом

С целью обеспечения условий для защиты законных прав и свобод граждан и в соответствии со статьей 10-1 Конституции Российской Федерации Съезд народных депутатов Российской Федерации ПОСТАНОВЛЯЕТ:

1. Сформировать Комиссию Съезда народных депутатов Российской Федерации по расследованию фактов физического насилия в отношении граждан, в связи с государственным переворотом в составе:

Бабурин С.Н., Глотов С.А., Дрозденко В.Н., Лета Т.И., Муравьев И.В., Плотников О.В., Пушкина Т.А., Ребриков В.А., Сердюков В.А. (председатель Комиссии), Чеботаревский Р.З., Хайрюзов В.Н., Шиповалова Л.С. (секретарь Комиссии), Югин В.А. (зам. председателя Комиссии).

2. Комиссии Съезда народных депутатов Российской Федерации по расследованию фактов физического насилия в отношении граждан регулярно информировать Съезд народных депутатов Российской Федерации и Верховный Совет Российской Федерации о ходе работы Комиссии.

Председатель Верховного Совета
Российской Федерации
Р.И. Хасбулатов

Москва, Дом Советов России.
2 октября 1993 года

Материал о жестокости мятежных сил правопорядка, о неспровоцированных убийствах и избиениях был просто колоссальным, комиссия едва приступила к его «приемке» и не успела обработать его выводы и заключения. Фактов было великое множество. Адмирал Равкат Чеботаревский ходил бледный, не мог скрыть своего удивления от ярости и ожесточения, с которыми избивали людей другие люди — в погонах. Наши женщины — Лета, Пушкина, Ойкина, Пономарева — с большими, удивленными глазами, полными боли и негодования, рассказывали мне при каждой встрече об ужасах, творимых кремлевской кликой...

Письмо Зорькину

...Передали письмо Валерия Зорькина, направленное им Ельцину и мне. Председатель Конституционного суда в нем еще раз пытался призвать к благоразумию агрессора, «сглаживая» его действия и как бы «приравнивая» «обе стороны» конфликта. Это меня глубоко «задело» — как возможно сравнение бандита и его жертвы! Я немедленно написал ответное письмо следующего содержания.

Уважаемый Валерий Дмитриевич!

Внимательно прочитал ваше письмо, в котором содержатся требования к Ельцину Б.Н. и X Съезду народных депутатов.

Согласен с Вами в том, что сложилась крайне напряженная обстановка, способная повлечь массовые жертвы. Такие трагические результаты могут быть следствием одного только решения — насильственного захвата здания Верховного Совета, в котором сейчас находятся несколько тысяч людей, работает X Чрезвычайный Съезд народных депутатов.

В здании выключен свет, не подается тепло, прервана связь с городом, не завозят питание. Введены в пропагандистский «оборот» инсинуации, способные породить недоверие и подозрительность наших граждан к Власти.

Вы прекрасно знаете, что стабилизации обстановки можно достигнуть легко — выполнив решения Верховного Совета, Конституционного суда и X Чрезвычайного Съезда народных депутатов, поддержанных большинством субъектов Российской Федерации. И главное — немедленно отменив преступный Указ № 1400.

Мы готовы к честным и открытым переговорам по всем вопросам, связанным с достижением стабилизации, прекращением состояния чрезвычайного положения, введением осадного положения вокруг здания российского парламента.

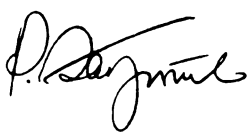
Но Вы абсолютно не правы, Валерий Дмитриевич, ставя «на одну доску» агрессора и его жертву: Вы утверждаете, что «обе стороны в конфликте отказываются искать компромиссы, действуя в одностороннем порядке, не исключая возможности применения насилия».

К X Съезду народных депутатов, Верховному Совету и его руководству эти обвинения не относятся. Разве законодатели окутали колючей проволокой резиденцию Ельцина? Разве Кремль в осаде, туда не доставляется пища, у Ельцина прервана связь? Разве законодатель изливает с телеэкранов ежесекундно потоки оскорблений в адрес исполнительной власти, кремлевских правителей?

Я хочу заверить Вас в том, что Департамент охраны Верховного Совета ни в коем случае не применит оружия в целях провоцирования кровавых столкновений — дай Бог, чтобы этого не сделала нападающая сторона. Самым разумным было бы снятие блокады, отвод войск МВД и мирный разговор относительно выхода из создавшегося бедственного положения. Мы к этому готовы. Так почему же теперь Вы, председатель Конституционного суда, обвиняете нас в обратном?

Наступает ночь, я тороплюсь дописать последние слова, чтобы переправить Вам это письмо. Возможно, скоро последует штурм — Вы будете и в этом обвинять Законодателя? Горько на душе, тревожно. Всем должно быть ясно: не Законодатель подвел страну к этой трагической черте, хотя он и совершил множество ошибок, конституировав президентский режим с полудиктаторскими полномочиями, для которого те немногие ограничения, которые установлены в Конституции, оказались настолько неприемлемыми, что президент решился отбросить саму Конституцию как ненужный хлам.

С уважением,



И. Хасбулатов

2 октября 1993 года 11 часов ночи
Москва

...Мне принесли стенограмму совещания у Ельцина — не знаю, в какой мере ее содержание соответствовало событию, но многое свидетельствовало о правдивости изложенного и принятых решениях.

Совещание у Ельцина 2 октября в Завидово

(Из переданной депутатом записки информатора с совещания)

Присутствуют: Ельцин, Черномырдин, Лобов, Полторанин, Козырев, Филатов, Шумейко, Гайдар, Грачев, Ерин, Романов, Куликов, Коржаков, Барсуков, Галушко, Шахрай (и все помощники Ельцина) и др.

Ельцин: Ситуация плохая. Все действуют таким образом, что все приходится делать мне. Вы все хотели, чтобы я подписал «указ», кляли, ругали Верховный Совет, Хасбулатова, заверяли, что мне надо только «подписать», а все остальное сделаете вы сами. Выходит, что вы ничего не понимали в ситуации. Может, мне договориться с Русланом Имрановичем? Нам не впервые. Мы всегда договаривались с ним.

X: Борис Николаевич! Это, конечно, за «наш счет».

Ельцин: За ваш — это точно. Вы внесли самый большой вклад во все неурядицы. Отдам вас — Хасбулатов вас «съест» — не велика беда. Может быть, еще кого? Козырева, Филатова, Шумейко — какая разница? Все равно вы ничего не можете делать — он знал, кого выбрасывать... Заварили кашу — я расхлебывайся. Коль — звонит, Клинтон — звонит, Миттеран ультиматумом грозит — дескать, обещали за два дня навести «порядок». А где он — этот «порядок»?

Y: Борис Николаевич, МВД Ерина не действует. Надо, чтобы они вошли в здание Верховного Совета — чего они боятся. Прикажите им захватить!

Z: Я четыре раза приказывал — вы это знаете. Мои командиры отказываются — ссылаются на предыдущие разъяснения, что в никого не придется им стрелять. А теперь, после уличных схваток и формирования «полка Руцкого», они не хотят погибать, а потом — еще и сесть в тюрьму. Так и говорят. У меня уже более 50 рапортов от старших офицеров об отставке...

B: Все задают вопрос: где враг? В Хасбулатове никто не видит врага. Все очень сложно, не так просто убивать людей... Мне трудно приказать это делать...

C: Все наши силовые министры вдруг стали гуманистами — им «трудно» отдавать приказы навести порядок. Борис Николаевич, пора это сделать!..

D: Я хотел бы напомнить: мы, армия — в Тбилиси, Риге, Вильнюсе — везде наводили «порядок»! А как пресса, Полторанин, освещала наши действия? — Многие из здесь присутствующих прямо провоцировали Верховный Совет и Хасбулатова, а теперь просите, чтобы я расстрелял мирных людей и власть! Идите сами — расстреливайте! Я такого приказа отдать не могу — не вижу врага. Не знаю, но мне кажется, что с Хасбулатовым можно договориться.

E: Павел Сергеевич, так ты с кем? С Хасбулатовым? Ты что несешь?

D: Я — с президентом. Поэтому я подчиняюсь приказам Бориса Николаевича. И больше — никаким иным приказам. Прошу это учесть. Армия не желает участвовать ни в каких действиях против Верховного Совета. Хасбулатова в армии уважают. Если бы там не было еще Руцкого, дела были бы совсем плохи, Борис Николаевич. К тому же он (Руцкой) совершенно не умеет ни организовать дело, ни руководить теми, кто у него в подчинении. Лучше подождать немного — он совершит столько ошибок, что Хасбулатов их не сумеет исправить. Но войска я не пошлю, Борис Николаевич — я тоже не хочу кончить свои годы в тюрьме. Я не участвовал в ГКЧП в 91-м, не хочу и сейчас. Это — политический конфликт, вам всем надо договориться. Так считает Генеральный штаб.

E: Сейчас не 91-й. Хасбулатов — не Янаев и не Горбачев. Он нас живьем сгноит всех! И тебя, Павел Сергеевич! Надо их всех разгромить! Уничтожить! Иначе — никому из нас несдобровать. Это точно! И тебе, Павел Сергеевич, несдобровать. Не усидишь!

I: Я полностью согласен с этой точкой зрения! Надо всех их уничтожить! Иначе ничего не добьемся — никаких реформ не будет.

L: Согласен! Только надо делать это аккуратно, при минимуме жертв.

P: Без крови не обойтись, это — вынужденная мера.

F: Я согласен на то, чтобы уничтожить их всех, иначе Хасбулатов всех перехитрит. Вы плохо его знаете.

H: Надо со всеми ими расправиться, и таким образом, чтобы они сами оказались виновными. Иначе беды не миновать. Кавказ — там кровная месть. Я знаю Кавказ. А с Хасбулатовым — надо особенно быть осторожным. Филатов помнит — на Конституционном совещании, перед началом — он мне сурово пригрозил... Здесь надо задействовать МГБ...

K: Уважаемый Борис Николаевич, Виктор Степанович! Я полностью согласен с предложением уничтожить Верховный Совет немедленно и его председателя — иначе нам несдобровать. Вот Грачев отказывается применить армию, а что скажу я Пикерингу? Я ведь — и не только я, но и мы все его заверили, что армия и МВД в день-два «покончат с бандой». А он доложил об этом в Вашингтон. То же самое — в отношениях с Парижем и Берлином — там уже настроения нетерпимости. Все обвиняют нас в том, что «их обманули и подставили»,— если вскроется, что с ними согласовывали, наши действия против Хасбулатова — у них будут крупные неприятности... Вот сейчас меня опять вызывают к телефону. *(Уходит.)*

D: На Кавказе, в Чечне, неспокойно. Дудаев с трудом удерживает добровольцев, готовых ринуться на помощь Хасбулатову. Он очень популярен на Кавказе. Если из Чечни здесь появится хотя бы небольшой отряд, весь Кавказ будет здесь — у нас появятся больше сложностей. Дело надо решать сегодня-завтра, времени больше нет — или через переговоры, или — иначе — принимайте решение. Я лично считаю — переговоры были бы полезны. Борис Николаевич! Зачем нам кровопролитие? Вас Хасбулатов любит, он многое потребует, но вас не тронет.

K: *(возвращаясь). Борис Николаевич! Вам надо переговорить с Гельмутом Колем, я только что с ним говорил. Он хочет переговорить с вами...*

Ельцин: Посидите тут. (*Уходит.)*

K: Виктор Степанович! Все очень плохо — я имел длительный разговор с Тэлботом. Он чуть ли не в истерике, обвиняет нас в том, что мы «подставили» Клинтона. Правда, посол Пикеринг — на нашей стороне. Коль отругал меня, критикует Ельцина, обвиняет нас в том, что мы «не знаем ситуацию», требует навести «порядок любой ценой». Он уже договорился с Клинтоном — нам дадут дополнительно 2 млрд долл. кредита под «реформу», но при условии, что мы «выполним задачу» сегодня-завтра... Бундестаг во главе с Ритой Зюсмут засомневались в правильности курса поддержки Ельцина... Она хорошо знает Хасбулатова, симпатизирует ему. Миттеран вызвал нашего посла — потребовал «переговоров» с Хасбулатовым. Он беседовал с Колем — дал понять, что он «не участвовал» в «сговоре», заявил, что, дескать, «разбирайтесь сами»... Мэйджора затерроризировал Кен Ливингстон с его левыми лейбористами, оказывается, его сподвижник, профессор Джон Росс, состоит в группе консультантов Хасбулатова — он сейчас в Белом доме — я не знал об этом. И он, Росс, направил ему подробный отчет о том, что происходит в Белом доме. Кен Ливингстон поклялся добиться отставки Мэйджора...

R: Ничего особенного — Ливингстон знает Хасбулатова со студенческих времен, они встречались, когда возглавляли студенческие советы: Хасбулатов — МГУ, а Кен Ливингстон — Кембриджский — это еще в конце 60-х годов.

K: Дело — плохо. Послы встревожены, все звонят мне, требуют подробных пояснений... Виктор Степанович, у нас нет больше времени, Хасбулатов выигрывает... Я готов подать в отставку...

Z: Ишь, какой — в отставку! Сами с Полтораниным да Бурбулисом «заварили кашу», а теперь — в отставку! Я тебе покажу в отставку! В отставку пойдешь, когда тебе прикажут...

Входит Ельцин (похоже, он «принял», повеселевший).

Ельцин: Прошу внимания! Я хочу вас всех ознакомить со следующим выводом специалистов. Читаю: «*...Ситуация неуклонно сдвигается в пользу Хасбулатова. Ожидавшиеся распри в силу конфликтности Руцкого не оправдались — они*

подавлены железной рукой Хасбулатова. Его сторонники настолько уверены в своей победе, что уже начали подготовку к президентско-парламентской избирательной кампании. Согласно их планам, Ельцин, Черномырдин, Грачев, Ерин, Филатов, Шумейко, Гайдар, Бурбулис подлежат немедленному интернированию; Ельцина — поселить в его свердловскую квартиру...» Видите, меня «поселить в свердловскую квартиру», а вас? Вы кому нужны? Вас расстреляют! Так, Ерин?

Y: Совершенно точно! Борис Николаевич! У нас есть распечатка всех приказов Руцкого — он приказывает расстреливать всех его врагов, он уже не подчиняется Верховному Совету, называет его «соглашательским органом». Там начинаются распри. Мы все это знаем.

Z: Не преувеличивайте этот фактор Руцкого. Он, конечно, может путать карты Хасбулатова, но не настолько, чтобы влиять на его общий замысел. Борис Николаевич, помните август 91-го? Его роль в поражении Крючкова. Мне кажется, будет лучше договориться с ним, это будет лучшим выходом из ситуации.

G: Борис Николаевич не все сказал, да и предыдущие ораторы тоже; оба, мягко говоря, «не договаривают». Кавказ на грани взрыва, Борис Николаевич! Он там популярен! Дудаев не может долго продержаться, речь идет о считаных днях. Поэтому надо закончить дело быстро. Кроме как силой — другого пути не вижу.

J: А президент Осетии Галазов нам говорит другое. Но без применения силы — вряд ли мы обойдемся. История оправдает первого Президента будущей Великой России. Я в этом уверен.

G: Галазов обстановку не знает. Но дело не в этом. Сколько бы ни обсуждали ситуацию — без применения силы не обойтись.

Ельцин: Я должен вам сообщить следующее — переговорный процесс с Хасбулатовым означает полную нашу капитуляцию. Я совершил одну серьезную ошибку, поддавшись уговорам, отверг предложение Назарбаева о его посредничестве в переговорах с Хасбулатовым месяц тому назад. Вы, видимо, об этом ничего не знаете. Нурсултан прилетел в Москву специально, чтобы разобраться с нашей ситуацией,

предлагал свои услуги, встречался со мной, с Хасбулатовым. Просил не доводить дело до крайностей. Но теперь уже ничего не сделаешь. Может быть, есть другой выход? Но я его не вижу. А садиться в тюрьму я тоже не хочу — я честно служил государству! Никакой корысти не имел. До сих пор ношу пиджак, который носил в Свердловске. А Руслан Имранович в присутствии Зорькина сказал, что я «покрываю коррупционеров». Я — не покрываю. Я просто не знаю, кто из вас коррупционер, а кто нет.

G: Если справимся с ситуацией в Москве — везде все наладится.

Ч: Я назначил Собчака моим представителем в Ленинграде... Петрограде... Петербурге. Не сгущайте краски... дело не так плохо. Надо подавить Верховный Совет немедленно, Борис Николаевич...

Ельцин: Генерал Грачев, генерал Ерин! Вот вам приказ — немедленно восстановить порядок в центре Москвы! Письменный приказ, который вы от меня просили — подпишу через 5 минут! Я разговаривал с Клинтоном. У нас больше времени нет. Иначе — нас растерзают! И вас, генералы, тоже. С Хасбулатовым еще можно было бы поговорить — но как вы договоритесь с Руцким? Он вас повесит — вам это понятно?.. Сейчас — не 91-й год, не забывайте — вот и Гавриил Харитонович мне об этом напомнил. Требует решительных действий, как и Юрий Афанасьев — он тоже звонил несколько раз. Они оба работают с интеллигенцией — готовят какое-то «письмо» в поддержку моих действий. Пусть выступают — это неплохо, их хорошо знают за рубежом. Это неплохо прозвучит в данной обстановке.

G: Я постараюсь выполнить задачу — дайте приказ.

Е: Я тоже сделаю все, что нужно, здесь присутствуют Романов и Куликов — они тоже все поняли...

Ельцин: Вот и хорошо. Действуйте немедленно!...

Все помощники Ельцина — *Суханов, Илюшин, Саттаров, Паин, Коржаков, Барсуков, Костиков внимательно слушали все то, что говорили участники совещания, — им надлежало в самое короткое время подготовить проекты указов и при-*

казов... Шахрай также внимательно слушал, что-то записывал. Он может подготовить любое юридическое обоснование безумствам кремлевского правителя. Кстати, он тоже мечтал быть президентом. Ему «помогал» Анатолий Слива, технически хороший юрист. Помнится, 25 лет тому назад я его отстранил от руководства студенческими отрядами МГУ (в 1966 году) — он не нравился нашим ребятам, у студенчества — безошибочный «нюх» на порядочность....

Тезисы сообщения Р.И. Хасбулатова X Съезду

На утреннем заседании Съезда я выступил с анализом ситуации, описал общее его положение, как оно складывается на сегодняшний день.

I. Общая тенденция: взрывной подъем энергии людей, их негодование против произвола кремлевских заговорщиков.

Одна из причин — особая свирепость и жестокость ОМОНа, особенно из Северной Осетии, они избили группу юношей «воинов-афганцев», шедших к нам на помощь. Много пострадавших, есть убитые, сотни искалеченных — женщины, старики, дети, военнослужащие, журналисты, один погибший.

II. Переход группы военнослужащих — отряд из 180 человек, из него прорвалось около 30 человек; остальные убиты, ранены и брошены в тюрьму. Прорывались к нам и «афганцы» — прошло около двух десятков человек. Наблюдаются случаи одиночных и групповых переходов омоновских бойцов в Белый дом. На Смоленской площади и Арбате — баррикады, люди вступают в уличные бои с карателями. Мятежные власти ведут настоящую войну с народом.

Массовым стало жестокое обращение с демонстрантами. Прокурор г. Москвы возбудил уголовное дело против начальника московской милиции Панкратова за особую жестокость и избиение мирных граждан сотрудниками милиции и ОМОНа...

III. Режим хунты маневрировать: пытается использовать миротворческую миссию Алексия II в своих злодеяниях и

интриганских целях: навязывает искусственную проблему «оружия», которой не существует. Никаких переговоров на деле нет, есть всего лишь их имитация.

IV. Руководители региональных властей Федерации приступили к организационному осуществлению заявленных политических намерений: блокированию решений Кремля и в целом федеральных исполнительных органов — через временный переход всей власти в регионах Советам и законопослушным структурам административной власти. К сожалению — медлят. Назначили свое Совещание на 9 октября — за это время нас трижды могут перебить. Региональным властям надо действовать сегодня, а не завтра. И действовать чрезвычайно энергично. Прошу депутатов связываться с избирателями, своим активом — возможности есть; надо подтолкнуть их к более активным действиям в поддержку законных властей. Депутатам-военным выехать в Московский округ, в штабы, подразделения, работать с армией. Возможно, сегодня — решающий день.

V. Сегодня нам надо помочь нашим коллегам-депутатам, действующим за пределами «внешнего кольца», организовать мощные манифестации и митинги москвичей. Избитые и окровавленные депутаты России, Моссовета, райсоветов на баррикадах — им надо помочь. Нашим депутатам следует работать с ними еще более энергично, активно. Военным депутатам связаться с войсковыми частями и потребовать их прибытия сюда — дальше их стремление скрыться за словом «нейтралитет» недостойно, когда речь идет о неприкрытом насилии над народом, над Законом. Все мы обречены историей быть стойкими, мужественными и защищать дело свободы всеми имеющимися у нас ресурсами и прежде всего — обеспечить торжество закона. Не дать себя спровоцировать — исключительно важная задача. Она будет усложняться по мере роста численности демонстрантов, прибывающих к нам на помощь. Возрастает нерегулируемость улицы.

VI. Мы своим поведением свидетельствуем органическое неприятие грубой силы и произвола. Мы защищаем Честь нашего народа, моральность государства и свою личную честь. Государство оказалось заложником в руках бессове-

стной и продажной хунты Ельцина и его приспешников. Кто развяжет ситуацию, сложившуюся в результате антиконституционного государственного переворота? Разве есть иная сила, чем избранные всем народом депутаты — парламентарии, коллегиально принимающие решения? Нас, законодателей, интересует главная проблема — это возвращение страны в конституционное поле. Как спасти государство и с его помощью спасти народ от насилия и произвола? — вот главный вопрос сегодняшнего дня.

Митинг 3 октября: «Судить Ельцина!»

Еще 2 октября силы мятежников получили приказы ужесточить действия против парламента. Соответственно, насилие и избиение людей осуществлялось немедленно при контактах с вооруженными группами МВД — отрядами Внутренних войск, ОМОН, милиция, ГАИ и т.д. Демонстрантов с утра 3 октября было огромное число. Они вели себя более динамично, наступательно, требовали суда над Ельциным, снятия блокады с Белого дома. К 14.00 скопление людей на Октябрьской площади превышало 100 тыс. человек. Здесь было много женщин, пожилых, некоторые с детьми, а омоновцев и милиции огромное количество — более 3 тыс. человек! Демонстрация носила мирный характер, ораторы сменяли друг друга, никаких призывов к более активным действиям зафиксировано не было.

Демонстрантам вдруг сообщили, что их митинг запрещен, а вооруженные до зубов бойцы ОМОНа попытались их разогнать. При этом часть всей этой массы людей поначалу оттеснили в сторону Крымского моста. Но началось противодействие людей. И вот, возглавляемый Виталием Уражцевым огромный массив людей в десятки тысяч человек с необыкновенной легкостью прорвал заслон ОМОНа, разоружил его бойцов и накатился на следующий заслон уже на Крымском мосту. Кордон ОМОНа на Крымском мосту прорвали так же легко, как и на Октябрьской площади. Отряд ОМОНа побежал.

Разоружив омоновцев, демонстранты быстро пошли по Садовому кольцу. Демонстранты миновали метро «Парк культуры», дошли до Зубовской и далее — к Смоленской площади, где стоял очередной заслон отряда ОМОН. Корреспондент Би-би-си Григорий Нехорошев описывал то бегство так, словно рассказывал о разгроме фашистов под Москвой: «Омоновцы бегут, бросая вооружение и технику, демонстранты догоняют их, избивая и отбирая все, что можно отобрать». Демонстранты захватили брошенные омоновские грузовики и автобусы, на которых они подъехали уже к Белому дому. Это тогда, в 16.00, как записано в моих записках, Уражцев буквально ворвался ко мне в кабинет со слезами и словами: «Прорвались!» Уже после прорыва блокады демонстранты захватили «попутно» мэрию, буквально за 3—4 минуты в ответ на обстрел демонстрантов из этого здания.

...Я ежедневно с 15.00 до 16.00 проводил брифинги с журналистами. Помимо того чтобы довести определенную информацию до людей, я хотел, чтобы меня видели журналисты. Разъяснял нашу позицию, отвечал на вопросы, что-то узнавал от них. 3 октября, как обычно, за мной зашли Мареченков, руководитель пресс-службы председателя, и Злобин, пресс-секретарь, присоединились Агафонов и Сыроватко. Начали пресс-конференцию, как всегда, в 15.00. В 15.30 под окнами раздался шум. Я пошутил: «Что, начался штурм?» Журналисты бросились к окнам. Оказалось, что это демонстранты, прорвав блокаду, двигались к Белому дому, вместе с ними накатывался победный грохот. Казалось, мы побеждаем.

Вскоре, примерно через час, когда я был у себя в кабинете, бледный Баранников буквально врывается, не доходя до стола, громко говорит: *«Руслан Имранович, плохо дело, демонстранты захватили мэрию!»*

Я: Виктор Павлович, надо немедленно и жестко пресечь такого рода действия. Предписать всем лидерам митингов, чтобы не растекались по центру Москвы. Как мы планировали с самого начала сопротивления, плотным кольцом расположить людей по периметру Белого дома. Иначе не победим. А по поводу мэрии — это плохой «сигнал». Теперь

будем ждать шквала обвинений, дезинформации и клеветы. Этот «эпизод» должен быть последним.

В это время входит Виталий Уражцев. Слезы радости на глазах. Бросается ко мне: *«Прорвались! Привел к Белому дому более 100 тысяч человек». Я сразу понял — это качественно новая ситуация, мы — побеждаем!*

Я: *Надо всех расположить по периметру вокруг Белого дома. Организовать людей. Выделить каких-то старших, установить мало-мальский порядок. Обеспечить питанием. Пусть люди не расходятся сегодня ночью. Если здесь будет 150—200 тысяч и более людей, не осмелятся напасть...»*

Входят Агафонов, Ачалов, Сыроватко.

Агафонов: *Надо бы выступить, Руслан Имранович, на балконе, люди просят.*

Я: *Не хочу, не время. Обеспокоен сложившимся положением в результате захвата мэрии.*

Агафонов: *Почему? У депутатов приподнятое настроение. У демонстрантов — тоже. Люди скандируют — вызывают вас. Все приятно возбуждены. Дело идет к победному концу.*

Я: *Давайте подождем немного. Меня беспокоит эпизод с захватом мэрии — нет ли в этом «деле» провокации? Мы держались 12 дней на исключительно миротворческих позициях. Нам для победы надо 1—2 дня. И все. По нашей вине не был убит и избит ни один человек. Давайте сосредоточим силы на организации людей по примеру Белого дома. А выступления — позже. С чем выступать? Если бы военные установили контроль над Кремлем — это другое дело. Изгнали бы узурпатора. Зачем понадобилась мэрия? Где был штаб Воронина?*

Ачалов: *Воронин, как вы знаете, в Свято-Даниловом монастыре. Ведет переговоры с Филатовым и Лужковым.*

Я: *Ну вот и конец всем переговорам. А скажут — мы сорвали. Плохо. Продержись бы еще чуть-чуть, они бы сами «отдали» Ельцина — уже для этого были все предпосылки...*

Но выступить все-таки пришлось. Слишком сильно уговаривали. Я поблагодарил москвичей за мужество и честность, сказал, что этот путч, как и в августе 1991 года, мы подавили. Но важно нейтрализовать гнездо мятежника, клят-

вопреступника — и военные должны установить контроль над мятежным Кремлем, где засел узурпатор... (позже меня обвиняли, что я призвал к «штурму» Кремля. Но разве это не было логичным? Законно устраненный от власти бывший президент продолжал контролировать Кремль — этот символ власти в России. Конечно, надо было его арестовать и установить контроль над Кремлем. Какие здесь могут быть иные суждения? Все соответствовало Закону. К сожалению, наши «новые силовики» во главе с и.о. президента, оказались слабыми и нерешительными).

Это было мое последнее выступление на балконе здания Парламентского дворца.

Обстановка, однако, быстро менялась в нашу пользу — огромные колонны демонстрантов, опрокидывая заслоны, шли нам на помощь.

Вскоре встревоженный Баранников сообщил, что Руцкой отдал приказ: «Взять «Останкино». Колонны демонстрантов стали уходить из-под стен Парламентского дворца. Зародилась еще не осознанная мысль — «это начало конца Сопротивления!» Надо немедленно остановить демонстрантов, вернуть их назад — это было еще вполне возможно. Но, похоже, наши новые исполнительные власти изрядно устали, им не хватило энергии, четкого понимания ситуации, которая менялась мгновенно, от того, где, в каком месте окажутся десятки тысяч людей — зависело все. У стен Белого дома оставалась едва ли тысяча-другая людей — в основном женщин, детей, пожилых людей.

Стало вдруг смешно — было очевидным, что в стране нет никакой власти, абсолютно никакой, если бы такая была, она немедленно ввела бы в наше здание роту или батальон милицейского подразделения — даже невооруженное — и контроль здесь был бы установлен. Не было надобности ни в едином выстреле. Но страх сковал разум кремлевских мятежников — они в своем воображении превратили Парламентский дворец в некую неприступную крепость, хотя сотни их агентов и иных стукачей здесь разгуливали свободно по нашим залам и знали досконально ситуацию. Все это было настолько иррационально, не поддавалось никакому логическому объяснению. Но логики не может быть там, где

действует страх и растерянность. Как оказалось, ситуация в рядах шайки заговорщиков-мятежников под влиянием страха, охватившего всех без исключения, сложилась буквально драматическая: как мне сообщили, Ельцин готовился к бегству... в Финляндию, два самолета с заведенными двигателями находились в Чкаловском. С финскими властями была достигнута договоренность относительно «неофициального визита Ельцина»... А тем временем по приказу Руцкого десятки тысяч демонстрантов, покинув площади вокруг Парламентского дворца, двигались на далекую окраину Москвы, оставив беззащитным X Съезд народных депутатов... Причем по мере продвижения многие люди, понимая бессмысленность этого «похода», покидали ряды демонстрантов. И на подступах к «Останкино» численность колонны демонстрантов едва ли насчитывала одну-две тысячи человек.

Я готовился встретить или «делегацию» мятежников Ельцина, или ворвавшийся сюда отряд вооруженных боевиков-ельцинистов... Депутаты, в том числе из военных, которые были направлены мной с приказом развернуть колонны демонстрантов и вернуть их назад, все еще не подавали никаких сведений... Прошло часа два в неимоверно тяжелом ожидании. И вдруг поступает сообщение: «Останкино» взято!» У меня в очередной раз мелькнула мысль: «зачем нам «Останкино»? У нас другая главная задача — продержаться день-два, и будет установлен контроль над Кремлем... Ну, коль скоро «Останкино» перешло под контроль парламента — следует воспользоваться этой возможностью и выступить с обращением к российскому народу по TV».

Поручил пресс-секретарю Злобину подготовить выезд для моего телевыступления. Вмешался в эти мои намерения Юрий Мареченков. Он попросил меня дать ему возможность выехать в «Останкино», разобраться с ситуацией и т.д. Я согласился. Мареченков уехал. А перед этим события развивались в Белом доме следующим образом.

Глава 4

ОБМАНУТАЯ НАДЕЖДА

Последнее заседание Съезда

Последнее вечернее заседание X Чрезвычайного Съезда началось в 18.07, депутаты в приподнятом настроении. Поскольку блокада была прорвана, к нам присоединились депутаты, работавшие в Краснопресненском районном Совете. Депутатов было много, зал набит битком, много журналистов, служащих парламента, представителей демонстраций. Но на душе у меня «скребли кошки» — чем занят Руцкой, где его «военные»?

Выступление начал с того, что поздравил с прорывом блокады, установлением контроля над зданием городской мэрии и «Останкино», призвал еще раз армию на защиту Конституции и выразил надежду, что она установит также контроль над Кремлем. Затем я коротко попытался дать анализ событиям, связанным с путчем заговорщиков и его природой. *«Говорят,* — сказал я, — *что мы имеем дело с «чилийским вариантом»*. Нет, это не «чилийский вариант». Там все-таки против президента выступили возмущенные женщины с пустыми кастрюлями, отвергающие навязываемый Альенде социалистический порядок, и потребовали улучшения жизни народа. А Пиночет действовал в соответствии с решением чилийского парламента, потребовавшего свергнуть Альенде.

У нас же совершенно другое положение, посмотрите только — даже актриса госпожа Ахеджакова призывает Ельцина расправиться с нами, с народом, ставшим на защиту парламента, Закона, Конституции; народ называют «быдлом», «совком», требуют загнать его «стадионы» для

расправы. Пиночет не выступал против парламента, у нас президент пытается уничтожить парламент...

...Завершая разгром путчистов, дорогие коллеги-парламентарии, я хотел бы подчеркнуть нашу твердую приверженность подлинным демократическим реформам как в области политического переустройства государства, так и в сфере экономической жизни. Нам предстоит сделать многое для того, чтобы заинтересовать в реформах нашего рядового гражданина, чтобы он реально увидел пользу от этих реформ, чтобы убедился в том, что эти реформы осуществляются для человека, а не против него, как это происходило и о чем мы много говорили, начиная с I Съезда народных депутатов в мае 1990 года. И особенно после того, как Верховный Совет остановил путчистов в августе 1991 года.

Нам следует изгнать из сердца какие-либо чувства мести; мы не можем говорить ни о «победителях», ни о «побежденных» — мы всего-навсего подавили позорный путч неудачника-президента, случайного человека, волею депутатов и стечением обстоятельств вознесенного на вершину политического Олимпа России...

Выступления депутатов были в таком же примиренческом духе. И кто знал, что может произойти очень скоро... Это заседание X Съезда было последним. Вскоре получаю сведения, что колонны демонстрантов на подступах к «Останкино» расстреливают из крупнокалиберных пулеметов БТРы. Сотни убитых и раненых. Небольшой отряд генерала Макашова, вооруженный стрелковым оружием (человек 20) — вроде бы ведет «бой». «Какой бой? Они что, с ума посходили?» Бегом направляюсь в штаб Руцкого.

У него в приемной слышен громкий треск рации, оттуда раздаются страшные слова, приказы, вперемешку с грубой площадной бранью, слышны звуки пулеметных очередей. На волне радиостанции мятежников Руцкой вступает в «переговоры», говорит: *«Я — Руцкой, приказываю остановить огонь!»* В ответ — брань, насмешки, угрозы, матерщина. По рации команды: «Это — *«Дунай», «Шмель». Большое скопление людей впереди тебя — метров двести, слева — дай длинную очередь...»* Идет расстрел людей. Мы, люди сугубо гражданские, просто обомлели. Брат Руцкого, Михаил, сам

офицер, сидящий у рации, пояснил: *«Дунай» — радиостанция, «Шмель» один из бронетранспортеров, видимо, командирская машина...»*

«Поход» на «Останкино» — расстрел мятежниками мирных демонстрантов

События после 15 часов 3 октября развивались следующим образом. После внезапного прорыва милицейских заслонов 200—300 тысяч (возможно больше) демонстрантов заполнили все наши площади вокруг Парламентского дворца. Люди ликовали, все были в радостном возбуждении, что смогли прийти на помощь осажденному парламенту; организаторы стали их перемещать по всему периметру Белого дома. И вдруг начали раздаваться команды, в том числе генерала Макашова, который от имени Руцкого приказал выстраиваться демонстрантам по колоннам и двигаться в направлении «Останкино». Сам генерал и его небольшой отряд в 20 человек были вооружены автоматами, других никаких вооруженных людей в этом «останкинском походе», не было. Странное дело — к демонстрантам стали подъезжать десятки автобусов, водители и какие-то люди приглашали «прокатиться» к «Останкино». Что это, как не заранее спланированная провокация?

Особо бездумный характер этой затеи состоял и в том, что если к нам на помощь прорвались и готовы были стоять у стен Белого дома сотни тысяч людей, уверенно полагая, что они защищают законную власть именно таким образом, то по мере движения к «Останкино» большинство людей стали покидать эту колонну, сомневаясь в правильности этого «похода». В результате к «Останкино» приблизилась колонна демонстрантов в 2—3 тысячи человек. При этом вышедшие из колонны люди не вернулись под стены Парламентского дворца — так наша победа, которая была нам дана москвичами своим прорывом, немедленно была сведена к предпосылке поражения всего лишь одним приказом Руцкого «На «Останкино»!».

Если бы все эти люди — общей численностью 200—300 тысяч человек — занимали бы позиции по всему периметру Белого дома — никакие танки генералов Кобеца и Волкогонова не посмели бы открыть огонь, а общая ситуация приобрела бы качественно другой характер. Не знаю, что преобладало в этом приказе — откровенная глупость или провокации, хитроумной ловушки. Мой приказ Баранникову, Ачалову, другим генералам-депутатам, своим заместителям — немедленно вернуть уходящие колонны, оказался невыполненным. Многие двигались на автобусах, захваченных у мэрии (с ключами зажигания — как будто приглашая), другие, как зомбированные, упрямо шли вперед, к гибели, третьи — большими группами откалывались от колонны в сторону и разбредались.

Выяснилось, что идея о «походе на «Останкино» целенаправленно вбрасывалась сразу же после прорыва заслонов к площадям Белого дома: якобы, если «захватим телевидение — победа будет окончательной» (чушь какая-то!). Этим настроениям и поддались «люди Руцкого», отсюда и этот провокационный «поход», который привел к мгновенной утере всей выигрышной позиции, которую удалось создать парламенту за две недели сопротивления кремлевским мятежникам. Командовал всем этим «походом» генерал Макашов, необдуманно назначенный заместителем Ачалова, но предпочитающий действовать самостоятельно, ни с кем не советуясь. Он и был главным организатором этого «похода» провокации. Причем произошло это так быстро, что парламентские лидеры даже не сумели отреагировать — у нас началось заседание Съезда, а на «улице» распоряжались «люди Руцкого».

«Поход» на «Останкино» и расстрел демонстрантов мгновенно изменили ситуацию — ельцинисты нашли «оправдание» для террора... Оба «силовых министра» — Ачалов и Баранников поняли, что «проглотили» провокацию и не смогли приостановить развитие событий по самому худшему для парламента сценарию... Журналисты видели министра обороны Ачалова, бегущего куда-то по лестнице и кричащего в передатчик: «Министр обороны приказал никому ни при каких обстоятельствах не стрелять! Это провокация!

Занять оборону, согласно боевым расчетам!» Баранников, похоже, был настроен мрачно. Получив мой приказ вернуть демонстрантов, он побежал, крикнув: «Это катастрофа!» Вскоре из самых разных источников, ко мне стали поступать ночью сведения о подготовке захвата Парламентского здания, сообщили также, что Грачев дал согласие использовать армию и тяжелую технику.

Разговор с командующим

...Вечером, уже после того, как я узнал о событиях в «Останкино», Виталий Сыроватко (ответственный секретарь Президиума Верховного Совета) соединил меня по радиотелефону с генералом Кузнецовым, командующим Московским военным округом. Я, поздоровавшись, спросил, знает ли он, генерал Кузнецов и руководство Минобороны, что происходит в Москве — у Парламента, у «Останкино»? Кузнецов отвечает, что знает.

Я: Так почему же вы не выполняете присягу, закон об обороне армии, вы — армия, обязаны защищать Конституцию?

Кузнецов: Армия решила быть нейтральной, такое решение принято коллегией Министерства обороны.

Я: Пока вы соблюдаете нейтралитет, боевики Ерина расстреливают людей — это не нейтралитет. Прошу вас от имени X Чрезвычайного Съезда выслать войска округа для того, чтобы расположить их вокруг Белого дома, по периметру. Они могли бы выполнять роль «голубых касок». Дали бы возможность осуществить переговоры с Кремлем.

Кузнецов: Руслан Имранович, я не смогу этого сделать. Я не смог бы это сделать, даже если бы очень хотел. Теперь...

Я: Почему не можете, разве вы не командующий округом?

Кузнецов: Командующий. Но я ничем не командую... Коллегия Минобороны приняла решение о нейтралитете.

Я: Я прошу вас еще раз — только армия сможет прекратить начавшееся кровопролитие, избавить от наступающей

трагедии и от штурма российского парламент. Вы отдаете отчет в том, что происходит? Вы ведь обязаны подчиняться парламенту, Ельцин отрешен от должности в соответствии с Конституцией. Но меня, Председателя Верховного Совета, никто не снимал. Почему вы не исполняете свой долг защитника Конституции? Я приказываю вам немедленно прибыть ко мне.

Кузнецов: Я посоветуюсь с генералами, Руслан Имранович. Больше ничего сказать не могу. До свидания.

Я: До свидания.

Я понял, что помощи ждать от армии не приходится. Я подготовил и поручил распространить еще один документ – обращение к армии.

ОБРАЩЕНИЕ
Председателя Верховного Совета
Российской Федерации к армии

Уважаемые генералы и адмиралы, офицеры и прапорщики, солдаты и матросы Российской армии и флота!

21 сентября Б.Н. Ельцин осуществил государственный переворот, объявил своим преступным Указом о прекращении деятельности Верховного Совета, Съезда народных депутатов, Конституционного суда Российской Федерации.

Прошло 12 дней с начала переворота. Стал очевиден гигантский ущерб, нанесенный российской державе, ее согражданам — страна на грани гражданской войны и распада. Бывший президент способен только на одно: блокировать Дом Советов, в котором проходят заседания Десятого Чрезвычайного Съезда народных депутатов.

Вы знаете, что за антиконституционные действия Б. Ельцин отрешен Верховным Советом от должности Президента Российской Федерации. Правомерность такого решения подтверждена Конституционным судом, что явилось основанием и для соответствующего решения X Съезда народных депутатов.

Однако Б. Ельцин, преступив закон и присягу в верности Конституции, продолжает чинить произвол и беззаконие по всей стране. К Дому Советов подтягиваются все новые воинские формирования, здание опоясано колючей проволокой, полностью заблокировано.

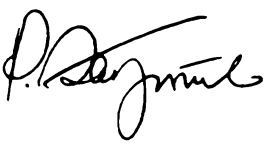
По всей Москве идут митинги. Уже есть жертвы, погибло более 20 человек от рук ОМОНа и МВД. Среди погибших ветераны вой-

ны, женщины, солдаты и офицеры, пытавшиеся пробиться к Дому Советов. Части МВД расстреляли мирную демонстрацию у «Останкино» — много убитых и раненых. Надо остановить это безумие тех, кто пытается силой подавить законную власть в стране и людей, защищающих эту власть и конституционный порядок.

Товарищи военные! Вы принимали присягу на верность Народу и Конституции — так защитите народ и Конституцию! Приходите на площадь Свободной России, где попирается эта самая свобода, честь и достоинство народа, а Конституция отброшена как ненужный хлам.

Сохранить нейтралитет в таких условиях — это означает отдать на растерзание путчистам и их приспешникам свой народ.

С верой в ваше гражданское мужество и офицерскую честь



Председатель Верховного Совета
Российской Федерации
Р.И.Хасбулатов

Москва, Дом Советов.
4 октября 1993 г. 03.00

Военные

В Верховный Совет приходили, особенно на первом этапе, представители Генерального штаба, военных округов, которые заявляли, что понимают политическую ситуацию, понимают, что совершен государственный антиконституционный переворот, но вмешиваться не будут, будут ждать развития событий. Слишком много в прошлом политики использовали армию, а затем бросали и делали козлами отпущения генералов.

В ночь на понедельник на сторону парламента перешла группа офицеров одной из частей Московского округа ПВО во главе с полковником. В беседе с корреспондентом «Интерфакса», находящимся в Доме Советов, военнослужащие,

просившие не называть их фамилий, мотивировали свое решение категорическим несогласием с позицией Б. Ельцина. По их словам, многие военнослужащие из их части также выразили желание отправиться в Белый дома, однако офицеры решили не втягивать солдат срочной службы в конфликт. Офицеры подтвердили, что армия фактически расколота, но понимают, что она должна отстаивать Конституцию.

Поступали разные сведения, что на подступах к Москве развертывались «бои местного значения» с использованием бронетехники — между идущими на помощь осажденному Белому дому воинскими частями и подразделениями, брошенными на их «перехват» (охранные части ГУО). В таких условиях — при том, что мятежного Ельцина не поддержали москвичи, — армия объективно становилась *мощным силовым арбитром* между парламентом и взбунтовавшимся Кремлем. (Сильное впечатление произвел и провал попыток «Демократической России» организовать контрдемонстрацию москвичей в поддержку Ельцина — вышли по призыву Гайдара всего несколько сот человек.) При четкой позиции армейского генералитета, который выразил бы мнение армии, заявив, что армия в 1991 году не применила силу против своих граждан, не применит она силу и в нынешнем кризисе и не допустит ее применения ни с какой-либо стороны — МВД никогда не решилось бы на жестокую расправу с мирными демонстрантами у «Останкино». И в целом конфликт мог бы завершиться мирно — об этом можно утверждать с абсолютной уверенностью. Боясь такого разворота армии, ельцинские агенты предпринимали одно за другим провокационные действия: вначале это был спровоцированный «захват» штаба ОВС СНГ, затем — события с городской мэрией, и наконец — бесславный поход на «Останкино». При трусости большинства генералов и готовности некоторых других из их рядов совершить любую подлость ради сохранения чинов и должностей — армейское руководство качнулось в сторону позорной позиции — оно поддержало намерение ельцинистов силой расправиться с парламентом.

Грачев через головы командующих сам звонил в дивизии и даже в полки. Генерал К. Кобец согласился возглавить оперативную группу по стабилизации ситуации в Москве, а фактически — по расстрелу мирного народа. Это по его команде велся прицельный огонь по Парламентскому дворцу. Согласился на роль палача парламентской демократии и генерал Волкогонов, кстати, наш — российский депутат.

Как оказалось, на состоявшейся ночью с 3 на 4 октября коллегии Министерства обороны ряд командующих округами выразили несогласие с приказами Ельцина по использованию армии для расправы с Законодателем. Ельцин убеждал генералов в необходимости нанесения последнего удара. И генералы трусливо подчинились, никто не подал в отставку.

...В Москву стали спешно перебрасывать бронетехнику, личный состав из Тульской и Рязанской воздушно-десантных дивизий. В 7 часов утра, разрушив баррикады у здания парламента, на подступы к нему ворвались БМП, они начали расстреливать баррикады, палатки, открыли огонь по окнам Белого дома.

Подразделения Тульской воздушно-десантной дивизии, заменившие милиционеров и солдат Внутренних войск, замкнули вокруг Дома Советов кольцо. В 8.00 бойцы начали перебежками приближаться к зданию, а БТРы и БМП открыли прицельный огонь по зданию парламента, его стали обстреливать и снайперы, засевшие в гостинице «Украина» и в других близлежащих зданиях. Для огневой поддержки на мост и противоположную сторону Москвы-реки, как мне сообщил Ачалов, были выдвинуты 10 танков из Кантемировской дивизии. После нескольких залпов в Доме Советов на 12-м и 13-м этажах здания начался пожар... Румянцев, Уражцев, Воронин и Югин, священник Никон непрерывно по рации призывали войска прекратить огонь.

Взятие Парламентского дворца, в конце концов, состоялось под руководством бывшего главы политуправления Советской армии генерал-полковника Волкогонова. Старый проверенный советский генерал-пропагандист, получивший известность в годы «горбачевской перестройки», Волкого-

нов (написанные им биографии Сталина и Троцкого — «шедевры» исторической науки того времени) действовал без всякой жалости... Эта кровавая операция в самой жалкой форме показала не просто отсутствие всякой политической культуры, но низкий нравственный облик распавшейся военно-государственной элиты. Ставший «либералом» генерал расправился с парламентской демократией — только из-за сохранения своего положения придворного генерала; он обесчестил свое имя.

Грачев

Грачеву пришлось уже не на словах, а на деле доказывать Ельцину, с кем на самом деле армия, в лояльности которой каждый день так клялся ему военный министр — любимец бывшего Верховного Главнокомандующего.

Многочисленные факты и его действия в те решающие для Кремля часы однозначно говорят об одном: министр обороны поначалу растерялся, не ожидал столь грозного развертывания событий. А когда же пришел в себя, стал тянуть до последнего, все еще надеясь, что Верховный Совет удастся подавить без применения военной силы, и уж тем более — без ведения огня на поражение. И он решил изловчиться, выждать, выгадать момент, как это удалось ему в августе 1991 года. Но в этот раз не получилось... Он просто боялся за свою карьеру, боялся оказаться под судом. Вот и вся его тактика.

В правительстве царила паника. С несколькими министрами и вице-премьерами Грачев повздорил — они требовали от него решительных действий, Черномырдин сказал, что у него, министра обороны, есть только один начальник — Верховный Главнокомандующий, ему, Грачеву, надо выполнять его приказ. Грачев, как ретивый служака, приступил к его исполнению. Метался до смерти перепуганный Бурбулис, кричал не своим голосом Полторанин, обвиняя всех в трусости и предательстве, требовал расплаты над парламентом мой бывший заместитель Шумейко (возненавидевший парламент, когда Генеральная прокуратура возбудила против

него уголовное дело за факты мошенничества). Особенно подло вел себя Черномырдин, требуя решительных действий от министра обороны. А Грачев все ссылался на то, что у него идет коллегия — это Черномырдина привело в бешенство, и он, не договорив, бросил трубку. Особенно напуганным выглядел Гайдар. Его розовые обычно щеки побледнели, и он метался по кабинету, твердя о какой-то «неадекватности» поведения Грачева и всех силовых министров (в одном из своих интервью потребовал от Ельцина сменить министров всех силовых ведомств).

Нелишне еще раз напомнить: кто штурмовал Верховный Совет, кто отдавал приказы, кого видели у танков на Краснопресненском мосту?

Для действий в Москве со стороны Министерства обороны выделены были следующие части: 218-й батальон спецназа ВДВ без разведывательно-диверсионной роты, 119-й парашютно-десантный полк (около 600 человек), 27-я мотострелковая бригада, один батальон (около 300 человек), 2-я мотострелковая дивизия в составе усиленного полка (до 1400 человек) и 4-я танковая дивизия (в составе танкового и мотострелкового батальонов). Кроме этого, другие подразделения 2-й и 4-й дивизий находились в районах сосредоточения в непосредственной близости от Москвы (до 3 тыс.). В позицию боеготовности были приведены части ВДВ в прилегающих к Москве регионах (Тула, Псков, Рязань, Кострома).

Практически с момента принятия решения на ввод войск, а это произошло в 18 часов 2 октября, когда Грачев отдал первые приказы о подготовке к «маршу в Москву», он вместе с генералами Кобецем и Волкогоновым, во взаимодействии с министром МВД Ериным, активно разрабатывал план применения войск против осажденного Парламентского дворца. В августе 1991 года Грачеву удалось при помощи разного рода ухищрений и ловкости сохранить репутацию честного генерала, да еще ложно выдать себя чуть ли не за «защитника» Белого дома. Но тогда (в 91-м) он так и не получил «сверху» приказ штурмовать нас.

А ныне эти приказы «штурмовать», «расстрелять», «уничтожить» — отдавались всеми, кто был приближен

к Ельцину, включая его самого, а также Черномырдиным, Бурбулисом, Гайдаром, Полтораниным, Коржаковым и прочей шпаной, трясущейся от страха. Грачев охотно согласился выполнить преступный приказ, как только увидел, что все генералы поддержали это решение вместе с Ельциным, Черномырдиным, Ериным и другими членами банды, в полной мере заслужил репутацию «могильщика российского парламентаризма», предателя, изменившего своему воинскому долгу...

...3 октября, после деблокады Белого дома прорвавшимися демонстрантами и полной деморализации мятежных сил МВД, автобусы с людьми во главе с Руцким, следовало направить не в «Останкино», а на Кремль. Власть в столице в тот период фактически отсутствовала. Руцкой мог бы совершенно беспрепятственно войти в Кремль и занять президентские апартаменты. Тогда разрозненные подразделения дивизии им. Дзержинского беспорядочно отходили из района Белого дома, начался массовый переход на нашу сторону сотрудников райотделов милиции Москвы, подразделений Внутренних войск (ВВ) МВД и даже некоторых отрядов ОМОНа. Полной неожиданностью, вызвавшей растерянность Ерина, явился отказ Софринской бригады выполнить его, Ерина, приказ расстрелять демонстрантов. Так спонтанно, на 12-й день со времени начала конфликта, порожденного откровенной авантюрой Ельцина, возникла *ситуация безвластия в Москве*. В такой обстановке без особых сложностей можно было установить контроль над Минобороны, МВД и МГБ, быстро восстановить связь Белого дома с внешним миром. И отмечу — все это было предусмотрено в нашем «Плане»; все, кроме одного — безрассудных действий и.о. президента и его гибельного похода на «Останкино»...

На совещании у Черномырдина вечером 3 октября было принято решение: в обход Министерства обороны обеспечить участие армейских подразделений в физической расправе над сопротивлением. Это «миссия» была возложена на генералов Волкогонова и Кобеца. При встречах с командирами подразделений дивизии, которой командо-

вал генерал Маневич, оба они, лицемерно апеллировали к «гуманности» армии, ее спасительной роли. Описывались «злодеяния» коммуно-фашистов в здании Парламентского дворца. А сотни убитых у «Останкино» выдавались за жертвы «террористов» и «защитников» Белого дома. При полной дезинформированности армейцев эта агитация, вместе с обещаниями благ и льгот, возымела свое действие. Они нашли группу танкистов, которые взялись расстреливать Парламентский дворец. Говорят, правда, что эти танкисты плохо кончили. А генерала Кобеца посадили в тюрьму за мошенничество. Это удивительный случай для коррумпированного ельцинского недогосударства.

Гайдар в роли провокатора «попа Гапона»

Мятежному Кремлю нужны были жертвы невиновных людей. Видимо, в этом контексте и следует рассматривать обращение Гайдара к москвичам с призывом собраться у Моссовета — это было уже после расстрела войсками мирных манифестантов у «Останкино», вечером 3 октября, когда уже пролилась «большая кровь» демонстрантов-защитников Конституции.

Если проанализировать призыв Гайдара по существу, ясно, что он призывал безоружных гражданских лиц, являющихся политическими противниками конституционалистов, подставить себя под реальную угрозу убийства, — как это уже произошло с манифестантами в «Останкино». Все это выглядело до такой степени похожим на заклание, что даже в истеричной атмосфере вечера 3 октября нашлись люди, прямо призывавшие не слушать призывов Гайдара. В первую очередь это были «ВиДовцы» Любимов и Политковский. Тогда же, вечером 3-го, Петр Мамонов охарактеризовал призыв Гайдара как «провокационный» («Коммерсант-Dayli», 10.1993 г.). Не случайно позже все эти полулибералы, обеспокоенные излишне грубой, прямолинейно-гапоновской ролью, сыгранной Гайдаром, попробовали было «объяснить» его призыв к москвичам тем,

что якобы «войска были ненадежны» и могли «не пойти на расстрел российского парламента». И поэтому москвичи, вышедшие под лозунгами «защиты Ельцина», должны были показать, за кого народ, и тем самым побудить армию расстрелять парламент. Объяснение столь же «изящное», как корявое бревно, но это уже не их вина — таков уж у них был интеллект, при том, что претензии на ученость и образованность носили безмерный характер.

Все это заставило искать оправданий для Гайдара — как позднейшим комментаторам, так и самому провокатору вице-премьеру, и даже — депутатам Госдумы. Призыв Гайдара был понятен тем, кто решил, что дело их проиграно, а потому надо развязать гражданскую войну — Ельцину, Черномырдину и прочим путчистам. Призыв Гайдара — это призыв к массовым убийствам, к гражданской войне. И армия, в конце концов, заняла позицию поддержки заговорщиков и мятежников. Генералы, выполнившие преступные приказы низложенного, по сути — незаконного президента, путчиста-преступника, сами стали преступниками...

По результатам «деятельности» армии военные получили целые потоки наград, следовательно, они выполнили полицейско-карательную задачу, возложенную на них в полном объеме. Оправданий этому не стоит искать. Российская армия перестала быть народной армией, а превратилась во вторую карательно-охранительную (после МВД) структуру, обеспечивающую корпоративные интересы «праздного класса», а не интересы государства.

При попустительстве армии началась дикая расправа с демонстрантами и просто с гражданами, попадающими «под горячую руку» всевозможных вооруженных бандитских групп, якобы ОМОН и пр. Отнюдь не сторонник Верховного Совета, публицист Михаил Леонтьев в газете «Сегодня» с изумлением писал: *«Нам рассказывают и показывают, как банды озверевших национал-коммунистических погромщиков бродили по Москве, штурмуя телецентр, мэрию и различные иные общественно нужные объекты. Однако вы не найдете ни одного сообщения о разгроме беззащитного коммерческого ларька. Ужасные коммунистические экспроприаторы, немного полежав под шквальным огнем рядом с телецентром*

«Останкино», отбегали в соседний киоск, покупали за деньги воду и шоколадки и возвращались назад, помирать за идеалы социальной справедливости. Киоски у Белого дома в «ночь беспредела» после его деблокирования, когда в городе даже с миноискателем нельзя было найти ни одного милиционера, сделали рекордную выручку». Что ж, профессионализм журналиста порой оказывается сильнее его идеологических предпочтений. Другая прокремлевская газета, «Куранты», также была вынуждена признать, что публикации СМИ о том, будто штурмовавшие «Останкино» повстанцы врывались в окрестные дома и грабили квартиры — ложь («Куранты», 6.10.1993 г.) ...Восставшим против Конституции нужна была кровь. Много крови. И пролитой якобы конституционалистами. И провокаций, оправдывающих их *террор*. Поэтому Гайдар в роли Гапона — это превосходный инструмент провокации...

Впрочем, аналогичную роль сыграли Г. Зюганов, лидер коммунистов, призвавший москвичей «сидеть дома», поскольку речь идет о противостоянии «верхов», а также Г. Явлинский, потребовавший от Ельцина «принять решительные меры» по уничтожению парламента. Позже, в том числе в ходе предвыборных баталий, этот сладкоречивый ренегат-пустышка будет говорить о «равной ответственности президента и Верховного Совета» за трагедию. Но если ответственность «равная», тогда почему он, Явлинский, призвал одну из «равных сторон» расстрелять другую «равную сторону»? Ум у Явлинского, похоже, слишком убогий, он не подчиняется даже простой логике. По-видимому, избиратель интуитивно понимает этот мощный изъян этого политикана, отказывая ему в доверии.

Большой террор

...Сквозь полудрему, как назойливое жужжание осы, был слышен какой-то непривычный для уха шум. Нарастающее в подсознании беспокойство боролось с потребностью сна. Беспокойство одолело — я окончательно проснулся. Встал — и опять этот монотонный, тревожный гул,

непрерывно усиливающийся. Быстро побрился, умылся, надел чистую рубашку, сменил черный костюм (у меня здесь целый гардероб). Подошел к окну. Окно выходит на набережную, далее — мэрия, со злосчастного взятия которой я почувствовал огромную усталость. Рассвет еще не наступил, еще рано, 4 часа утра. Всматриваюсь в темные, но уже чуть светлеющие громады зданий — над ними, может быть мне показалось, какие-то огненно-оранжевые блики — грозное предзнаменование...

Штурм ожидался почти ежедневно, уже с неделю. Было ясно, что экс-президент, ошалевший от уже совершенных им диких преступлений и страха, зашел очень далеко — ему отступить уже невозможно. Помимо этого, слишком много влиятельных людей вовлечено в грязную работу по подготовке и осуществлению путча, кровавого мятежа против законной государственной власти, слишком крупные группы тайных сил приняли участие в заговоре, разработке планов по свержению конституционного строя, развертыванию мятежа и подавлении сопротивления, в операциях прикрытия и иных провокациях. И все эти силы не позволят просто так этому пьянчужке-авантюристу отступить. Но он был на границе поражения, со всеми своими силами. Если бы не «поход Руцкого» на «Останкино» — заговорщики готовились бежать из страны... Эти мысли постоянно стучали в голове, они находили подтверждение по мере поступления информации от окружения кремлевского заговорщика и его верного Санчо Пансы — Черномырдина.

Тем не менее он оказался неожиданным — этот штурм. Видимо, так уж устроен человек, самое страшное, даже самое реальное воображение отодвигает ожидаемое событие куда-то в сторону, разум не мирится с жестокой, коварной реальностью. Мне сообщали, что уже третий день «ястребы» настаивают на силовом решении проблемы. Среди них были прежде всего Черномырдин, Ерин, Барсуков, Гайдар, Коржаков, Шумейко и, как ни странно, Козырев и Филатов. А Барсуков чуть ли не отстранил от руководства «операцией» Ерина и Романова и требовал «расстреливать всех!» — за «пассивность». Хотя они и показали себя самыми исполнительными служаками-ельцинистами.

Шум нарастал, это приближались, грохоча, танки... Было 6 часов 30 минут...

Сейчас даже не могу припомнить, с каким чувством воспринял я артиллерийскую атаку, грохот разрывающихся снарядов. Возможно, долгое ожидание неумолимо надвигающегося события делает сознание невосприимчивым к нему, каким бы трагическим оно ни было. Возможно. Но одновременно было и другое подсознание, отвергающее этот жестокий артобстрел. Это второе подсознание отказывалось верить тому, что видели глаза, слышали уши, воспринимал ум. Происходящее все эти две недели, дополняемое адским грохотом разрывающихся снарядов, вызывало один и тот же вопрос: как терпит страна эту бойню и насилие, этого взбунтовавшегося негодяя — безумца? Вскоре мне сообщили, что из танковых орудий бьют прямой наводкой по верхним этажам нашего здания. Стреляют офицеры-«добровольцы», танкисты Таманской гвардейской дивизии, прославленной в боях с гитлеровцами-фашистами на полях сражений Великой Отечественной войны.

Хам по природе, человек жестокий, ошалевший от страха, прибегает к любой форме насилия — только для того, чтобы удержаться у власти, распорядиться которой он не умеет — в силу отсутствия мыслительной деятельности, вместо ума — сложной, рациональной умственной деятельности — эмоциональные безрассудные действия, продиктованные страхом, ставшим маниакальной идеей. Главный мотив при этом — боязнь потери власти, к которой так долго стремился и неожиданно получил. Отсюда — готовность перебить хоть весь мир, стать союзником самому дьяволу, перекрасившись в любой цвет, сделать какое угодно заявление, совершить любое преступление, убийство, расстрел, клятвопреступление, обмануть кого угодно. Предельно законченный тип дегенерата во власти, опасного в своей тупой ограниченности и склонности к насилию в силу психологической предрасположенности, патологический врун. Такие люди исключительно опасны, когда они трепещут в страхе. Ельцин был все эти дни охвачен паническим страхом поражения. Он пьянствовал...

... *«Почему вы не были готовы к тому, что ваш дом ограбят?»* — нелепый вопрос. А ведь задают. Почему же не хотят сказать тому, кто совершил злодеяние: *«Вы — злодей, преступник! — Уходите вон!»* И здесь ищут «равной ответственности»: убийцу и его жертву ставят на один уровень. И делают это вроде бы «сочувствующие»: это у них позиция такая, «объективистская» — самая подлая позиция, вводящая людей в заблуждение.

...Я не был внутренне готов к перевороту, не верил, что Ельцин пойдет против меня, я был верен ему в самые для него тяжелые времена. Не было надобности быть готовым к перевороту, измене, расстрелу. Но встретил я эту величайшую измену и предательство так, как следовало главе российского парламента и человека, имеющего Честь. Ее у меня никто не отнимет. И на пресс-конференции опять этот дурацкий вопрос: *«Почему не приготовились?»* Отвечал: *«Почему я должен разрабатывать тактику и стратегию антитеррора? Я что — неприятельский полководец? У нас есть план законодательной и контрольной деятельности, есть — Конституция — основной закон, решения Съездов народных депутатов, законы парламента — Верховного Совета. Их выполнение и есть стратегия и тактика деятельности парламента и его председателя. Почему мы должны готовиться к каким-то государственным переворотам? И ставить мне упрек в том, что я не готовился к перевороту со стороны Ельцина, просто неразумно».*

Как спасти людей?

«Как спасти людей?» — вот основной вопрос, который я задавал себе и своим соратникам в ожидании близкого штурма. Нам надо было знать, какие команды отданы Кремлем в отношении двух тысяч людей, оставшихся в Белом доме 4 октября, как намерены с ними поступить «власти». Шансы на благополучный исход уменьшились к утру 4 октября до минимума. Тогда было решено использовать все возможности для прямых и косвенных переговоров, через иностранных дипломатов, журналистов, любых общест-

венных и религиозных деятелей, кто готов будет выслушать нас. Разумеется, не сбрасывали со счетов и прямые контакты с правительственными чинами, если они пойдут на это. Такое поручение я дал Юрию Воронину, Валентину Агафонову и Олегу Румянцеву, другим членам Верховного Совета, которые были в непосредственной связи со мной.

Я — Ачалову: *Надо удержать вооруженных людей в Белом доме от ответного огня. Прикажите своим людям, пусть распорядятся.*

Ачалов: *Согласен, но нам надо окончательно решить вопрос о выходе из Белого дома. Затянем до ночи — никому не бывать в живых.*

Хасбулатов: *Ну, нам-то с тобой все равно не быть в живых, Владислав Алексеевич, — мрачно пошутил я, — надо спасать всех других, находящихся в здании.*

Олег Румянцев, Виталий Уражцев, Иона Андронов, Юрий Юдин, Юрий Воронин, Валентин Агафонов, Виталий Сыроватко, Коровников, Ахметханов, Виктор Югин— все они были почти постоянно возле нас, непрерывно пытались дозвониться по радиотелефонам до Черномырдина, Сосковца, Лобова, Зорькина и др. Им помогали сотрудники моего секретариата, депутаты Алироев, Николай Иванов. Время от времени из Палаты национальностей приходили наши депутаты, в том числе Тамара Пономарева — тоже пытались дозваниваться до официальных лиц. Иногда это удавалось, что-то можно было сказать под грохот орудийных выстрелов и тяжелую дробь крупнокалиберных пулеметов.

Руцкой, как Ельцин в августе 1991 года, вдруг тоже хотел бежать. Возвращаясь из Палаты национальностей к себе, я увидел Руцкого, беседующего с иностранными тележурналистами. Увидев меня, Руцкой позвал и обратился ко мне: *«Руслан Имранович, подойдите сюда. Я обращаюсь через журналистов к правительствам их стран. Если сюда не придут послы западных стран (СНГ вряд ли пропустят), не дадут гарантий — могут всех перебить. Видите, с нами переговоров не ведут, стрельба усиливается. Подходят новые части...»* Тележурналисты снимают эти кадры, с монологом Руцкого.

Кто-то из них обратился ко мне: *«Господин спикер, похоже, что вас всех здесь могут расстрелять. Согласны ли вы с господином Руцким, что вам следует перебраться в какое-нибудь иностранное посольство — как об этом заявил господин Руцкой».*

Я: «Не знаю, о чем с вами говорил господин Руцкой. Я об этом даже не думал. Я хотел бы спасти оставшихся здесь людей: и депутатов, и не депутатов. Не обо мне речь.... И должен вам сказать, что ни в какое иностранное посольство я перебираться не собираюсь. Если Руцкой решил это сделать — это его личное дело».

С этими словами я развернулся (почти так же, как и двумя годами раньше, когда бежать хотел Ельцин в американское посольство) и быстрым шагом ушел к себе. Продолжение интервью Руцкого я не слышал.

...Надежды на коренное изменение ситуации, что придут какие-то войска, о чем все еще продолжали говорить Руцкой и его военные, — у меня не было со времени начала боевой операции. На мои требования организовать приход войск под парламентские стены с целью их расположения по периметру Белого дома, Руцкой и его министры подобострастно мне отвечали: «Да, мы это делаем, войска в пути, подойдут завтра». Завтра говорили: «Да — подойдут завтра». И так — бесконечно...

Руцкой, Уражцев, Румянцев по очереди непрерывно выступали по рации на волнах штурмующих омоновцев. Выступил архидьякон Никон, но его обматерили, и он растерянно смотрит на меня. Я даже рассмеялся. Они просили, умоляли не стрелять, не убивать мирных людей. Объясняли, что здесь нет никаких штурмовиков-боевиков, жаждущих бойни. Говорили о необходимости оказания срочной медицинской помощи многочисленным раненым, в том числе женщинам, подросткам. Тщетно. В ответ — усиление пулеметного обстрела — пули производили впечатление крупного, частого дождя, шлепаясь о стены парламента. Ухали башенные орудия с тяжелых танков, снаряды разрывали с огромной силой здание нашего дворца. Сперва — где-то наверху, затем — все ближе к нам, к нижним этажам...

Бронетранспортеры подошли к Дому Советов около 7 часов утра, расстреляли безоружные посты охраны, палатки. В них спали в основном женщины и дети. Те, кто был в здании, видели, как трупы, множество трупов, накрывали полиэтиленовой пленкой. И спешно увозили куда-то. Затем начался расстрел парламента. В распоряжении штурмующих находилось шесть экипажей танков из Кантемировской дивизии. Набраны они были Кобецом из добровольцев-офицеров. Им были обещаны квартиры в Москве. По 3 тысячи долларов и должности не ниже заместителя командира полка. Готовность открыть огонь подтвердили 4 экипажа. Это 8 офицеров и 4 прапорщика. Ими было выполнено 64 выстрела. Часть боеприпасов была объемного взрыва, что вызвало огромные разрушения и жертвы среди защитников Белого дома. Начался штурм, войска ворвались в здание. Но общее состояние участвующих в штурме войск можно охарактеризовать к 17 часам как подавленное. Десантники, заняв два первых этажа нашего здания, остановились и прекратили продвижение. Таманцы засели в переулках, практически прекратив огонь. Прицельно били только танки. Батальон спецназа в бой вообще не был введен.

Вот как описывает случившееся один из специалистов-военных — Феофанов:

«Событиями октября армия придавлена. Расстрел белым днем прямой наводкой в центре Москвы собственного парламента — несмываемое пятно на некогда народной, непобедимой и легендарной. Армия сопротивлялась, не хотела идти. Обманом затащили ее в Москву. Не так-то просто оказалось из целого танкового полка отыскать четырех офицеров, согласившихся «стрелять», но ведь все-таки они нашлись и стреляли! И сами не застрелились после этого! На плитах около стен Белого дома написано «Офицеры — предатели народа», «Армия — кровавая сука, посмотри на дело рук своих». Стыдно и страшно».

...Рано утром был убит отец Виктор. Он вместе с другими священниками (Алексеем Злобиным, Никоном, Андреем) организовал крестный ход вокруг Белого дома. Взывал к совести солдат, пытался разбудить в их ожесточившихся

сердцах чувства чести и милосердия. А там — грязь, какая честь? — Подлость. Отец Андрей, после моего освобождения, мне рассказал, что на священника наехал танк и стал кружиться. Искромсали его тело в клочья перед российским парламентом. Вечная ему память!.. Сам отец Андрей неоднократно пытался связаться по телефону с Патриархом вне Белого дома, но тот не хотел с ним говорить. Идея священников заключалась в том, чтобы убедить Патриарха прибыть к Белому дому и совершить крестный ход, призвав Кремль снять блокаду и начать человеческий диалог с X Съездом парламентариев страны.

Среди оставшихся в Белом доме была хрупкая девушка. Как-то, быстро проходя по переходу, я увидел, как она взяла громкоговоритель и в сопровождении двух парней направилась к разбитому окну, выходящему на набережную. Стала просить атакующих не стрелять, пыталась объяснить, что здесь — защитники Конституции, такие же молодые ребята, как и они; и они, эти молодые ребята, имеют единственную цель — защитить Конституцию, защитить парламентариев, сотрудников, работающих в российском парламенте. *«Депутаты,* — говорила она, — *написали те Законы, по которым живут люди, само государство, они — избранники народа. Разве мирных людей, пришедших к ним на защиту, — можно убивать?»*... Еще долго, взволнованно, путая слова, говорила в громкоговоритель эта мужественная девушка. По ней открыли сильный огонь. Она продолжала говорить. Я не выдержал, закричал ребятам: *«Уберите девушку!»* К ней подскочили — не успели! Она вскрикнула, схватилась за левый бок, сквозь пальцы показалась кровь... Я кинулся вон — не было сил смотреть на все это.

Эти последние часы и минуты в Парламентском дворце были страшными для меня: в силу неотразимости наступающего конца — гибели Верховного Совета, Конституции, демократии, мечтаний о свободе, равенстве, счастье. Меньше всего думал о себе. Расстрел танковыми орудиями всего того, чем жил последние годы — надежды на улучшение жизни людей, их нравственное, культурное освобождение, построение прочных демократических институтов власти,

которые контролировались бы самим народом... Но — побеждает обыкновенный фашизм...

Как мужественно вели себя мои друзья-парламентарии, как достойно они встречали нашу гибель! ...В примыкающих к Палате национальностей коридорах — множество людей, есть и незнакомые лица — это те, кто пришел к нам по зову совести и решил остаться до конца... Подходят, здороваются, некоторые благодарят (за что?), прощаются... Зашел в зал Палаты — депутаты наши сидят в креслах, некоторые дремлют, разговаривают между собой, другие расхаживают по рядам. Увидев меня, Людмила Бахтиярова говорит: «Подойдите сюда, Руслан Имранович!» Подошел. Шиповалова и Сорокина просят выступить... Выступил. Вспомнил нашу сложную работу. Быстрый профессиональный рост парламентариев, тот огромный вклад Верховного Совета и сессий Съездов народных депутатов в становление нового российского государства, который никакими путчами невозможно перечеркнуть...

Выступают поочередно — Воронин, Румянцев, Агафонов, Бабурин... Женщины-депутаты ведут себя особенно мужественно — ни одного упрека я не слышал от них, не видел ни одного осуждающего взгляда. Наоборот — подчеркнутое уважение, попытки улыбаться, иногда — сквозь слезы... А у меня в висках стучит: «Спасти людей, спасти». Сердце стучит: «Спасти людей, спасти...» ...Вернулся к себе, непрерывно заходят люди — выслушиваю, даю какие-то указания, читаю доклады, сообщения.

Было начало 12-го, почти полдень, когда я опять зашел в Палату национальностей. Все смотрят на меня. Рядом — Солодякова Нина, Пономарева Тамара, Бахтиярова Людмила, Шиповалова Лидия, Сорокина Мария, Ахметханов, Коровников, Югин. Залевская нерешительно спрашивает: *«Есть ли надежда, Руслан Имранович?» Отвечаю скучно: «Надежда умирает последней! Будем надеяться на лучшее, хотя по радиоперехвату зафиксированы приказы давить мирных граждан, если они будут бросаться под идущие к нам на штурм танки»*. Я сказал, что сейчас предпринимаются все возможные усилия, чтобы вывести из здания женщин

и детей — через контакты непосредственно с военными. Женщины энергично возражают, громче всех — Светлана Горячева. Она сказала, что в этом случае мужчин еще скорее перестреляют...

Один из казачьих командиров, подразделение которого приехало с Южного Урала, подошел ко мне: *«Спасайте всех, Руслан Имранович, у меня 17-летние ребята.* Внутрь здания прорвались через десяток основных подъездов ударные передовые группы войск и ОМОНа. Штурмовики непрерывно стреляли из автоматов, швыряли гранаты. Их взрывы сливались с залпами пушек. А потом загрохотали орудия танков, прожигая насквозь верхние этажи бронебойными кумулятивными снарядами. Парламент умирал постепенно, с верхних этажей, смерть снижалась в пламени и в черной копоти горящего здания.

В зале Палаты национальностей, лишенном окон и потому недоступном пулям, теснились в полутьме депутаты, их помощники, служащие, секретарши, стенографистки, официантки парламентской столовой, журналисты, не ушедшие демонстранты. Будто в катакомбе, тлели огоньки свечей. Стены вздрагивали от грохота тяжелых танковых орудий. Кто-то из женщин запел старинную русскую песню. Хором подпевали. И снова пели. Декламировали патриотические стихи. Кое-кто молился. Некоторые писали прощальные записки своим семьям. Но мне казалось, что они надеются на меня, — что я смогу найти какой-то выход даже из этого, казалось бы, безнадежного положения...

Стреляют очень сильно. Подходит Ачалов, говорит, что у набережной — десантники. Хочет попробовать добраться до них, попросить прекращения стрельбы. Я несколько иронически говорю: *«Раз для этого не хватило двух недель, что же теперь...»* Ачалов прощается, хромая, уходит. — Я ему вслед (иронически): *«Там стреляют!»* Сижу, курю трубку. Подсаживаются Александр Коровников, Иса Алироев и Виктор Баранников. Говорить, собственно, нечего. Коровников говорит что-то о самолетах, вертолетах, которые «должны» подойти на помощь. У меня не было даже желания сказать что-нибудь резкое. Через полчаса Ачалов возвращается, говорит: *«Сильный огонь».* — *«А что, выходя, вы разве не виде-*

ли это?» — Молчит. Ахметханов смеется. Ачалов смеется. Смеются все.

...В приемной, у большого стола, где обычно работал дежурный секретарь, плашмя на полу лежал Румянцев, раскинув ноги, и говорил с кем-то по телефону по-венгерски. Мозг автоматически отметил: *«А я и не знал, что Олег говорит еще и по-венгерски...»* Хусейн, мой двоюродный брат, протягивает телефонную трубку, говорит: «Зорькин!» Хватаю трубку, кричу: *«Валерий Дмитриевич, вы живы?»* — Тут же, иронизируя привычно над собой: *«Конечно, вы живы, иначе как бы я мог с вами говорить»* — И сразу: *«Вы знаете, что здесь происходит? Это — фашизм. Десятки тысяч людей, до зубов вооруженных, танки, бронетранспортеры — все это штурмует наш дворец, парламентариев, множество гражданских лиц, в том числе женщин и детей! Вы себе это представляете? Я прошу вас приехать сюда, Валерий Дмитриевич! Приезжайте со всем составом Конституционного суда!»*

Зорькин: Я постараюсь, Руслан Имранович. Я даже не знаю, что сказать вам — непрерывно стараюсь дозвониться до Ельцина, до Черномырдина — не соединяют. Другие официальные лица ссылаются на них (грохот взорвавшегося снаряда). — Что это, орудие?

Я: Да, нас расстреливают танки, вы слышите разрывы артиллерийских снарядов...

Воронин: Руслан Имранович, скажите ему, чтобы приехал с руководителями регионов и иностранными послами.

Я: Вы можете приехать с кем-нибудь из руководителей регионов, послами?

Зорькин: Я постараюсь (еще один разрыв). Больше ничего не слышно. Телефон наш — продукт самодеятельности наших связистов, связь оборвалась.

Снова захожу в свой кабинет, сажусь в рабочее кресло за большой стол. Опять думаю — что же делать, как вывести отсюда людей? Через подземные ходы? Не получится — перестреляют в полумраке. Заскакивает Юра Гранкин вместе с Махмудом Дашкуевым, моим двоюродным братом, офицером ФСБ. Кричат: *«Нельзя здесь сидеть — снаряды, снайперы — окна под их прицелом!»*

Выхожу из кабинета — Руцкой, Воронин, Агафонов, Румянцев, Исаков и еще кто-то окружили Аушева и Илюмжинова. Рассказывают, друг друга перебивая. Оба подходят ко мне, я задал вопрос: *«Есть ли возможность остановить штурм здания? Надо спасать людей. Много убитых и раненых, есть больные, женщины, их надо спасать, вывести из здания».*

Отвечают, что они не могут попасть ни к Ельцину, ни к Черномырдину — их не соединяют по телефону и не пускают на прием. Черномырдин настроен особенно агрессивно, никаких переговоров не признает. «Надо перебить эту банду» — вот его несколько раз повторенные слова, — сообщают эти двое.

Советую немедленно выбраться отсюда, поехать к Зорькину, к лидерам регионов, связаться с посольствами, передать им мою просьбу прибыть сюда. Тогда, возможно, остановят огонь. Это, может быть, последний шанс.

Аушев и Илюмжинов уехали...

Офицеры «Альфы»

...Заходят Андронов, Баранников, Ачалов, с ними двое парней в десантной форме. Здороваются. Один из вошедших парней сразу выступил вперед, сказал: *«Меня зовут Володя. Руслан Имранович, я с увдженением отношусь к вам. Вы лично сделали все, что могли. Теперь прошу вас помочь нам спасти ваших людей. Я — один из командиров «Альфы», получен приказ овладеть зданием Верховного Совета. Мы брали президентский дворец в Кабуле. И еще кое-что... Но мы не хотим воевать с вашими защитниками, хотя от нас этого требуют... Мы уже встречались с вашими депутатами, убедили их в том, что надо выходить из здания. Они согласны, но сказали, что это решение можете принять только вы».*

Я спросил: *«Верно ли, Иона Ионович, что депутаты и все защитники парламента решили принять предложение «Альфы» и покинуть здание парламента?»*

Андронов: *Да, верно, Руслан Имранович. И это единственное для нас разумное решение. Но они хотят, чтобы это*

решение приняли вы, как Председатель Верховного Совета России.

Я: *Хорошо. Я принимаю решение: вывести всех людей под охраной «Альфы», под честное слово этих офицеров.*

Руцкой: *Нам известно о секретном приказе высшего командования убить меня и Руслана Имрановича, якобы в перестрелке при штурме или нашей капитуляции.*

Володя: *Мы клянемся офицерской честью не позволить никому убить вас. При вашем выезде из Белого дома вас будут прикрывать наши бойцы «Альфы». И потом сопровождать по городу в наших бронетранспортерах.*

Я: *Куда отвезут депутатов?*

Володя: *Руслан Имранович, ваших людей мы отвезем на автобусах к станции метро.*

Румянцев: *А кто обеспечит охрану нашему Председателю — Руслану Имрановичу?*

Я: *А если другие части, ОМОН попытаются перебить вышедших из Белого дома людей?*

Володя: *Мы их подавим огнем. Я знаю своих людей, можете мне поверить.*

Не верить было невозможно — выбора не было.

В гостиную вошел Макашов в своем знаменитом берете и стал возражать, приводить какие-то аргументы. Я, зная его роль в «Останкино», жестко прервал его:

— Вы свое дело уже сделали. Помолчите или уходите отсюда! Наверное, я сказал слишком резко в эту минуту. Все замолчали.

Володя: *Нам пора в штаб. Мы вернемся сюда через полчаса. Вы должны быть готовы покинуть здание. Наши офицеры не рассматривают это как капитуляцию. Это — акт спасения мирных людей. Да и как можно рассматривать как «капитуляцию» действия высшей законодательной власти? Наши офицеры все это понимают. Но мы сами ничего делать другое не можем.*

После ухода «альфовцев» обстрел Белого дома возобновился с огромной силой и интенсивностью, стреляли из всех видов оружия. Видимо, командиры «Альфы» нарушили чьи-то планы — ведь, по крайней мере, меня и Руцкого действительно планировали пристрелить при штурме,

а «Альфа», похоже «мешала» в этом намерении, возможно, они разъяснили штурмовавшим командирам, что никаких, видимо, «фанатиков и экстремистов» в здании парламента нет, а его защитники, по приказу Хасбулатова, готовы сложить оружие и выйти из здания.

Из Палаты национальностей прибежали Рамзан Ахметханов и Юра Черный. Черный вынужден был бежать из Грозного и с 1992 года работал в аппарате Верховного Совета. Мы все вместе стали выходить из моих апартаментов. Я остановился. Вернулся. Вошел в свой кабинет, прошел к письменному столу у окна, выходящего на набережную, и сел в кресло. Обвел взглядом огромный кабинет, где работал. Работал много, самозабвенно. Провел руками по столу. Затем поднялся, вошел в комнату отдыха... подошел к умывальнику, стал умывать лицо холодной водой. Медленно вытерся полотенцем, вышел. Стоят ребята — Юра Гранкин, Сергей Личугин, Махмуд Дашкуев, Рамзан Ахметханов. Смотрят удивленно. Я говорю, что хотел попрощаться; пойдемте. В это время огромное окно разлетелось вдребезги от пуль крупнокалиберного пулемета. Вошли в огромный холл. Спускаемся вниз. Много молодых людей. Они не задавали вопросов — прощались, по-мужски, кивком головы или пожатием руки. Я прощался, не суетясь и не пряча глаза.

Прощальное выступление

...В Палате национальностей тревожное ожидание. Все смотрят на меня. Сергей Бабурин подошел, взял под руку, попросил выступить, другие поддержали. Я медленно прошел между рядами, встал за стол президиума и стал говорить.

— Дорогие парламентарии, друзья и соратники!

Вы понимаете, как трудно мне говорить. Это самые трудные слова, которые я говорю с тех пор, как мы работали вместе. Да и не только...

Находясь между жизнью и смертью, когда мы увидели своими глазами, как растерзали демократию и сердцевину

этой демократии — Российский Парламент, я призываю вас всех покинуть это здание.

Тяжело уходить, но пусть нас всех утешает мысль, что жизнь одна и мы были верны Долгу и нашему Народу. Конечно, мы с вами совершили множество ошибок, наверное, больше всех совершил я, ваш Председатель, но мне кажется, что к концу нашего пребывания здесь у нас получился неплохой Парламент, который в неимоверно трудных условиях не позволил себе бездействовать ни одного дня. И если бы нас постоянно не терроризировали, наверное, мы бы сумели сделать больше. Мы дали стране Демократию. Почти четырехлетняя деятельность Российского Парламента — это важнейший этап развития Российского государства по пути свободы и демократии. Никакой путч не «отменит» этот этап, пройденный нами путь, когда мы, Верховный Совет, преобразовали эту страну. То, что мы совершили — это войдет в историю навсегда, а ельцинская измена — это всего лишь эпизод.

...Мы должны очень серьезно подумать о нашей судьбе. За нами стоит наш народ. Как бы ни лгали средства массовой информации, я абсолютно уверен в том, что Правда будет раскрыта в полном объеме и наши народы, избравшие нас, будут гордиться теми, кто в этом прекрасном Парламентском дворце, ставшем для всей России символом свободы, а в последние дни и символом национальной трагедии, отстаивали честь Парламентария и свою гражданскую честь, свободу и конституционные права народов России.

Я призываю всех вас хранить память о нашей совместной работе и об этих трагических днях. Очевидно, было предписание Всевышнего, по которому мы должны пройти достойно весь наш тяжкий путь...

Мне многие говорили, что нашему народу не нужна демократия, что нет у него потребности в ней, что он ждет не дождется диктатуры. Может быть, это так. Может быть, многих раздражала раскованность и бесконечные дискуссии на заседаниях Съездов и Верховного Совета. Но придет время, когда именно без такой раскованности и дискуссии нашим людям станет не по себе ...

Вы меня простите, что не сумел сохранить жизнь погибшим, не сумел остановить безумие Кремля, не отстоял Парламент. Наш Парламент — народный, а не красно-коричневый, как называют его фашиствующая прокремлевская пресса. Наш Парламент является совокупностью самых разных мировоззрений и общественных течений, он серьезно повзрослел, накопил опыт и знания, стал профессиональным и компетентным. Он-то и был сердцевиной новой российской демократии.

...Я старался служить России честно, сам вас учил и у вас учился, отдавал отчет тому высокому доверию, которое вы оказали мне, избрав Председателем Парламента. Я признателен вам, нашему Народу, поддержку которого постоянно испытывал. Сейчас я хочу одного — я хочу, чтобы остались живы вы все, чтобы вас встретили ваши семьи, ваши избиратели, наш народ. Поэтому призываю покинуть здание — я верю офицерам, которые дали слово вывести всех из здания и доставить к станциям метро. Я несу за вас ответственность. Будьте здоровы. И — прощайте!»...

Говорить было тяжело, кто-то, кажется Олег Румянцев, кричит: *«А за вас кто несет ответственность, Руслан Имранович?!»* Женщины вытирали слезы. Затем я предложил почтить память погибших в эти трагические дни минутой молчания. Все встали...

Появился рослый офицер в сопровождении вооруженных людей в шлемах. Он приказал: *«Всем выйти!»* Затем после паузы: *«Хасбулатову и Руцкому — остаться!»* Появляется Коржаков, внимательно осматривает. Мне в глаза не смотрит.

Олег Румянцев крикнул: *«Как ваша фамилия? Мы должны знать, с кем остаются Хасбулатов и Руцкой»*. — Офицер: *«Полковник Проценко»*.

Румянцев: *Полковник, ваши офицеры поклялись честью, что с Хасбулатовым и Руцким ничего не произойдет. Нам сообщили, что снайперы могут их подстрелить при выходе на улицу, их будут страховать ваши люди?*

Офицер: *Совершенно верно. Ни один волос не упадет с головы Руслана Имрановича.*

Это происходило в 17.00—17.15.

Чуть позже предложили выйти и нам — мне и Руцкому. Мы прошли по коридорам к парадному подъезду, спустились по ступеням. Там находилась часть наших депутатов. Сразу же увидел Николая Иванова, депутата от Грозного, Марию Сорокину, Лидию Шиповалову, Нину Солодякову, Ирину Залевскую, Геннадия Саенко, Людмилу Бахтиярову. Их уже уводили — видел со спины. Они поникли, опустили головы. Я не выдержал, громко сказал: *«Поднимите головы, наши милые дамы! Вы ни в чем не провинились! Я благодарю вас за верность своему депутатскому долгу. За Честь и достоинство, прощайте!»* Рядом Юра Гранкин, Сережа Личугин, Володя Яременко, Олег Румянцев, Рамзан Ахметханов, Саша Бондарчук, двоюродные братья Махмуд и Хусейн. Ждем. Наверное, полчаса. Появился Коржаков, с бегающими глазками, не глядя на меня, выкрикнул: «Хасбулатов — на выход!»

Глава 5

ЛИКУЮЩИЙ ХАМ — РАЗЛОЖЕНИЕ ГОСУДАРСТВА

Арест

Действия «победителей» после падения парламентского сопротивления напоминали нечто из классического описания кровавого пиршества дикарей над поверженным противником, о чем стыдливо молчит пресса до дня сегодняшнего. Обходит все это молчанием даже иностранная публицистика, хотя очевидцев всего этого кровавого побоища и «пиршества победителей» было немало.

Вскоре после того, как я объявил о готовности оставить помещения и вместе с депутатами мы собрались в холле первого этажа, пришел один из главных расстрельщиков-палачей, Коржаков (кстати, он публично, перед телекамерой, похвалялся своей палаческой работой и получением приказа от Ельцина расстрелять меня, который он не исполнил лишь в силу того, что «не было возможности»). Скомандовал: «Хасбулатов — на выход!» Распрощался с соратниками, выхожу. Впереди меня — упомянутый выше полковник Проценко. Раскрываются в последний раз передо мной тяжелые двери нашего Парламентского дворца — я иду вослед Проценко, на два шага позади, — и мы на улице... Чуть не споткнулся о внезапно присевшего Проценко. Я мгновенно вспомнил о предупреждениях относительно снайперов. Что ж, думаю, Проценко стал завязывать шнурки от обуви, открывая «свободное окно» для обстрела или — захотел унизить меня — со страху можно ведь и присесть позади Проценко! Вот тогда

у меня и появилась та самая усмешка, которую видели миллионы телезрителей во всем мире. Поэтому он (Проценко) отвел взгляд в сторону, когда уже в Лефортово, я пристально посмотрел ему в глаза после произнесенных им слов: *«Как видите, я доставил вас в целости и сохранности, как и обещал вашим депутатам, Руслан Имранович!»*

... Окинул взглядом картину. Танки и другие боевые машины у набережной, у гранитной лестницы, приблизительно там, где Ельцин выступал на одном из таких танков в августе 1991 года. Но какие были люди тогда в этих машинах, и что стало с ними теперь! Кругом войска... Ряды омоновцев, «Витязей», какие-то мрачные люди, как мне показалось, в похожей на эсэсовскую форму одежде. В автобус заскочил Коржаков. Тронулись. Я отодвинул занавеску на окошке и хотел помахать рукой Парламентскому дворцу. Но окно было матовое — ничего не было видно. Через час мы прибыли в Лефортово. В заключении я провел 145 дней...

Расправа

Как оказалось, офицеры «Альфы», обеспечив выполнение основного своего обязательства — сохранение нам жизни, не сумели выполнить в полном объеме данное мне обещание — вывезти людей из Парламентского дворца в безопасное место — к станциям метро. Многое, оказывается, делалось до последней минуты для того, чтобы настроить офицеров «Альфы» против нас. Так, прицельным снайперским выстрелом был убит один из офицеров этого подразделения. Узнав об этом, Коржаков сказал: *«Теперь «Альфа» пойдет на штурм»*. Но офицеры быстро установили, что выстрел произведен не из парламента, и не пошли на штурм.

Расправа началась сразу же после того, как меня арестовали и в сопровождении бронетранспортера повезли в «Лефортово». Прибывшие тогда же к Белому дому Коржаков и Барсуков отстранили от руководства операцией «Альфу», и все дальнейшие действия исходили уже исключительно от них. Следовательно, это два наиболее приближенных к

Ельцину должностных лица знали, чего хочет их «хозяин», и действовали согласно его воле и распоряжениям. Они в немалой степени ответственны за насилия, жестокие расправы с мирными людьми.

Людей начали жестоко избивать, выхватывая небольшими группами и уводя в какие-то тупиковые дворы, специально приготовленные помещения, отделения и участки. Многих пристреливали — не случайно ведь до наступления темноты держали людей. Побоище началось страшное. Оно описано во множестве газет. Это было немотивированное, умышленное убийство многих людей и их избиение. Зверски избили моего заместителя Валентина Агафонова. Когда его начали избивать, на помощь бросился офицер отдела охраны — его омоновцы буквально искалечили, а когда упал, стали топтать ногами, избили Бабурина, избивали всех — депутатов, служащих, мужчин, женщин, журналистов — кто попадался под руку и в зависимости от настроения палачей. Им были отданы «хозяином» жизни всех этих наших (и моих!) людей — и они убивали и избивали. Они мстили за то, что не смогли выполнить приказ «хозяина», сказавшего: «В капусту всех!»

Лидеры содружества (СНГ), со многими из которых у меня были дружественные отношения, испугавшись, заняли позиции поддержки мятежных Ельцина.

Преступления против человечества: полторы тысячи трупов

...«Я офицер Внутренних войск, и для меня вопрос чести сообщить все то, что я знаю... Всего в Белом доме было обнаружено 1500 трупов, среди них женщины и дети. Все они тайком вывезены оттуда через подземный тоннель, ведущий от Белого дома к станции метро «Краснопресненская» и далее за город, где были сожжены... Убитых там много потому, что по Белому дому стреляли не болванками, как утверждают, а боевыми снарядами кумулятивного действия; возникающая при их разрыве в здании ударная волна была столь сильной,

что у жертв разрывалась голова. Стены были забрызганы их мозгами. Это много хуже фашизма, господа! Это чудовищно, да и словами не выразишь!»

«Независимая газета», 30 октября 1993 г.

Обращение глав государств СНГ в связи с событиями в Москве 3 октября

Антидемократические силы переступили ту черту, о которой неоднократно говорилось. В Москве пролилась кровь, и виновники этого поставили себя вне закона. Никакие политические силы не могут оправдать авантюризма незаконных вооруженных формирований, сорвавших переговорный процесс и приведший к человеческим жертвам.

Вместе с народом России, с которым исторически связаны судьбы наших народов, мы глубоко переживаем происшедшее и выражаем соболезнование семьям погибших.

Призываем всех россиян проявить благоразумие и выдержку в эти критические часы. Мы верим, что Президент и Правительство России сделают все для того, чтобы остановить провокаторов и защитить демократию.

Мы готовы приложить все возможные политические усилия, чтобы не допустить новых человеческих жертв.

Надеемся, что наше обращение будет поддержано и другими государствами СНГ.

Президент Республики Казахстан Н. Назарбаев
Президент Республики Узбекистан И. Каримов
Президент Украины Л. Кравчук
Президент Кыргызской Республики А. Акаев
И. о. Президента Азербайджанской Республики Г. Алиев
Президент Республики Армения Л. Тер-Петросян

А ведь все подписавшие этот позорный документ прекрасно сознавали, что они делают неправедное, злое, безнравственное дело. Бог им судья! Они проигнорировали послание X Чрезвычайного Съезда на их имя, в котором мы просили отказаться от демонстративной поддержки путча Ельцина. Трусы!

Характер преступлений, совершенных Ельциным

Мятежные действия бывшего президента Ельцина, который, по мере отступления от Закона, эволюционировал в направлении совершения все более и более тяжких преступлений — это явление в современной мировой истории совершенно уникальное, все еще остающееся безнаказанным, хотя характер этих преступлений в силу своей исключительной тяжести не имеет сроков давности. Помимо очевидных преступлений, подпадающих под статьи «государственная измена», «заговор против государственной власти с целью свержения», преступных приказов, направленных на убийство множества людей и пр. и пр., здесь имеется состав преступлений и против человечности, и государственный терроризм. Последний состав — то есть «государственный терроризм» — это уникальное преступление в силу того, что он положил начало террористической деятельности в современной России.

Не Чечню следует считать поворотным пунктом в зарождении российского терроризма, а Москву и более конкретно — ельцинский Кремль, когда по прямым приказам отрешенного на законных основаниях экс-президента, 21 сентября — 3 октября 1993 года совершались целые серии террористических действий, направленные против Верховного Совета России, парламентариев, работников аппарата и других граждан и X Съезда народных депутатов Российской Федерации, который, согласно Конституции Российской Федерации, являлся высшим органом государственной власти России.

С этими действиями ельцинистов связано и взрывное развитие коррупции — в МВД, спецслужбах, армии, государственном аппарате — поскольку через подкупы и взятки ельцинисты обеспечили свою «победу» — все это имело совершенно неприкрытый характер и стало мгновенно распространяться по всей стране.

Быстро стала произрастать организованная преступность, в том числе в экономической сфере, — власть потеряла абсолютно свою моральную силу, и, соответственно,

цинизм, любые способы обогащения и захвата власти на любом уровне — все это стало нормативным явлением в ельцинской России. Если высшая исполнительная власть, отвергая любую мораль и нравственность, плюя на честь и совесть, отбрасывая и само подобие стыда — добивается своих целей, расстреливая национальный парламент, почему преступники не могут совершать самые дерзкие преступления?

Кто победил? Что выиграли?

Конечно, «победили» Ельцин и Черномырдин. Проиграл народ. Ельцин получил самый большой «приз» — бесконтрольную власть в Российской Федерации. Именно «бесконтрольную» — поскольку по-иному править он оказался не в состоянии.

Открылась блистательная возможность запугивать общество близкой опасностью «кроваво-красно-коричневого террора», «миллионов жертв», «превращения страны в огромный концлагерь» и т.п. В стране, где привыкли постоянно переписывать историю, ее могут изобразить, как угодно правителям. Имеется богатейший исторический опыт. Опять же Ельцин подтвердит свой статус «спасителя демократии» во внешнем мире — там очень хотели, чтобы Ельцин выступал именно в амплуа «спасителя Российской демократии». Удалась ли ему эта роль? Лишь на короткий отрезок времени, приблизительно октябрь-декабрь 1993 года.

Выиграло и президентское «сотоварищество» — этот «коллективный Распутин», ельцинисты у власти. Они заставили всю страну принять их правила игры — пойти на парламентские выборы по тем избирательным законам, которые они сами (под себя) придумали. После «победы» избирательная машина закрутилась с огромной скоростью. В выборах согласилась участвовать даже оппозиция, даже «красно-коричневые», причем на явно невыгодных для себя условиях. Они «подарили» Ельцину ту Конституцию, которую он желал, но народ отвергал. Практически Конституция была отвергнута: за нее проголосовали не четверть избирате-

лей, как сообщила избирательная комиссия Рябова, а менее одной пятой (19,5 %) — такую цифру называли некоторые СМИ. Но все, кто очень хотел получить депутатский мандат, вопреки воле народа, в том числе коммунисты, сделали вид, что Конституция «прошла»...

Выиграли и сторонники создания «новых» общественно-политических структур, активно поддерживающих Кремль и контролируемых его сторонниками. Они нашли способ пробудить политическую активность определенной части граждан страны — в первую очередь «пассивных ельцинистов», давно уже (как и большинство населения России), впавших в пессимизм и апатию. После «победы» появилась возможность раздувать истерию, строиться в колонны, создавать, наконец, какие-то партии и избирательные блоки. Появилась надежда на то, что пассивные и колеблющиеся сторонники Ельцина придут на избирательные участки — не потому, что они вновь поверили в мессианство Ельцина, а потому, что они вновь испугались «теней 30-х годов», не понимая, что эти самые «тени» уже правят страной, применяя те же методы, что и в 30-х годах, правда, немного «либеральнее».

Выиграло правительство Черномырдина, которое уже было обречено пасть в силу обнаружившейся абсолютной недееспособности, и в целом прогнившая насквозь исполнительная власть. Ельцин, как давно заметили наблюдатели, боится «отчетов о проделанной работе». После «победы» у Ельцина (и у правительства, и у всей исполнительной власти) появились вновь возможности пойти на выборы без отчета о проделанном. А если слишком настырные избиратели и будут задавать вопросы, теперь все можно «валить» на бывшие Верховный Совет и местные Советы — мол, не давали, мешали, саботировали...

Выиграли замкнутые на исполнительную власть правоохранительные органы. Практически исполнительная власть с Ельциным во главе сконцентрировала в своих руках все ветви власти: и исполнительную, и законодательную, и судебную. Фактически речь идет об установлении вполне авторитарной власти (какие бы «мягкие» формы она не имела бы). Исполнительная власть получила возможность само-

вольно принимать и изменять нормативные акты — вплоть до пересмотра положений Конституции. При том изменить или отменить решение исполнительной власти новая законодательная власть не в состоянии еще очень долгое время. Конституция не дает никаких шансов новому парламенту стать парламентом, способным серьезно влиять на внутреннюю и внешнюю политику страны. Собственно, российская история вернулась в эпоху формирования Государственной думы после Первой русской революции. Государственная дума имела крайне усеченные права — не могла ни формировать правительство, ни отправлять в отставку членов правительства, ни контролировать его. В сравнении с Верховными Советами эпохи Брежнева создается впечатление, что Государственная дума обладает меньшими полномочиями. Государственная дума — не парламент.

Огромную роль в разгроме демократических институтов, быстро создающихся в процессе становления новой российской государственности, оказали СМИ и TV, которые попали под мощный контроль двух самых приближенных к Ельцину людей — откровенных авантюристов — Полторанина и Бурбулиса.

В свое время Абдурахман Авторханов очень четко сформулировал следующие принципы советской печати: *«Советская печать — единственная печать в цивилизованном мире, которая пользуется монопольным правом безнаказанности за любую клевету, за очевидную ложь, за беспардонную фальсификацию. Более того. СССР — единственная страна, где фабрикация лжи и фальшивок в пропаганде не только дозволена, но и возведена в степень государственной доктрины... На XX и XXI съездах партии приводились ужасающие примеры государственно организованной, массовой клеветы на советских людей со стороны органов НКВД и его бесчисленной армии сексотов. Но заметьте: ни одного судебного процесса даже тогда, в хрущевское время, над клеветниками в СССР не было. Почему? Да очень просто: клевета была и остается непременным и постоянным оружием борьбы режима со своими подлинными или потенциальными противниками»*. (См.: А. Авторханов. Технология власти. На русском и немецком языках. Мюнхен, 1959, 1961—1985, с. 9.)

Эти принципы, отмеченные знаменитым аналитиком сталинщины, были органически заложены в мышление приближенных Ельцина. А клевету, как оружие борьбы со своими противниками, они взяли на свое вооружение и главным образом Полторанин, Бурбулис, Козырев, Шумейко и прочая кремлевская шпана. Они подрывали изнутри рождающуюся новую демократию, разлагали процесс ее формирования.

Под их мощными ударами освободившаяся от партийной цензуры пресса была разложена полностью, она утеряла свои функции предоставлять обществу объективную информацию, без колебаний превратилась в бизнес-шоу, развлекательное предприятие, выполняя при этом одновременно пропагандистские функции для кремлевской камарильи.

Выборы в новый парламент предусматривались в декабре 1993 года — они и были проведены в точно установленное время. И уже 11 января 1994 года состоялось первое заседание обеих палат. И в этих условиях избиратель сделал почти невозможное — он не отдал «контрольный пакет» голосов Ельцину-Черномырдину-Гайдару-Шумейко и К⁰. Рядовой гражданин сделал в этих условиях то, что не смогли даже представить все эти «оппозиционные» и «неоппозиционные» «оппоненты» — посрамил всех прокремлевских оракулов, не дал ельцинистам доминировать даже в этом псевдопарламенте.

Ельцинский Кремль, который заверял всех, что намерен провести в июне 1994 года президентские выборы, тут же отказался от них, увидев, что может потерять власть. А теперь вспомните: разве не говорил я многократно, что никаких равных, честных, демократических президентских выборов Кремль не допустит, если падет законодательная власть в стране — обманут в очередной раз. И обманули, все общество молча «проглотило» этот обман. Даже американский вице-президент Альберт Гор возмутился этой ложью Кремля — он заявил, что «разочарован легкостью, с которой Кремль отказывается от своих предыдущих обещаний».

...Выиграли силовые ведомства. Их командиров похлопывают по плечу, по спине — их права расширяются, а преступления «списываются». На фоне всеобщего обеднения

народа власти щедро финансируют армию, МВД, спецподразделения. На 1994 год размер ассигнований на военные нужды увеличивается почти вдвое — с 5% ВНП до 8,2%. Это при хроническом непрерывном спаде производства, растущей безработице и 60% бедности населения. Напомним и о том, что Верховный Совет обвиняли, что он выделяет на расходы, в том числе на нужды обороны, больше денег, чем их поступает в казну! А после его расстрела выясняется, в новом бюджете (на 1994 год) — уже почти 50% бюджетных средств идет на содержание, по словам начальника Генерального штаба Михаила Колесникова, 4-миллионной армии. В структуре силовых ведомств выиграли «ястребы», они решительно устраняли из армии, МВД и МБ всех тех сотрудников, кто ставил интересы государства выше личных интересов «вождя» и интересов ведомственного начальства. Заодно с несогласными «вылетали» со своих постов и те сотрудники, которые показались недостаточно лояльными. У генерала Константина Кобеца, например, непосредственно руководившего расстрелом из танковых пушек Парламентского дворца, появился шанс «подсидеть» «самого» Грачева, но ... он вскоре сам оказался в тюрьме, обвиненный... в коррупции! Не смешно ли? На фоне стремительно расширяющейся коррупции среди чиновничестве, ведут — тесное «странное» объединение! Впрочем, усиление роли армии в политической жизни будет толкать и Ельцина к устранению Грачева — это произойдет позже... Зато Ельцин вряд ли сможет освободиться от двух своих ближайших соратников — Коржакова и Барсукова: пока они будут рядом с Ельциным — это прямое доказательство его участия в убийствах и иных преступлениях. Но и избавиться от них он уже не может даже при огромном желании. «Освобождение» от них произойдет позже — когда общество «привыкнет» к льющейся потоками крови в Чечне и развернется избирательная кампания. Этих двух, Барсукова и Коржакова, Ельцин прогнал 20 июня 1996 года, в самый разгар президентской избирательной кампании 1996 года. Один из активистов избирательного штаба, который возглавлял Чубайс, был задержан на проходной Белого дома с коробкой из-под «ксерокса», набитой пачками долларов

(случайный эпизод из множества «выносов»). Чтобы «насолить» Чубайсу, Барсуков и Коржаков приказали арестовать этого «человека Чубайса». Последний поднял большой шум в прессе, по «НТВ» в 2 часа ночи выступил телеведущий, «главных охранников» обвинил в заговоре, «подключили» секретаря Совета безопасности генерала Александра Лебедя. И альянс Чубайс-Березовский нанес мощный удар по силовой связке «Лобов-Барсуков-Коржаков», по эволюции авторитарной тенденции, поскольку не они ее сформировали. Она была результатом ельцинской политики. Авторитарность режима обеспечила такой уровень фальсификации воли избирателей, который сохранил президентскую власть за главарем путчистов.

Резко усиливается карательная часть силовых министерств — почти как во времена позднего Берии. Министерство безопасности, МБ, которое подвергается непрерывной «реорганизации», перестало защищать интересы государства — оно теперь полностью сосредоточило свое внимание на политическом сыске. МВД перестает бороться с преступниками. Оно сосредоточило свои силы на организации крупных соединений для борьбы с «общественными беспорядками». Если «воровские сходки» уголовных авторитетов стали проводиться в... Бутырской тюрьме — оцените сами эффективность МВД.

Сотрудники карательно-репрессивных ведомств тоже крупно выиграли, «проверив себя» в сентябре—октябре 1993 года, а затем и во время чрезвычайного положения в Москве. Они почувствовали свою силу и безнаказанность за открытое поругание Конституции, избиение парламентариев, чья неприкосновенность охранялась законом, не говоря уже о зверских избиениях и убийствах граждан: женщин, детей, журналистов.

Совершенно уникальное положение стало занимать Главное управление охраны (ГУО) президента — оно уже насчитывает десятки тысяч человек, осуществляет все тайные операции по политическому сыску, контролирует органы безопасности, МВД, прокуратуру, предпринимательские организации, министерства, ведомства, местные власти и т.д. Все это — свидетельство резкого усиления *полицейско-*

карательной функции нового политического режима. Они разогнали подразделения «Альфа» и «Вымпел» с их уникальным антидиверсионным опытом, часть офицеров, готовых служить новому режиму, присоединили к «своим» — для каких целей? Вполне ясно для каких: усиления контроля над возможными политическими соперниками и предпринимательством.

Карательные органы в ходе подавления сопротивления смогли самоутвердиться и почувствовать себя не только мощной полицейской, но и политической силой, опорой усиливающегося репрессивного политического режима. Их начальники увидели, что режим Ельцина — это их режим. Отныне они, очевидно, стали размышлять: неплохо бы чаще вводить «мероприятия» по осуществлению режима чрезвычайного положения (ЧП). Это, как оказалось, — дело прибыльное. Да и опыт рэкета, поборов и вымогательства у «новых русских» — новое поле деятельности, весьма перспективное...

Режим чрезвычайного положения (ЧП) по своей природе адекватен любой форме диктатуры: он постепенно вытесняет из жизни общества демократический дух и демократические порядки. Тоталитаризм опирается на ЧП как на обычную повседневную практику. Политический режим демократии, носителем которой был российский парламент, был расстрелян. Никогда демократия не была связана с президентством в России — на второй же день после своего избрания Ельцин приступил к планам укрепления своей персональной (личной) власти за счет парламента. Не справившись с ним, проиграв ему политически, стратегически и тактически, Ельцин поступил как коварный враг своей собственной страны — вместо ухода в отставку осуществил предательский мятеж против законной высшей государственной власти.

Выиграло московское чиновничество — огромный бюрократический аппарат столицы. Оно ликвидировало не только представительную власть — Моссовет, но и конкурента — потенциальную опасность уступить власть другим лицам в результате свободных выборов. А также угрозу уголовного преследования в связи с темными финансовыми

делами и коррупцией, в которых постоянно обвиняли деятелей мэрии со времен Г. Попова. Как писали, занимавшиеся этими расследованиями члены комиссии Моссовета, во главе с заместителем председателя Моссовета Седых-Бондаренко, были все арестованы. Зато «ловкий» председатель Моссовета Гончар остался в стороне от «неприятностей», а позже стал «видным» деятелем Государственной думы. Ельцинисты захватили и разграбили имущество (движимое и недвижимое) Верховного Совета — народное достояние, стоимостью в триллионы рублей.

Выиграли криминальные кланы, связанные с исполнительной властью. Они получили уверенность, что действия правоохранительных органов против них будут свернуты. Отныне они получили возможность более тесного «сотрудничества» с «замазанными» силовыми ведомствами. Преступность стала стремительно расширяться — стерлись границы между властью и уголовщиной: если так называемая президентско-правительственная власть расстреливает в центре столицы Законодательную власть — почему уголовники должны считаться с какими-то «законами»?!

Выиграли радикальные элементы в окружении Ельцина, эти якобинцы-троцкисты, превратившие демократическое движение страны в партию войны, ненавидящие свою страну, свой народ, мечтающие ускорить американизацию страны. Это — политические люмпены, они в своей стихии. Они могут игнорировать все свои провалы в политике и в экономике — и лезть вверх, в новый парламент, в правительство, в разные старые и новые партии и организации, раскручивать спираль политических интриг и кампаний, концентрируя внимание общественности на ритуально-идеологических вопросах.

Выиграли сторонники «сильной власти», «твердой руки», «ежовых рукавиц», «политической целесообразности». Они получили подтверждение, что «в России без кнута нельзя», что «разделение властей» — ошибочно в специфических «русских условиях» и т.п. Отныне они направят свои силы на увековечение временного режима диктатуры Ельцина и конституирование, объявляя «ельцинскую конституцию» «основным Законом на все времена». В конечном итоге ав-

торитаризм выгоден правящим слоям и классам; они прежде всего получают возможности обогащаться за счет произвольного растаскивания в новых условиях государственного сектора экономики.

Особенно боялись Верховного Совета представители быстро растущей прослойки «кремлевско-правительственных предпринимателей и банкиров». Они не решались в тот период брать из рук правительства крупные промышленные объединения, заводы, фабрики, ВПК, добывающие отрасли и пр. — они тогда откровенно страшились реакции парламента. И поэтому всячески «помогали» президентско-правительственной стороне увязать в преступлениях против государства и закона, осуществляя финансовую помощь этой преступной деятельности представителей исполнительной власти. В результате все они оказывались в системе «круговой поруки». Отныне они «повязаны кровью и преступлениями», как типичная бандитская шайка.

Выиграли руководители республик, краев и областей, которые поддержали мятежника Ельцина — они приобрели особые привилегии в своих отношениях с Кремлем, несмотря на то что в «ельцинской конституции» заложена тенденция к унитарности...

Как и в 17-м году, ельцинские «революционеры» наносили мощные удары по государству, которое возрождалось усилиями Верховного Совета; они стремились сформировать «недогосударство», им подчиненное и действующее в их личных интересах.

Уникальный обвинительный документ

Один из первых списков убитых, напечатанный в «Вечерней Москве», вышел под фарисейским заголовком «Мы не делим убитых». Почему же эти «мы», которые всегда делили убитых очень четко, — сегодня вдруг не хотят этого делать? А причины тому веские.

Военная статистика — наука точная, позволяет извлекать скрытую информацию даже из неполных и искаженных сообщений. Именно поэтому подробная статистика боевых потерь всегда является стратегической информацией, под-

лежащей засекречиванию на длительные сроки. В открытую печать попадают лишь неполные данные, тщательно отфильтрованные профессиональными аналитиками. С этой точки зрения список, опубликованный в «Московском комсомольце» 8 октября, несмотря на свою неполноту — уникальный обвинительный документ.

В список попали 122 убитых. Возраст, даже приблизительный, указан только для 59 из них, а полные данные — фамилия, имя, отчество и возраст — указаны только для 39 из них! Какова же должна быть перегрузка милиции, если за четыре дня не удалось уточнить паспортные данные убитых, по меньшей мере, половина которых — жители Москвы?

Аналогичный вопрос — по трупам, для которых не указан даже приблизительный возраст. Поскольку возраст тела определяется по целому ряду анатомических признаков, речь может идти только о том, что за четверо суток у патологоанатомов и судмедэкспертов не хватило времени не то что на вскрытие, а даже на подробный осмотр всех убитых, свезенных в морги. И это при том, что убитые были рассредоточены по многим больницам. Неужели их было всего 122?

Теперь попробуем оценить потери атакующей стороны — карателей. Для военного очевидно, что солдат, ведущий бой в составе своего подразделения, стать «неизвестным» шансов почти не имеет, даже в случае полного уничтожения тела. Таким образом, в список должны были попасть полные данные убитых карателей, включая возраст. Учитывая, что не менее половины нападавших составляли военнослужащие срочной службы, не странно ли, что предполагаемых срочников в списке — два человека?

Соответственно, возможных сверхсрочников и младших офицеров (полные данные и возраст до 35 лет) в списке — 13 человек. Но учитывая, что в эту группу неизбежно попадали и вооруженные защитники Дома Советов, и безоружные пикетчики, потери нападавших и здесь составили не более 5—6 человек, т.е. в сумме со срочниками — 7—9 человек. Поскольку очевидно, что потери штурмующих при многочасовом бое вряд ли составили менее десяти человек,

а преуменьшать потери «своей» стороны смысла нет, возникает вопрос: перед нами список или часть списка?

Соотношение потерь сторон — примерно 1:10 — у меня сомнений не вызывает. Учитывая, что на руках у защитников Дома Советов было не более пятисот стволов оружия, такое соотношение потерь характерно для боевых действий регулярной армии, полностью оснащенных вооружением и техникой, против партизанских формирований (Вьетнам, Алжир, Панама и т.д.). Профессионалам это известно хорошо, а авторам и читателям газеты — нет.

Теперь о гуманности, о которой столь внезапно вспомнили президентские средства массовой информации. В списке можно выделить достаточно большую группу людей, которые попросту не могли быть вооружены. Это — иностранцы (корреспонденты) — два человека, женщины — три человека (в т.ч. несовершеннолетняя и пенсионерка). Из 59 человек, для которых указан возраст, 6 человек — пенсионного и предпенсионного возраста, четверо — несовершеннолетних. Исходя из того, что распределение по возрастам во всем списке (122 человека) должно носить сходный характер, получаем 6х122: 59= 12, плюс-минус 1 человек убитых пенсионеров и, соответственно, около восьми подростков. Таким образом, около 20% списка составляют заведомо небоеспособные граждане, убийство которых признано международным правом тягчайшим преступлением.

«Множественные огнестрельные ранения» как одна из основных причин смерти подростков (по данным «МК») и не только подростков (по данным очевидцев) полностью исключают оправдания типа «шальная пуля», «заградительный огонь», «не разглядели» и тем более «снайперский огонь». Любой милицейский следователь объяснит, что множественные огнестрельные ранения возможны только в одном случае — при стрельбе из автоматического оружия с расстояния не более пяти, максимум — десяти метров. О каких «ошибках» может идти речь? Любой следователь квалифицирует, согласно обычной судебной практике, убийства такого рода как «особо жестокие». Таким образом, независимо от политических оценок произошедшего, ряд действий президентских войск по «подавлению мятежа» должны од-

нозначно оцениваться как военные преступления и требуют независимого от президента расследования, желательно с привлечением международных организаций.

Список ставит и другие вопросы. Так, в резком противоречии находятся количество госпитализированных, раненых и количество убитых, попавших в список. Типичная статистика боевых потерь при нормально поставленной санитарно-эвакуационной службе дает от трех до четырех раненых на одного убитого. Причем эта пропорция мало зависит от характера боевых действий. Именно поэтому так тщательно скрывается количество раненых, разбросанных по десяткам больниц. По нашим оценкам, основанным на надежной информации, только по части больниц, количество госпитализированных с пулевыми и осколочными ранениями существенно превышает тысячу человек.

Впрочем, соотношение потерь убитыми и ранеными 1:3 — 1:4 предполагает, что пленных не расстреливают, а раненых не добивают. Обилие множественных огнестрельных ранений (о которых, в частности, «проболтался «МК» и подтверждаемое работниками моргов), а также показания очевидцев свидетельствуют: в ряде случаев пленных расстреливали. Именно этим объясняется, что на многих убитых нет одежды: при стрельбе в упор с близкого расстояния на одежде жертв оставалась улика — следы пороха.

Все можно подсчитать почти с математической точностью — вот почему статистика потерь является государственной тайной. Но «МК» 8 октября проболтался. Безусловно, будут опубликованы новые, «более полные» и «уточненные» списки, очищенные от нежелательных моментов ельцинскими военными аналитиками. Однако профессионалы работают не только на Ельцина. Есть высший суд — будет и земной.

Полковник Петров

От редакции: Только за один день — в субботу, 9 октября 1993 года, только один морг больницы имени Склифософского выдал для похорон 201 труп. Выдавались только опознанные убитые. См.: газета «Дубинушка», октябрь 1993 г., № 3(15)

Из заключения Комиссии Государственной думы по проверке соблюдения законодательства Российской Федерации спецподразделениями органов внутренних дел и Внутренних войск МВД Российской Федерации, подразделениями ФСБ «О противоправных действиях силовых структур в событиях 21 сентября — 5 октября 1993 года и порядке их расследования»

Во время событий 21 сентября — 5 октября 1993 года военнослужащими МВД и Вооруженных сил Российской Федерации, работниками милиции, Министерства безопасности Российской Федерации и Главного управления охраны при Президенте Российской Федерации совершены многочисленные противоправные действия, повлекшие особо тяжкие последствия, в том числе разрушение жилых, общественных и культовых зданий и массовые человеческие жертвы... Сам характер преступлений, совершенных военными в событиях 21 сентября — 5 октября 1993 года, выходит за рамки уголовных и воинских преступлений, определяемых соответствующими статьями Уголовного кодекса Российской Федерации, и скорее соответствует тому, что совершали военнослужащие германского вермахта или милитаристской Японии во время Второй мировой войны в Германии и на оккупированных территориях. Все сказанное дает основание рассматривать организаторов и исполнителей карательных акций в г. Москве не как обычных уголовных преступников (чему они, возможно, в недалеком будущем сами были бы рады), а как ВОЕННЫХ ПРЕСТУПНИКОВ, главные из которых должны нести ответственность не только перед гражданами своей страны, но и перед всем мировым сообществом... В соответствии с нормами международного права, в отношении военных преступников неприменимы сроки давности, на них не распространяется право убежища — они подлежат выдаче. Приказ вышестоящего начальника не смягчает и не снимает ответственности за содеянное...

Т. А. Астраханкина,
депутат Государственной думы
Российской Федерации,
Председатель Комиссии

Другие последствия

Экономическая жизнь стремительно криминализировалась, чему способствовали и объективные, и субъективные факторы. Здесь имеются два момента. Первый: не обладающие опытом суровой жизни, не прошедшие практической школы кадрового роста, росшие в «тепличных» условиях, занимая почти самые низшие должности в советской иерархии, и в лучшем случае, повизгивающие на власть где-то в грязных курилках или на традиционной «кухне» — «ельцинские назначенцы» (помнится, для одного такого министра депутаты подбирали костюм, чтобы он не взошел на трибуну в плохо зашитых штанах) — не выдержали испытания ни властью, ни возможностями ее корыстного использования. Второй: появление в стране — с периода бурного развития кооперативного движения (1987 г.) — целого слоя богатых кооператоров — провозвестников современных олигархов, располагающих крупными (наличными) денежными ресурсами, позволяло им направлять солидные суммы на цели подкупа чиновников центрального и регионального уровня, МВД, суда, прокуратуры. Воровство, подкупы должностных лиц, продажа должностей и выгодные коммерческие сделки, присвоение государственного имущества (предприятий и недвижимости) — все это стало очень быстро нормой для форсированного создающегося ельцинского политического режима еще в недрах новой республики, официально оформляемой законодательством парламента.

Таким образом, происходило одновременное формирование двух политических режимов — *режим республиканской демократии Законодателя и режим высшей исполнительной власти, густо замешанного на коррупционных хозяйственно-финансовых связях.* Отправной точкой такого развития, на мой взгляд, является момент объявления политики свободных цен и появление на политической арене правительства так называемых реформаторов осенью 1991 года. Коррупционная вакханалия захлестнула страну уже в процессе первого и второго этапов приватизации — это уже захватывающий дух многотомный криминальный роман разграбления страны и обогащения шоферов, санитаров, младших науч-

ных сотрудников, вчерашних фарцовщиков и мелких воришек, продавцов цветов у метро, медицинских братьев, экспедиторов, заведующих складами и прочих проходимцев.

Мое удивление вызывал в тот период чрезмерно облегченный подход президента (который обладал огромным практическим опытом, находясь в течение трех десятилетий одним из видных деятелей КПСС), к этой проблеме. Он (президент) не требовал от правительства обеспечить целую систему мер по предотвращению коррупционной деятельности. И более того, непосредственно содействовал этим разлагающим процессам, наращивая «указное право» с непрерывными «изъятиями» из закона, предоставляя огромное число льгот в финансово-хозяйственных операциях отдельных физических и юридических лиц. Ни президент, ни правительство не ставили задачу энергичного принятия антикоррупционного законодательства, хотя в период реформ в различных странах мира — именно эта сторона органически вплеталась в ткань проводимых реформ. И не знать этого в правительстве, включая иностранных советников, конечно же, не могли.

Чрезмерно легковесным был подход правительства в расходовании огромных государственных финансовых средств (в том числе поступающих из-за границы) на далеко не самые первоочередные нужды, причем бесконтрольно. Например, в новые частные банки переводились бюджетные средства — якобы для «финансирования» неких «программ». Быстро «размножающееся» чиновничество в структурах исполнительной власти в центре и регионах, никем не контролируемое, получило возможности направлять финансовые ресурсы в обширную сферу оказания «добрых услуг» за крупные взятки: новое строительство, покупка офисов, банковские «услуги», кредитная деятельность, лицензирование, отпуск готовой продукции, сырья и материалов, импортно-экспортные операции и многое другое, что просто невозможно коротко перечислить. И все это — на фоне нехватки финансовых ресурсов (оборотного капитала) предприятий, невыплатах заработной платы, упадка производства — при одновременном «введении» в оборот триллионов рублей «темных денег», при полном отсутствии

государственного контроля за движением денежной массы, при свободном хождении иностранных валют.

Другое обстоятельство, способствующее масштабному росту криминализации государства — это то, что в системе центральных исполнительных органов власти ельцинские реформаторы предусмотрительно ликвидировали все ранее существующие контрольные учреждения. Кстати, решением I Съезда народных депутатов (май-июнь) 1990 года, по инициативе Ельцина, был ликвидирован Комитет народного контроля РСФСР.

Необходимость усиления контрольной функции государства стала мне совершенно очевидной уже с первых же месяцев деятельности нового (после Ивана Силаева) ельцинского правительства. Поэтому Верховный Совет разработал и принял Закон о Контрольно-бюджетном комитете (КБК), созданном на базе изучения множества учреждений, действующих в сфере финансово-бюджетного контроля разных стран мира, и особенно в США. Другой Закон — об Административно-контрольном комитете (АКК), в обязанности которого входили бы задачи контроля в области соблюдения закона и порядка всеми государственными учреждениями и их руководителями (включая контроль за перемещениями руководящих кадров) — находился на высокой стадии готовности (перед расстрелом Парламента).

В такой обстановке под моим прямым давлением в структурах парламента был разработан и быстро принят первый *Закон о борьбе с коррупцией*. Интересно, что уже на «подходе» этого Закона появляется указ президента с аналогичным названием. Он, конечно, не столько ставил задачи борьбы с этим всеобщим злом, сколько создавал видимость борьбы с коррупцией, задачу «перехвата» инициативы. Таким был стиль у президента. Конечно, принятие Закона — это всего лишь полдела, следовало его применять на практике — это была задача исполнительной власти. Но она вовсе не «торопилась» это делать. Хотя отмечу, что органы прокуратуры и МВД в период после принятия указанного Закона и вплоть до событий сентября — октября заметно усилили давление на коррупционеров.

Особое недовольство Кремля и правительства вызвало учреждение Верховным Советом института независимого прокурорского расследования фактов коррупции в верхних эшелонах исполнительной власти. Когда прокуроры и следователи специального прокурора Макарова (назначенного Верховным Советом) в процессе расследования крупных мошеннических операций осуществили многочасовой допрос первого заместителя главы правительства Владимира Шумейко, Михаила Полторанина и других министров — это недовольство переросло в сильнейшую панику. Соответственно, фактор страха и ненависти одновременно к законодателю стали сильнейшим мотивом поведенческих действий представителей высшей исполнительной власти. Единственное, что маниакально владело их умами — это поиск способов «разделаться» с источником их страха — Верховным законодателем. Что полезного для страны могли делать эти люди?

Их страшили, например, намеченные по плану работы Верховного Совета, грядущее изучение всего опыта по приватизации и ее результатов — она, как известно, осуществлялась с огромным числом нарушений положений законодательных актов, хотя и последние были далеко не совершенными. Но они были приняты по согласованию с правительством и подписаны президентом — соответственно, их следовало неукоснительно соблюдать, а не «обходить» через «указное право» или принятие неких «постановлений и распоряжений» «министерства приватизации» и прочих ведомств. Я неоднократно беседовал и с Ельциным, и с Гайдаром, и с Черномырдиным по этому вопросу, высказывался с трибуны Верховного Совета — о том, что *«приватизация, осуществленная в соответствии с любым актом непарламентского происхождения — может быть оспорена в будущем. Поскольку вопросы изменения формы собственности — это исключительное право парламента, такой подход утвердился в мире. Нарушение этого принципа может в будущем привести к общественным осложнениям и коллизиям права»*.

Встревоженный процессами криминализации административно-экономических решений должностных лиц, в том

числе в сфере крупных, стратегических решений, я решил поднять эту крайне «неприятную» проблему в беседе с президентом. Изложил некоторые факты, предоставленные соответствующими руководителями правоохранительных органов. Кстати, они могли быть затребованы и Ельциным, если бы он того захотел.

Профессор Гарвардского университета, один из советников российского правительства, Б. Джелич, в своей статье в газете «Либерасьон» писал следующее: *«Россия сейчас переживает «революцию приватизации», сопоставимую по масштабам с Октябрьской революцией...»* (26 июля 1993 г.). И эта «приватизационная революция» осуществлялась или вообще вне рамок Закона, или с его грубым нарушением.

Устранение из системы государства (общества) властного парламента создало не просто уникальную «коррупционную среду», но и обозначило вектор криминального развития государства, всех его органов (структур) власти. Это обозначило новый этап в развитии этих процессов, органически вплетающихся в ткань этих властных институтов. Коррупция и в целом криминализация государства приобрели огромный размах и силу. Все можно было купить — любую должность, любое предприятие, совершить любое преступление и остаться безнаказанным — при условии, что есть чем платить. Россия стала Клондайком для международных авантюристов, для которых открыты были все двери для делания «быстрых» денег в огромных масштабах. Она стала также «большой стиркой» — страной, с наиболее благоприятными условиями для «отмывания денег», приобретенных сомнительными операциями в разных концах света.

Российские нувориши, едва появившись на Западе, не способные к законной деятельности в условиях хорошо отлаженных правил рыночной экономики, немедленно попытались практиковать те же методы, которые сделали их супербогатыми людьми в России. И конечно же, так же немедленно попали в поле зрения правоохранительных органов. И, наконец, западные лидеры забили тревогу по поводу коррупции в России, которая стала угрожать уже их благополучию. В сентябре 1993 года Билл Клинтон в телефонном разговоре с Ельциным прямо сказал, что он обеспокоен

масштабами коррупции в России, и потребовал объяснить, почему Россия не принимает антикоррупционное законодательство и почему она не ратифицировала целый ряд международных Конвенций в этой сфере. Речь, в частности, идет о следующих международных актах: Европейская конвенция об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности (7 мая 1999), Европейская конвенция об экстрадиции (7 ноября 1996), Европейская конвенция о взаимной правовой помощи по уголовным делам (7 ноября 1996), Конвенция по борьбе с коррупцией (27 января 1999).

Судя по сообщениям печати, Клинтон подверг Ельцина «подробному допросу на тему коррупции в России». Эта проблема была центральной также в ходе визита в Москву первого заместителя государственного секретаря США Строуба Тэлботта, который назвал это российское явление «тотальной коррупцией». Он, в частности, заявил, что *«если эти процессы не взять под контроль, то под вопрос ставится не только жизнеспособность российской экономики, но и легитимность российской системы власти»*. (См.: Газета «Сегодня», 11 сентября 1999 г.)

Такое же мнение высказал глава банковского комитета Палаты представителей США Джим Лич, только в более конкретных выражениях: *«Преступные синдикаты контролируют 40% экономики России и, возможно, половину банковского капитала, хотя, по оценкам других источников, эти цифры еще больше. В России воровство превосходит инвестиции, порождая отрицательный рост экономики и разочарование в обществе»*. (Там же.) Ранее Лич внес инициативу проведения в конгрессе слушаний по коррупции в России с целью «заморозить» финансовую помощь, в том числе по линии МВФ и Мирового банка (после известного скандала, когда переведенные деньги в 5,3 млрд долларов, в качестве очередного транша МВФ в Россию, бесследно «растворились»; это произошло накануне «дефолта» 1998 года). Конгрессмен Лич тогда потребовал даже заблокировать счета российских компаний.

Такой была «картина» в стране в конце правления Ельцина, вскоре после того, как премьером стал Владимир

Путин. Забегая вперед, отметим, что по мнению целого ряда авторитетных экспертов по рассмотренной «теме» и специальных исследований, например фонда «Индем» (Г. Саттаров), за годы правления президента Путина коррупция в России возросла многократно и стала нормативным явлением на всех уровнях власти. Но корни этого явления были органически заложены ранее, до путинского прихода в Кремль.

Дворцовая интеллигенция

Своего рода теоретическим завершением конца либеральных ценностей в российском варианте явилось опубликование на третий день после «победы» ельцинистов в «Известиях» Голембиовского письма «властителей» духовности — более 40 писателей, поэтов, актеров, драматургов и иных деятелей культуры, ставших близкими и «родными» ельцинской шпане. Это письмо, как оказалось, направили еще раньше, чем Кремль совершил свое злодеяние. Среди них и такие знаменитые: Лихачев, Окуджава, Гранин, Дементьев, Астафьев, Ахмадулина, Нагибин ... По стилистике письмо напоминает письма «интеллигенции» в поддержку расстрелов Бухарина, Зиновьева и других — в 36—37 годах: *«Нам очень хотелось быть добрыми, великодушными, терпимыми... Хватит говорить! Пора научиться действовать. Эти тупые негодяи уважают только силу...»* Ну и дальше — «рекомендации» Ельцину, которые он исполнил: разгон Съезда народных депутатов, Верховного Совета и Конституционного суда, запрет СМИ — сторонников Закона, цензура, побоище на улицах Москвы, роспуск представительных органов власти по всей стране, сосредоточение всей полноты власти в руках «доброго царя Бориса» и др.

А их более открытые сторонники «царя Бориса» уже буквально копировали идеи и методы сталинского террора 30-х: *«Раздавить гадину!»* — такими лозунгами пестрели их плакаты над ликующими толпами сторонников Ельцина, похоронщиками либеральных ценностей в России. Но ни они, ни их тупоголовые лидеры, ни эти самые дворцовые писатели и поэты вместе с режиссерами, охотно позво-

лившие сделать из себя холуев-пустышек кремлевского чиновничества, тогда, видимо, даже не подозревали об этом. Однако для народа именно это событие — расстрел Парламентского дворца, пылающее здание Верховного Совета, расстреливающие мирных демонстрантов танки, орущие от восторга ельцинисты-неандертальцы — мощно запечатлено в сознании с либеральными ценностями: «Нет, никогда эти идеи не получат у него одобрение». Так и произошло, их приходится насаждать уже уловками и отказываться от их содержательной части — это и произошло, спустя 15 лет, когда даже сами эти «Гайдары» и «Чубайсы» стали на «патриотические» позиции. А Путин — тот вообще в полном объеме использовал аргументы сторонников Верховного Совета в критике ельцинского Кремля.

Вспоминается исторический эпизод при коронации Наполеона Бонапарта. Столкнувшись лицом к лицу в зале со старым республиканцем эпохи Робеспьера, Сен Жюста и Дантона, Наполеон спросил: *«Как вам, сударь, нравятся торжества?» — Очень хорошо, Ваше Величество! Жаль только 300 тысяч французов, которые погибли, чтобы сделать невозможными подобные торжества»*,— был ответ.

...Горько сознавать совершенную нелепость происходящего, когда даже относительно узкий слой просвещенных людей не понимают сути либеральных ценностей, сводя их к противоположному — наделению президента царскими полномочиями при отсутствии всякого противодействующего ему инструмента — парламента. Со времен Вольтера многие поколения самых талантливых, образованных людей, часто преследуемые властями, формировали основы либеральных доктрин, в основе которых права и свободы человека, которые обеспечиваются устройством государства. Соответственно, три власти — законодательная, исполнительная и судебная — действуют на равных друг с другом, подчиняясь Закону, устанавливаемому парламентом. Однако даже при такой системе власти граждане ***имеют право на выступление против власти с целью ее свержения, если она нарушает Закон или посягает на права Народа как Верховного Суверена...*** Мне предельно ясно, что отныне, после 3—4 октября 1993 года, величайшим идеям

либерализма в России нанесен смертельный удар. Ни один из будущих российских правителей, если только он рассчитывает на поддержку народа, далее не будет выступать с либеральных позиций — они убиты вместе с российской парламентарной демократией.

Кристофер — Ельцину: «Мы восхищены вашим мужеством!..»

Еще не успели власти в Москве убрать трупы невинно убиенных, расчистить от крови, грязи и баррикад улицы и площади, как президент Клинтон 5 октября направил своего госсекретаря Кристофера для поздравлений убийцы и предателя Ельцина. Он сказал: *«Мы восхищены вашим мужеством, господин президент! Вы отстояли демократию!»*

Политикан, восхищающийся главарем бандитской шайки, которая только что совершила массовые убийства, и кровь еще не высохла на останках невинных жертв. И все это — напоказ всему миру, по TV. Чему же удивляться, когда террористы атакуют «цивилизованные государства», если их возглавляют такие, с позволения сказать, «лидеры», абсолютно отвергающие мораль, честь, совесть, сострадание? Благодаря им, этим «лидерам», совершенно чуждым интересам народов, озабоченных лишь сохранением своей личной власти, впереди человечество ждут неисчислимые беды. Затем прибыл Тэлбот Строуб, заместитель Кристофера, «курирующий Россию» и фактический шеф министра иностранных дел Козырева. Худой, с неестественно длинной шеей и маленькой головкой, бесцветными глазами (признаки дегенерата), Кристофер шагнул вперед с протянутой для пожатия рукой и какой-то ужасной гримасой на лице (это он пытался улыбнуться!). «Примите поздравления от американского народа», — сказал этот прохвост Ельцину. Тот самодовольно строил гримасы — это у него улыбка такая.

Почему американский президент не запретил кровавую расправу злодея с Законодателем? Да по простой причи-

не — ему были глубоко чужды интересы и чаяния народов России. Ему был нужен «свой человек в Кремле». Другой президент США когда-то сказал о кровавом диктаторе Никарагуа: *«Сомоса, конечно, сукин сын, но он наш сукин сын»*. Очевидно, и Клинтон исходил из той же посылки: *«Ельцин, конечно, сукин сын, но он наш, американский, сукин сын»*. Собственно, так же рассуждали и другие «лидеры свободного мира» — Гельмут Коль, Миттеран, Мэйджор и прочие. А «лидеры» стран СНГ были просто напуганы, как пугается обычный обыватель. В их страхе проявилось их ничтожество, историческая игра случая, вознесшая их на незаслуженный пьедестал власти.

Ельцин, весь опухший, с маленькими глазками-щелками, напоминавший нечто среднее между крупным боровом и бегемотом, рявкнул в ответ: *«Я признателен президенту Клинтону! Моему другу, который поддержал нас в борьбе с подавлением мятежников, выступивших против моих демократических реформ. Позиция Америки вдохновила меня на борьбу до победного конца!..»* Слуга благодарил господина — что здесь комментировать. А «господин» благодарил слугу, будучи в полной уверенности, что отныне покоренная, подчиненная Россия будет находиться в надежных руках марионетки Ельцина, «победителя» российского парламента.

...На приеме в честь «гостя» все только и говорили о величии Ельцина, который окончательно «отправил в историю» остатки *«империи зла»*[1], расправившись со столь ненавистным Верховным Советом «навсегда» (то есть с парламентаризмом). «Гость», Кристофер, производил впечатление человека *«изменчивого Хамелеона»*, как писал о таких типах людей Платон, обещал «всяческую поддержку на пути продвижения демократических реформ президента Ельцина...».

---

[1] Понятие *«империя зла»* принадлежит великому физику Исааку Ньютону. Он связывал его с восшествием Антихриста, а этапами на этом пути являются: возвращение евреев в Палестину, переход Иерусалима под еврейский контроль и наконец само появление Антихриста. Евреи, вернувшиеся в Палестину, таким образом, по Ньютону, призваны запустить тот самый часовой механизм, который приведет мир к Армагеддону — восшествию Антихриста.

«Что было бы, если бы в 1993 году победил Хасбулатов?»

Этот вопрос постоянно, в течение многих лет после тех трагических событий, ставят лукавые политиканы и некоторые бездарные отечественные политологи (вчерашние «спецы» по «научному коммунизму», типа Ю. Данилова. — См.: Политический журнал, 21 мая 2007 г., с. 28). Уже в самом этом вопросе подразумевается нечто негативное. Почему? Разве я не показал на всем протяжении почти четырехлетнего своего пребывания у власти в Российской Федерации **все** необходимые качества государственного деятеля? Разве общество не убеждалось (и неоднократно!) в моем профессиональном и интеллектуальном превосходстве над «людьми Ельцина»? Разве я не показал, что являюсь твердым приверженцем укрепления российского государства, реформатором — сторонником «мягкого» развития российского капитализма, когда реформы должны были бы стать благом для народа, а не средством его подчинения нуворишам-мошенникам? Разве было не ясно, что я не допущу растаскивания колоссальной государственной собственности, накопленной многими поколениями людей? И разумеется, я не допустил бы никаких войн на Северном Кавказе, обуздал бы преступность в зародыше, общество чувствовало бы себя уверенно. Разве не Верховный Совет сыграл выдающуюся роль в истории новейшей России, показав гибельность пути, избранного Ельциным для ее развития? И кто знает, что стало бы со страной, если бы не та моя решительная позиция на пути гибельных политических и экономических реформ? Вспомните его слова: «Глотайте суверенитета столько, сколько проглотите», обращенные к российским автономиям.

У меня достаточно оснований полагать, что деятельность ельцинистов сразу же после подавления августовского путча привела бы к распаду уже самой России (на 15—20 «самостоятельных» квазигосударств, о чем они открыто писали в печати в тот период). Поэтому их «победа» стала пирровой победой, ельцинисты оказались сильнейшим образом дискредитированы в мнении народа, их режим («либеральная

тирания») был слаб и неустойчив, держался исключительно на традиционной лояльности народа к Власти. Поэтому они не решились расчленить страну... Если вести речь конкретно, то я предполагал следующий практический сценарий развития события — после подавления нами ельцинского путча.

• Восторжествовал бы Закон, государство стало бы действовать не хаотически, разрушая самое себя, экономику, социальные структуры, а как упорядоченная Система власти, организатор крупных прогрессивных перемен.

• Реформы приобрели бы совершенно определенный, предельно открытый характер, через общественные дискуссии и учет народного мнения. Социальная ориентация эволюции государства стала бы реальностью.

• Для этого было бы сформировано Правительство национального согласия, как это было рекомендовано «круглым столом» в июле 1993 года (когда был достигнут компромисс между парламентом и правительством по экономической реформе). Премьером правительства был бы назначен известный ученый и организатор, знаменитый Святослав Федоров. Российский капитализм стал бы изначально развиваться не как мошенническое порождение порочной ельцинской власти с его органическими (врожденными) изъянами, а на своей естественной основе — развитие через конкуренцию, предоставляя обществу товары и услуги. Экономический рост в стране начался бы уже в 1994 году — началось-бы улучшение материального и социального положения народа.

• Президентом через 3 месяца (как того требовала Конституция), «после моей победы», был бы избран, скорее всего, Валерий Зорькин (в Верховном Совете мало кто всерьез рассматривал на этом посту Руцкого).

• С учетом негативного опыта президентства усилилось бы парламентское начало в системе государства (это было бы закреплено в новой Конституции). Значительно расширились бы полномочия федерального правительства, полностью было бы исключено дублирование исполнительных властей (президент, его администрация, правительство).

Отмечу следующее: российскому народу всячески навязывается мнение, что для «России нужна сильная исполнительная власть и прежде всего президентская власть». Это — ничем не обоснованное, голословное утверждение. При этом искусственно выпячивается идея, что парламент может быть только с пороками, а президент — носитель всех мыслимых и немыслимых добродетелей. Любому государству нужна сильная и эффективная власть — и исполнительная, и законодательная. А для страны, с ее извечными правителями-самодурами — наиболее приемлемой и адекватной явилась бы парламентская республика: с сильным парламентом и сильным правительством — это и является центральным свойством всех современных демократий.

Амнистия

...В декабре 1993 года ельцинисты проводят референдум, призванный одобрить ельцинский проект конституции, одновременно избирается весь состав двухпалатного парламента. Объявляются результаты — «конституция принята», а с выборами в Государственную думу «вышла конфузия» — здесь Кремль начисто проиграл, большинство — «левые», коммунисты Зюганова, ЛДПР Жириновского, а также «яблочники» Явлинского. Все они вели свои избирательные кампании под лозунгами «Наказать виновников расстрела Верховного Совета!» В такой обстановке все внимание ельцинистов было сосредоточено на «протаскивание» их конституции, и они утеряли «контроль» над процессом выборов в думу, и проиграли.

Но левое парламентское большинство оказалось аморфным, быстро заняло соглашательские позиции. Главой думы был избран Иван Рыбкин, возглавлявший Фракцию коммунистов в Верховном Совете (видимо, эту фракцию имели в виду ельцинисты в 1993 году, раздувая опасность прихода к власти «красно-коричневых»! — Не смешно ли?). Рыбкин последовательно проводил курс Кремля в Государственной думе и всячески уходил от решения вопроса о создании парламентской комиссии по расследованию событий сентяб-

ря — октября 1993 года. И лишь 16 февраля 1994 года, под мощным давлением общества, такое решение было принято Государственной думой.

Испуганный таким решением Кремль предложил «компромисс» — Дума отменяет решение об этой комиссии, а Кремль соглашается на амнистию Хасбулатова и его соратников, а также находившихся в заключении «августовских заговорщиков» (ГКЧП-1), судьба которых партии Зюганова, конечно же, была более дорога, чем судьба расстрелянного Верховного Совета, его председателя и других защитников конституционного строя России. И вот этот «компромисс» («похабный!») достигнут.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ ФЕДЕРАЛЬНОГО СОБРАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

О признании утратившим силу постановления Государственной думы

В связи с принятием Меморандума о согласии и постановления Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации «Об объявлении политической и экономической амнистии» Государственная дума Федерального собрания Российской Федерации **постановляет:**

Признать утратившим силу постановления Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации от 16 февраля 1994 года «Об утверждении состава комиссии по расследованию событий 21 сентября — 4 октября 1993 года».

Председатель Государственной думы
Федерального Собрания
Российской Федерации
И.П.Рыбкин

Москва
23 февраля 1994 года
№ 66 — I ГД

Через два дня, 25 февраля, меня из моей камеры 13, как обычно, в сопровождении надзирателей, препровождают в кабинет начальника тюрьмы. Там заместитель Генерального прокурора «поясняет», что, для того чтобы меня выпустили на свободу в соответствии с актом амнистии, мне необходимо признать себя виновным в предъявленных мне ранее обвинениях.

Я взрываюсь: «Вы что, с ума сошли? Какие еще «признания»?» Растерянность на лицах, спрашивают: «Как же нам быть? Ведь существует порядок — надо признать себя виновным, иначе «не выпустят!»

Подсказываю: «Давайте бумагу, я знаю как «вам быть!». Пишу: **«Виновным Не признаю, с амнистией — согласен!»** Пришлось им согласиться с такой моей резолюцией...

Радости при выходе из заключения не было. Понимал очень ясно, что жизнь сломана. Но надо было жить, меня ждала моя престарелая матушка — нана, так много перенесшая горя за свою жизнь, дети, самые близкие для меня люди — братья, сестры, наша большая семья, родственники... Так я оказался на свободе, после почти пятимесячного пребывания в заключении в Лефортово. Вернулся в свой институт (Экономическую академию имени Плеханова) руководителем кафедры мировой экономики, основанной мной еще в 1981 году. Но свобода эта со времени термидорианского переворота для меня достаточно иллюзорная, поскольку оказался в тисках жесткой политической изоляции. Я, как человек деятельный, склонен не только к академической науке, но и к активной общественно-политической деятельности, а эту возможность у меня отняли как ельцинские, так и постельцинские власти. Свою карьеру я строил целенаправленно четверть века, осваивая науку большой политики и сложные кремлевско-московские коридоры власти, и роль политического изгоя порой невыносима. Жесткое подчинение воли единственной возможности реализации — занятиям экономической наукой, не спасают разум от утерянной возможности делать что-либо полезное для общества. Соз-

дается впечатление, что власти (даже после Ельцина) опасаются меня, как тени короля в «Гамлете» Шекспира.

Дело чести российских историков исследовать политическую историю падения СССР и дать правдивый фундаментальный анализ всей эпохи ельцинизма. Кляня предыдущие поколения за «извращение истории», современная политика при молчании историков делает все, для того чтобы исказить недавнее прошлое, умолчать одни факты, а из ничтожных событий выводить какие-то «судьбоносные» векторы развития. И самое нетерпимое — она возводит ложных идолов на исторический пьедестал почета. Наполеону принадлежит мысль: *«История — это ложь по договоренности, выдаваемая за правду»*. Следует наконец отказаться от «лжи по договоренности».

Эпилог

Некоторые итоги ельцинского переворота

1. Цели контрреволюции (кремлевских заговорщиков-предателей):

— проведение экономической политики в соответствии с положениями «Вашингтонского консенсуса», направленного против интересов всего общества;

— установление авторитарной президентской власти;

— создание конституции, в соответствии с которой вся полнота власти переходит к президенту и назначаемым им лицам;

— формирование парламента, который имел бы меньше прав и полномочий, чем даже по сталинской Конституции;

— устранение любой формы контроля будущего парламента над деятельностью президента и правительства;

— устранение возможностей формирования сильных независимых партий, подчинение судейского сообщества исполнительной власти, превращение прокуратуры и других правоохранительных и специальных органов в чиновников, обслуживающих интересы президентско-правительственной власти;

— раздача громадной по объему государственной собственности «избранным лицам» — родственникам, приятелям и прочим «своим» людям;

— установление отношений младшего партнера (в лучшем случае) с США и Германией за их поддержку в осуществлении государственного переворота.

2. Цели Верховного Законодателя:

— Разработка и проведение экономической политики, направленной на бесконфликтную трансформацию социализма в «мягкий» вариант капитализма с человеческим ли-

цом (отказ в принятии программы на базе «Вашингтонского консенсуса»).

— Сохранение парламентской демократии, усиление позиций парламента в области контрольной деятельности в сфере государственного бюджета.

— Усиление институтов гражданского общества, стимулирование формирования сильных партий, в том числе оппозиционных, способных бороться за власть на действующих конституционных принципах.

— Формирование правительства исключительно через парламент.

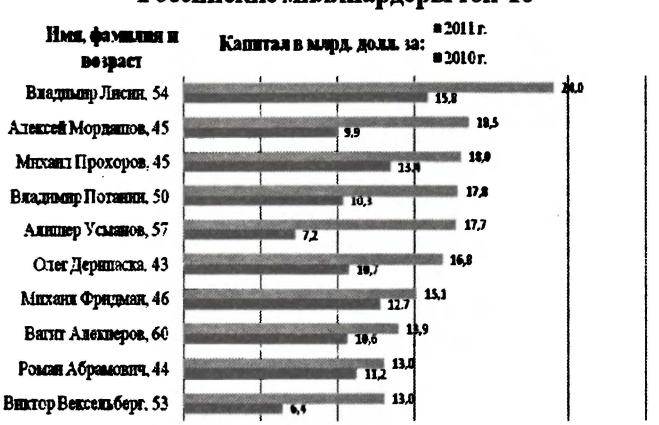
— Укрепление системы независимых судов и правоохранительных органов государства.

— Недопущение ни одного эпизода приватизации через исполнительные акты президента и правительства, тем более через «ведомство Чубайса», выходящие за пределы программы, разработанной правительством и утвержденной парламентом.

— Обеспечение участия коллективов предприятий в приватизации, стимулирование развития корпоративного движения, формирование народных предприятий; сохранение сильной социальной политики, развитие науки, бесплатного образования и здравоохранения (в этих областях никаких форм приватизации не должно быть принципиально).

— Полное изменение оснований экономической политики, в частности отказ от принципов «Вашингтонского консенсуса», навязанного Ельцину-Гайдару-Черномырдину МВФ и «специалистами» из США, обеспечение перехода на основы экономической политики социального государства, в соответствии с Декларацией по экономической реформе, подготовленной как итог деятельности «круглого стола» в июле 1993 года.

Вот что было главным в расхождении наших позиций. Ельцинисты победили, прошло много лет, рассмотрим итоги этой победы всего лишь в одном аспекте — с точки зрения того, что приобрели граждане России, кто выиграл от этой «победы», а кто проиграл. Это нетрудно сделать, стоит лишь ознакомиться с публикациями Forbes и заметками аналитиков по списку самых богатых людей страны за 2010 год. Самая «богатая» десятка фамилий (см. ниже).



По данным «Форбс», в России в 2010 г. зарегистрирован 101 миллиардер. Интересно, что именно в нашей стране получили «прописку» больше всего нуворишей, попавших в «клуб миллиардеров», и большинство из них проживает в Москве. Олигархи в России множатся ускоренно — в 2009 году в общемировом списке миллиардеров их было 32 человека, в прошлогоднем рейтинге — 62, а в этом, 2011 году — уже 101 (чуть более 100 мультимиллионеров остались за пределами списка — они несколько не «дотянули» до миллиарда долларов). Причем за последние 2 года состояние многих из них выросло почти в три раза. И это в то время, когда экономика страны двигалась по наклонной вниз, а жизнь большинства граждан ухудшалась.

Парадокс?! — Никакого парадокса! — За такое распределение богатств страны Ельцин и его команда расстреливали Парламентский дворец, этот оплот новой российской демократии. А между тем средняя зарплата граждан страны, даже по официальным данным (а они, по оценкам многих экспертов, завышены), стала больше лишь на 15%. И этот рост «съедается» инфляцией, ростом цен, платежами в ЖКХ, удорожанием лекарств и т.д. «С заработка каждого

обычного гражданина в бюджет страны идет 47%. А олигарх, доход которого в основном растет от ценных бумаг, платит с него лишь 9%, — поясняет Алексей Шевяков, директор Института социально-экономических проблем народонаселения (См.: АиФ, № 14, 2011 г.). — А если учесть, что до 90% крупных предприятий страны зарегистрированы в офшорных зонах, то получается, что страна, в которой они заработали свои деньги, практически никакой пользы от их деятельности не получает».

Каковы источники богатства отечественных миллиардеров?

В мировом рейтинге лидирующие позиции занимают те, кто сделал капитал источником интеллектуальных, технологических прорывов, к примеру талантливые программисты (типа Билла Гейтса); финансист Уоррен Баффетт и др. Кстати, Билл Гейтс направил треть своего состояния (25 млрд долл.) на благотворительность, из-за чего спустился с 1-го места рейтинга на 2-е; 20 млрд долл. на благотворительность также направил Баффетт, многие другие богатые американцы также последовали их примеру. Среди них есть те, кто продает одежду, открывает торговые центры с дешевыми товарами для бедных. Причем эти и другие самые успешные иностранные «олигархи» гораздо старше 50 лет, как отмечает Ек. Донских. Самый богатый человек в мире — мексиканец Карлос Слим, 71 год, владеет коммуникационными компаниями. Он умеет не только делать успешный бизнес, но вкладывает крупные средства в развитие национального образования и социальной сферы в Мексике.

Среди отечественных нуворишей редко встретишь человека за 50 лет, а зарабатывают они в основном на эксплуатации природных богатств страны — здесь особого ума не надо: дорожают нефть, металлы, газ, а налоги низкие — вот и становятся эти алчные люди богатыми. «Они очень удачно «присосались» к тому, что раньше принадлежало государству и приносило доход всем его жителям. Государственные деятели, в руках которых находятся деньги всей страны, могли бы изменить ситуацию, но они слишком тесно связаны с олигархатом и не стремятся изменить этот пороч-

ный порядок» — вот распространенное мнение среди всех экспертов относительно этого совершенно ненормального порядка вещей в стране. В развитых странах мира, как правило, действует дифференцированная шкала налоговой системы по принципу «богатый платит больше налогов». Этот принцип играет важную перераспределительную функцию, сглаживая социальное расслоение. В России «плоская шкала» в интересах супербогатых, когда все платят 13% от дохода. В целом, как считают аналитики, в России более 85% всего бизнеса страны сконцентрировано под контролем олигархата. В результате 1% населения владеет более чем 80% всего экономического богатства страны.

Состояние всех тех, кто в 2010 году вошел в список миллиардеров России, — почти 450 млрд долл. — более 30% от всего ВВП, произведенного в России (1,4 трлн долл.). Ясно и то, что такая огромная концентрация богатства позволяет им контролировать политику страны. При этом, буквально высасывая деньги из страны, из ее недр, из трудящихся, олигархат меньше всего размышляет о судьбах отечества, его экономике. Предприятия не модернизируют, своим рабочим платят мизерные зарплаты...

Но и это еще далеко не все: экономист Никита Кричевский раскрывает «механику» серьезной угрозы для общества, для страны, сложившейся в результате такой порочной концентрации богатства в руках ограниченного круга лиц, только лишь в силу того, что они «близки» высоким чиновникам.

Так, аналитик поднимает вопрос, связанный с террористическим актом в аэропорту «Домодедово» (январь 2011 г.), унесшим жизни десятков людей: кто должен обеспечить безопасность миллионов пассажиров — государство или частные собственники? Суть в том, что обнаружить владельцев «Домодедово» оказалось делом непростым. Этот аэропорт принадлежит группе компаний «ИстЛайн», которой, в свою очередь, владеет офшорная «FML Limited» с острова Мэн. А ее учредители — два жителя этого острова, простые адвокаты Ш. Кайрнс (36,3% акций) и Дж. Петерс (63,7%). Вот кто отвечает за безопасность крупнейшего в

стране аэропорта! Далее, капитал «FML Limited» составляет всего 3530 долл., или 100 тыс. руб., то есть годовую пенсию среднестатистического российского пенсионера! И вот этот «авиамонстр» весной 2011 года собирался выпускать свои ценные бумаги, 20% которых хотел продать за 1 млрд долл. или даже больше! Следовательно, «обокрав» российских акционеров, полученные миллиарды планировали снова вывезти за рубеж? Ясно, что «адвокаты» не планировали вложить полученные ресурсы в безопасность пассажиров, модернизацию парка самолетов.

Еще не стерлись в памяти взрывы на угольной шахте «Распадская» — напомним, тогда, в мае 2010 года, погибли почти сто человек. И снова, кроме «стрелочников», спросить не с кого. Шахта на 80% принадлежит кипрской «Corber Enterprises Limited», учрежденной двумя другими кипрскими «компашками» — «Mastercroft M. L.» и «Adroliv I. L.». И только за ними, через несколько прочих подставных фирмешек, маячит фигура молчаливого хитрована Р. Абрамовича. Офшоры, как знают специалисты, незаменимы при экспорте продукции — продал, например, уголь через подконтрольную компанию, оставил часть выручки себе, а потом предоставил российскому предприятию ссуду — его же деньгами. Скорее всего, именно так поступили собственники «Распадской», когда ирландская фирма с удивительно похожим названием «Raspadskaya S. L.» выдала многострадальной шахте заем на 300 млн долл. под проценты, в 2 раза превышающие обычные, которые и отрабатывают кузбасские горняки-труженики. Переговоры о приобретении «Распадской» ведет «Мечел» И. Зюзина (это к нему в 2008 г. премьер В. Путин грозил прислать «доктора», но вскоре сменил гнев на милость. С чего бы?). Контрольный пакет этого металлургического гиганта принадлежит четырем опять-таки кипрским фирмочкам. Видимо, когда Абрамович с Зюзиным договорятся, а речь идет о сумме в 6 млрд долл., деньги нужно будет перевести всего лишь на соседнюю кипрскую улицу. Ясно и то, что бюджет РФ с этого не получит ни копейки, и граждане страны — тем более. Вот почему в стране с огромными возможностями нищее насе-

ление, наука и образование в упадке, 70% граждан едва сводят концы с концами. А еще налоги душат, платежи по ЖКХ растут ежемесячно.

Традиция выжимать все соки из собственных предприятий всегда была сверхпопулярна среди российских «капитанов бизнеса». Вот есть крупнейший Красноярский алюминиевый завод; его собственник «Русал» (О.Дерипаска), зарегистрированная фирма на офшорном острове Джерси, 31 декабря кризисного 2008 года решила выплатить почти 9 млрд руб. дивидендов — 103% чистой прибыли предприятия за год собственнику — то есть себе, Дерипаске. Дерипаска, судя по сведениям СМИ, буквально присосался ко многим регионам страны, отсюда ежемесячно перечисляется структурам, например «Иркутскэнерго» через «Иркутскэнергосбыт» (ИЭ), плата за постоянно дорожающую электроэнергию. Фирма, само «Иркутскэнерго», на 51% принадлежит ОАО «ЕвроСибЭнерго». Им, в свою очередь (на 83,9%), владеет кипрский «Eurosibenergo Plc». Всего лишь по итогам трех кварталов 2010 года затраты ИЭ при производстве электроэнергии выросли на 80,4% — это при том, что львиную долю этой энергии вырабатывают гидростанции. Вот и задается вопросом аналитик: неужели вода в реке так подорожала? Или, чуя, что время наживы подходит к концу, стараются урвать побояьше?

В офшорах пришвартовалось абсолютное большинство крупнейших продовольственных компаний. Крупная сеть, подконтрольная семье депутата Госдумы, на 74,8% принадлежит кипрской «Pakwa I. L.». Рыбный проект его коллеги по парламенту «Русское море» на 61,4% оформлен на кипрскую «Corsico L.». Контрольный пакет акций (61,1%) сетевого торговца «Дикси» — в руках кипрской «Dixy H.L.». Какая здесь продовольственная безопасность страны?!

Вернуть отечественные предприятия в юрисдикцию РФ несложно: нужен закон, справедливо отмечает Кричевский, по которому любое юридическое лицо с активами свыше 100 млн руб. должно принадлежать исключительно

российским организациям и гражданам. Если у вас совместное предприятие — извольте раскрыть хозяев вашего иностранного (офшорного) партнера. И уже с 2012 года обязать любой российский филиал офшорной компании публиковать информацию о выгодополучателях, а все операции с офшорами поставить под жесткий контроль Росфинмониторинга.

Все российские компании и банки, записанные на офшоры, перечислить вряд ли возможно, но в целом до 92% негосударственного сектора экономики числится именно там и принадлежит — вдумайтесь — менее 1% населения РФ! Как экономика страны держится на плаву? Во-первых, только благодаря тому, что порядка 50% ее общего объема еще находится в руках государства, хотя доходы она не приносит. В то же время фактические хозяева крупнейших частных компаний — это федеральные чиновники, включая представителей силовых ведомств. Следовательно, о конкуренции речи быть не может. (См.: Аргументы и факты, № 14, 2011 г.) Во-вторых, постоянные провалы экономической политики буквально «затыкаются» крупными вливаниями финансовых ресурсов, которые находятся в распоряжении правительства, благодаря притоку «нефтяных» доходов.

Говорят, что президент поручил разработать закон о регулировании деятельности российских предприятий в офшорных зонах. Такой закон следовало принять еще лет 15 назад. Но будет ли это достаточной мерой, чтобы богатство страны не контролировалось менее чем 1% населения? Конечно, нет.

Надо создать целый свод законодательства, в том числе и налоговое, чтобы в стране вообще не было миллиардеров. Надо создать такую нравственно-правовую обстановку, чтобы и государство, и общество с презрением относились к этим миллиардерам — высасывающим все жизненные силы из народа, живущего в очень тяжелых условиях, неадекватных реальному производственно-экономическому положению России. Они, эти миллиардеры, не заработали

своим умом и своим трудом свои состояния. Они фактически совершают узаконенные мошеннические операции. А корни этого — в сентябрьско-октябрьском (1993 г.) государственном перевороте и утвержденном (тоже незаконно) политическом и экономическом порядке, угнетающем все общество.

Оглавление

Книга 1

РЕФОРМЫ (КОНТРРЕФОРМЫ) — ДЕИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ, ИЛИ БОЛЬШОЙ ХАОС

ВВЕДЕНИЕ 7

Глава 1. РАЗРУШЕНИЕ БЕЗ СОЗИДАНИЯ 16

Глава 2. 1993 ГОД: ОТ СОТРУДНИЧЕСТВА К КОНФЛИКТНОСТИ 116

Книга 2

УБИЙСТВО ПАРЛАМЕНТАРНОЙ ДЕМОКРАТИИ

Глава 1. МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЗАГОВОР: ПРИЧИНЫ И ОРГАНИЗАТОРЫ 209

Глава 2. ЗАГОВОР И МЯТЕЖ 245

Глава 3. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА 287

Глава 4. ОБМАНУТАЯ НАДЕЖДА 337

Глава 5. ЛИКУЮЩИЙ ХАМ — РАЗЛОЖЕНИЕ ГОСУДАРСТВА 368

ЭПИЛОГ 402

Научно-популярное издание

ГЛАВНЫЙ СВИДЕТЕЛЬ. СЕНСАЦИОННЫЕ МЕМУАРЫ

Хасбулатов Руслан Имранович

ПРЕСТУПНЫЙ РЕЖИМ
«Либеральная тирания» Ельцина

Издано в авторской редакции
Ответственный редактор *Д. Галкина*
Художественный редактор *С. Курбатов*
Технический редактор *В. Кулагина*
Компьютерная верстка *Г. Ражикова*
Корректор *Е. Чеплакова*

ООО «Яуза-пресс»
109439, Москва, Волгоградский пр-т, д. 120, корп. 2.
Тел.: (495) 745-58-23, факс: 411-68-86-2253.

Подписано в печать 04.08.2011.
Формат 84×108 $^{1}/_{32}$. Гарнитура «Петербург».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 21,84.
Тираж 6 000 экз. Заказ 6288.
Отпечатано с электронных носителей издательства.
ОАО "Тверской полиграфический комбинат». 170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.
Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34, Телефон/факс (4822)44-42-15
Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru

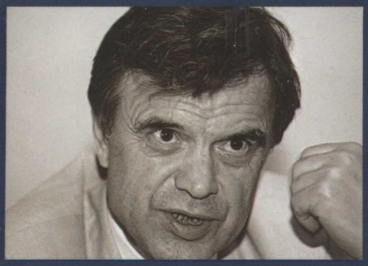
ISBN 978-5-9955-0304-0

В серии
Главный свидетель.
Сенсационные мемуары

Р. И. Хасбулатов
Полураспад СССР.
Как развалили сверхдержаву

«Великая геополитическая катастрофа» — эта книга подтверждает правоту слов президента Путина о гибели СССР как о страшной трагедии, обернувшейся колоссальными людскими и экономическими потерями. Однако, проклиная горбачевскую «эпоху перемен», мы не всегда отдаем себе отчет, что события тогда пошли еще не по самому худшему из возможных сценариев – 20 лет назад нельзя было исключить ни полномасштабной гражданской войны, ни даже ядерного апокалипсиса. В реальности же произошел не полный крах, а ПОЛУ-РАСПАД Советского Союза — ценой неимоверных усилий и огромных жертв удалось спасти хотя бы Российскую Федерацию. Благодаря кому мы удержались на краю и не погибли под обломками рухнувшей сверхдержавы? Почему вслед за агонией СССР та же участь не постигла и Россию? Как из пепла Советского Союза начало возрождаться Российское государство?

Будучи не просто свидетелем, а одним из главных участников событий, Руслан Хасбулатов рассказывает об увиденном и пережитом предельно откровенно, не обходя молчанием даже самые острые моменты, не замалчивая ни собственных ошибок, ни имен главных виновников и заказчиков Великой Геополитической Катастрофы. От начала «перестройки» до самоубийственного «парада суверенитетов», от преступного заговора КГБ, организовавшего государственный переворот, до провала мятежа ГКЧП, от Беловежского мошенничества до «роспуска» СССР — эти мемуары позволяют заглянуть за кулисы большой политики, проливая свет на самые темные страницы новейшей истории.

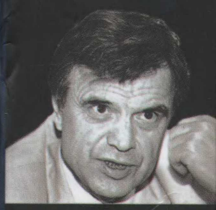


Эта книга – больше, чем простые мемуары очевидца трагедии 1991–1993 гг. Будучи не рядовым свидетелем, а одним из главных участников событий, не только политиком, но и ученым-экономистом с мировым именем, Р.И. Хасбулатов раскрывает тайные механизмы катастрофы, вынося приговор преступному ельцинскому режиму, выводя на чистую воду его зарубежных кукловодов и разоблачая международный заговор по развалу СССР и России. Ведь вслед за убийством Советского Союза та же участь должна была постигнуть и Российскую Федерацию – и лишь благодаря героическому сопротивлению защитников Верховного Совета, тысячи из которых заплатили за свой подвиг жизнью, удалось спасти страну от окончательного краха.

Вся правда о воровской «приватизации» и американских миллиардах Чубайса, о заказчиках ельцинского мятежа против законной власти и преступном сговоре «царя Бориса» с «шакалом в волчьей шкуре» Дудаевым, о расправе карателей над мирными демонстрантами в «Останкино», беспощадном расстреле Белого Дома, массовых убийствах в ночь после разгрома Верховного Совета и подлинных масштабах ельцинского террора! Анализируя причины гибели российской демократии и становления «либеральной тирании», эта сенсационная книга отвечает на главные вопросы истории: почему эпоха великих надежд обернулась всенародным разочарованием и кровавой бойней? Сколько жизней на самом деле погубили «либеральные» палачи в октябре 1993-го? И что, если бы в этой схватке за будущее России победил не Ельцин, а Хасбулатов?

ISBN 978-5-9955-0304-0
ЯУЗА

ПРЕСТУПНЫЙ РЕЖИМ
«ЛИБЕРАЛЬНАЯ ТИРАНИЯ» ЕЛЬЦИНА



РУСЛАН ХАСБУЛАТОВ